Ю.М. ОСИПОВ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ:

из века двадцатого в век двадцать первый

1990-2023

ТОМ 03

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Лаборатория философии хозяйства
экономического факультета МГУ
Академия философии хозяйства

Ю. М. ОСИПОВ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ:

из века двадцатого в век двадцать первый.

1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 03

Москва – Тамбов
2024

УДК 33
ББК 65.01
О-74

Рецензенты:
д.э.н., профессор **М. М. Гузев;**
д.э.н., профессор **В. В. Смагина**

Осипов, Ю. М.
О-74 Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990–2023 : избранные тексты, включая и остросюжетные : в 3 т. / Ю. М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова [и др.]. – М.; Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2024.

ISBN 978-5-00078-821-9

Т. 3. – 2024. – 308 с.
ISBN 978-5-00078-833-2

Как бы ни называлась за более тысячелетнюю историю Россия – Росью, Русью, Московским царством, Российской империей, СССР, Российской Федерацией – она всегда была и остаётся Россией, даже в моменты и целые эпохи своего извне и изнутри отрицания, всегда непременно возрождаясь как именно Россия, а точнее бы сказать – как Русь, что имеет место, увы, как раз то и другое, и ныне, уже на рубеже XX и XIX вв.

В трёх публикуемых томах собраны тексты, как оказалось, вовсе и не все из ранее опубликованных автором, непосредственно относящиеся к нынешней, рубежа XX и XIX вв., России, переживаемому ею и её народом драматическому, достойному непременного освещения, осмысления и памятливого восприятия, перестроечному периоду.

Автор публикуемых текстов вовсе не сторонний свидетель застигнувших его Родину больших исторических перемен, он вполне себе нетривиальный участник сопровождавшей сии судьбоносные перемены идейно-концептуальной борьбы, находясь в целом на оппозиционной относительно осуществлявшегося властями прозападного перестроечного мейнстрима стороне, так что ему достаточно известна действительная цена здесь текстуально представленного, как и он хорошо знает, о чём продолжает говорить, отчего читать сие многомерное, в чём-то и летописное, произведение стоит, при этом явно ни в чём не прогадав!

Для всех, кто стремится не просто жить, а жить с пониманием вокруг происходящего, в особенности в родной для себя стране – России!

УДК 33
ББК 65.01

ISBN 978-5-00078-833-2 (т. 3)
ISBN 978-5-00078-821-9

© Осипов Ю. М., 2024
© Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2024

ИНОЕ

ДРУГИЕ РУССКИЕ

Изрядно надоели разговоры об идентификации русских: кто угодно бытует на свете — и обо всех самое благодостойное мнение — кроме русских, которые вроде бы есть (никак не смыть это имя с картины истории и Земли) и которых вроде бы нет (очень многим хочется, чтобы этого имени не было). И пишутся тома, что русские-де это не нация, не национальность даже, не народ, а так: кто-то, когда-то назвал какое-то, неизвестно откуда взявшееся, смешанное население азийской Европы, а затем и европейской Азии, русскими — так вот и получилось неизвестно что, где русским оказывается и швед, и татарин, и еврей, и турок, и финн, и угро-финн, в общем, бог знает кто?

И каково же это слышать человеку, родившемуся и выросшему в русской семье, в среде русских людей, среди родственников, говорящему на родном ему русском языке, читающему по-русски родную ему литературу, ходящему по родной русской земле, возделывающему эту самую родную землю, бытующему среди русской природы, русской зимы, как и вполне русской темени, но ведь и русского лета, света и русского солнца? Каково слышать такому человеку, что слово «русский» всего лишь неопределенно собирательное, что это какое-то имя прилагательное, разумеется, неизвестно к чему, как будто то же слово француз — francais, пишущееся как и соответствующее ему прилагательное — francais — французский, вовсе не собирательное имя, к тому же и никакое не прилагательное, а самое что ни на есть имя существительное?

Так вот, русский есть русский — и не более того, и совершенно безразлично, как обзывается кем-то весь русский люд — нацией, национальностью, населением, «биомассой», наконец, этносом или даже суперэтносом. Это науке да юриспруденции хочется все квалифицировать и классифицировать — и если кто в выдуманную ими матрицу не попадает, то уж горе тому: нет та кой нации, такой национальности, такого этноса или такого суперэтноса. Хоть и предки есть — прямо и по крови, хоть и язык родной есть — прямо от этих же предков, хоть и земля родная есть — тоже прямо и тоже от предков и тоже, что самое невероятное, от родных именно предков.

Каждый народ, в общем-то, сам себя осознает и определяет, давая себе или даже принимая от кого-то свое имя. А имя народа, пардон — это

совсем не безделица какая-нибудь, не воздушный шарик, а словесный исторический факт: и не так уж важно, откуда само слово вдруг является — русский (росский), а мы все русские (русы, россы) — вот, собственно, и все!

Хуже всего у нас, русских, с прошлым, предками и преданиями: что факт, то факт! Причины тут разные: и нестабильность жизни, и миграции массовые, и войны постоянные, и пожары почти что непрерывные, и длительное бесправие большинства, и идейные преследования, и сиротство окаянное, и безотцовщина мерзкая, и элементарная забывчивость, и подлое отсутствие всякого интереса к прошлому, как, собственно, и к настоящему с будущим. Кто у нас вокруг, в самом деле, и от кого мы? Знаем лишь, что русские и от русских, хотя бы от тех же русских родителей своих, а многие у нас и деда своего знают, и бабку, кое-кто и о пращурах иных кое-что доброе слышал. Согласен, мало знаем, плохо знаем, иной раз и ничего не знаем, но ведь все равно русские мы, как и я ведь все равно русский.

Разумеется, все мы, и я в том числе, — какая-то кровная смесь: ничего в этом ни странного, ни необычного, ни зазорного нет. И не все у нас только по предкам русские, не все по одной только земле русские, но все более или менее по языку уж русские — да не просто по-особенному и общему для всех русских языку, а по родному для всех нас языку. Язык — он же и народ, а народ, на земле языка этого народившийся, — язык — разве ж есть тут иные варианты?

Язык — не средство только межлюдского общения, как и далеко не только знаково-смысловая система, даже и не одно лишь средство познания, — это особого рода идеальный мир, в котором как отраженный в словах несловесный мир, так и собственное в тех же словах словесное бытие. В языке ведь все накопленное языком знание, как и знание, постоянно в языке рождающееся. Язык ведь не только не алфавит, что понятно, но и не сам лишь по себе набор используемых слов. Язык — ближайшая к уму и сердцу человеческому культура, если не сам по себе состав человеческого сознания. Язык — шифр к миру, к человеку, к слову вообще, к сознанию, к знанию, к самому себе.

Мне кажется, что между французским ciel (сьель) и русским небо, как и французским terre (терр) и русским земля, большая, как говорится, разница, улавливаемая лишь коренными носителями языков и его постоянными — на родной земле — пользователями. Французу слышится, наверное, что-то нежно-воздушное, прямо-таки женское, в этом ciel, хотя

это слово и мужского рода, и твердо-каменное в terre, несмотря на женский род его, что вроде бы вполне соответствует видимой французом реальности, а вот русскому чуется в русских словах-аналогах что-то иное: пластичное и в то же время твердое в небе (мужское) и тоже пластичное, но при этом и нежное в земле (женское).

Выходит, что слова все-таки не просто знаки, как и не просто обозначенные смыслы, но и смыслы смыслов, причем разные в чем-то смыслы смыслов. Язык — сам себе знание, наука и философия, еще и смысловая сокровищница, сам себе он и сознание. Язык, конечно же, вполне человечен, ибо присущ человеку, но и человек непременно язычен, ибо что он без языка? — и уж коли языки разные, то и люди, их в себе несущие, тоже разные, разумеется, далеко не во всем, но тем не менее!

Русский язык. Откуда он? А кто же достоверно знает? Ясно, что не из Китая с Японией, а вот из какой-нибудь части Азии — почему нет? как, впрочем, и из Европы — Центральной, Южной, Северной, а может, даже и Западной. Кто знает? Что может быть более таинственного по происхождению и сложению, чем язык? Заметим, что та же грамматика всегда есть не более чем познанное и соответствующим образом оформленное структурообразие давно и благополучно действующего языка, самообразующийся результат языковой стихии. А что говорить о смыслологии языка, как и об открываемом языком заложенным в нем же самом смысловом мире?

Русский человек — русский язык! Верно, но это не все. Есть еще и кровь, и земля, и… небо. Да, именно так — небо! И все полно тайны, особенно небо — Небо! которое ведь и Вселенная, и Галактика, и Солнце, и Луна, как и иные планеты и тела, одним словом — Космос, но при этом и Бог, и Высший Разум, и Иной мир, и Абсолют, да мало ли еще что, ибо сознает человек, что он не от мира сего, точнее, не только от мира сего, а и от другого, знает уже, что есть у него связь с чем-то и кем-то иным, внешним, высшим, что он явно откуда-то, и каждый народ откуда-то, и каждый язык откуда-то.

Вот и русский человек чует, что он тоже из всего этого таинственного, но при этом и своего, смешно сказать — русского, что русское, русскость, русизм где-то и там, а не только здесь — и понимает русский человек, что он от трансцендентного, как, собственно, и все в этом мире, и что это трансцендентное, о котором и сказать-то русскому особенно нечего, столь же фундаментально в нем, как различаемые им язык,

кровь, земля, небо.

Нет, не всегда русский был собственно русским, хотя и всегда в нем сидела эта самая русскость, которая когда-то русскостью и не называлась. Многие лета уже русскости — что подспудной и скрытой, что явной. И поражает она воображение каждого, кто сочтет необходимым над ней как-то задуматься: и ничего в ней понять никому невозможно! И привыкли уже к соединению в русскости всего несоединимого; к культивированию в ней всего, что против нее же самой; к неожиданным утратам русскости и к неистовым за нее битвам; к преобладанию в русскости стихии над порядком; к предпочтению быта неустроенного быту устроенному; к жажде полной любви при полном взаимном не-уважении; к общей разъединенности при внезапном общем единении; к импульсивной переменчивости при абсолютном нежелании что-либо менять; к вспышкам энергии и энтузиазма при устойчивой апатии и ничегонеделании.

И что же? Все делает русский против самого себя и тем не менее многие, многие уже лета ему! Загадка! Против жизни собственной идет постоянно с величайшей при этом выживаемостью. И в неволе он свободен, и в рабстве господин, и в свободе неволен, и в господстве раб. И плохо-то ему совсем, и падает он низко, и вымирает, а вот себе не изменяет: гулять так гулять — до изнеможения, чтоб потом внезапно опомниться, почувствовать страшную усталость от собственной русскости, захотеть иной жизни, снова чего-нибудь начать, чтобы вдруг это все бросить. Ни традиции его не берут, ни новшества не схватывают! Свободен он! От оков житейских свободен, хоть и не хочет никакого от них освобождения; от богатства и благополучия бытового свободен, хоть и хочется ему иной раз и богатства, и благополучия; от обязательств разных свободен, хоть и бывает ими досконально опутан.

История русских и русскости — как бы сама по себе, сама собой и сама для себя история. Русский не творит своей истории и русскости своей не творит: все само собой как-то у него выходит. А если и является на Руси какой-нибудь социотворец, то, во-первых, не очень-то и русский бывает, а во-вторых, непременно волевой, сильный и жестокий. Только воле, силе и жестокости может подчиниться русский человек, однако воле, силе и жестокости особого рода — целесообразной.

До полного раздора и разора может дойти русский, только он способен действовать или же бездействовать против самого себя. И какие же великие раздоры и разоры переживал русский люд за многие свои лета! Сколько вражды внутренней и усобиц, и подумать только — княжеских!

Сколько соперничества, сколько войн, бунтов и драк, сколько круговой погибели! Одни смутные времена чего стоят: что те, что эти!

Усмиряли великие князья русскую сторонку, цари усмиряли, императоры усмиряли, но… хоть иной раз и надолго, но не навсегда: вновь и вновь взбаламучивалась Русь-Россия, вновь и вновь правды неземной и несбыточной алкала, вновь и вновь проклинала себя и жизнь свою, не пытаясь даже как-то понадежнее в ней обустроиться. И гнала она великих князей своих, и уничтожала царей своих, и сокрушала императоров своих. Не страна, а ад какой-то, вполне и земной!

И терять всегда русские помногу умели: пространства, недра, богатства, а главное, людей, хоть и обретать все это незнамо как умели — то ли трудясь много, то ли вообще не трудясь. И сейчас вот снова огромные потери, снова чужаки на шее, снова свои же своих же предают, снова смерть в изобилии, а жизнь в нехватке. И снова слабость окаянная, снова общее расстройство, снова глубокий разор. Мужи обабились, а бабы омужились, и семья вовсю исчезает, и любовь уж лишь мечта несбыточная, а вот раздражение и нелюбовь — самая реальность. Везде царствуют взаимное неприятие и взаимная ненужность. Устал русский человек, от порядка любого устал, от работы каторжной устал, устал и от самого себя, даже для буйства великого нет у него ни сил, ни воли, а потому встал он на путь какого-то тихого, но верного помешательства. Бывает, когда в русском бес буйный оживает, а бывает, наоборот, тихий — вот сегодня, видно, тихого беса черед.

Разделились сегодня русские: одни за успехом, благополучием и богатством кинулись, влившись в армаду «новых русских», из которых собственно русских-то не так уж на поверку и много; другие в разбой ушли, в коррупцию, в криминал разный; третьи, обстоятельствам подчинившись, в рабство угодили либо сами в него залезли; четвертые совершенно растерялись, по миру пошли, смерть свою ища; пятые, доверившись современности, от русскости своей отвернулись, по миру побежали, в фикцию общечеловеческую превращаясь. Но есть среди нынешних русских и иные русские, которые, кстати, всегда в русском мире были, как раз те, которые не прельстились «новыми возможностями» — ни в господа не полезли, ни в их приказчики не записались, ни в рабы не пошли, как и человеческого лица своего, причем вполне и русского, никак не потеряли. Пропаганда о таких русских, которых в общем-то немало везде и всюду, не любит особенно говорить, как будто бы и нет их, ибо противникам русскости и русских так всего легче, но они есть,

и русский мир они держат, и язык русский хранят, и культуру русскую, и историю, и философию, и религию, даже и науку, и быт свой русский длят, и семью держат, и любовь несут. Они, как правило, не на виду, а если и на виду, то по большей части не как собственно русские, а всего лишь россияне.

Главное же, что люди такие есть, что их совсем и не мало, что если они даже не очень внешне активны, то зато внутренне настойчивы: кто по наитию, а кто и совершенно сознательно. Трудно им, подчас и невозможно, но не только терпят многое они, а и борются — за себя и свой мир, разве ж не в единстве заметном. И образование дают и сами образуются, и здоровье поддерживают, и трудятся, и сознательность общественную проявляют, и литературу родную читают, и Православие почитают, и предков своих не забывают, и историю свою знают, и о будущем своем думают, а главное — все больше и больше понимают себя, свой мир и мир окружающий, осознают, что с ними самими случилось, что делать надо. Выживают и жизнь дают — не себе только!

Назовем их для простоты и ясности *археорусскими* — которые, во-первых, оттуда, из традиции, и в особенности, из трансцендентного, а во-вторых, которые здесь и сейчас, вполне и современные. Из прошлого они, но не в прошлом они, хотя и не ультрасовременные, не пустые, не звонкие. Есть она, *археорусская среда,* — вполне положительная, а потому и будущность русская есть — вовсе и не архаическая.

Эсхатология нынешних русских сложна и противоречива: наряду с омерзением, тратами и выбыванием есть и благость с бережением и перспективой. Первое ныне оттачивает второе! Это нелегко понять, но так оно, видно, и есть.

Отсюда выходит, что всегда и во все эпохи есть русские и русские, но не просто разные русские, что понятно, а есть растратчики и даже убийцы русскости и вообще русского мира, а есть их удерживатели, продолжатели и накопители. И что мы видим сегодня: потрясен и расстроен русский мир, унижена русскость, гибнет и исчезает русский люд, но в то же время есть и кое-что противостоящее — служащее русскости и русскому миру, работающее на их возрождение.

Ставка тут историческая, и она чрезвычайно высока: «Быть или не быть!». И хорошо уже то, что нет полной возможности сказать: «Не быть!», хоть нет еще и уверенной возможности произнести: «Быть!». Но можно уже все-таки надеяться, что «Быть!» теперь более, чем «Не быть!».

И коли уж «Быть!», то не с «новыми» же «русскими», а совсем с иными — *другими,* которые вырастут на ниве археорусского мира, а вовсе не на завалах русского мира, в которых слишком уж много разного антирусского тлена. Вот почему мы не за «новых русских», а за *других русских,* которые только и смогут наследовать русский мир, его поддержать и укрепить, а затем и возвысить. Не «новые русские» станут элитой России, ибо они суть антиэлита, а лишь другие русские, которых, быть может, сегодня не так уж много, но которым суждено завтра вывести русский мир из постигшего его апокалиптического провала.

ПРО ЕВРОПУ И РОССИЮ

Куда России без Европы? Давно уже решено, и не одним Петром I, но и его тайно латинствующими предшественниками, что Европа должна раз и навсегда придти в Россию, оплодотворить ее, обновить, осовременить, окультурить, образовать, вывести на путь немеркнущей истины и безостановочного прогресса. И не только со стороны одной России было движение к Европе, но и сама Европа жаждала всегда понадежнее войти в Россию, ее к себе прицепить, а то и прямо ее подчинить.

Пример Рюрика весьма примечателен, как и загадочных Лжедмитриев. Европа постоянно в России. Бывает, что и совсем уж странным образом. Как, к примеру, отнестись к тому замечательному факту, что Ермак, наш доблестный донской казак, славный покоритель Сибири, изображен на одном своем портрете кисти голландского художника… в голландской одежде? Да и висит, надо заметить, этот портрет в Атаманском дворце в г. Новочеркасске, столице донского казачества, отрядившего, как известно, и немало великих бунтовщиков против Государства Российского. И почему-то воители эти частенько и с заграницей были связаны, где-то непременно побывали — уж не для вдохновения ли своего бунтарского? Была за границей княгиня Тараканова и декабристы тоже были, а потом Герцен, Бакунин, Кропоткин, Плеханов, Ленин — все там были — в Европе, и сам Солженицын побывал на Западе, а что уж говорить о нынешних мелкотравчатых стажерах досточтимого Колумбийского университета, оказавшиеся вдруг в рядах уже современных прозападных революционеров.

Так или иначе, но Россию тянут упорно к Европе, видя в ней неизменный пример для подражания, а Европа, Россию вовсе не понимая

и не принимая, старается держать Россию под бдительным оком своим, ею, по возможности, и повелевая. Все это, разумеется, с переменным успехом, иной раз и с большим ущербом для обеих сторон, но стремление друг к другу в целом никак не угасает.

Россия — не Европа, но что Россия без Европы? Кое-кто прямо так и скажет: «Ничего!» Что-то на Западе привлекает усиленно россиян, и разрывается Россия между Россией и Европой, тянется к этой последней, хоть и отпрядывает о нее, но лишь для того, чтобы вновь к ней потянуться.

Европа — не Россия, но что и Европа без России? Ум-то у Европы, пожалуй, есть, а вот просторов и ресурсов нет. Вот и тянется Европа к России, но не за духовностью и интеллектом, а за материальным прибытком. И тоже отпрядывает в ужасе от России, но лишь для того, чтобы вновь к ней потянуться.

Что тут скажешь, хороша Европа, теплая, ухоженная и красивая, и как же в то же время нехороша Россия, холодная, темная и безобразная! И влечет к себе великая мастерица-лицедейка Европа, и отталкивает от себя великая простушка и неумеха Россия.

И не может всякий думающий русский не думать об этой роковой связи, и пытается он разгадать секрет взаимного тяготения, не переходящего, однако, во взаимную любовь, но зато взрывающегося время от времени от недружественной, а то и попросту враждебной схватки.

И едет завороженный русский человек в Европу, едет любоваться красотами Парижа, Рима или Вены, и оказывается вдруг в России расчетливый европеец, то ее затейливо поучающий, то ее лукаво покоряющий. И ничего тут не поделать: выдумка вся изощренная как раз в Европе, а вот ресурсы как раз в России. И длится эта великая историческая тяжба, и нет, кажется, ей конца, лишь мерещатся по ту и другую сторону отдельным политикам и интеллектуалам призраки взаимной толерантности, не имеющие никакой надежной основы в бесконечной реальности.

ПАРИЖ — МОСКВА

Париж «адее» Москвы, хотя москвичи куда как ужаснее парижан — те хоть делают вид, что нужны друг другу, а москвичи прямо угрожают сами себе. Там и там имитация: полнокровной городской жизни, общественности, благополучия. Москвич, ушедший от соборности куда

глаза уже не глядят и не пришедший к лукавой индивидуальной цивилизованности — а по сути просто растерянный, видит в москвиче лишь врага, которого не должно быть на свете, а потому вполне неравнодушно его толчет, теснит, мнет, вгрызаясь в его пустое пространство: москвич непременно сидит в москвиче, хамя и огаживая этого несчастного, каковым является и он сам. Не то парижанин: он смотрит и не видит, не замечает, а заметив — не видит. Не поддержит, но и не сомнет, ибо парижане все делают сами, как взлетая неожиданно вверх, так и падая стремительно вниз. Не подтолкнут открыто, быть может, но и самозабвенно не подхватят. В Париже — суетливая вежливость, в Москве же — не менее суетливое безобразие.

Парижанин живет для наслаждения, москвич же — для изнеможения. Первый пытается выправить из всего дурного какое-нибудь благо — для себя, разумеется; второй — обратить любое благо в гадость — для других, а уже потом и для себя. Парижанин ловко имитирует рай, сидя на тротуаре и жуя свой бифштекс с кровью, москвич же реально превращает свою и так скромную жизнь в ад — без всякого намека на райское удовлетворение. Париж — райский ад, ибо рая-то никакого в Париже нет, а вот ад есть — свой, весьма затейливый и даже красивый. Москва — просто ад, хотя, пожалуй, в чем-то и адский рай, ибо почему же аду быть непременно только адом, может, он и не без рая — хотя бы местами и иногда.

Париж — законченный постмодерн, веселый и находчивый. Коли нет уже духа и духов, то есть в нем хотя бы духи, т. е. картинка. Париж вовсю карнавалит, в масштабе города прямо-таки натужно. «Пипл» занял все газоны и парки, оскверняя своим развязным присутствием как-то еще дышащие святыни. Тупая постмодерновая «архитектурика» лезет отовсюду, опоганивая своим ядовитым уродством стильный, но уже совершенно уставший город. Он и не сопротивляется, пожираемый сладостно новым человеком. Парижа-то нет, а есть что-то другое, какой-то post-Paris, от которого, пожалуй что, и тошнит.

Не то Москва. Она даже не пожирается пираниево, хотя и это есть, а более всего целеположенно уничтожается — ради якобы нового, тоже постмодернового града; нет, не сносится совсем с лица земли, а въедливо преобразуется — даже, пожалуй, и под сам Париж. Не по сути, конечно, что невозможно, а так: по одежке, по причесочке, по дуновениям. Очень кому-то хочется Москву под западный город суродовать, вот и обряжают ее неистово — под эдакую кокотку, которая-де совсем еще и не стара,

даже и пошалить бойко может, подбоченившись. И стиль здесь особый придуман — новомосковский, непритязательный, игривый, даже и игрушечный.

И получился особый московский постмодерн — глупый и бестолковый. Какой-то кудрявый и без всякого намека на хороший постмодерн. Урод выходит, кентавр. Под стать режиму, который жирует и не знает, куда себя деть. Париж, тот хотя бы с умильной музыкой уходит, каменея и яростно газуя, а вот Москва — она просто громыхает, задыхаясь от собственной к себе неприязни. Там и там он, только в Париже это аросае (апокалипс), а в Москве — апокалипсис. Любой мегаполис ныне «Титаник», который, правда, еще на плаву, но уже знает, что он — «Титанию»!

Париж хорош, Париж великолепен. Не то Москва: не так она хороша, совсем и не великолепна. И если в Париже уже жизнь как нежизнь, то в Москве еще нежизнь как жизнь, а это уже шанс!

Боже, не делай из Москвы Парижа!

2003 г.

НА ПОДСТУПАХ К РОССИИ: ДВЕНАДЦАТЬ НЕЧАЯННЫХ СБЛИЖЕНИЙ

Кого только ни ставила в тупик Россия? От какого только гения ни ускользала? Какому только злодею ни отдавалась? С каким только праведником ни расставалась?

И стоит, поди ж ты, стоит..!

Сближение первое: *Огненный шар*

Хорошо любоваться Россией на расстоянии. Не обожжешься! Светит и греет.

Огненное время-пространство!

Много света — непрестанного и неукротимого. Радужного, струнного, сверкающего. Колкого, мягкого, ласкового.

Многоцветного.

Высвечивающего, проявляющего, обнажающего.

Порывистого.

Испепеляющего!..

Свет и тьма! Жар, холод, мрак. Пустоты, провалы, бездны…

Высоты.

Свет и тени! Контрасты, смещения, переходы, наплывы. Мерцания. Помигивания. Зыбкость…

Беспокойство!..

Что-то, что-то там?

Верчение, кипение, бурление. Варево! Но какое? Чего? Зачем?..

То разгоняется, то гаснет.

То буря, то тишина.

То сон!

Шумит, стонет, громыхает.

Ноет.

Молчит.

Поет.

Мистериальное время-пространство!

Открытое и глухое. Влекущее и отталкивающее. Притягивающее. Поглощающее. Ужасное и нежное…

Хохочущее!..

Вбирающее и выбрасывающее.

Все и вся.

Без пощады.

Пламень, дым, копоть.

И яркий свет!

В глаза. В душу. В сердце.

Восторгающий, ослепляющий, дурманящий…

Что-то! Что это там?..

Неоднообразное и бесформенное. Переменчивое. Собирающееся и распадающееся. Радостное и жуткое. Дольнее и парящее. Источное, истинное, истошное. Летящее. Сталкивающееся. Разбивающееся.

Дребезжащее!..

Всклокоченное время-пространство!

Неблаговидное, безобразное, страшное.

И потрясающе красивое!

Рождающее. Животворящее. Убивающее.

Ворожащее!

Вороты, воронки, вихри. Взрывы. Взлеты и падения. Лежбища. Лабиринты и тупики. Просторы. Порывы, прорывы, сплетения… Пульсации, ритмы. Возвращения. Круговороты…

Что-то! Что-то там?..

В этом Огненном шаре?

За сполохами света и глыбами тьмы?

Странность.

Великая, бесконечная, самодостаточная странность.

Пылающая странность.

Обжигающая.

Но ведь что-то и еще, кроме *странности?*

Сближение второе: *Тайна*

Сплошная загадка!

Нечто и *ничто, здесь* и *там,* по *сю* сторону и по *ту* сторону.

В течении времен и истечении пространств.

Без опоры, без упора, без остова.

Не абсолютная, но вполне целостная *смысловая трансценденция.*

Немыслимое богатство смыслов — в многоцветной калейдоскопической динамике.

В свободе и непредвзятости. В вольном переборе. В набегающей вязи.

В игре.

Неисчерпаемость.

Не истинность и не ложность.

Любая возможность — любая невозможность.

Бесконечность!

Ничему-нечуждость, от-всего-отреченность.

Непривязанность, необремененность, неприкаянность.

Открытость и беззащитность.

Глухая оборона.

Немотность.

Сокровенность. Ничего-небоязнь, от-всего-отпрянутость.

Тьма!

Бессмысленность!

Абсурд!

Странная тайна — тайная странность!

Чарующая прозрачность…

Сближение третье: *Ни то, ни другое, ни третье…*

Так что же? Что такое Россия? Разве есть скорый ответ? И у кого?..

Не страна, не нация, не этнос, даже не суперэтнос… Мир, но какой, где, откуда, почему?

Мир в мире.

С тайной происхождения, сроков жизни, образов; бытия?.. Арктогея, Ария, Гиперборея, Скиния, Скифия, Словония, Русь, Тартария, Козакия, Российская империя, СССР, Россия (Россияния!)?..

С тайной имени, во множестве прозваний, в блуждающих ликах.

Что означает Русь, Россия, Россиянин? При чем тут скифы? А кто такие татаро-монголы? А кого причислить к русским? А что стоит за россиянами?

В чем смысл России? Какова идея России? Что это за вещь — Россия? О чем эта вещь вещает?

Странная страна, страна-сторона, сторона Света.

Нет, не Западного образца, не Восточного, не Южного, не Северного. Всякого. И Западного, и Восточного, и Южного, и Северного. Но всего более — своего, не называемого и не обозначаемого. Так себе, ни Запад, ни Восток, ни Юг, ни Север…

Евразийское нечто. Возможно. Но ведь при этом и *евразийское ничто.* Ибо *сама по себе.* Не Европа и не Азия. В то же время: и Европа и Азия. Середина. Однако ж особенная — не смешанная. *Сама по себе!*

Нечто, но какое-то неочерченное — ни во времени, ни в пространстве, ни субъектно.

Что за субъект?

Ясно одно — *население.*

Невыраженное, пестрое, неслиянное, подвижное, но… непрестанно присутствующее. В непрорисованном времени-пространстве. В Огненной Земле. В пространственно-временной залежи. Упорно. Выживательно. Деятельно. Мимоходом. Без всякой надежды на счастье. Приходя и уходя. Громоздясь, растекаясь, исчезая. Никуда не деваясь. Оставаясь.

На всякий случай…

По ходу вещей.

Растворяясь во времени, рассредоточиваясь в пространстве.

Сохраняясь.

Субъект-остаток. Субъект-хранитель. Субъект-держатель.

Насельник.

Своего времени-пространства.

Явившегося, давшегося, принятого.

Блуждающего!

Мир в мире. Без параметров, без границ, без горизонтов. Вне закрепления. Беглый.

То *здесь,* то *там — всюду!*

И тогда, и *сейчас — всегда!*

На *своем* месте. В рамках схваченного времени-пространства. У себя!

Мир-странник.

Мир в странности.

Странный мир!

Ни *то,* ни *другое,* ни *третье…*

Тогда *что* же?

Сближение четвертое: *Образование*

Шар. Огненный шар. Царство света и тьмы. Переворачивающееся неуклюже время-пространство. Замкнутая на себя и разомкнутая от себя стихия. *Безбрежность!..*

Непрерывное возгорание и непрерывное гашение. Вспышки. Блики. Разряжения. Волнующаяся дискретность. Опрокидывание опрокинутого…

Упругость. Встречные потоки. Пластика. Буйство. Судороги. Кристаллизация.

Становление.

Мучительно творящее время-пространство.

Рождение небывшего.

Обновление.

Конструкция, форма, целостность.

Образование образования.

Конец!

Однако… без конца.

Законченная незаконченность.

Растяжение, расползание, убывание.

Сброс.

Образование необразования.

Деструкция, разрушение, исчезновение.

Смута.

Безликая, безыдейная, кровавая.

Дурная бесконечность!

Где они — племена, народы, княжества, царства?

Великий и загадочный самотекущий процесс!

Связи, связи, связи…

Разрывы, разрывы, разрывы…

Энтропия на негэнтропию.

Беспорядок на порядок.

Хаос на Космос!

Все было и *всего* нет. Всегда есть *нечто,* но всегда есть и *ничто.* Ничто рядом с нечто, ничто в нечто, ничто вместо нечто. Нечто в борьбе с ничто. В жестокой и непрекращающейся схватке. Героическое нечто и прозаическое ничто…

Образование — дезобразование.

Полуисполнение и полуутверждение. Неустанное опрокидывание. *Тщета!*

Все в тенетах, все в сетях, все в нетях.

Ни избавиться, ни разорвать, ни выскочить.

Ни разглядеть, ни понять, ни уберечь.

Проклятие!

Заговор.

Судьба.

Рок!

Образование как процесс необразования. Процесс важнее итога. Жажда процесса и неудовлетворенность от итога.

Пато-процесс, пато-итог, пато-бытие.

Пато-мир!

Не-образованный, не-образующийся, не-образный.

Сизифов мир.

Однако великая образовательная потенция. Таланты и гении. Всегда перед нулем, перед пустотой, перед началом. В противопотоке. *Всегда вопреки.*

Неизбывное самопожертвование. Потрясающее безразличие. Неиссякаемое предательство.

Время-пространство подымающихся и падающих конструкций.

Обращаемость времени. Вывернутость пространства.

Круговерть.

Ни прогресса, ни эволюции.

Вольный и смелый дрейф. В разных направлениях и в разных координатах.

Заданная неординарность. Борьба с торжествующей незаданностью. Незадачливая вариативность.

Обреченность.

Образование пато-образований.

Общая неустроенность. Бесперспективность. В разрыве времен — в разладе пространств. Сомнамбулизм. Порывистость. Случайность. Покорность. Невмешательство…

Бунт!

Русский бунт.

Бессмысленный и беспощадный.

Темный.

Странный!

Сближение пятое: *Инфернальность*

Аид. Не тот *аид,* а *этот.* Здешний! Не в темноте даже — на свету! Ярком, ослепительном, обжигающем. Не сегодняшний, но и не вчерашний. Не вечный, но долгий. Давнишний Испоконный.

Чья-то вина?

Чье-то безумие?

Кому-то проклятие?

Под-реальность. Под-бытие. Под-жизнь.

Ссылка? Заключение? Тюрьма? Испытание? Искупление?..

Огненная жизнь, огненное испытание, огненное искупление.

И свет, всюду свет. Яркий, ослепительный, обжигающий. Карающий, убивающий, освобождающий!

И все-таки *аид!* Не *тот,* а *этот!*

В реальности. В бытии. В жизни.

Бездна!

Бесы, бесы, бесы…

Нашествие.

Страда!

Вынести. Выстоять. Вырваться.

Из аида!

Но куда?..

Сближение шестое: *Апокалипсис*

Некуда!

Вокруг *апокалипсис.*

Нет, вовсе нет, не Конец Света, не конец и России, совсем еще не конец, ибо не вышли сроки… Но вот прелюдия, прелюдия… не первая, да и не последняя.

Как повелось когда-то, так и мерцает Звезда России *апокалиптически!*

Апокалипсис — совсем не обязательно конец, но это и не жизнь — во всей полноте Божьего Замысла. Это некая экзистенция — ущербная, полная неясностей, нелепостей, несуразностей; лишенная надежды, уверенности, перспективы; тяготеющая к спонтанности, к невыверенности, к кривизне…

Апокалипсис — не непременный конец, а, скорее, влечение к концу, его притяжение и к нему приближение, в некотором роде и его ожидание — страстное или бесстрастное…

Апокалипсис — это не когда плохо, даже совсем плохо, а когда бессмысленно, либо со смыслом, но очень уж не таким, слишком удаленным от Премудрости Божией. Тогда и апокалипсис! Угроза конца и нежизнь, а нежизнь и есть по сути конец.

Для России апокалипсис не внове.

Движется Россия но какому-то незамкнутому апокалиптическому кругу.

Вот и сегодня в России апокалиптическая ситуация — и не-жизнь, и угроза конца, и конец — многого, в том числе и вполне достойного.

Жуткий сброс.

Потрясающе гнилой выброс.

Опустошение.

Фальш.

Дероссиезация России.

Наступление не-России, атака вне-России, напор анти-России.

Обманутая и ослабленная Россия едва удерживает свое время-пространство, еле сохраняет дорогие ей смыслы, едва сопротивляется нашествию пожирателей.

Злое стало вдруг добрым, плохое — хорошим, недопустимое — допустимым.

Аморальный переворот.

Все низкое — наверх, все подлое — ввысь, все презренное — на вершину.

Революция!

Обыкновенная революция.

Хаос.

И управление!

В хаосе, через хаос и хаосом.

Даже не с ложью, обманом и сокрытиями, чего не удалось избежать ни какому времени и ни одному народу, а непосредственно через ложь, обман и сокрытие.

Россия сегодня в грозном положении.

Быть или не быть?

Крайность.

Опаснейшая крайность.

Пространственно-временная дыра. И роковое над ней парение.

Последнее!

Лишь дух захватывает — оставшийся, отчаявшийся, страждущий!

Не покинувшая исторического бытия, Россия оказалась ныне вне истории, ее свершения, она как бы зависла над историей, а, лучше сказать, подвисла под историей, исказив и опустошив *свое* время-пространство, сделав его во многом уже *не своим,* чуждым, инородным, а главное — *никаким!*

Бездарное смещение.

Кривая аберрация.

Урод, химера, гадина.

Ни начал, ни перспектив, ни итогов.

По течению. По загаженному потоку. По темному руслу, проложенному в *никуда.*

Огненный, но апокалиптический, горящий в безумии шар.

Разбухающий, смердящий, склизкий.

Гнусный.

Однако!..

Сближение седьмое: *Апокатастасис*

Неужели?

Неужели в России есть что-то оздоровительное, восстановительное, перспективное?

Почему нет?.. Ведь Россия — ни одно, ни второе, ни третье… Она открыта для нововведений, для маневра и перебора вариантов, для поиска.

Непредсказуема она — Россия!

Даже в бреду способна набрести на что-нибудь позитивное, нормальное, жизнеутверждающее.

Иной раз и к Богу приблизиться!

Россия — давнишнее нечто.

Она была уже тогда — в дороссийские времена; ей достались и более или менее российские времена; приходилось России бытовать и в антироссийские времена — почти или прямо в подполье.

Судьба у России чрезвычайная. Зараженная антисудьбой, она витиевата, неспокойна, рискованна.

Россия всегда между жизнью и смертью.

Жизнь в России — постоянное преодоление неумолимо подступающей смерти.

Смертная жизнь! Жизнь, обусловленная смертью — с тенденцией к краху, завершению, концу.

Смертоносное время-пространство.

Жизнь вопреки.

Вопреки смерти.

Неустанно поджидающей, втихомолку наплывающей, иной раз и нежданно набрасывающейся.

Жизнь в единстве со смертью.

Анти-жизнь!

И тем не менее…

Жизнь!

Все-таки жизнь.

В то же самое время, в том же самом пространстве, в том же инфернальном мире, в том же апокалиптическом котле… нечто совсем другое, противоположное, жизненное, а именно — *апокатастасис,* что то же самое — *антиапокалипсис!*

Апокатастасис — вовсе не победа. Апокалипсис не то, чтобы силен, но он… более органичен человеку. Именно он ведет более человека, а не апокатастасис — последний лишь не допускает — до срока! — окончания человека, подавая ему шанс к осознанию спасительного преображения.

Апокалипсис обвиняет и требует, настаивает, но и умерщвляет, апокатастасис — облегчает, лечит, возвращает к жизни.

Оба течения нравственны, оба необходимы. Одно карает, другое спасает. Конец одного — конец и другого. А пока они — *вместе!*

Апокатастасис совсем не чужд России.

Что бы уже стало с ней, если бы не апокатастасис?..

И сегодня — в этот исключительный апокалиптический момент — апокатастасис в действии.

Нравственность не исчезла, стремление к правде — тоже. Более того — в крутящемся потоке своеволия, лжи и обмана вдруг возникают почему-то противные ему завихрения — те самые, которые несут как раз нравственность, честность и правду.

И в аиде жизнь, причем с анти-аидовой устремленностью. Нет, аид не преодолен. Он есть, он вовсю играет, даже искрится. Но борьба с ним — непременное условие земного бытия.

Отсюда необъяснимое вдруг единство, слиянность, соединенность.

Общность. Взаимность. Организация.

Напряжение. Воля. Отпор.

Победа!

Но… и новое *поражение!*

Сдача позиций.

Отход. Уход. Сход.

Новое расползание времени-пространства.

Безволие.

Гибель!

Аид, он и есть аид.

Энтропия всегда вероятнее негэнтропии. Зло мобильнее добра. Разрушение призывнее созидания.

Порочный циклизм.

Непреодолимая возвращаемость.

Апокалипсис мгновенен, безобъемен, нулеобразен. Сжатие времени-пространства в точку — опустошение времени и опустошение пространства.

Отрицательный вакуум.

Не то апокатастасис. Тут энергия нужна, тут созидание потребно, тут большая работа. И жертвенность, много жертвенности. Той самой, что кровью скрепляет и кровь останавливает, что кровь дает и кровь оберегает.

Аид.

Апокалипсис.

Но и *апокатастасис!*

Сближение восьмое: *Транстелеология*

Телеология — наличие цели и движение к цели, однако вовсе не обязательно ясной, а иной раз и совсем не ясной. Телеология — логика бытия, но нередко весьма скрытая, запутанная, непоследовательная, хотя и как-то угадываемая, распознаваемая. Телеология — смысл существования, но часто не осознаваемый и не могущий быть осознанным. Телеология — внутренняя потенция к будущему, но по большей части загадочная.

А что сказать о телеологии России? Разве добавить, что телеология России еще более туманна, крива и непостижима, что телеология вообще?

Нетрудно заключить: телеология России воистину *трансцендентная телеология* или *транстелеология.*

Почему так?

А что можно сказать очень уж достоверного о бытийственном времени-пространстве России, о житии России, о ее начале, ее судьбе, ее предназначении, о том, почему она живет, для чего живет, чем живет, не говоря уже о том, чего она ожидает от грядущего?

Все неопределенно!

Одно, пожалуй, ясно: что-то действительно великое ворочается в российском времени-пространстве, очень значимое, необычное, даже страшное, — и очень судьбоносное.

И пока — до сроков! — *неизвестное.*

Что-то, что-то рождает Россия?

Сближение девятое: *Святорусскость*

То самое — российское в России, русское в русском. Вполне идеальное, вполне органичное, вполне самоценное. То самое, что было либо принято *когда-то* от *кого-то,* либо *когда-то* и *кем-то* выработано, либо продолжает *как-то* и *кем-то* создаваться, либо просто сохраняется — тоже *как-то* и *кем-то,* либо, наконец, переносится в будущее, опять же *кем-то* и *как-то.*

Из далекого малоизвестного прошлого через растянувшееся на века не слишком известное настоящее в совсем уж неизвестное будущее.

Беспамятная памятность!

Рождение *чего-то,* его обогащение, обережение, несение, представление, дарение.

Сквозь времена, через пространства.

В связке, в отношении, совместно.

Что-то смысловое, информационное, знаковое. Какой-то *эгрегор!* Эгрегор русскости, а по причине чистоты, вечности и светлости — *святорусскости!*

В нем, в этом-то что-то, в этом *духе,* в этом *назначении,* в этой *обязанности,* в этой *миссии,* в этом свете все и заключено — вся сила и слабость, вся возможность и невозможность, вся ценность и бросовость, вся мудрость и слепость, вся жертвенность и тщетность, вся собранность и расстроенность, вся удаль и кротость, вся серьезность и бесшабашность…, т. е. все то, что сидит в исконно русском человеке, ради чего он живет, страдает и умирает, ибо всего *этого* нет — *в торжестве!,* а без торжества *русскости* ничего русскому и не надо — *ничего!*

Это никак не торжествует — нет условий, не тот разворот, не то сближение, не те сроки! Не те носители, не те защитники, не те ваятели. Может, иной раз и те, да как их бывает мало, как немного, в каком они оказываются смешном и трагическом положении. Вот и приходится быть недостойным — ни того самого, ни чего-то другого, что русскому все равно не в радость.

Трудно, невозможно соответствовать, хотя и надо, а не соответствовать еще труднее, еще невозможнее, еще горше. Сила порождает слабость, добро — зло, мудрость — дурость. В неравновесии внутреннем русский человек, в разладе. И простор *этому* обеспечить не может, и бросить *это* не желает, и забыть *это* не хочет — вот и приходится забываться, дурить, куражиться, убиваться.

Все это вытворяет не по названию русский, а по призванию — трансцендентному, сокровенному, промыслительному. А что говорить о тех, кто русский лишь по названию? Тем тоже не сладко, но не так уж и обидно — мечутся себе и мечутся…

Русская идея!

Ясно, что есть, но *какая?*

Не может быть тут ответа, не может. Совсем не та, о которой говорят — пусть даже и русские. Сложнее тут, тоньше, эфирнее. Если б известно было, тогда ради чего и жить-то стоило по-русски — трудно, противостойно, подчас гадко? Нет, не знать надо ее — идею, а знать лишь то, что она *есть!*

Глупо? Конечно, глупо! Оттого все народы вокруг и лучше живут,

и правильнее, и богаче. А русский — по призванию — все *при своем интересе* остается, т. е. ни с чем, ибо, что она есть в реальности — *идея?*

Святая Русь!

Что *Ты* и где *Ты?*

Китеж-град!

Праведники, на которых Россия по сути и держится, и те не знают, а что слабому известится… впрочем… почему ж нет… пути-то Господни неисповедимы?

Беспокойная она в целом, Россия! И какой же ей быть, какое такое спокойствие обрести, коли по-святорусски не выходит, а по-другому… очень уж противно. Многие ведь отреклись, а что в итоге? Пустота. Не-Россия. Не-жизнь. Не-назначение.

Мир в мире.

Странный мир.

Не от мира мир.

Где истоки Святой Руси?

Никто не знает, как никто не знает истоков языка русского. А ведь Святая Русь от Слова, от Языка, от Умысла! Не от писания, не от текста, не от расчета.

Не во что заглянуть, не по чему справиться, не с чем выверить.

Тайна!

Великая тайна!

Не для себя живет Россия.

Не для себя живет русский человек.

Не для себя!

Парадокс.

Но что тут, в этом неотмирном мире, — в России, — не парадокс?

Какая уж тут логика — в стоянии за Русь Святую, неизвестно откуда взявшуюся, никак не воплощающуюся, ничем особым не обнадеживающую, ничего замечательного — кроме трудной и безнадежной любви — не предлагающую, однако сколько еще усилий и жертв требующую?

Тут не до логики.

А если и до логики, то не этой, не здешней, не логической.

Святость, она не в красоте одной, не в благолепии. Святость как раз в тяжести, в искуплении, в подвиге. И в необъяснимой к ней привязанности!

Какая уж тут устроенность?

Какое тут удовольствие?
Какая здесь удовлетворенность?

Сближение десятое: *Сражение*

В сражении живет Россия.
В сражении!
Когда его — этого сражения не было? Когда?..
Сражение, война, битва, пря.
И в своей среде деремся, и со внешней средой бьемся.
Извека!
Всегда.
И сегодня — в такое «мирное» время.

Не одна Россия только, весь *мир* так живет. Однако в России есть кое-что воистину свое — *своя борьба* — многовековая, труднообъяснимая, малопонимаемая. Борьба за Россию — с не-Россией и с вне-Россией; за российское (как и дороссийское, не-совсем-российское, полуроссийское, почтироссийское) время-пространство; за Святую Русь, т. е. за Священный Эгрегор России, за ее Идею, за ее Смысл, за ее Предназначение.

Сражение разное, на всех фронтах, на всех уровнях, во всех направлениях, во всяком времени, на любом пространстве.

А главное — на *смысловом поле,* на том самом, где таится и где восходит время от времени Святая Русь, — еще живая, еще ждущая, еще надеющаяся, еще нужная!

И это страшно!

Битва круговая. Борьба всеохватная. Война тотальная.

Внутри и вовне.

Это только кажется, что сражения нет или не было — в какой-то момент и таком-то месте; это только кажется, что сражение более всего материальное, территориальное, потребительное, биосферное — в общем-то весьма примитивное по природе и цели. Но это совсем не так: сражение есть, оно носит постоянный характер, — и более всего является идейным, смысловым, содержательным, одним слоном — *духовным,* а потому и вовсе не примитивным.

Человеку только кажется, что он свободен (пусть и с элитарно-властных позиций), что он сам делает свой выбор, что он не управляем, а лишь управляет.

Великое заблуждение!

За человека ведется борьба, попущенная Богом Творцом. Именно

борьба, битва, сражение. За существо, идею, нравственность. Или человек устремляется к Горе, возвышаясь над собой, по падая в светоносный мир, или падает долу, погружаясь в инфернальную тьму.

Сражение за человека, за его спасение и за его гибель!

А русский прямо в центре сакральных событий. Ничем вещественным не обремененный, в чистой своей идеальности, он упорно сражается, по-разному понимая при этом суть сражения, находясь одновременно по разные стороны битвы. Он и *тут,* и *там,* а в нем самом — и *то,* и *это.*

Внутриличностная борьба — *с самии собою;* внутриобщественная — между *этими* и *теми;* межобщественная борьба — *тех* с *этими;* межвременная борьба — *того* времени с *этим,* как и с *тем;* межпространственная — *того* и *этого*, *этого* и *того.*

Немыслимое *сражение!*

Без-рассудное*!*

Сакральное!

Сближение одиннадцатое: *Актуальность*

Ничего нового.

Сражение!..

За человека. За смысл. За будущее.

И за *Святую Русь!*

Сражение в неравности: с одной стороны, отмобилизованная и упрямая не-Россия, с другой — застигнутая врасплох и растерявшаяся Россия.

Наступление и отступление.

Не битва даже, а некая борьба в окружении — совсем даже не организованная.

Без Москвы, без центра власти, без управления, без резервов, без территорий.

На всем пространстве России. От края до края. Без зон безопасности.

И когда противник — не противник: то ли невидим, то ли не узнан, то ли непонят, то ли недосягаем… Внедрилось вдруг *что-то,* откуда-то вылезло, каким-то образом залетело… и кружится, кружится, кружится… Настойчиво, хищно, коварно и… гибельно.

Атака!

А навстречу ей… нет, не контратака вовсе…, а глухое, вязкое,

невыраженное… нет, не сопротивление даже…, а так… *противобездействие.*

Россия в подполье, в бегах, в нетях. Ушла в себя. Не растаяла, не испарилась, не исчезла. Просто ушла — в загадочном замешательстве…

Захват, овладение, гон.

Удушение.

Разгром.

Не перестройка вовсе, не реформа, не модернизация. Уничтожение.

Остановка времени, освобождение пространства.

Укрощение огненного шара.

Гашение света.

Распад.

Великое обессмысливание времени-пространства. Наполнение его суррогатом. Превращение России в не-Россию.

Пересадка зла.

Катастрофа!

Именно катастрофа.

Не поражение, не проигрыш.

Западня. Ловушка. Мешок.

Почему же так? Из-за *невладения ситуацией.* Ни *до,* ни *после,* ни *сейчас,* ни *потом*… Невозможность противостоять и делать что-либо в пользу России.

Нереальность реального перелома.

Непонимание.

Нежелание.

Лень.

Бессилие! Коварная немогота.

Апокалиптическое попустительство.

Апокатастатическая немощь.

Разброд. Несубъектность. Массовидность.

Соглашательство. Отказничество. Сдача.

Измена.

И тем не менее — *сражение!*

Смысловое! Смысл на смысл, смысл на псевдо-смысл, смысл на бес-смысл. По всем азимутам. Во всем времени-пространстве.

Идейное! Идея против идеи, идея против псевдо-идеи, идея против

без-идеи. Во всех направлениях. По всему времени, по всему пространству.

Сражение осознанное и неосознанное, рассудочное и инстинктивное, осмысленное и интуитивное.

В потоке жизни, в расплыве существования, в заволочи выживания.

Природа на природу.

Характер на характер.

Образ на образ.

Зело собран и лукав нападающий, зело расслаблен и прельщен отступающий. Растерян обороняющийся. Не един защищающийся. Положение аховое — *крайнее!*

Слава слепому, горе зрячему!

Позор глаза прикрывшему!

Жалость — заблудшему!

Россия в размете.

Она мечется. Она блуждает. Она ищет.

Медленно, неуверенно, молча.

Идет. По кругу. Ища выхода.

А выхода нет. Нет выхода…

Но есть исход!

Исход! А это уже осознание, обретение, обновление, преображение. Это не лобовой бой, не наскок, не решительный сброс. Тут все иначе — глуше, хуже, страдательнее. Трансцендентнее. Тут пере-жить надо, вы-жить, за-живить, из-жить, в-житься. Тут не акция, не операция, не проект. *Тут жизнь жизни!*

Есть ли шанс?

Есть. Даже немалый.

Навязанный «верхами» путь — *в никуда.* «Верхам» нечего предложить конструктивного, перспективного и нравственного — *нечего!,* а «низы» вовсе не собираются полностью и навсегда сдаваться «верхам», превращаясь в ничто. «Верхней» не-России, по сути, нечего делать положительного с «нижней» Россией.

Сражение только разгорается!

А пока: прельщение и обман, ложь, разврат — это, с одной стороны, податливость, падение, разброд, — с другой, но и нечто еще — нежелание, осознание, сопротивление, возвышение.

Сложна Россия, сложна!

Неопределенна, мутна, безлична.

Крутое здесь варево, беспрецедентное.

И одинаково страшное — для *тех* и этих, для *всех!*

Никому не избежать в него погружения, никому не избежать искуса и испытания, никому не избежать воздаяния.

Никому!

Пир над бездной.

Бездна над пиром.

Сроки! Все дело в сроках. Отсчет времени-пространства. Измеренность. Ход.

Предел!

Сближение двенадцатое: *Разрешение*

Никто не знает *предела.*

Ни предела *того,* что навязано сверху, ни предела *того,* что творится внизу, ни предела *того,* что выходит из натужного взаимодействия верха и низа.

Самоопределение в неопределенном.

Предел, а за ним — *перемена!*

Для всех неожиданная, кое-кому совсем и не нужная, а кому-то, наоборот, очень желанная.

Неизвестная!

Ни по характеру, ни по исполнению, ни по срокам.

Тайна непрочитываемого бытия.

Перемена в общем-то любая — из круга возможного. А круг широк, к тому же прерывен. *Всякое возможно…*

Что же?

Как образование Россия не исчезнет, хотя может и значительно переоформиться, перегруппировываясь и сжимаясь. Желание «размазать» Россию есть, оно достаточно сильно. Но есть и обратное желание — как в самой России, так и за ее пределами. Бытие России — борьба за Россию. Борьба неустанная — до конца. Оставаясь номинально Россией, Россия будет изменяться, но все меньше может при этом оставаться… собственно Россией. Дероссиезация — не пустой звук.

Исключить меженную смысловую смерть России нельзя.

Россия пошлая может одолеть Россию высокую.

И сохранение России как образования, даже государственного, тут не поможет, наоборот, может сыграть самую зловещую роль.

Любой оптимистический исход, т. е. с преодолением зарвавшейся анти-России и сдавшейся России, выходит за рамки рационального размышления — здесь господствует трансцендентность, сверх-умственный расчет, над-мировое смыслодвижение.

Всякое может быть в непредсказуемой России — *всякое,* совсем не моделируемое, даже не предчувствуемое.

Россия и живет от… *чуда к чуду,* от чудесного *подъема* до не менее чудесного падения.

Чудесно распластавшись, Россия ждет теперь чудесного восстановления.

Увы!..

Тут лучше вера, но *вера деятельная,* та, которая не только уповает на позитивное чудо, но и его всемерно приближает.

Торжества России ожидать не стоит.

А вот возвышения *русского духа ожидать* можно — и это несмотря на его нынешний ужасный упадок.

Почему же?

Здесь нет ловко высчитанного ответа. Но и не все основано лишь на вере. Здесь много от *трансцендентного переживания,* которое вбирает в себя все: надежду, догадку, расчет, а главное — совсем уж иррациональную, но интуитивно обоснованную *любовь.* Здесь может быть только ответ-признание, если под признанием понимать не только саму по себе *весть,* но еще и *при*-знание, т. е. не знание как таковое, а знание, которое как бы около знания, даже еще *до* знания, т. е. приоткрывающееся закрытое знание, проходящее при этом не столько через ум, сколько через сердце. Недостоверное знание, однако вполне достойное, а потому и ценное. *Откровенческое!*

Так почему же? Несмотря на напасть, несмотря на упадок, несмотря на яму. Почему?..

Потому что идет *сражение,* — и не физическое более всего, а ментальное, идейное, концептуальное. А раз сражение, да еще *такое,* то почему бы и нет?..

Ведь Россия еще не сказала своего последнего слова.

Того слова, которое уже *за пределами истории,* вдохновленной и ведомой Европой, Западом, Атлантикой; которое обусловлено *последним сражением;* которое освящает *последние времена.*

Какого-то важного *эсхатологического слова.*

Горького и спасительного.

Россия, и где-то в ее далях — Святая Русь, как бы в центре креста, образуемого Севером и Югом, Востоком и Западом. Здесь все — доброе и злое, умное и безумное, сердечное и бессердечное. Весь мир в России, со всеми своими смыслами, — и никак окончательно не сорганизованный, не закрепленный, не уложенный.

Здесь стихия, здесь свобода, здесь волнение.

И предпочтение духа, идеи, слова.

Здесь страда!

Официальная Россия слишком далека от Святой Руси, она более всего сочувствует не-России, на крайний случай — России как образованию, но всего менее России как духу, как идее, как смыслу. Совсем не близки исконной России ее правители, которые либо не понимают России, либо равнодушны к ней, либо не признают, либо даже ненавидят. Святая Русь со всем своим загадочным прошлым и не менее вопросительным настоящим, не говоря уже о неведомом будущем, давно уже бытует *вне* официальной России, лишь иногда и непрочно с ней соприкасаясь.

Но она была, есть и будет!

Святая Русь показывается не каждому, и уж совсем не каждому открывается. Узреть Святую Русь иной раз можно, даже приблизиться, но войти в нее… еще и что-то узнать… а потом и что-то сказать, да не старое вовсе, а новое, однако с вечностью сопряженное, когда традиция и модерн вместе идут друг друга окормляя, слишком трудно, почти невозможно.

Если б не было Святой Руси, не было б и России.

Сначала Святая Русь, а потом Россия.

От нее, от Святой Руси, все и пошло, ею — незримо и неучастно — держится.

Отсюда и возможность последнего важного слова.

И почему же возможность эта вдруг должна превратиться в действительность?

А потому, что неуютно русскому человеку в этом мире; что жаждет он мира иного; что живет он в страдании на перекрестке миров, времен и пространств; что видит он многое и через себя пропускает, что нет ему ничего недоступного; что духовное слово ему дороже материального расчета, а открытие нездешней цели предпочтительнее здешнего благополучия; что поиск истины для него важнее благоустройства, что *не от мира он сего…*

И потому, что аид, что апокалипсис, что апокатастасис…

Что сражение…

Что кровь, что горе, что невыносимость…

Но и жизнь, и свет, и зарница…

И песня — *русская песня!..*

Сдается, что именно в России…

Нет, не надо ничего предвещать. Пусть все решается само собой, по воле Божьей. И сроки пусть остаются неведомыми…

Нет, не было и не должно быть у русского человека скрижалей. Ничего ему алгоритмически не предписано. Свободен он. Сам выбирает, сам и страдает. Ждет. Чего-то небывалого. Какой-то еще не высказанной правды.

Бьется.

И мучительно думает…

Россия свободна!

Отречение от России — не отречение России!

Святая Русь — не бывшее давно, но грядущее!

Россия в тяжелой борьбе, в самоистязании, в пелене, но и в удивительной саморефлексии — причем не за себя только, а за всех, за весь мир, за все человечество.

Не следует никогда забывать, что Россия *первая* прорвалась в Космос, что она — *субъект космический,* а потому и всемировый, всечеловеческий, всемерный.

Святая Русь — Космос!

И явятся они, *сто русских праведников,* обязательно явятся.

Из мглы…

Через трагедию и в трагедии.

Через прозрение и в прозрении.

Через кровь… *Обязательно явятся!*

Непрельщенные.

Из огня…

Чтобы *Слово Новое* обрести и всему миру его дать.

Очень важное и необходимое.

Животворное!

Только в России, в беспредельном, но униженном и оскорбленном, времени-пространстве может такое и случиться!

Кто еще на Земле жаждет подобной доли — через тернии Молчания к ясности Слова?

Кто?..

Не в славе, не в богатстве, не в почете…

И откроется тогда Святая Русь!

Вращайся же Огненный шар России, полыхай и ярись, безумствуй, рождай чудовищ, страдай, чтобы в роковой момент, когда свершится срок, зажечься живительным *Словом Ясности,* обволакивающим трепетно Землю и уходящим призывно в необъятные просторы Вселенной!

2006 г.

ОБРЕТЕНИЕ

Россия.

Этот загадочный, но при этом и одурманенный, помрачённый и взбесившийся *Третий Рим.*

Вот уж где апокалиптика, так апокалиптика!

Это тебе не Запад и не Восток, это ложе самой Погибели, причём не простой, скорой и окончательной, а сложной, тягучей, некончаемой, при этом конспиративно загадочной и криптогенно неразрешимой.

Погибель здесь — вовсе не мгновенный конец, даже не медленное умирание, а вполне *жизненный* (!) процесс, развернувшийся во времени и в пространстве, происходящий на земле и на свету, но не покидающий мертвящей тени и разверстый прямо среди пыточного ада.

Историю оставим истории — всякое там бывало, хоть и многовато случилось там страды и страдания, жертв и жестокостей, уродств и смертей. Однако история состоялась, набралась событий, героев и свершений, обрела телесность и «душесть», громко о себе заявила, что-то неведомое построяя и из себя наружу вытаскивая.

Российская Империя — Третий Рим.

Величественно, многозначно, обещающе!

Прошла вроде бы муки становления, ощутила немалую силу и почуяла великое предназначение — ан-нет, р-раз и… сорвалась… хоть и не столько сама по себе, сколько с любезным пособлением от внутренней измены и внешнего противника, и сорвалась прямо туда — в пучину первородных страстей, в изначальную зверскость, во всегда стоящий на стрёме ад, — и хоть вытащил большевизм-сталинизм столь же по-адски, жестоко и бесцеремонно, вовсю ослабленную, разорённую, расхристанную страну из внеисторической ямы, сберёг её, укрепил и усилил, даровав державное величие и сделав второй по силе и размаху творчества

страной мира, остаточный большевизм не только обеспечил острый системный кризис возрождённого в виде красного ремейка Третьего Рима — СССР, но и, изменив последнему, тоже в виде ремейка измены Российской Империи, довёл СССР до краха, после которого остался лишь трёхцветный кусок от бывшего Третьего Рима, что царского, что большевистского — *Российская Федерация.*

А Российская Федерация ныне хоть и империя, но уже не совсем Третий Рим, во всяком случае, не полноценный Третий Рим, а Рим больной, уродливый, умирающий.

Главное тут не в Российской Федерации, а в России, упрямо перетекшей из Российской Империи через СССР в Российскую Федерацию. И всё тут очень не просто: Россия была собственно Россией совсем недолго — от Ивана III до Петра I, когда звалась Русью, Московским Царством, ещё и Святой Русью. От ига до ига: от ига восточного, от которого Русь освободилась при Иване III, до ига западного, которое нахлобучил на Русь Пётр Великий, сделав при этом Святую Русь совсем не святой Россией. И как только России довелось заметно ослабить иго немецкое, её вдруг так заколбасило, что, не успев встать на собственные ноги, она подверглась убийственно-самоубийственной революции, в результате которой получила иго большевистское, тоже, кстати, в исходе своём европейское. Сброс же ига большевистского совпал с напяливанием на Россию (Российскую Федерацию) ига уже глобального, под которым Россия ныне и пребывает, не вставая на ноги, не самоидентифицируясь, не развиваясь и шаг за шагом самоизничтожаясь. Глобальное иго — особого рода иго, когда иговладелец где-то за горизонтом и плохо различим. Влияние его более опосредованное, чем прямое, а управление более скрытое, чем явное. И дань ему тоже по преимуществу скрытая. Финансы, информация, Интернет и реальное время делают своё дело. Деньги, разработки, труд, специалисты, грамотеи, женщины, их тела — всё к услугам игодержателя. К тому же последний полностью, что не значит, конечно, совсем уж полностью, контролирует ситуацию в стране, направляет деятельность преданных ему, если не прямо им поставленных, высших менеджеров, ориентирует внешнюю и внутреннюю политику, добивается потребных ему внутри страны перемен.

Российская Федерация — включённая в зону глобализма и в целом от него зависимая страна, своеобразная часть глобальной, если не попросту американской, империи — Четвёртого Рима.

А что Россия — Россия как таковая, которая издревле? Она,

конечно, ещё есть, но более в Нави, чем в Яви. В реальности ведь вокруг не Россия — как геополитическое образование и самостоятельный действующий субъект, а лишь очищенное от плотского и идейного содержания имя, обозначающее уже что-то другое, к примеру, ту же *пост*Россию, а то и попросту *Нероссию* (не неРоссию, а именно Нероссию, что гораздо страшнее и хуже, разумеется, для России). России как таковой, кажется, уже не должно быть, вот её, собственно, и нет (почти нет). А что есть? Всё что угодно, но только не Россия. Наяву России нет, хотя она и есть где-то там — в трансцендентности, правда, размещённой в самих людях, всё ещё русских людях, в их душах и сердцах, в их сознании и подсознании, наконец, и в их сверхсознании. Россия ушла в память, в ум, в чувство, в инстинкт. России нет, но русские всё ещё есть. Глобальному игу ни Россия, ни русские не нужны, хотя какой-то послушный *суб*-субъект на российской территории игу потребен, им-то и является нынешняя Российская Федерация.

Для кого-то всё это знать и осмысливать очень неприятно, для кого-то радостно, для кого-то воистину ужасно. Но здесь, судя по всему — правда, причём без особого преувеличения и намеренного акцентирования. Горькая для русского сознания правда! Эрэфия ещё цела, поскольку, во-первых, она, по-видимому, ещё геополитически и эксплуатационно необходима; во-вторых, имеет место немалый и хорошо осознаваемый страх перед возможными неблагоприятными последствиями её распада; в-третьих, на счёт её судьбы бытуют разные убеждения и взгляды; в-четвёртых, мировые противоречия не дают сложиться единому антиРФфронту; в-пятых, в самой РФ есть ещё проРФнастроения и интенции, хотя хватает уже и противоРФустремлений. А пока РФ цела, Россия, скажем так, ещё бытует — как идея, как символ, как субстанция, как сакрал!

РФ — не Россия, но и Россия ныне уже по большей части… не Россия, а что-то совсем другое, лишь похожее на Россию, её как-то изображающее, ей, быть может, подыгрывающее, или же, наоборот, её отыгрывающее, в общем — не Россия, а какое-то её остаточное подобие, некий внеисторический суррогат, пошлая обманка.

Если при большевиках Россия поначалу была отвергнута, отодвинута на задворки, принижена и отправлена в забытье, если не на свалку, то с Великой войной 1941—1945 гг. пришлось большевикам, переставшими в тот момент быть ярыми интернационалистами и ставшими более отечественниками-почвенниками, пусть и не до конца, искать опоры

в России, в русском народе, в православной вере, в остатках российского имперства, а потому России довелось, пусть и не полностью и весьма уродливо, возродиться, правда, до некоторого момента, когда вновь возобладала у большинства мания человека вообще, а для большевиков — советского человека, и русскость вновь попала в опалу, хотя и не столь тяжкую, как при довоенном большевизме. В советское время русскости пришлось тяжко, но она оставалась, не уходя насовсем в навь, ибо и сказки русские бытовали, и литература с музыкой, и даже история русская была, хоть и препарированная, наконец, национальность русская в паспорте была, да и русский народ старшим братом у народов СССР долго значился, а вот в либеральные и общечеловеческие 1990-е гг. русскость была подвергнута такой силы психологическому и аморальному остракизму, что России как историо-культурной субстанции пришлось немедленно погрузиться в Навь, оставив в Яви лишь свой искажённый, неполноценный, суррогатный образ-призрак.

Не Россия теперь вокруг, а лишь занятое её уродливым призраком да осколками всё ещё живой русскости деформированное окаянными пришлецами 1990-х безымянное по сути геополитическое пространство, лишь по лингво-политической инерции и вынужденной практической необходимости всё ещё именуемое Россией. И ежели это уже не Россия, как таковая, то что? Да, да — *пост*Россия, где Россия вроде бы есть, но её в общем-то нет, где России, кажется, нет, но она всё-таки, увы, есть! У нас нет другого выхода, как говорить о Российской Федерации как о России, но нужно иметь в виду, что это всё-таки не совсем Россия, а может, и совсем не Россия. хотя, наверное, какая-то *пара*Росия, она же и *пато*Россия.

Любопытная получается вещь-сентенция: идёт охота на Россию, упорная, многовековая, а Россия, как матёрый волк, уходит раз за разом от хитроумных охотников, обкладывающих её огнями и флажками, перепрыгивая через огни и разрывая красные гирлянды. Вот и сейчас, в момент новой, отлично рассчитанной и организованной охоты, одобренной великим верховным предательством, Россия ушла вглубь бытия, в Навь, чуть ли не в само Инферно, лишь бы не сдаться, не раствориться, не обнулиться, а там, глядишь, и вновь выскочить, как голодный отчаявшийся волк, на исторический простор.

Трудно, ох, как трудно, совершенно и невозможно, ибо коварен противник, силён и ловок, да и пространство бытия, это русское лоно, совсем уже другое, да и не по размеру вовсе, а по качеству, по материалу,

по образу. Россия-то, быть может, и в нави, да вот русские-то люди в яви, и русскость не где-нибудь, а в этих самых, ныне активно вымирающих, русских, в их сердцах, душах и умах, в их памяти, сознании, ноосфере, ибо русскость ныне не так реализация, как всего лишь хранимая бережно идеальная субстанция — как драгоценное посевное зерно по итогам засушливого года, ещё и надетое на кончик иглы Кощея бессмертного.

Притча, притчей, а реальность реальностью, хотя и в притче, заметим, своя реальность, вполне и истинная. Как ни странно, но миф бывает истиннее реальности, в особенности, когда слов и выражений на реальность не хватает. Тогда-то на помощь и приходит миф, в котором и из которого всё ясно и бывает. Всего ближе к мифу метафизика, хотя и физика не может совсем пренебречь мифами, охотно построяя те же научные мифы. И вот эта-то метафизика и не даёт России совсем исчезнуть, возбуждает её сопротивление гнусным обстоятельствам, заставляет оглядеться, очухаться, опомниться, а там уже и приспособиться, перестроиться, преобразиться. Метафизика — великая вещь (от вести), скрытая, самостоятельная, неприступная. И ежели метафизике надо, то и физика соответственная явится, а метафизике почему-то всегда надо, ибо метафизика — скопище потаённых смыслов, как и их мастерская, тот самый Грааль, напрямую сочетающийся с Софией Премудростью Божией. Многое решается в рамках и посредством физики, но не всё, а главное — вовсе не главное, всё главное как раз решается там — в беспределье метафизики, а где беспределье, там и любой исход, в том числе и совершенно, знаете ли, беспричинный!

* * *

То ли Россия сама погрузилась в Антимир, погрязнув в Инферно, то ли её туда намеренно отправили, то ли всё случилось как-то само собой, вполне и неожиданно, но факт остаётся фактом — Россия в антимире и в инферно либо же антимир и инферно в России, но итог один и тот же — невыразимое просто так уродство, причём системное, целостное, цветущее, и потрясающее любое воображение безумие, причём субстанциальное, вездесущее, процветающее.

Уродство и безумие — вот два самых примечательных достояния современно бытующей России (не забудем: *пара-* или *пато* России: следственно, ненастоящей, а лишь представленной). И это вовсе не западные уродство и безумие, имеющие во многом инфантильно-игровую мотивацию и красочное прикрытие, а самые что ни на есть обнажённые и ужас-

ные, без всякого наивно-этического флёра, совершенно свободные от каких бы то ни было культурно-цивилизационных пут, безграничные, инициативные и изобретательные.

Нынешняя Россия — безусловный феномен, разумеется, отрицательный, вполне мерзкий и гнусный, — и это прямо вослед великодержавному, имперскому, всемирного масштаба величию, пусть и не в быту и в потреблении, но зато в космосе, науке и технике, в образовании, в искусстве, в здравоохранении и спорте, в армействе, в геополитике, в ООН, да и с моралью было не всё уж плохо: массовое нестяжательство, всеобщее товарищество, утвердительная социабельность, незаурядное подвижничество, правда, всё более и более уступавшие лукавому лицемерию и беспардонному цинизму, неторопливо, но уверенно угасавшие. Здесь есть над чем задуматься всезнающим философам, над чем погоревать редким ныне мудрецам, как и есть, отчего оторопеть даже самому Господу Иисусу Христу: *такое* просто так не случается, еще и в *таких* масштабах и на *такую* глубину, здесь что-то воистину уникальное и потрясающе показательное, как раз то, что всё в этом замечательном мире беспощадно переворачивает: реальность, ирреальность, представления, мнения, суждения, учения, философии, не оставляя камня на камне от государственности, культуры, цивилизации, личности, социума, морали, истории, наследия, ожидания, надежды, зато выпячивая наверх и восторженно превознося всё аморальное, пошлое, бесовское, что в нормальных условиях обычно осуждается, избегается, прячется.

Оборотной вдруг явилась страна-Россия, какой-то выворотной, блевотной и помойной. Всё, что было под спудом, в темени, на задворках, в резервациях, на нарах нежданно-негаданно откуда-то повылезало на свет божий и, завертевшись в бешеной инфернальной пляске, потащило одуревшую вдруг от свободы, презрения и отчаяния страну в круговорот присвоительно-накопительских и потребительско-гедонистических страстей, нашедших практическую реализацию в растаскивании, захвате и поедании производственно-продуктового пирога, созданного уже успевшим заслужить официальное проклятие от новых властей советским социализмом — аскетическим, производительным, творческим.

То, что произошло в достославные 1990-е и было лишь закреплено в сглаженных формах в невыразительные 2000-е, хорошо известно: тёмная, обманная и беспардонная приватизация («прихватизация») национального богатства, ресурсов, предприятий, внезапное накопление част-

ных богатств и появление нового владеющего, властвующего и правящего класса, скромно названного политтехнологами «элитой»; немыслимое имущественное расслоение населения с формированием якобы «успешного», богатого, от жира бесящегося меньшинства и «неуспешного», бедного и нищего, безработного, растерянного и потерянного большинства; возросшая вдруг смертность и убыль населения, в особенности по причине бедственного положения пенсионеров, выбивания из жизненной колеи взрослого мужского населения, откровенного его спаивания; явление масс бомжей, брошенных и беспризорных детей, бесчисленных абортов и т. д. и т. п. Говорить о том, что произошло в стране, воистину трудно, ибо произошло что-то совершенно для сколько-нибудь всё-ещё-человека немыслимое, невозможное, страшное. Но самое поразительное, что это таки произошло, причём не где-нибудь, а в великой социалистической (трудовой, коллективистской, товарищеской) державе, и не когда-нибудь, а в эпоху торжества вроде бы просвещения, гуманизма, науки и образования, морали, законности, культуры, да ещё и не на оккупированной беспощадными захватчиками и оголтелыми колонизаторами территории, а внутри самостоя́щей страны — великой, мощной, независимой, цивилизованной, прогрессивной, современной, и по инициативе не кого-нибудь, а непосредственно правящих верхов, охотно и удачно изменивших советско-социалистическому строю и его непобедимой партии — КПСС и устроивших в стране *глобальный переворот* — экономический, частно- собственнический, феодальный, капиталистический, буржуазный, наконец, прозападный, колониалистский, глобалистический, но… при всём при этом… переворот… совершенно *античеловеческий*, что как раз и делает его с человеческой точки зрения воистину страшным, невозможным, немыслимым.

На Западе грядёт будто бы постчеловек, что немало и беспокоит всё-ещё-человека, но и вселяет в него некоторый восторг — уж не исполнение ли тут великой трансгрессивной миссии? а тут — в России — явился… э-э… не кто-нибудь, а прямо-таки *зверь,* причём во всех возможных звериных ипостасях — от учёного реформатора до неучёного бандита, не говоря уже о массе промежуточных образчиков. Стоило намекнуть: «Всё позволено!», как зверь, он же и бес, он же и сатана, мгновенно нарисовался в разорвавшейся и потускневшей багрово-российской атмосфере. И этот зверь, он же и бес, он же и сатана, прихватил Россию, завладел ею и стал крепко беспощадно и непрерывно насиловать, жаждая её тела, крови и духа, не находя при этом никакого удовлетворения.

Россияне, а не, скажем, викинги какие-нибудь, покорили россиян, и главенствующее меньшинство стало вдруг господским относительно покорённого большинства, и зверь стал теперь главным исполнителем человека, а то и попросту сверхчеловеком, тем же олигархом! а человек… что человек?.. он взял, да и изничтожился.

Не только великая криминальная революция случилась в России, хотя таковая тоже была, а Великая античеловеческая и антимйровая революция — с явлением античеловека и антимира, с утверждением в России самого что ни на есть реального ада, о котором никакие Гомеры и Данте даже помыслить себе не могли.

Всё тут, конечно, не просто: помрачение, порочность и зверскость захватили многих, очень многих, может, и не всех, но… почему же в той или иной мере и под тем или иным ракурсом не всех, в том-то и дело, что… *всех*, пусть и по большей части соблазнённых, и одурманенных, и обманутых, но… *всех*! Разумеется, люди оставались вроде бы «людями», даже совершали благие житейские поступки и гражданские подвиги, но… порча (порча ли, а не органика?) была слишком массова и необычайно рисуночна, чтобы пройти мимо неё и не заметить, не задуматься о ней и не сделать в связи с этим кое-каких не очень приятных для российского человека, да и вообще человека, заключений.

Сидит в человеке *зверь, бес, чёрт, сатана* и борется с ним человек, окультуриваясь, просвещаясь и цивилизуясь, налагая на себя запреты, лимиты, меры, следуя правилам, нормам, законам, вырабатывая традиции, образ поведения, мораль, наказывая себя за невыдержку, проступки и преступления, не останавливаясь и перед смертельной карой. Сидит вся эта гадость в человеке и… никак его не покидает. Ничто тут не помогает: ни воспитание, ни убеждение, ни преследование, ни насилие, ни возмездие, ни высший авторитет, ни вера в самого Господа Бога. Ничто! Сидит и… ждёт своего часа, и непременно при случае проявляется, обязательно сотворяя безобразие, кидая человека в безумие, утягивая в инферно, проводя человече по низшей категории, вчистую его предавая и уничтожая. И не может человек от всего этого никак избавиться, и живёт с этим, и хозяйствует, и творит, и за себя борется, и себе подобных не без удовольствия насилует, и над собой звериное насилие признаёт, и бытует кое-как в удерживающей, стесняющей и насилующей его цивилизации.

Разные бывают цивилизации. Те, что называются свободными, или либеральными, не такие уж и свободные, более того, они вовсе и не так свободны, а весьма тоталитарно принудительны, хотя у них бывает

больше и иначе обустроенных ниш свободы, чем в других цивилизациях — нелиберальных, которые обычно называются авторитарными, диктаторскими, деспотическими. Считается, что Запад либерален, а Восток деспотичен; либерален-де экономизм, а натурализм деспотичен, демократия-де либеральна, а монархия будто бы деспотична. Не всё тут так просто, но факт остаётся фактом: есть цивилизации, где индивид более или менее самоценен, инициативен и конструктивен, а социум — гибкое сообразование индивидов, а есть цивилизации, где индивида попросту нет, а есть элементы, но уже не сообразованного для себя и индивидов социума, а навязанной людям целостной системы, и не общественной вовсе системы, которая здесь вторична, а замещающей общество формализованной структуры, которая как раз первична. Там и там произвол, но в одном случае всё-таки либеральный, а в другом — деспотический.

Русско-российская цивилизация сложилась и бытует как цивилизация *деспотическая*. В такой цивилизации зверь из человека изгоняется, как и удерживается в нём, тоже деспотически, нередко и прямо по-зверски. Принудительная (вполне как раз деспотическая) европеизация страны, придавая ей европейский вид, не приводила и не приводит к коренной европеизации России: евроиндивид в достаточной массе в стране не появляется, страна остаётся населённой более всего симбиозным евроазиатским элементом, а попытки проевропейского сброса России с России, её насильственной, уже по-азиатски, реконструкции лишь рано или поздно открывают двери для местного евро-азиатского ада, вырывающегося на экзистенциальный российский простор обильными клубами античеловеческого зверства.

Послегрозненская латинянская смута (первая большая измена Святой Православной Руси); петровская война с Русью ради внедрения Европы в Русь — всё того же латинства (вторая большая измена Святой Православной Руси); сначала либерально-буржуазная, а затем деспотическая большевистская борьба с Россией ради внедрения сначала одной Европы — капиталистической, а потом другой — социалистической, уже и постЕвропы (третья и четвёртая большие измены Святой Православной Руси); наконец, глобальный слом России ради вторжения глобалистского Запада в Россию под лозунгом экономического и политического либерализма, а на самом деле посредством экономического и политического властного деспотизма (пятая большая измена Святой Православной Руси).

Пять измен — пять ударов — пять катаклизмов!

И каждый удар всегда мыслился и мыслится сейчас окончательным, и каждый раз Святая Русь-Россия уходила в Навь, никогда, впрочем, полностью из неё на свет Божий не выходя. Зато всегда вылезал русско-российский ад, смертоносно обнимавший страну, её душивший и разъедавший, опустошавший и уничтожавший. И каждый раз, исключая пока последний, Русь-Россия, пусть по сути совсем и не святая, очень даже и грешная, выдерживала уничтожающий натиск, переносила очередную адовую напасть и чудом поднималась, хоть и не до конца, не в полный рост, не до целостного себя раскрытия, не до построения собственно русско-российского Дома.

* * *

Зато возник, развился, весьма и трансформировавшись, Третий Рим, предсказанный мудрым старцем Филофеем. И сегодня, уже в XXI в., Россия всё ещё империя, пусть и больная, и искажённая, и ослабленная, ещё и изувеченная криминалом и коррупцией, отвратительная не только с моральной, но и с функциональной точек зрения, зависимая, подлая, позорная. То ли она всё ещё Третья Римская, то ли уже часть заокеанского Четвёртого Рима, то ли просто угасающая евразийская империя, а может, лишь империя, переживающая тяжёлый экзистенциальный кризис. Ничто ещё в России и с Россией не решено! И окончательный уход России с исторической арены возможен, и неожиданное возвращение России из оберегающей её Нави, и никем, кроме русских и даже кое-каких иноземных пророков, непредвиденное возрождение России, её небывалый расцвет.

Российский мир — уникальный мир, сложный, многослойный, затейливый, непонятный. Как был он гиперберейским, скифским, руским и русским, так и остаётся. Это мир совершенно особой *метафизики*, когда не то что рай никакой невозможен, что более или менее понятно, но когда всего более вероятен ад, который почему- то не просто предпочтительнее, но даже почему-то и милее. Ад, а не рай! Пусть лучше будет ад, чем рай, а вот почему именно так — загадка? И ежели случается рай, то не более чем островной и преходящий, к тому же, как правило, аморально и наспех сколоченный, то бишь не рай вовсе, а внешне-физически-райская резервация — раёк (царь, аристократия, высшее духовенство, дворянство, буржуазия, номенклатура, «новые русские»). Раёк — не рай вовсе, хоть поначалу и не ад, но со временем… особенно изощрённый и полноценный… ад. Моральный рай на Руси — не более

чем странная утопия, ирреальная невозможность, глупая мечта!

И несмотря на упорно, во многом и потаённо, воспроизводящуюся на российской территории зверскость, время от времени вырывающуюся на большой простор, российский мир вовсе не обделён ни святостью, ни тем, что обычно именуется человечностью, ни подвижничеством, ни добротой. Зла хватает, но немало и добра! Россия — вполне адовый котёл, в котором вываривается какая-то особого рода экзистенция, о которой можно судить, видно, лишь по одному известному образу — *Иоаннова Откровения*, зачем-то провидчески для человечества уже предположенного — мудро, загадочно и беспощадно!

Российская апокалиптика! Это разве не исторический факт, не реальный феномен, не органичная принадлежность бытия? И не пора ли обратить на это самое пристальное внимание? Иоаннов текст, не говоря от себя ясно и просто ничего и ни о чём, говорит, тем не менее, многое о самом важном, как раз о том, о чём нельзя или невозможно ничего определённого сказать, но что можно почувствовать и откровенчески, как бы про себя, помыслить. Разумеется, писано это было не для России как таковой, как и не для одной лишь России, а для всего человечества, но Русь-Россия почему-то оказалась именно в адекватном Иоаннову образе-состоянии, возможно, из-за своей непринадлежности ни к Западу, ни к Востоку, но зато по причине своей устойчивой принадлежности изначальному — ортодоксальному — Христианству. И ежели сам Христос попал в земной ад, был искушаем, осуждаем, схвачен (пленён), истязаем и поругаем, а потом и униженно казнён, то почему же Руси-России, этой евразийской блуднице, не находящей и не утверждающей адекватного себе и Христу жизнетворного образа, не попасть в адовый плен и не подвергаться разного рода инфернальным искушениям, непременно взаимоувязанным с бедствиями, зверствами и катастрофами?

Да, это так: Русь-Россия не то чтобы в исторической западне или экзистенциальном тупике, но в каком-то инфернально-апокалиптическом лабиринте, из которого вроде бы есть выход (свет в конце туннеля), но выход этот почему-то никак не обретается. Именно не обретается, а не находится, ибо выход в данном случае не найти надо, что по большей части и делается, а как раз обрести — через… *преображение*! Это-то как раз и завещано Христом, и подтверждено Иоанном, а предписано историей-судьбой, но это-то никак и не случается.

Искали выход через сдачу русских верхов латинству (Смутное время), через принудительную европеизацию (Петровы «вихри»), через

подражательную «либерализацию» (Александр II, Временное правительство), через принудительную и тотальную социализацию (большевизм), через опять же принудительно-подражательную, но уже глобалистическую «либерализацию» (реформы 1990-х), но… воз и ныне там — не только не в России, но даже и не на пути к ней, но зато лабиринт на месте и Россия в нём тоже на месте, — и это несмотря на благие намерения и злые деяния, на страшные катастрофы и массовые жертвы, на великие подвиги и беспрецедентные предательства, на необъяснимую любовь к России и вполне объяснимую к ней ненависть. Ничего удовлетворительно завершённого, ничего устойчиво позитивного, ничего приемлемо длящегося. Россия не просто в безысходном лабиринте и в дурманящем аду, что более или менее уже осознаётся, но она и сама себе ад и лабиринт, что ещё только предстоит по-настоящему осознать.

Сама себе ад и сама себе лабиринт!

Рассуждать о России в терминах науки — наивно и глупо, философии — бессмысленно, религии — бесполезно. Метафизика России, как и её экзистенциальная апокалиптика и апокалиптическая экзистенция — не поддаётся ничему терминальному, выходит за границы любого слова и не улавливается никаким чувством. Россия в мире и одновременно за его пределами, она восходит к ничто и нисходит в ничто. Отсюда всего более она признаёт и выносит *трансцендентное ожидание,* им и живёт.

Срываясь очередной раз в бездну, Россия проделывает над собой совершенно необъяснимый и даже никак особенно не чувствуемый апокалиптический трюк, ставящий Россию на грань существования и требующий от неё для возврата к жизненной норме огромных усилий, трат и безвозвратных потерь. Россия не живёт ни выгодой, ни удовлетворением, ни утешением. Русские в целом всегда физически проигрывают, а метафизически никогда не выигрывают. И эта апокалиптическая игра («русская рулетка») никогда не прекращается, вспыхивая унылым смертельным блеском вновь и вновь. Реальность России — течение ирреальности — жуткой, бесформенной и притягательной. Россия тут — и впрямь «бешенная фемина», не знающая ни поводырей, ни ориентиров, ни оков!

Однако Россия, как и всё в этом мире — проект. Проект предельно странный, почти что безумный, но… *проект*! Это постоянно ищущий себя, становящийся, но всё ещё не ставший, ищущий себя и себя же не находящий проект. Что-то вроде непрерывного, повторяющегося и замкнутого на себя сна, не способного ни окончиться, ни увенчаться

славой, ни исчезнуть. История России непостижима, она изобилует вопросами и не балует ответами. Зачем все эти катаклизменные срывы, отчего надрывные рывки вверх и вперёд, почему непременные в себе разочарования?

Срыв 1990-х — не просто антисоветский, антисоциалистический и даже антироссийский акт, совершённый противниками Советов, Социализма и России; это куда более значимый акт — акт отказа от человечности, морали, закона, причём вовсе не в горниле общей милитарной междуусобицы, а в рамках и на основе… *цивилизации*, оказавшейся способной, как оказалось, легко обернуться и *антицивилизацией*, мгновенно задействовав всю свою инфернальную подноготную. Метили-де в Советы, а попали в Россию. Нет, не только: метили и в Россию, а попали-то прямиком в… человека, причём не просто в русско-российского человека, не просто в индивида или элемента, не просто в гражданина, а вообще в человека — тоже ведь чьего-то проекта. И обнажился вдруг оборотень-зверь, и явился мир-оборотень, и разверзлась оборотистая бездна. И вновь подступила погибель, причём прямая, расчётная, проективная! И опять жуткий момент жуткой истины: *быть или не быть*?!

Многое, очень многое говорит за то, что «не быть»! — и очень малое, совсем малое стоит за то, чтобы «быть»! Россия и русские, кажется, и впрямь уходят с исторической арены, да не в Навь только, откуда можно вернуться при случае, а прямо туда — в Небытие, постепенно уходят, поэтапно и очерёдно, гуськом, а элита, вдруг расчеловечившаяся и заблудившая, занята присвоением, накоплением, гедонизмом, ещё и бегством от России и презираемого ею российского населения — в *рублёв*-ские (!) замки, за границу, в офф-*шоры* (!), на Запад, на Восток, на острова, под пальмы, к морю, куда угодно, только подале… от России, да не только от уравниловки, бедности и аскетизма, но и от всякой социальности, ответственности, подзаконности, ибо Россия, точнее то, что всё ещё называется Россией, для откуда-то вдруг взявшейся, не коренной и не легитимной, зато очень лабильной и цепкой, коварной и изменнической элиты не более чем чуждый и грязный источник богатства и её — этой элиты — благополучия, а уж никак не Родина, не Отчизна, не Общий Дом.

Зло, зверство, ад давно сидят в человеке, постоянно дают о себе знать, время от времени берут вверх, преодолевая человека в человеке и оборачивая его в античеловека. Человек вне человеческих рамок, задаваемых насильно, безапелляционно, сверху — не человек. Нравственный

критерий не на земле, а на Небе, он не от человека, а от Бога, он не доказывается, а утверждается. На то как раз и Бог, и религия, и вера, и страх Божий. Освобождение человека от нравственного императива — высвобождение в человеке зверя, беса, сатаны. Всё это хорошо известно, но… не просто вдруг стихийно является, но и сознательно не вдруг допускается, причём самый писк здесь — прекращение всякого различения добра и зла, выброс на передний план пользы, выгоды, удачи, всего того, что вполне адекватно… *деньгам, капиталу, экономизму.*

Внедрённый не без массового насилия и в общем-то принятый большинством населения советский, он же и сталинский, социализм, отвергнувший Религию и Бога, но не расставшийся насовсем с гуманистическим моральным кодексом, его даже небезрезультатно культивировавший, не только не преодолел античеловека в человеке, несмотря на свою нарочито «добропорядочную» идеологию, а наоборот создал условия для пусть и подспудного, но необратимого вызревания в советско-социалистическом человеке античеловеческого семени, что как раз замечательно проявилось при социо-хозяйственном перевороте 1990-х. Социалистический «общак» не пошёл населению впрок, а вызвал неожиданное (а может, и вполне ожидаемое) его отторжение. Человеку очень захотелось своего, ему дорогого, ещё и в безразмерии. Инициатива с господством общественной (государственной) собственности, потребаскетизма и межлюдской уравниловки закончилась полным крахом, как потерпели полный крах установки на низкооплачиваемый труд, всеобщий работный энтузиазм и безличное предпринимательство. Да, крах наступил не сразу, но давно уже было ясно, как раз после страшной мировой войны, восстановления хозяйства и перехода к мирной жизни, что по-советски и по-социалистически, а точнее — по-азиатски (по системе государственного трудо- владения), далеко стране не уйти, что нужно что-то радикально менять, приближаясь непосредственно к человеку, его потребностям и чаяниям, к человеку-индивиду. Это-то очеловечивание, несмотря на известные и вовсе не рядовые преобразовательные усилия партийно- советской власти, так и не было достигнуто, а по итогам Пражской весны и вооружённого вторжения в Чехословакию 1968 г. в нешуточном испуге и вовсе заморожено.

Завороженный «немеркнущим марксистско-ленинским учением» и под страхом при первом же новом реформистском импульсе окончательно развалиться, советско-социалистический строй приговорил себя

к застою и незамедлительному приближению своего конца. Опрометчивое имперiальное вторжение в Афганистан и польское сопротивление советской имперскости ускорили развитие «строевого» негатива, а Горбачёв со товарищи, затеяв перестройку, превратил социалистическую реформацию в либерально-буржуазную революцию, с потрохами сдав СССР, социализм и всю соцсистему на милость полюбившемуся ему Западу, ставшему нежданно-негаданно триумфальным победителем в Третьей мировой — холодной — войне.

То была уже не драма, даже не трагедия, а самое примитивное *падение* Третьего Рима, его милостью Божией предположенный крах, хотя и не полное исчезновение.

* * *

Он должен был исчезнуть, этот ужасный Третий Рим, распавшийся и растерянный, но он не исчез — от СССР осталась сердцевина, самая что ни на есть имперская — Российская Федерация, да мало что осталась, ещё и оказалась правопреемницей СССР — этого ужасного Третьего Рима.

Да, Россия как таковая ушла в навь, что вовсе не означало смерти России, её полного исчезновения, как и неприсутствия её образа, от неё следа, её духа в самой яви. Печать от России на свету осталась, и не как мёртвая, а как живая, как полномочный двойник России.

Со временем двойник этот очухался, окреп, стал всё более адекватно представлять оригинал, который, конечно, ещё не вернулся из вынужденной эвакуации в навь, но… накапливая силы, шаг за шагом стал выходить из сакральной темницы, укрепляя духом попавшего под глобалистскую оккупацию двойника.

Ничего ещё в России и с Россией не решено, хотя угроза для России исключительная: медленное, но необратимое угасание России и русских в экзистенциальной растерянности, обездуховности, помрачении, беспамятстве, разложении, в невосполнимых утратах. Угроза великая и коварная — как раз в связи с водружением в Российской Федерации культа денег, потребительства, гедонизма, аморализма, антикультуры, криминала, именно всего того, чем бывает отмечено гниение любой цивилизации, её переход в свою негативную — инфернальную — противоположность. Многие из России поддались на свалившиеся вдруг лукавые соблазны, оказавшись и в немалом материально-потребительском выигрыше, многие стали просто жертвами внезапно воцарившегося антимира: как физическими, так и нравственными, а вот многие предпочли всё-таки

остаться человеками, пусть и обедневшими и внешне даже проигравшими, как, и, разумеется, осмеянными и отверженными, но… *Человеками* — с корнями, почвой, культурой, а главное — с человеческим достоинством. Кто-то из выдюживших вдохновлялся позитивным гуманизмом, даже и в коммунистической интерпретации, кто-то исходил из родной отеческой традиции, кто-то обрёл опору в Православии, в Церкви, в Боге. Так или иначе, но добро не было насовсем поглощено злом, а русскость — глобализмом. Приняв сражение и пройдя тяжкое, вполне и смертоносное, испытание, многий русский устоял, выжил, даже и окреп, наново окропив своё сознание и свою душу исконной *русскостью.*

О русскости спорят, видя в ней либо лингво-культурную особь, которую, кстати никак невозможно отрицать, даже и либерал-глобалистам, либо быто-почвенную особость, с которой тоже трудно не согласиться, либо какую-то кровно-генетическую значимость, которую с превеликим удовольствием и азартом всячески оспаривают, разумеется, городские, внешние, иные, но никак не деревенские, не местные, не русские, для которых русскость настолько органична, что рассуждать о ней в аспекте наличия или отсутствия совершенно нелепо. Да, да, есть она, есть — *русская кровь,* хоть и сложно составленная, и с примесями, и с добавками, но… *есть*! доказательством чему и служит русское крестьянское естество. И в городах тоже полно русских — именно по крови, по историческому зову, по легко ощущаемой бытовой несомненности. Иное дело, что русским может стать и любой нерусский, особливо ежели во втором-третьем поколении, но это всего лишь благая способность русского имперского этноса легко интегрировать других, но при этом и легко самому интегрироваться в других.

Русскость — вещь древняя. Тут тебе и гиперборейцы, и арийцы, и скифы, и малоазийцы, и греки, и славяне, как, наверное, и кое-кто другой вроде венедов, остготов или вандалов. Но русскость и молода, ибо собственно русские, или великороссы, явились на историческую арену совсем недавно — всего-то каких-нибудь триста лет, уже по итогам петровских преобразований, правда, явились не на пустом месте, а прямо из среды русов, русичей, россов, руских (руцких).

Да, течёт в великороссах не одна славяно-росская кровь, но и угро-финская, и татарская, и тюркская, но, во-первых, преобладает всё-таки славяно-росская, во-вторых, кровно-генетические механизмы совсем

не исключают рождения новых особенных кровей, которые по-особенному о себе и заявляют. Вот и великоросская кровь, этот кровно-генетический кластер, тоже по-особому о себе заявила и… ныне, в момент на себя беспощадной атаки, упорно продолжает о себе заявлять. Вообще же очень полезно знать всяким отвергателям и разрушителям этносов, народов (на-род-ов) и наций (на-*ш*-их), что зов крови и генетики самый сильный из зовов, а иной раз и воистину спасительный — этот зов родного к родному. Кровно-этническая общность — самая крепкая, самая устойчивая и… внезапно вдруг при надобности легко восстающая!

Смотрите, господа космополиты, новые кочевники и граждане мира, смотрите на китайцев, корейцев, арабов, турков, индийцев, евреев, таджиков, узбеков, азербайджанцев, грузин, армян, чеченцев, абхазов, курдов, на европеизированных англичан, французов, немцев, итальянцев, сербов, албанцев, греков, поляков, венгров, румын, как и на Соединённые Штаты Америки, представляющие собой полиэтнический конгломерат, а вовсе не органическую замесь родственных друг другу американцев.

Вот и русские, осуждённые извне и изнутри, а изнутри даже поболе, чем извне (см. великую русскую литературу, писания тех же большевиков, откровения русских-де интеллигентов, либералов и диссидентов), имеют полное право на самоидентификацию и самоутверждение, более того, они обязаны это делать, ибо присутствие русских в России и в мире — явный и непременный залог текущей и предстоящей российской и мировой экзистенции.

И дело тут не так в самих по себе русских — этих бессознательных русских, а в таинственной метафизике России и её весьма незадачливых субъектных носителей — этих самых бессознательных русских, кстати, русских не так по крови и физической генетике, как по духу и генетике трансцендентной.

В России много чего нехорошего, а в русских вполне хватает всякой мерзости, — так что речь идёт не о Святой Руси, которая давно и весьма пока надёжно бытует в нави, как не о каких-то идеальных русских, которые-де лучше кого бы то ни было, нет, речь идёт о достаточно плохой России и весьма негодных русских, но… но… имеющих какую-то, разумеется, вполне трансцендентную, миссию на Земле, да, пожалуй, что и на Небе. И вот надо бы хоть как-то почувствовать эту сакральную необходимость России и русских, не отвергая их выразительной нехорошести и не отстаивая с пеной у рта их необычайных достоинств. Есть она или нет, эта оправдательная трансисторическая миссия, делающая Россию и

русских для всего света отчего-то необходимыми, придающая им особо непотребный смысл существования, а самому их непотребному существованию — великий смысл?

Какой, вообще смысл в русской апокалиптике, если не в проигрывании, как на мистериальной репетиции, всего реально человеческого, причём в самом что ни на есть его обнажении, так сказать — в истине, ибо русские ничего по сути не скрывают, не избегают, а имеют дело со всем в бытии возможным, как и без всяких проблем идут на всё в бытии невозможное, что означает лишь одно — *откровение,* как раз то самое *Откровение*, уловленное премудрым Иоанном и отражённое предупредительно в Библии? Россия — *всемирное откровение*, а русские — его преданные адепты и акторы! Выходит, что тут что-то есть, что-то важное и нужное, что-то в высшей степени потребное, и вовсе не такое уж нелепое и несуразное, как и не бессмысленное. Откровение — не бессмыслица, даже если убедительно кажется, что это откровенная бессмыслица, ибо бессмысленных откровений попросту не бывает!

Опыт России и русских — пример выживания, разумеется, с ущербами и потерями, более того, выживания в невозможности, но и это не всё — в невозможной невозможности, причём не в беде лишь, не в отвержении, а в… *бессмыслице*, что особенно выразительно, живописно и непереносимо. Бессмыслица — высшее испытание для человеческого сознания, как и его изысканнейшее наказание, если не казнь, причём бессмыслица, вполне субстанциальная, которая повсюду и от которой никуда не деться, ибо не убываемая.

А вот человек — не одно и не просто сознание, но и бессознание, когда сознание, активно работая против самого себя, погружает человека в атмосферу бессмыслицы и возбуждает *бес*-человечность. Это и есть земной (наземный) Ад, из которого нет простого выхода, ибо это виртуальный лабиринт, но который, кажется, может быть сначала перенесён (как пытки), а потом и чудесным образом преодолён. Кем же? Как раз Россией и русскими, ежели они всё это переживут, не сгинут и… восстанут!

Возможно ли такое? Вообще говоря, апокалиптика предполагает *апокатастику,* именно то самое преодоление ада, которое, как и сам ад, предназначено России и русским. Вся ещё только предстоящая миру драма (трагедия, коллизия, катастрофа) уже в России и уже с русскими. Россия кое-как стоит, хоть по большей части и в нави, а русские, не мо-

гущие покинуть явь, безнадёжно всему этому адову достоянию сопротивляются. Что-то и кто-то ломается, гибнет, исчезает, а что-то и кто-то держится, сохраняет себя, крепнет. Духовная тут идёт игра, идейное разверзлось сражение, метафизическая разгулялась заварушка. И ежели России суждено выжить и апокатастически преодолеть охвативший её превентивный апокалипсис, то лишь через *преображение*, которое апокалипсис и должен из России и русских непременно выжать.

Никакой тут нет надежды, как и не осталось никакой веры в Россию и русских — всему этому тоже есть свои границы и свои сроки. Похоже, что границы уже перейдены, а сроки пройдены. Так что не в надежде тут дело, как и не в вере. Здесь что-то совсем другое, а именно… *потребность*, всего лишь *потребность*, как со стороны измученной адом, безумием и бессмыслицей страны с её замордованным ноосферными субстанциями населением, так и со стороны весьма уже озабоченного активно наступающим апокалипсисом человеческого мира. Край уже явлен, струна натянута, терпение на пределе. Большой войны нет, а потому нет и больших разрешений: правящая элита лишь усугубляет ситуацию, достигая своих пошлых целей самым подлым образом — через катаклизменное (катастрофное) управление, а широкое население, частично приманутое обильным, но явно прельстительным, аморальным и вредоносным потреблением, не говоря уже о мириадах нищих, голодных и абсолютно униженных, всё более ощущает присутствие не столько даже большого зла, сколько большой, уже и тотально античеловеческой, беды. И вырыв России и русских из родной апокалиптической бездны вовсю ныне желателен, пусть лишь метафизически и трансцендентно, причём желателен любой вообще человечностью, уже и остаточной, независимо от места и степени осознания. Быть или не быть России с её неотмирными адептами и акторами, для которых ничего в этом мире не дорого, кроме дорогого им слова-символа — РОССИЯ, это уже не дилемма одной России с русскими, а и дилемма всего мира, ибо быть или не быть России с русскими означает, как ни странно и для многих нежелательно, быть или не быть и всему человеческому миру.

Задыхающийся от ненависти к России и русским, высокопоставленный американский интеллектуал — то ли польский американец, то ли американский поляк, упорно мстящий России и русским за насилие-де над Польшей, забывая о регулярном насилии Польши над своим восточным соседом, как, впрочем, и о насилии Европы над его родной Польшей, очень сильно ошибается, думая, что он благодетельствует всему миру,

укрощая и уничтожая Россию, как думал, кстати, и другой ненавистник России, как и той же Польши — Адольф Гитлер, считавший, что он очищает землю от неполноценных и недостойных унтерменшей. И невдомёк зарвавшемуся специалисту по геополитическим нуллификациям, что судьба России гораздо теснее, — разумеется, метафизически и трансцендентно, — связана с судьбой всего мира, чем даже судьба тех же Соединённых Штатов, ибо за крахом США последует лишь спасительный для всех очистительный кризис, а за падением России — жуткая всемирная катастрофа. Эгрегор США просто витает над миром, а эгрегор России — прямо в центре мира. И грохот от разломавшихся вдруг США хоть и будет раскатисто громким — прямо-таки громоподобным, но для мира эта долгожданная катастрофа окажется более благодатной, чем погибельной, она будет по преимуществу физической, а вот невидимые атмосферно-земельные волны от не столь уже громкого развала России окажут самое скверное влияние на мир, ибо это будет *катастрофа метафизическая* — гнусная предшественница *общемировой трансцендентной катастрофы*.

* * *

Глобальный центр, пользующийся услугами США вместе с их ближайшими сателлитами, угрожает ныне всему миру, жаждая полной власти над ним и его эффективной эксплуатации, системной переделки под себя и свой ультраколониальный глобалистический проект. Россия же не угрожает никому, ибо ей ничего ни от кого не нужно, хотя сама она под постоянной угрозой, причём не только от внешнего контекста с тем же глобальным центром, но и, что особенно примечательно… от самой себя. Перманентные кризисные состояния России рубежа XX и XXI вв. — не только яркие свидетельства общего и глубинного в ней неблагополучия, но и красноречивый знак того, что мало кому из её элитных слоёв она воистину дорога. Современная российская элита — главный источник и генератор кризисного напряжения в России, хотя и не так из сознательной ненависти к стране, как в силу своей примитивной и во многом уродливой жизненно- исторической позиции. Моральное отрезвление никак не приходит в пространство России и уж тем более не затрагивает её во всех отношениях «странную» (читай и стороннюю) элиту. Между элитой (скорее антиэлитой) и народом (более всего лишь населением) нет никакой морально-конструктивной органики, но зато велика приверженность большей части элиты и немалой части народонасе-

ления к обильно расцветшему в стране эгоизму, стяжательству и аморализму, не говоря уже о разного рода большом и малом изменничестве. Массовое предательство страны, предков, истории, наследия, традиции, рода, семьи, сынов и дочерей, как и государственности, армии, культуры, нравственности, долга, ответственности, наконец — самой по себе человечности — актуальная норма! Страшная в своей обыденности норма! А успокоительное: «Не всё же так плохо в России!», может, и утешает где-то и кого-то, но общей картины пока никак не меняет. И весь этот не вдруг благоприобретённый негатив масштабен, энергиен и… бесконечен, — пять, десять, двадцать, двадцать пять, тридцать, сорок… сколько ещё надо пережить мучительных и издевательских лет, чтобы страна, её народ и её элита хоть как-то опомнились, ужаснулись бы от самих себя и отстали хотя бы на йоту от инфернальной пагубы, их прельстившей и уверенно уничтожающей. А ведь уже надоело, ох как надоело, а всё это почему-то длится, длится, длится!..

Россия не служит ныне России, а работает истово и беззаветно почему-то против России, хотя Россия, пусть уже и какая-то псевдо- или пара-Россия, всё ещё держится, разумеется, держится чудом, какой-то потусторонней волей, необъяснимым сверхми́ровым намерением. В эгрегоре России есть что-то такое, что, будучи вплетённым в незнаемую надмирность, удерживает Россию от полной диссипации и исчезновения, хотя тело и дух России нещадно разъедаются, дырятся, истончаются, всё более превращаются в нелепый, безобразный и зловещий призрак. Россия на дне — на дне людской экзистенции, кажется даже, что и ниже, она уже в самой нечеловеческой бездне, никаким дном по определению не снабжённой.

Здесь вовсе не какая-нибудь эмоциональная, поэтическая или риторическая метафора, а самая что ни на есть рассудочная констатация, лишь частично облачённая в образные одежды: Россия ныне даже не во мгле, Россия сегодня в открытом, ничем не заслонённом и ничего не стесняющемся… *бесовстве,* когда *бес* тут всё — человек, институция, система, а признаков этого настолько много и они настолько видны, что называть их, заунывно перечисляя, нет никакой надобности. Гоголевские «мёртвые души» — не более чем безобидный намёк на уже обездушенное, но активное и деятельное, массовое человекообразие. Оборотень — не сказочный вовсе персонаж, а вполне реально действующий актор: человек-оборотень, институция-оборотень, система-оборотень, мир-обо-

ротень! И Россия ныне тоже оборотень. Тяжёлая тут, знаете ли, констатация, нехорошая и нежеланная. Но что, прикажете, делать? И ведь не в первый раз оборотень, не в первой беснуется, но вот не в последний ли раз, не окончательно ли?..

Как Русь-Россия обычно приходила в себя после очередной своей бесовской и очень всегда заразной падучей? Через насилие: войну, репрессии, иногда отложенное на срок насилие, вроде бы со случившимся ранее падением в бездну и не очень связанное, однако всё равно всплывавшее, а вот сейчас, после поражения в первую очередь от самой же себя, пусть и в образе СССР, когда очистительного насилия нет, Россия, никак сама по-мирному и по-солидарному не очищаясь, лишь пытается свою явную падшесть не только признать, осистемить и узаконить, но и чуть ли не увековечить, разумеется, не совсем навечно, а как раз до момента либо полного исчерпания страны как резерва частно-колониального обогащения, либо долгожданного её развала, а вероятнее всего — того и другого сразу!

Взбесившаяся, никак не отступающая от постигшего её безумия, не способная к напряжённой саморефлексии, не владеющая ни собой, ни своей судьбой, идущая к своему историческому, а точнее — уже внеисторическому, завершению-концу страна-оборотень!

И дело тут не в том, что кто-то не так что-то делает, не так управляет, не тем занят, а в общем глубинном и даже метафизическом стремлении России, представленной её сбитым с толку населением с уродливой антиэлитой во главе, к самоотрицанию, самороспуску, к суициду, что было наиболее ярко продемонстрировано лукавым горбачевизмом и беспардонным ельцинизмом, не было преодолено невнятным и непоследовательным путинизмом и обрело второе дыхание под опекой виртуально-восторженного медведевизма.

Метафизическая подоснова нынешней России, её действующий экзистенциальный концепт, как и главное направление движения, насквозь пронизаны *инфернализмом*, вцепившимся в Россию мёртвой хваткой и её никак не отпускающим, но… не без мерзкого доброжелательства со стороны… самой России, сидящей в ней крепко поганой анти-России.

На «ход человека» в направлении оздоровления, укрепления и возрождения имперской России — этого ныне умирающего Третьего Рима, рассчитывать не приходится. Одряхлевшая империя ещё жива, поскольку жива ещё Россия, но свежих амбициозных и деятельных имперцев,

кровно заинтересованных в животворном восстании имперской страны, нет. Даже простых великодержавников почти не осталось, хотя ряженое в державные камзолы комедианство на псевдоимперских аренах ещё случается. Разумеется, люди в России есть — труженики, творцы, продолжатели рода человеческого, но их не то чтобы мало, их вполне и много, но их… как бы и нет, ибо вертящийся в России бесо-инфернальный мир их совсем не замечает, а ежели из себя заслуженно не выталкивает, то предусмотрительно закатывает в навь. На собственно людском уровне в России тишь, гниль и благодать!

Гораздо большие надежды в России можно и нужно возлагать на «ход вещей», на то, что происходит «само собой». Россия и русские любят полагаться на «авось», любят полагаться на этот самый ход вещей, который, вовсе не гладя Россию и русских по головке, вроде бы всегда или почти всегда её выручает. Однако пока ход вещей более всего срабатывает сейчас против России, а не за неё, хотя он постоянно сигнализирует о необходимости радикальных перемен, который сам по себе он потянуть почему-то не может, явно жаждая вполне уже людского конструктива.

Россия же терпеливо ждёт какого-то волшебного разворота в самом ходе вещей, когда либо всё само собой решится, что, конечно, ни для кого особенно не вероятно, либо разразится такая великая круговерть, от которой мало уже никому ничуть не покажется. Россия склонна более смотреть на ход вещей, чем в нём участвовать, зная, что у устроителей анти-России и антироссийского хода вещей всё равно ничего не получится, ибо Россия была всегда и навсегда останется именно Россией, поглощающей в своем неблагодарном чреве всех её антироссийских благотворителей. С Россией шутить опасно, попросту нельзя, хоть и шутят с ней от раза к разу, шутят!..

В явном виде ход вещей пока не вытаскивает Россию из инфернального болота — наверх, к самой себе, не говоря уже о Святой Руси, а в лучшем случае удерживает остаточную Русь-Россию на полуплаву. Россия ещё не растворилась окончательно в мировой инфернальной трясине, ибо остаются ещё в ней морально, позитивно и конструктивно настроенные русские, несущие Россию в своих сердцах и воплощающие её в кое-каких реальных делах, не дающие России сгинуть в пустотах небытия. По той же причине Россию никак не удаётся переделать в основе и сразу под западный абрис, что означает по замыслу последовательных

противников России, в том числе и из русских, её — Россию — *модернизировать.* Власть, кажется, уже не представляет себя России имперски самостоятельной и национально саморазвивающейся. Самостояние и саморазвитие — уже как бы не удел России, она милее властей предержащим как производная от глобальной заокеанской ненасытной матки *суб*страна, утратившая не то что имперскую, но даже и уже изрядно подыстёртую национальную субъектность, вполне уже включённая в глобальную всемирную империю — Четвёртый Рим. Самое поразительное, что тут *уже* в некотором роде исторический факт, может не до самого конца свершившися и ещё не полностью осознанный.

Однако ход вещей захватывает весь мир — есть ведь ещё и *всемирный ход вещей*, а потому российский ход вещей ещё не весь ход вещей в России, ибо последний весьма и всё более зависит от внешнего хода вещей, в котором не только наличествуют разнонаправленные процессы (управляемые и не очень), но и всё более усиливаются фуркационные тенденции, заплетающиеся в какой-то могучий катаклизмогенный клубок. А это означает невозможность каких-либо однозначных проекций на будущее мира и его отдельных локалий. Мир не только уходит от Модерна, он уже уходит, захваченный Постмодерном, и от самого себя. Постмодерн — не только уход от Модерна, но и, видно, переход к какому-то *постмиру.*

Глобальный центр рассчитывает на «плановость» и относительную плавность такого трансгрессивного перехода, противопоставляя слепоте хода вещей свою проективную прозорливость. Гарантией успеха здесь служит уже, кажется, обнаруженная человеком-демиургом научно-техническая возможность перевода человека в образ постчеловека (это для передовых западников) и ведения боевых действий без больших, к тому же хорошо оплаченных, потерь (это уже против отсталых восточников).

Однако в человеческом мире, весьма далёком от абсолюта, действует один любопытный закон, который можно назвать *законом отрицания ожидаемого* (или, попросту говоря, законом лажи). Ход вещей хоть и слеп, но зато в себе весьма уверен, и он почему-то любит всё время разворачиваться к человеку своей незнаемой, а потому и непредвиденной, стороной, которая всегда где-то есть и всегда почему-то вдруг выходит из потенциальной глубины на актуальную поверхность.

И то, что на самом деле может выдать всемирный ход вещей,

никому неизвестно. Нынешняя виртуализация бытия не только его изменяет, обогащая и упрощая одновременно, но и отрицает, вытесняя собою его реальность. В основе ожидаемого и созидаемого постмира уже не физическая реальность, а овнешневлённая мысль, отодвигающая собственно физическую реальность на задний план и превращающая самого человека в движение мысли, однако вовсе не такой уж личностной и самостоятельной, как может впопыхах показаться — человек оказывается теперь существом не столько из себя мыслящим, сколько извне мыслимым. *Переход в постмир — переход от человека мыслящего к человеку мыслимому.* Мысль во всемирной сети вроде бы есть, а вот человека что-то… нет! Причём мысль вовсе не обязательно, что человеческая. Переход в постмир — переход в большую неизвестность, может, и манящую своей дальней бесконечностью, но вполне и обрывочную.

* * *

Ход вещей хорош своей слепотой: ведёт незнамо куда и всё! Он хорош своими неожиданностями, а неожиданности становятся ожиданностями в завершениях. Пошла Россия вроде бы по пути либерализма, а пришла… к *произвольному деспотизму* (произволу деспотизма и деспотизму произвола) — и ничего тут не поделать! Ибо таков результат хода вещей, который никаким субъектно-субъективным установкам не подчиняется, а ежели с ними солидаризуется, то лишь в случае их ему адекватности, а вовсе не наоборот.

Помимо собственно хода вещей, т. е. хода самого по себе бытия, есть ещё и ход… *неизвестности*, той самой неизвестности, которая сразу вне и внутри бытия и которая влияет по-своему, т. е. неизвестно как, на ход вещей и ход самого человека. Тут царство трансцендентности! Великие посвященные это всегда хорошо понимали, ясно осознавая при этом, что ни к чему действительно великому никого приблизить нельзя. Великое творится само, ибо оно трансцендентно, а великий человек тут всего лишь орудие работающей трансцендентности, как и само бытие, сама история. И ежели ход вещей хоть как-то человеком уловим и трактуем, то что может сказать человек о ходе неизвестности? Ясно, что *ничего*!

И однако есть интуиция, предчувствие, озарение. Отсюда и пророчества. Тот же непонятный, как сама неизвестность, Иоаннов «Апокалипсис». Падение, погибель, смерть, а потом вдруг возрождение, возвышение, преображение. Когда-то явился на Земле человек, судя по всему, из неизвестности. Крохи знания, добываемые наукой о предистории

человека, его начале, мало что говорят: главное тут всё равно за надёжной завесой, в тайне. Да и сама знаемая история не так уж человеком знаема, хотя сколько всего уже известно, сколько зафиксировано, сколько описано. Тома, тома, тома! И знать всё это досконально невозможно, лишь в общих контурах, да и то не бесспорных. Ну и зачем всё это, это бытие, это мироздание, эта круглая планета, это на ней всяческое животное население, среди которого весьма выделяется явно неземное, как и фактически не мирозданческое, существо — человек, которое мало что существует за счёт физики мира, природы, ещё и читает окружающее и самого себя, познаёт, раскрывает, что-то несусветное выдумывает о сеесветном, творит, ничего до конца не понимая и лишь всё более удручаясь от великой тайны непостижимого универсума?

Об универсуме человек сегодня знает даже больше, чем о самом себе. Сам-то он зачем, со своей способностью познавать, знать, переделывать, создавать? Да не что-нибудь вытворять, а совершенно иное, чего нет в мире, в природе, на земле, в небесах, в космосе. Человек — *демиург*! Ничего себе! Выходит, что есть какая-то сверхмирозданческая задача, которую призван исполнить человек, причём задача человеку абсолютно неизвестная. Человек — раб неизвестности! Делай, а там видно будет! Что это, если не сакральное издевательство? И особенность текущего момента в том, что человек уже на краю — краю *этого* мира, ему данного и им уже весьма преобразованного. Теперь впереди какой-то уже *иной* мир, не просто обновлённый, а совершенно *иной*!

Мир, который сегодня вокруг, это уже бывший мир, который уже был и который должен скоренько исчезнуть, как какая-нибудь очередная ступень транскосмической ракеты. Этот мир уже сделал своё дело, выведя человека на передний край мира иного. Проект земного человека вполне исполнен и он неумолимо завершается. Обвиртуаленный мировой кочевник — прообраз не столь уж далёкого и неисполнимого нового человекообразного существа, одной «мозгой» уже *иного* и одной ногой уже в *ином*, как раз в энергично уже наступающем, мире. Впереди, видно, одна лишь большая заваруха, эдакий новый Вавилон, попытка прорыва в *иномирье*.

История человечества — история подготовки этого сверхестественного прорыва в *иное,* история тягостная, страдательная, беспощадная. Всё достигнутое человеком-демиургом внезапно мельчает перед оным загадочным прорывом, превращаясь в выцветающий на глазах нанонуль. Всё! Историю можно уже не изучать, о ней уже не стоит

спорить, её можно попросту забыть. Человек уже не должен знать, что он именно человек, а не зверь, не киборг или не эфирек. Всё человеческое в человеке подлежит забвению, стиранию, исчезновению. Теперь очередь за *иноземлянином*, а может, и *инопланетянином*. Неча теперь ждать пришельцев из иномирья, нужно немедленно вывести иномирца прямо на Земле. Такова, видно, участь самых передовых человеков, самых современных, самых нацеленных на что-то сверхчеловеческое. Отсюда и для этого весь этот нынешний научно-технический прогресс, ввинченный непосредственно в мозг и геном человека, в его несчастную душу, этот уже вполне нечеловеческий прогресс, нагло впившийся в наномир и амбициозно осваивающий мегамир. Человек уже объект не так изучения с удержанием, как переделки с перезагрузкой. Из человека вылезает на свет постчеловек — киборг, эфирек, зверь. Проект запущен и неукротимо исполняется!

Да, коллизия, очень большая коллизия! Мировая и по всему миру. И нет уже никакой возможности ни остановить переходный процесс, ни избежать уже неотвратимой постчеловеческой мутации. Так что впереди решающее столкновение между постчеловеком и человеком, война существ и миров, что-то вроде новой неополитической революции с новой межвидовой войной. И ежели Запад явно стремится к Post, то Восток более всего тяготеет к Retro. Но между Западом и Востоком располагается провокационный срединный мир, взявший на себя функцию добровольного детонатора большого антропологического и антропогенного взрыва. Мутационная катастрофа, она же вырыв человека в иномирье, не может не сопроводиться катастрофой построенного человеком мира-матки, ставшего ненужным и обременительным, хотя и продолжающим испытывать великое желание быть и наслаждаться уже весьма сомнительным бытиём.

Тут важно заметить, что построенный человеком-демиургом мир, т. е. нынешний искусственный мир, не подлежит долгому пребыванию на Земле, которую он уже перерос и от которой уже успел отречься, а потому в любом варианте — сложном мутационном или простом разрушительном — он подлежит ликвидации, причём по историческим меркам незамедлительной. Это мир- аномалия, мир-урод, мир-инфекция. И теперь разворачивается всемирная схватка за позитивную-де мировую мутацию: либо по западному нетерпеливому намерению, либо по восточному выжидательному, хотя хитроумный, но подрастерявшийся Запад может вдруг подвести под мир роковую убойную взрывчатку, а Восток,

тоже весьма хитроумный, но не столь разворотливый, может не успеть собраться с силами, чтобы остановить обезумевший Запад и предотвратить заслуженную человеком всеобщую погибель.

Видящий да видит, слышащий да слышит!..

Слово бессильно, глас немощен, жест не характеристичен. Забыто, искажено, изгажено, убито! Всё на свалке: предание, писание, литература, музыка. Акмэ давно пройдено, осталось лишь скольжение вниз. Физика обогнала и подавила метафизику, наука — философию, «прикладнуха» — теорию, технология — личный опыт и коллективное умение. Некогда и некому оглядеться, у́зрить невообразимое, открыто ужаснуться, а если и есть кому, то его не слышат и ему не внемлют, усердно гонят, презирая. Всё так же, как было когда-то, как сегодня и есть!

Последние времена, последние откровения, последние надежды!

Россия, эта очумевшая от безостановочной эксплуатации и регулярно повторяющихся разорений, оголтелых экспериментов, беспардонных перезагрузок и безоговорочных напряжений страна, погрузившаяся всем своим больным организмом во ад и даже не ищущая шанса спорого выхода из смертоносного инфернального лабиринта, этот павший в объятиях небывалой по силе и ловкости тотальной измены и не имеющий возможности подняться в ядовитой атмосфере всеобщего неприятия, победной ненависти и пораженческой корысти Третий Рим, урезанный, униженный, вывернутый наизнанку и приговорённый к исчезновению, хотя всё ещё живой, мистически держащийся и даже внушающий немалый животный страх своим окаянным противникам.

Россия на дне и на краю, если уже не ниже дна и не за пределами края. Нынешняя Россия — полная экзистенциальная невозможность, как и полная антиэкзистенциальная возможность. И отсюда особого рода духовно-идейное, концептуальное, умственно-душевное, философическое напряжение. Здесь не благодатное совершенствование сознания, а его жестокое выжимание под натиском откровенческого самоистязания, не системное развитие ноосферы, а её безжалостное выворачивание под разоблачительным давлением яростной апокалиптики. Чего-чего, а войнушки в России хватает! Ни благополучия, ни покоя, ни уверенности в будущем. Зато бьётся мысль, но не та, что в эфиросети, а та, что вне этой липкой сети, что свободна, что полётна, но при этом и содержательно весома. И это в момент отмены мысли, её разоблачения, отравления и убиения, в момент обессмысливания бытия и обесточивания человека.

Непреходящая ценность Христианства в его свободном обращении к свободному человеку. Не к вещам, не к отношениям, не к строю, не к культуре с цивилизацией, не к системе, не к формации, а прямо к *человеку*, в котором всё и заключено — всё величие и всё похабие, вся возможность и вся предельность, вся полётность и вся ползучесть. Высокое тут доверие к человеку, оплаченное кроваво-мучительным покаянием Господа на Кресте. И не Господь вовсе отвернулся от человека, а свободный человек отверг Господа, его ненавязчивое, но жёсткое покровительство. И остался эксхристианский человек один, и натворил «делов» по своему разумению, и попал в ловушку самопревращения, всё более становясь уже *эксчеловеком.*

Забыл человек про Неизвестное, про Трансценденцию, про Метафизику, которые не просто есть, но которые вовсю ещё и работают, то покоряя человека, то сдерживая, то направляя его, то ему сопротивляясь, а теперь вот, надо полагать, призывая… опомниться, обернуться, одуматься, в общем — войти в позитивный контакт с внечеловеческим и даже внемировым началом, как раз божественным.

Не Бог в лице Сына Божиего теперь к человеку с покаянием и откровением, а человек с покаянием и пониманием к Богу, да не ради животного себя спасения, а ради удержания и укрепления в себе ядра человеческого, которое как раз и было дадено человеку Господом. Человек ныне обязан осмыслить себя как человек и только человек, и сделать он более всего это может именно там, где он наиболее отчаян и наиболее идейно-духовно, можно даже сказать — философически, объят и задет, но при этом и прозорливо направлен — в многострадальной, безобразной и совершенно уже невыносимой России, этом погибающем, но всё ещё не сгинувшем в небытии Третьем Риме.

В нынешней России как-то вдруг всё сошлось: весь мир, всё человечество, вся история, ибо Русь-Россия так и не стала длительно стабильной и неколлизионно развивающейся страной, а всегда была то ли что-то ищущим, то ли ничего особенно и не ищущим, но однако почему-то время от времени в жутких судорогах меняющимся миром. Чего только не увидела и не пережила Русь-Россия, подвергаясь атакам извне и отрицаниям изнутри, ведя войны и преодолевая междуусобицы, расширяясь и укрепляясь, принимая новые концепты и от них же решительно отрекаясь, сидя в просторной природе и из неё вырываясь в космос, консервируя традицию и бросаясь в прогресс, творя великое слово и впадая в глухую немоту, в общем — как будто ища чего-то и вроде бы ничего

не находя, а ежели и находя… не ища… вдруг выбрасывая найденное и снова будто бы чего-то ища.

Бесконечный российский поиск — нелепый, жуткий, безрезультатный, заведший Россию в тёмную преисподнюю и обнаруживший махровый экзистенциальный тупик. А всё из-за измен, преклонений, подражаний. И копошится в России всё ею благоприобретённое — доброе и злое, красивое и безобразное, человеческое и античеловеческое, и бьётся, бьётся, не находя выхода. Концентрация невероятной проблемности и вероятнейшей невозможности. Добротнейшая апокалиптика — мудрая, страшная, безысходная!

И остаётся мысль — *свободная русская мысль*, ничем сегодня не связанная и никому из властей предержащих не обязанная. Вне общепризнанных авторитетов, безоговорочных установок и заведомых ментальных сооружений. Мучимая неразрешимими вопросами, она пробивается сквозь толщу всего уже щедро надуманного, старательно выпестованного и изрядно уже окаменевшего суесловия к живой реальности, к смысловым и ценностным истокам, к сокрытой от бесстыжих научно-исследовательских глаз, но открывающейся сдержанному сердечному размыслию Софии Премудрости Божией, вовсе не догматической, не раз и навсегда данной, никак не исчерпанной и откровенчески доступной.

Русская философия, она же метафизическая мысль, вышла во времена неукротимого раската русской апокалиптики именно на Софию, которая не есть только писание, хотя она в каждой букве и в каждом межбуквенном пробеле любого священного текста, а неисчерпаемый трансцендентный источник, к которому нельзя прильнуть лишь по любознательности, но который может вдруг сам пронизать страждущего, просветить его и дать ему желаемое.

Софию не изучают, с Софией осторожно и уважительно общаются, да не по своеволию, а по выпавшему вдруг счастливому билету!

Пройдя выучку у Запада, у латинства и протестантизма, у просвещенства и позитивизма, русская мысль, вобрав в себя всё для себя приемлемое, но западным в целом не удовлетворившись, рванулась навстречу неизвестности, из которой явилась ей вдруг София, никакой мыслью человеческой не запятнанная. И признала русская мысль иномирную мудрость, которая прямо из Ничто и приходит, минуя человеческую критериальность, соответственно, и гордыню, и упрямство, и ограниченность.

Так сочеталась русская мысль с софийным источником, что позволило ей приступить к переосознанию всего вокруг человеческого, ничего высокомерно и загодя не отбрасывая, но и ничему бессознательно не поклоняясь, но… была грубо прервана, подбита на взлёте, хотя и не уничтожена, а ушла в Навь и Вовне, выжила, вернулась в российскую Явь, возродилась, что не значит, что завоевала русское сознание и российскую ноосферу, столь уже искривлённые Европой и загаженные рабским ей подражанием, что ставшие невосприимчивыми к *своему* и *трансцендентному,* хоть и не порвавшие насовсем с благодатной традицией.

Ничего более ценного, чем софийная мысль, у нынешнего русского человека нет, разумеется, думающего русского, хотя есть у него старинное православное учение-руководство, но ведь ему ещё и понимание современности нужно и трактование вокруг происходящего и обоснованный взгляд в необозримое будущее. Христианское предание — это хорошо, и без него никак нельзя, оно невероятным образом ныне актуализируется, но теперешний русский — не средневековый русич, он видит мир и себя в нём заметно уже не так, как видел всё это его премодерновый предок. Постмодерн — мир-яма, мир-суспензия, мир-чёрт-знает-что, и в нём надо ориентироваться, жить, воспроизводиться, терпеть, ждать, надеяться. Нужна идеология, нужен концепт, нужна философия! Какие? Да, да, *софийные*, и никакие другие! Софийность сегодня — не увлечение, не ярмарка, не хобби, а императив: или ты в откровенческом контакте с Софией, или ты никто, тварь дрожащая, безымянное ничто, абсолютный нуль. Такова она, эта выразительная и неизбежная альтернатива!

Неужели русские мыслители рубежа XIX и XX вв. обратились к Религии, Христу, Софии по недомыслию, бестолковости или наивности, — и это уже после торжества экономизма, науки, атеизма, позитивизма, как и гуманизма с либерализмом, прямо перед гигантской европейской войной, прозванной первой мировой, в предверии русских революций, покончивших с Российской Империей и официальным Православием, в ожидании прихода на русскую землю экспериментального социализма, оказавшегося на деле тоталитарно-государственным сталинизмом. Российская элита, давно заражённая европеизмом, не вняла тогда *русской софийной философии*, посчитав её за доморощенный обскурантизм (подумаешь, *Вехи*!), атаковала её со всех сторон, а потом и подвергла нарочитому забвению. И просчиталась, ох, как, просчиталась: что прямо тогда, ещё в империи, что потом при большевиках, что уже ныне — при «либеральных реформаторах»! Но софийный воз и сегодня

там же — в отрицании и забвении, пусть и не в полных, но в достаточных, чтобы не задеть, не быть понятым, не овладеть.

Судьбу русской софийной философии разделила и до сих пор разделяет и *философия хозяйства*, эта её чуть ли не главная, самая ответственная и самая конструктивная часть. По любому поводу можно свободно и бесподобно рассуждать, даже и по поводу человека с мирозданием, а вот про хозяйство, которое есть целостное жизнеотправление, что-то… не хочется, ибо оно, будучи реальным течением бытия, не терпит никакого учёного балагурства, даже и очень интеллектуального, как не терпит никакого балагурства рождение и смерть человека, любого живого существа. Не терпит легкомысленного трактования и вся человеческая демиургия, ибо она напрямую связана с рождением и смертью, но уже не только человека, но и всего человечества. Демиургия ведь прёт незнамо куда и непременно выходит за жизнеотправительную меру. За ней ведь тянется не одна лишь светоносная вуаль обновления, но и чёрный шлейф погибели. Хозяйство — мистерия, драма, трагедия, хоть и комедия тоже. Здесь мало сладости, зато много горечи. Хозяйство — созидание и разрушение, достижение и провал, победа и поражение. И ежели история — хозяйство, его намерение, действие и след, то что же тогда *пред*ыстория и *пост*история, не говоря уже о хозяйстве, эту историю как раз и делающем?

Подхватит ли Россия софийную мысль, обретёт ли софийную идеологию, выработает ли софийный концепт? Кто знает? Это ведь дело самой загадочной России, русских людей, тех же россиян. Элита нынешняя не подхватывает, сторонится, брыкается. Она всё ищет истину на стороне, подальше, за горизонтом. А истина-то перед ней, глаза в глаза, слово в слово. Россия привыкла к вождизму и всякого рода дирижизму, в ней не полагаются на народ, хотя и очень любят его безоглядно и безоговорочно эксплуатировать. Но метафизическая коллизия, если уже не катастрофа — налицо, а с метафизикой шутки плохи, как, собственно, и с Софией.

Время у России ещё есть, как есть и шанс придти к Софии, но лишь в борьбе, в жестокой и яростной борьбе, а потому велик шанс и проскочить мимо Софии, так и не сказав миру *Последнего Слова*!

2011 г.

REGUIEM (РЕКВИЕМ)

НОСТАЛЬГИЯ

Старый мир, — для него такой родной, домашний, семейный, уже и самозабвенно порушенный, — вполне русский мир, не отпускал.

Нет, конечно, начинающий литератор не думал о воскрешении павшего на его глазах мира, но не мог он признать и правоты мира нового, вроде бы ещё только строившегося, но довольно уже и явленного — чужого, бездомного, бессемейного, раздавившего безжалостно и бестолково правоту, — а ведь она была — эта, затихшая уже, правота! — старого мира.

Там была хотя бы любовь, была совесть, было и покаяние, пусть и теснимые неумолимо равнодушием и эгоизмом, — в новом же мире, как будто бы очистительном, ничего такого никак не проглядывало: классовая солидарность — не любовь, братоубийство — не зов совести, торжество красного суда — не покаяние!

Смердил немало старый мир, что говорить, смердил, но то был и в самом деле старый мир, больной и одряхлевший, хоть и пытавшийся небезуспешно поздороветь и омолодиться, но вот отчего же так смердил нестерпимо новый, совсем ещё новый мир, — уж не от гноя ли совсем свеженького, вольготно разлившегося по всему его взбаламученному пространству, весело и непринуждённо заместив собою общепризнанную и вовсю теперь порицаемую гниль старого мира?

С миром новым пришлось смириться, ибо был он жесток и гильотинен, но уж никак с ним не примириться, а для мира старого — побеждённого, канувшего в Лету, оставалась лишь ностальгическая, уже и запредельная, вполне и мистическая связь, настойчиво и коряво изматывавшая душу.

Ни забыть родной отеческий мир, ни сделать вид, что его не было, ни, тем более, промыслительно от него отречься!

Великая тут случилась несправедливость, может, и оправданная накатом исторической неизбежности, но никак не роднившаяся с чаяниями изболевшегося сыновнего сердца.

И вот откуда-то из глубины истасканного гибельным контекстом сознания, наперекор разуму и рассудку, восстала потребность в оправдательном, одновременно и покаянном, слове, произнесённом от имени поверженного в революционном и братоубийственном раже всё ещё

дорогого прошлого, даже и не ради какого-то приемлемого будущего, которое вообще никак тогда не просматривалось, а ради обличительного презрения к победившему нечаянно новому миру.

Невероятная задача!

Неразрешимая!

И она была выполнена!

Ещё не выраженный во всём блеске, но уже определённо им самим почувствованный, литературный талант его сошёлся органически с откуда-то взявшейся макиавеллиевской политической изощрённостью, — и родился ни с того, ни с сего… роман, его первый роман — роман о белой гвардии, ставшей благодаря роману воистину Белой Гвардией, о той самой ненавидимой любым сколько-нибудь красноватым оком белой гвардии — побеждённой, уничтоженной, изгнанной, поруганной, обгаженной,— и когда же? — в момент абсолютного торжества красной революции, красного мира, наконец, красной, а вовсе не белой, гвардии!

Роман был, конечно же, не о широко известных и вовсю проклинавшихся тогда деникинцах, колчаковцах или врангелевцах, он был всего лишь о жалкой предтече Белой армии, о кучке наивных киевлян, хоть по преимуществу и военных, попытавшихся неловко, как-то суетливо и чуть ли не стыдливо, защитить атакованный со всех сторон старый мир, который они, разумеется, не защитили, лишь защитив, жертвуя порывисто собою, его и своё достоинство, не имея при этом никакого отношения ни к тем, кто построил этот мир, ни к тем, кто его усиленно разрушал.

То были первые в новейшей российской истории белогвардейцы, ещё и не знавшие, что они именно белогвардейцы, — и, тем не менее, это были именно гвардейцы (защитники) и именно белые (старого мира) гвардейцы!

Писатель чётко уловил высокую смысловую и мифологическую значимость именно такой — совершенно зародышевой — белой гвардии и не менее чётко, при этом и непредосудительно ловко, вытащил эту, ещё жалкую, вовсе и неопределившуюся, белую гвардию, ставшую под его пером, сакрализованной Белой Гвардией, в мир красный, только что настоящую Белую армию с напряжением и хрустом одолевший.

И угадал!

И попал в точку!

В особенности, когда вывел своих несчастных белогвардейцев со страниц невнятно изданного романа на внятную театральную сцену —

сцену прославленного классического театра, когда-то грезившего демократической революцией, разыгрывая бродяг и отверженных, а теперь вдруг задумавшегося о безвозвратно уходивших житейских ценностях и кинувшегося, — наверное, не без чьей-то мудрой подсказки, — изображать на сцене тех самых державников, которых не замечал, если не презирал когда-то, и которые, к стыду своему, тоже ведь хаживали когда-то на его «прогрессивные спектакли».

Что ж, звали полстолетия такие вот театры в союзе с передовой-де литературой освежающую Революцию, а получили взамен… лишь… обжигающую кровососную баню!

Гибли все: люди, людишки, человечища!

Жертвы цепляли жертвы, тащили за собой.

Нескончаемый парад жертв!

Одна из них, к примеру, — глубокомысленный поэт, фронтовик, Георгиевский кавалер, позёр, блестящий стилист, мудрец, красной властью назидательно расстрелянный — как несостоявшийся контрреволюционер; другая — тоже поэт, тоже побывавший на фронте, этакий Пушкин XX века, осанистый и надменноумный, по преимуществу с каменным выражением лица, жаждавший очистительной Революции и копавшийся по её неожиданном и несуразном совершении в царских бумагах, автор пошловатых «Двенадцати» и пророческих «Скифов», умерший в тяжких мучениях, духовно раздавленный всё той же Революцией, обманувшей его страстные ожидания; третья жертва — опять же поэт, из крестьянской глубинки, столичный паяц и фанфарон, гениальный, как сама Муза, любитель знаковых женщин и друг чекистов, чуть ли не свидетель лубянских расстрелов, не то покончивший безобразно с собой, не то неуклюже кем-то приконченный — опять же по-революционному просто; четвёртая жертва — тоже, увы, поэт… нет, этот поэт был ещё жив, нахальный и громогласный, сам из красных, бескомпромиссный глашатай вожделенной и всепожирающей Революции, он ещё писал свои дерзкие конструктивистские поэмы, охаивая мир старый и приветствуя, — кажется, всерьёз! — мир новый — ещё и не бывалый, хоть и неизвестно какой! — он лишь ожидал, — упрямый, дикий и непослушный, — своего вполне законного конца — то ли самоубийственного, то ли убийственного, — опять же от всё той же, гениально им воспетой, Революции. Пятая… что пятая?.. шестая?.. седьмая?.. ох, ох!.. были они, были — и пятая, и шестая, и седьмая — и всё поэты, не говоря о тех, кто

поэтом не был. Велика тут череда врагов, друзей, противников, участников, попут- чиков, даже и самих вершителей Революции, нашедших погибель свою, вовсе не всегда физическую, зато уж всегда духовную, в жерновах Процесса!

Риск был огромный!

Но он, этот строптивый молодой литератор, ещё безвестный, публично не признанный, без надёжной поддержки откуда бы то ни было, ещё и с контрреволюционным прошлым, в общем, без всякого защитного мандата, впрочем, может… и не без кое-какого, пусть и призрачного, но всё-таки пропуска в новый мир, решился на этот головокружительный риск, вызвав волну открытого и стойкого негодования у одних — торжествовавших красных, и прилив скрытого и робкого сочувствия у других — униженных белых.

И он рискнул, хоть и не любил рисковать, и… выиграл!

КОНЧИНА

Трудно сказать, знал ли великий кремлёвский вождь точную меру своей исключительной жизни, — хотя, наверное, и знал, — но пришёл и ему срок уходить из этого мира, им чудесным образом, хоть и страшно затратно и кроваво, перестроенного, и ушёл великий кремлёвец аккурат через 13 лет после ухода из жизни загадочного московского романиста, так и не увидевшего воочию ни беспримерного триумфа своего красного благодетеля — победителя и генералиссимуса, ни своего собственного писательского триумфа — тоже беспримерного.

Покинул сей мир великий тиран и преобразователь не менее загадочно, чем главные герои конспиративного московского романа — в полном одиночестве, в большом тщательно охраняемом, но хранимом всего более властной тишиной пустом доме, то ли зимой, то ли весной, то ли ночью, то ли днём, то ли сам по себе, то ли с чьим-то ненавязчивым пособлением.

Ушёл в Москве, а следственно, и из Москвы, но не в Кремле и из Кремля, а в и из почти что загородной резиденции, скрытой от людских глаз и жутко охраняемой, с подземным бункером и чуть ли не с подземной же железной дорогой — прямо от Кремля, в и из резиденции, что располагалась в лесочке прямо за Поклонной горой и недалече от Воробьёвых гор, откуда как раз взлетели в тёмное необъятное пространство

на апокалипсических конях смолкшие на время герои пророческого романа и где перед самой смертью вождя была провидчески воздвигнута по его непогрешимой воле четырехугольная пирамида гигантского храма науки и знания — Университета.

Помещён был усопший вождь в итоге своих торжественных похорон в Мавзолее, что на Красной площади, на который он регулярно поднимался со товарищи понаблюдать со свойственной только ему напускной смиренностью за грозными военными парадами, затейливыми физкультурными представлениями и цветистыми шествиями трудящихся, с которого он принимал, как-то нехотя, Парад Победы (нет, не Жуков вовсе, а именно Он —главный тогда победитель и триумфатор), — и положен был в Мавзолее под стеклом в форме генералиссимуса рядом с другим красным вождём — Лениным, которого усопший вождь, чтя за революционную решимость и отменно выразительную жестокость, но не терпя за созидательную никчёмность и идеологический утопизм, постарался в своё время изолировать понадёжнее под присмотром врачей в загородном поместье и обеспечить захворавшему не на шутку Ильичу прямую дорогу в царство почётных мертвецов.

Надеялся ли вождь на бессмертие, зря в таком разе гоняя генетиков, или же, наоборот, ни на что подобное никак не рассчитывал, не любя вообще эскулапов — этих оздоровителей-губителей, но титаническая работа и сверхчеловеческое напряжение, не говоря о тягостных семейных издержках, сказались в конце концов на железном организме вождя, согнув изрядно его и так неширокую спину и пригнув предательски книзу его и так узковатые плечи.

Совсем не нравился он себе, постаревший и сникший, с потухшими глазами и одутловатым лицом, с ослабевшими коленками, не способный уже дерзко и эффективно управлять построенной им же империей, а главное, засомневавшийся вдруг, да так, что и врагу не пожелаешь.

Нет, он не испытывал угрызений совести и не предавался слезоточивым раскаяниям, — он вообще ни о чём прошедшем не жалел, ибо был он со своим сверхъестественным проектом — и проектом, им в общем-то исполненным, — выше всех этих гуманитарных штучек, лишь мешавших его беспримерным деяниям, свершениям и победам.

Презирая людской сброд и люто ненавидя сильных мира сего, он, сам вышедший из презренных, хотел привести всех, ненароком распло-

дившихся униженных и оскорблённых, жертвуя любыми их количествами, к счастливому земному бытию, вступив в смертельную схватку с господами мира сего, не преминув бросить дерзновенный вызов любой сиюсторонней и потусторонней силе, включая господина хорошего диавола и даже самого Господа Бога!

Люди — ничто, проект — всё!

Проект был вроде бы ради людей, но уже… иных людей — им — сверхестественным вождём — по-инквизиторски, с презрением и без сожаления, переделанных!

Вместо свободы, любви и страха Божиего он навязал людям повиновение, дисциплину и страх животный, из чего должно было объявиться на Земле новое людское общежитие, основанное на долге, смиренности и абсолютном бескорыстии.

Он и Маяковского поэтому объявил лучшим и величайшим поэтом эпохи, хоть и терпеть не мог его нарочито могутного ступенчатого стихосложения, и белогвардейского писателя-чернокнижника признавал и берёг — импонировало ему редкое и едкое, одновременно историческое и мистическое воображение объявившегося в кишащей талантами Москве беллетристического гиганта.

Нет, никаких угрызений он не чувствовал и покаятельным стенаниям, как тот же Иван Грозный, не предавался. Победа в мировой войне, которую он промыслительно назвал Великой Отечественной войной, всё слепо и безоговорочно списала, легитимировав его незаконнорожденный строй, оправдав и все жертвы уникального строительства, им безоговорочно затеянного и безжалостно осуществлённого. Но… но… грыз его всё-таки червь сомнения… то ли он в конце концов создал, успел ли, продлится ли?

Понимал, что сил у него на всякие доделки и, тем более, на новую раскрутку чего-либо грандиозного уже не было, соратничкам своим не верил, да попросту на них и не рассчитывал — этих, хоть и крупных, но в общем-то пигмеев, разве лишь исключая умного, расчётливого, деятельного и коварного Берию, этот ещё кое-что значил и мог, но опасен был, очень опасен… себя в нём вождь немало узнавал, хоть и не того он был калибра. Маршалов по углам раскидал, подкупив орденами, роскошью и «положением» — да и что они понимали в делах государственных, эти отутюженные уставами, приказами и беспрекословным подчинением вояки? Молодёжь… ох, эта молодёжь… кое-кто подрастал, но зелены ещё, да и кому доверить… вон те же ленинградцы, чего надумали?

Д-а, что-то могло быть потом, уже без него? И думать об этом не хотелось, и не думать было невозможно.

У Сталина ведь никаких союзников, кроме его великой идеи и всесокрушающей личной воли не было — даже армии и флота, даже того же НКВД.

Он это хорошо знал, никому и никогда не верил и не доверял, лишь полагаясь на неукоснительную исполнительность, иной раз и… нет, нет… не творческую, конечно, а всего лишь на изобретательскую.

Понимал, что очередная чистка нужна ему и всей его стране как воздух, но чувствовал, что не совладает он уже с тягостными инквизиторскими задачами: стар стал, умаялся и ослабел, зоркость потерял, размяк, а с загнанными лошадьми, как известно, не церемонятся — чуял за спиной заинтересованное присутствие ловко скрывавшихся охотников, и интригу смертельную против них было затеял, да что-то не так всё получалось, не так.

А пока… пока… одиночество — тупое, неотступное, смрадное! Нет, не монашеское вовсе, не в келье, не в скиту, даже не в подземной какой-нибудь дыре, заживо погребённым. Думы ведь у монахов не те, совсем не те, и деяний таких у них нет, и наследства такого нет — ничего нет! А у него, вождя народов, столько всего! Опять же монах, хоть и размышляет о смерти, но совсем по-другому, он более всего о спасении души заботится, а тут… тут столько всего. Да и, видно, очередь его уже подошла… под репрессию… от своих же соратничков. Надо бы от них избавиться, на молодых опереться, на новых, которые как раз репрессию на него и устроят, как он сам в свое время с Лениным. Э-эх, никого нет, никого, кроме канальи Берии!

Одиночество и… пустота! Пустота в душе и вокруг, в самом земном пространстве, ничем не заполненная. Вот это и в самом деле репрессия! Разве можно было представить, что победа, да что победа, целая серия побед… полный триумф… что всё это невероятно большое и стоящее увенчается вдруг этой страшной и неотгонимой пустотой. И руки опускаются, и ум охладевает, и делать ничего не хочется. И страх какой-то жуткий и необъяснимый, откуда-то ни с того, ни с сего берётся — прилипчивый, изматывающий, снедающий. Аж выть хочется! Да-а, вспомнишь тут и об Иоанне Грозном… хоть триумфатором он таким и не был. А тут ведь абсолютный вроде бы триумф, небывалый в истории, никто из великих преобразователей и устроителей такого не достигал… и эта назойливая, безжалостная и злая, абсолютно пустая, замещаемая лишь

приступами вязкого страха… пустота!

Вот оно — возмездие! За что? Нет, не за бессердечие и невинные жертвы, не за кровь обильную, а… да-да… именно так… за высокомерие, за гордыню, за возвышение! От такого возмездия никому не уйти, если дожить до полной победы, до исполнения проекта, до избыточного триумфа, а стало быть, до отсутствия всего и вся!

Якова нет, сгинул в плену как будто бы назло отцу, да и что бы сталось, если б он был — одно только расстройство; Василий — э-эх… тоже одно расстройство, то ли обормот, то ли притворяется таковым, что не лучше; Светлана, несчастная девочка, его дорогая Светлана, всё мечется, страдает как сумасшедшая; Надежда… э-эх… Надежда… не выдержала, подвела, а он её, видно, только по-настоящему и любил, как может любить овечку какой-нибудь экзотический варан.

А пока оставалось лишь ждать эту самую смерть, ожидая встречи с… тут ему было, честно говоря, всё равно… с кем, но ждать, фиксируя наступавшее неумолимо старение и необратимый отток из организма живительных сил, притворяться, стиснув зубы, изображать вождя, подавляя в себе неодолимое желание сбросить с себя командно-инквизиторско-отеческую маску, оставить всё, уйти куда-нибудь, как того жаждал граф Лев Толстой, исчезнуть, как это проделал, похоже, Александр I, обрести хоть какой-нибудь покой, пожить чуть-чуть без охраны, без славы, среди живой природы, в тишине… Но нет, это было невозможно,— он давно уже был заложником собственного земно- космического проекта.

Только смерть — и только она! — могла споспешествовать великому проектанту и созидателю, дать ему чаемое успокоение, освободить от поедавших его тяжких дум, от непрекращающегося страха за себя и своё творение, от возможного вдруг жуткого открытия-приговора: «Всё— тщета, за исключением Победы, которая уже явилась и никогда уже не повторится!».

И Сталин — великий, могучий и непобедимый Сталин — вдруг умер, точнее, умер человек по имени Иосиф Джугашвили, бывший одно время Сталиным — вождём народов, а вот Сталин как феномен… нет, не умер, он остался, что сразу же проявилось как в раздавленных толпою на его похоронах случайных (?) московских жертвах, так и в поспешной и вовсе не случайной ликвидации его трусливыми приспешниками бойкого и опасного для всех них товарища Берии — самого вероятного тогда преемника ушедшего в другой мир кремлёвского владыки и самого

возможного в будущем кремлёвского диктатора с ядерным и космическим арсеналом в руках, возникшим не без его деятельного, напряжённого и жестокосердного участия.

Дождался феномен Сталин и… разоблачения (почти как в романном варьете!) да не чего-нибудь, а себя самого… и прямо из легкокрылых уст своего самого презренного соратничка, ставшего вдруг его реальным преемником в Кремле (а ведь не по Савке явно была свитка!), выставившего вдруг Сталина, ладно бы тираном и злодеем, а то ведь и трусом, и негодяем, и воеводой бездарным, пожалуй что… и вообще ничтожеством каким-то — грубым, лукавым, невежественным (и ведь признали тогда многие людишки всё это за правду, хоть и не поверили до конца во всю эту галиматью, ибо от страха бесконечного, почти что уже и генетического, перед усатым кремлёвским диктатором только так и могли, вместе с его верховным «разоблачителем», кое-как избавиться, да и обелить себя как-то в собственных же не находящих покоя глазах!).

Говорливый и шустрый, преемничек перехитрил тогда не одного умершего Сталина — своего благодетеля, как и не только всесильного Берию, ловко подставив его под маршальские пули, но и целый ряд ведущих сталинских сподвижников, выкинув их скопом из власти и разогнав по мышиным норам, мало того, перехитрил он и самого победоносного маршала, его дважды выручившего (против Берии и против сталинских «соколов»), засадив славного покорителя Берлина, превзошедшего в ратных делах самих Эйзенхауэра с Монтгомери, под плотный домашний арест. Но отличаясь более всего не глубокомыслием, а лишь необыкновенной изворотливостью, преемничек, наконец, перехитрил и самого себя, увлёкшись ничем не заслуженным паравождистским величием — совершенно, знаете ли, ложным, что и не замедлило сказаться в прямом соответствии с принципом бумеранга, когда преемничек был деловито и споро свергнут с властного пьедестала уже своими собственными соратничками, им же самим и пригретыми.

Но до своего «добровольного» ухода от власти ловкий сталинский выдвиженец, успел-таки ещё раз посчитаться со своим, как оказалось, не столько благодетелем, сколько обидчиком — Сталиным, уже давно мёртвым, выбросив его — небывалого генералиссимуса, покорителя полумира, отца народов, строителя нового мира… труп (о теле тут говорить уже не приходится!) прямо во сыру, много чего повидавшую и запомнившую прикремлёвскую землю.

Да, всё случилось именно так, как, наверное, и грезилось товарищу

Сталину в минуты тяжкого просветления: глупость, предательство, коварство, «куча дерьма» на его могилу, накликанный на него позор!

А ведь что-то подобное, уместно заметить… нет, нет… не предвидел, конечно, но всё же предполагал как-то своим романом остроглазый московский писака, выводя на московскую инфернальную сцену глубокомысленного ироничного Воланда с его бессовестной бесовской командой и верша через их посредство то ли правый, то ли неправый, то ли страшный, то ли совсем и не страшный, вполне и гуманитарный (ну прямо как в Гааге!) суд, он же и скорая расправа, то ли заслуженный «людями», то ли нет, но… но… почему-то неизбежный, причём не где-то и когда-то, а прямо сейчас и прямо здесь — в Москве!

Выходит, не зря, совсем не зря мучился великий вождь сомнениями, подозрениями и всякими нехорошими предчувствиями, пребывая в предсмертном одиночестве в вызванной им же самим вязкой умопомрачительной пустоте!

РЕФОРМА

Лукав и жесток был год 1993-й, принесший победу новому кремлёвскому владыке — то ли реальному, то ли ирреальному, прямо как в романе, где реальность и мифы послушно и надёжно переплелись в одно тугое целое, — и не ясно было, почему же… э-эх!.. всё так вот и произошло — в пользу чуть ли не сказочного чуда-юда, чудища стоглавого, дракона огнедышащего.

Сразу пошла, да что пошла — понеслась вскачь, вроде зверя апокалипсического, реформа — самая удивительная из невозможных!, — безотлагательно, беззастенчиво и беззаветно, как-то совсем даже по-детски, презрев недальновидную мораль люд- скую, обобравшая огромную страну со всем её опешившим от развала гигантской сталинской империи и свалившихся вдруг беспримерных свобод населением, тревожно, опасливо и предвкушённо вокруг себя тогда озиравшимся.

Совершенно чудесной то была реформа — даже не по обману грандиозному, не по одурачиванию массовому, не по презрению гнусному к людишкам малым, даже не по цинизму бескрайнему, не по грабежу изощрённому и не по присвоению безмерному, а… по прельщению бесподобному (бесу подобному!), которого ещё мир людской не видывал, история никакая не знала, а литература — умная вроде бы и лов-

кая — даже во снах своих глубокомысленных, острословных и прозорливых представить себе никак не могла.

Разве лишь автор «Бесов» да романист московский, автор «Мастера и Маргариты», что-то этакое предчувствовали, ничего ещё доподлинно не зная, но к чему-то подобному уже приноравливаясь, как раз к тому самому — запредельному, потустороннему, трансцендентному, конечно же — инфернальному, что не на поверхности вовсе, а в глубине, в темени, в недрах, что сидит себе где-то там внутри и сидит, часа своего тихо и алчно дожида- ясь, чтобы выскочить вдруг наружу, да и вытворить что-нибудь совсем уж несусветное.

Ах, эти фёдормихайловичевы бесы, повыпрыгивали-таки откуда-то вновь на авансцену историческую, плюнули смачно на homo sapiens с его позорной ноосферой и провернули ловко и быстро дерзкое преобразованьице, да такое, что мало никому и нигде уже не казалось, — а ведь предупреждал же Фёдор Михайлович, предупреждал, а романист московский, тот и вовсе почти что так всё и узрел, извлекши наружу из инфернального закулисья только ему — театралу и театроведу — понятные (недаром же он накрапал на досуге ещё и весёлый паталогоанатомический «Театральный роман»!) эзотерические формулы!

Ах, душеведы российские, далась вам эта дьяволиада — вполне у вас самих и потешная, а тут вот вполне всамделишная, лихо просвиставшая над страной-бедолагой, задевая всё и вся, ничего и никого не оставляя без своего умопомрачительного внимания!

Нечистая сила, которую проницательно разглядел когда-то великий русский писатель-классик, сам из бесов вышедший, из фурьеристов и каторжан, и над которой поиронизировал не менее проницательно московский присталинский романист, теперь уже точно классик, не из фурьеристов, правда, и каторжан, но зато из морфинистов и сатанологов, — а почему, собственно, и не из бесов? — так эта самая нечистая сила, став деятельной вездесущей субстанцией, вселилась в людей, в их головы и души, захватила их мысли, покорила их замыслы, определила поведение и действия, даже само тело их изменила, придав ему коварно, споро и броско иную, какую-то ещё небывалую, прямо-таки неотмирную внешность — вроде бы ещё даже человеческую.

Впрочем, это была не какая-то из глубин подземных выскочившая нечистая сила, ещё и в виде чертей рогатых и хвостатых, а самая обыкновенная — человеческая, прямо в человеках и сидевшая, часа своего дожидаясь, а когда срок пришёл, то кем-то и зачем-то освобождённая —

ведь реформа же, переворот! — как раз в пользу любителей сытой и красивой жизни, паразитарного элитаризма, ловкого и беспринципного над людскими массами измывательства, как, разумеется, и любителями тельца золотого, столь родом человеческим вообще почитаемого.

И не человек вовсе, а всего лишь зверь человеческий стал устроителем небывалой реформы, да что устроителем — и участником тоже, — тот самый зверь, которого так хорошо видел в его человекоподобии жестокий ершалаимский прокуратор, как, собственно, и добрый Иешуа, который тоже видел… да молчал, вовсе и не наивно, — и как глянул на себя в зеркало истории приреформенный землянин-удалец, да как увидел перед собой невероятной конструкции образину — и не ужаснулся вовсе, а… удовольствовался — наконец-то!

Не реформа то была вовсе, а выворот какой-то, позволивший антимиру заполонить собою мир человеческий, — великое тут случилось торжество князя земного!

Где же тут был Иисус, где Иешуа?

Зато Иуда, хоть тот, хоть этот — вот он, со свечой в руке, прямо во храме Господнем!

Исполнение тут было чьего-то жуткого плана, вовсе и не злого, отчего у одних восторженный вопль от ненасытного удовлетворения, у других сдавленный крик от отчаяния, зато у третьих одни мурашки по телу!

И всё это здесь, с нами, на глазах, без утайки!

«Суки, суки, суки, козлы вонючие!» — запричитала вдруг беспрецедентно и яростно из заграничного далека, — из самого Парижа! — взбудораженная от тщетной ненависти-зависти к ловким реформистам славная советская диссидентша, хорошо усвоившая — по причине ещё памятной ей отсидки на северном лесоповале — бессмертный тюремный сленг.

Было, было… и настолько реально было, что и не верится, что такое вообще может быть: тотальная реформа с тотальным же разрушением всего нормального жизнеустроения ради беспардонного частного присвоения, а если и созидание, то только личных (слышите, личных!) богатств — огромных, нелепых, бессмысленных!

А ещё кому-то кажется, что достославный роман, как и кое-что из знаменательного, что иной раз и по телевизору «кажуть», всего лишь выдумка, миф, блажь. Какая-такая дьяволиада, какой-такой князь, какие-такие три шестёрки?

В самом деле, какие?!

СМУТА

В стране воцарилась смута: подлая, грязная, неодолимая.

То были достославные 1990-е!

Со дна моря человеческого поднялось вдруг всё самое отвратительное, что обычно осуждается, преследуется, уничтожается. Цивилизация пала, обернувшись к человеку внезапно самой что ни на есть адовой, может, как раз и самой истинной, рожей. Добро куда-то мгновенно исчезло, уступив место злу, а зло, оставшись наедине с самим собою, быстро прикинулось… добром. Главным мотором бытия людского стала страсть, главным ориентиром — ложь, а главным вершителем — наглость!

Никто из простых смертных ничего не понимал, как не складывалось ничего путного и в пространных головах лучших-де представителей рода человеческого — интеллектуалов, зато выходило как раз то, что надо было, как видно, князю мира сего, вознамерившемуся на месте державного сталинского порядка утвердить космополитический произвол иудин, когда свобода, обнявшись с самой смертью — этой подружкой своей закадычной, запела сладкоголосо и безостановочно долгожданное счастье человеческое — сытое и весёлое, прямо на всех, к нему оборотившихся, немедленно и ниспадшее.

То была воистину исключительная смута, ещё не бывалая — ни в стране, ни в мире, мало того, что послесталинская и будто бы либеральная, но ведь ещё и эпохи развитого ноосферизма, поголовной грамотности, всеобщего и непрерывного образования, всезнающей науки, захватывающего интеллектуализма, глобального информатизма, всепроникающих коммуникативных сетей и вездесущих вольноопределяющихся текстов, как и извергающихся откуда-то на человека потоков ненужных, но назойливых слов, звуков, образов, знаков, символов, в общем — смута была прежде всего в сознании, в головах, в мыслях, не говоря уже о душах, а потом уже в поведении, поступках и действиях, в отношениях, сообществах и массах, то была смута в первую очередь идейно-виртуальная, а затем уже действенно-реальная, что означает, что смута была вполне и сделана, как вполне делаемым является весь идеальный мир человека, который, будучи достаточно заражённым всяческой гнойной гадостью, легко превращается, как оказалось, в мир тотально патологический — достаточно только кому-то этого сильно захотеть!

Великий Фёдор Достоевский, сам страдавший падучей и нервными расстройствами, довольно это понимал, предвидя с нескрываемым ужасом грядущую революционную смуту, не имея ни малейшего шанса помешать распространению всеобщей социальной шизофрении. Лев Толстой, падучей не страдавший, но чувствовавший в общем-то то же самое, попытался было предотвратить надвигавшуюся неумолимо гуманитарную катастрофу, построяя новую религию — совершенно и человеческую, лишённую Христа Бога, но зато оснащённую Христом-человеком, а точнее, и не Христом уже вовсе, а… э-э… не будем об этом, ибо ничего у великого Льва так и не получилось — ни триумфального въезда в новый-де Иерусалим, ни новой кровавой Голгофы, ни новой религии, а получилась лишь одна личная тщета, увенчанная смертью беглого старца на дороге, да ещё вышла смута русская — вполне и революционная, старательно раскрошившая, как того желал-таки вовсю яснополянский мудрец, зажившуюся-де на свете православную империю. А вот Максим Горький, тоже великий литератор, с самого раннего детства страдавший, как оказалось, от гнетущей российской реальности, так тот смуту прямо лично и готовил, заделавшись не только писателем революционным, но и практическим революционером, пользуясь при этом почему-то доверием и любовью не одной дурочки России, но и всей просвещённой Европы.

Иное дело бывший врач-киевлянин, а потом уже и писатель московский, вовсе ещё и не великий, но уже чертовски талантливый, так тот, будучи удручённым свидетелем и невольным участником русской революционной смуты, возненавидевший её и проклинавший, раскусил-таки тайную алгоритмику современных соцпереворотов, намекнув на неё в своём чародейском романе: иностранные консультанты, мол, поэты, атеисты, пропагандисты всякие, ну и провокаторы тоже, доносчики, разбойнички, террористы, экспроприаторы, палачи, а главное… главное… нашествие великой правды о гнусном-де прошлом и ещё более великой лжи о счастливом-де будущем… и чтоб никто из простаков и профанов ничего не понимал… ничего!

Впрочем, что-то похожее уже имел честь утверждать и прозорливый Фёдор Михайлович. Но… но… при нём ещё многого не было: ни страшной и бестолковой для России мировой войны, ни поддержанной извне, если не прямо оттуда спровоцированной, разрушительной революции (антиимперской и антироссийской), ни бешеной кровопролитной междоусобицы, поминаемой более как гражданская война,

ни массовых и беззастенчивых репрессий, ни Сталина с его изощрённым и безжалостным сталинизмом, ни грандиозного строительства нового мира, ни подготовки к величайшей мировой бойне, ни потрясающей всякое воображение научной переделки homo sapiens, а потому не могло быть и вполне бесовской комедии, в романе столь же бесовском вполне по-бесовски разыгранной.

Новая смута была запущена грамотно, да и управлялась толково!

Из попущенного нарочито хаоса вырастал неприметно и новый порядок, да не сам по себе (синергийно-де!), а в соответствии со строгим и почти безукоризненным замыслом: явились вдруг новые господа — ниоткуда, но зато денежные, финансовые, появились и их подданные — прямо на месте, обезденеженные, призванные лишь к труду долговому — что задарма, что за кое-какое вознаграждение приличие, но ведь и к мытарствам тоже призванные, к маргинальству, к разбою и, разумеется, к исчезновению.

Всего несколько лет смуты — и страна обобрана, перевёрнута, захвачена, — как раз этими откуда-то взявшимися новыми господами — из своих же, прямо из сталинских, полусталинских и антисталинских закромов, с непризванными «рюриковичами», неизбранными «романовыми» да нелегитимными «.....» во главе.

И никакая философия не могла всего этого толком показать и объяснить, никакая наука, даже и никакая просвещенческая литература, — лишь… да, да… именно так… лишь досточтимый роман, писанный в страшные и славные 1930-е, когда Бог уже безоговорочно для умного и деятельного населения умер, а восставший немедленно и с размахом дьявол старательно ковал себе безоговорочную победу.

Вот тебе и камень философский, вот тебе и истина научная, вот тебе и образ литературный — всё вдруг и сошлось, но со временем, когда срок пришёл, когда ясно почему-то всё стало.

А чего проще: читай себе повнимательнее да на реальность смотри попристальнее, — вот, собственно, и всё, вот и вся премудрость!

Матрицу романную всего лишь разглядеть, да и наложить её на реальность, а уж потом ужаснуться от великого открытия, от истины, которая, оказывается есть!

Роман-матрица, роман-расшифровка, роман-истина!

И вполне ясным оказывается глумливо повторяющийся исторический сюжет, только почему-то это никем не замечается, ибо страшно, страшно осознать, что здесь-то всё как раз и есть, около, среди нас, в нас,

а не где-то там, не в запределье, не в преисподней, а прямо тут, на поверхности, на Земле, в России!

Страшно!

ЗНАМЕНИЕ

В начале лета 1998 года Москву поразил ураган.

Он не охватил всего расползшегося многоконечной звездой мегаполиса, хотя был и силён зело, а ударил по отдельным ме- стам, из которых особенно примечательными с романной точки зрения оказались… Кремль и… Новодевичий монастырь.

Сам Кремль сильно не пострадал, но вековые деревья в Александровском саду были срезаны словно былинки, — аккурат рядом с местом достопамятной встречи Маргариты с посланником дьявола во время полуторжественных и достаточно нелепых похорон бедняги Берлиоза — предводителя тогдашних московских писателей, лишившегося головы по причине наивной интеллигентской самонадеянности прямо на булыжной мостовой изнывавшего от жары столичного города.

Новодевичий монастырь тоже остался цел, но кресты на старинном храме, превращённом безбожной властью в музей, и на колокольне, давно уже молчавшей, либо слетели, либо заняли вдруг, надломившись у основания, несвойственное им горизонтальное положение.

Ураган сильно задел воображение москвичей — как купавшихся в подаренных новым режимом инфернальных свободах, так и изнывавших под бессовестным, каким-то бешено пляшущим гнётом этих же свобод: «Что бы это значило?!».

Горожане сразу догадались — здесь был какой-то судьбоносный знак: очередного ли скверного события, чего-то или чьего-то конца, а может, и каких-то, вполне и благотворных, перемен.

Знамение!

Для кесаревой власти прежде всего, но и для поддерживавшей её упорно Церкви!

Что ж, кесарю, как говорится, кесарево — сигнал был, видно, к исчезновению тогдашнего «кесаря» из Кремля, что и состоялось в итоге, правда, не в том же 1998-м, а в следующем — 1999 году.

Что касается Церкви, то… как говорится… Богу Богово, а потому тут не всё было ясно, кроме, пожалуй, одного, что Церкви надо было

что-то в своей жизни менять, если попросту не опамятоваться. Трудно сказать, насколько услышан был клиром чудесный сигнал, но… он-таки вдруг случился.

Ураган как будто бы звал к очищению!

Стали уходить из яви и погружаться в нарочитое небытие герои… гм, гм… не герои, конечно, а скорее… исчадия… новой революционной эпохи — не все, правда, и не дружной вовсе толпой, тем более, что отставной кесарь, уйдя на покой, гарантию неприкосновенности получил, а вместе с этим и возможность инспекционного парения над исковерканной им страной, в ней не слишком заметного, но, по-видимому, не совсем и нейтрального присутствия.

Тем же летом, чуть ли не в ответ на природную экстраординарность, кесаревой властью был устроен ещё один ураган — финансовый, названный незнакомым и загадочным для неискушенного и простодушного населения словом — дефолт, в результате чего карманы обывателей и закрома профанических банков и фирм были вполне профессионально, прямо-таки по-одесски, очищены: истаяли вдруг денежки и капитальца… точно так же, как это уже было в начале 1990-х с денежками и банковскими сбереженьицами освобождённых от гнёта коммунизма российских обывателей или же как это произошло с пресловутыми ваучерами, проданными хитроумным либерализованным государством всё тем же оглупленным отечественным обывателям в середине всё тех же славных 1990-х.

Истаяли, и всё тут!

И как тут было вновь не вспомнить о романе с его денежной развлекацией в бесовском варьете — бац! — и никаких тебе только что задарма прихваченных зелёненьких!

Ясно, что смысл и различаемые последствия урагана оказались неоднозначными, что было таким же действительным фактом, как и сам внезапно налетевший на Москву вихрь.

Революционное семилетие явно заканчивалось, наступало семилетие постреволюционное: раздрай сменялся на… что-то другое, как оказалось… на вынужденную стабилизацию победившего произвола, не столь, правда, радикальную, какой была революция, но более или менее явную.

Вся эта ураганная история как-то очень уж отдавала романным душком, что свидетельствовало о непреходящей смысловой ценности романа, его прогностической прозорливости и в то же время… ударной

действенности — роман не оставался лишь фактом литературной истории, а был вплетён каким-то образом в текущую московскую реальность, полную, как и в романе, бесовского калейдоскопизма.

Не унижаясь до плоского утверждения, что ураган стал следствием какой-то тайной интриги со стороны романа, — этого ещё не хватало! — нельзя всё же отделаться от мысли, что чрезвычайное событие это было как-то обусловлено романной сюжетикой, разумеется, в её мистической более всего части — ураган, ветер, свист, падающие деревья, сорванные крыши, согбенные кресты… что-то очень и очень романное, фантасмагорическое, из Москвы отлётное, прощальное, навстречное, в общем… к переменам!

Но это ещё не всё: если роман сам по себе и не вызвал внезапного атмосферного урагана, то он явно его раскрыл, раскассировал, распредметил, протрактовал… это уж точно!.. А также и сам, надо полагать, подвергся воздействию всей этой ураганщины, — вихрь не просто пронёсся над Москвой, но и прозвенел многообещающе над судьбой самого романа, задев не одни лишь романные места столицы, но и сам роман, его исторический след, память о нём, образующуюся от него перспективу.

Ураган ударил по Новодевичьему монастырю, а монастырь этот был не только любимым местом отдохновения отчаянного московского романиста, недалече от которого ему пришлось многие годы жить, крапая свой магический роман-кристалл, но и местом, рядышком с которым ему довелось упокоиться навечно под бывшим когда-то гоголевским камнем, совсем рядом, заметим, с прахом самого Гоголя, как и с прахом обоих отцов-основателей и иных лучших актёров его любимого московского театра, как и с прахом будто бы покончившей с собой жены… самого товарища Сталина!

Ох, ох, ну и по местечку же ударил ураган, ну и по смысловому узелочку, ну и по мистическому разноцветью — и всё-то там с автором романа было связано, с его мыслями, словами и текстами, с его судьбой и даже его… загробной жизнью!

На что-то ведь намекнул ураган в связи с романом? А если так, то на что?

Прощаясь в романе с Москвой с вершины Воробьёвых гор, Мастер вглядывался не только в Кремль, крыши московских домов и купола церквей, он взирал и на свой любимый Новодевичий монастырь, его золотые купола и высоченную колокольню, — и ежели Мастером этим и

был как раз сам писатель, то выходит, что писатель, тоже прощаясь в романе с Москвой, думал об этом явно знаменательном для него месте, может, и предчувствуя что-то по поводу конечного пункта своего пребывания на этом свете и начального пункта прибытия на тот свет — под монастырскими стенами, на далеко не православном уже кладбище, среди мертвецкой толпы погребённых там монстров революции и заядлых активистов безбожной эпохи.

Не мог ураган не подсказать что-то очень важное создателю романа, а вот что именно — кто знает?! — может, утвердительное, а может, ниспровергательное, как, возможно, и то и другое вместе, но что-то явно очень уж важное!

ЭФИР

Плоха или хороша подземка, но без неё нельзя, никак нельзя — без неё Москва задохнётся, как задохнулась она уже на своих улицах и проспектах от авто, от людей, от хамства.

И в подземке людей и хамства хватает, но она всё-таки едет, перегоняя людей туда-сюда, или и не людей уже вовсе, а просто их какие-то тени, отпечатки, футлярчики, а может, разъезжают по подземке в образе людском и самые обыкновенные… черти, разве лишь без явных рожиков, хвостиков и копытец. Впрочем, вглядись, читатель, как-нибудь повнимательнее, и явится вдруг перед твоими очами удивительные символы и образы, конечно же, виртуально-вообразительные!

Нет, не все жители и гости столицы, далеко не все, как это разумелось, по-видимому, и в романе, этакие милые и противные черти, более того, никаких собственно чертей и нету, а есть всего лишь образы чертей, да и не столько в подземке, что понятно, или за рулем авто, что тоже более или менее понятно, но в принципе-то повсюду — на тротуарах, в офисах, в поликлиниках, в магазинах, в конторах… ибо не очертенеть сегодня в мегаполисе — лишь поддаться на какую-нибудь духовно-сакральную уловку, отстав начисто от реальной жизни.

Осатанели как-то вдруг людишки, что говорить, омерзели, опоганились!

Тут, знаете ли, диагноз, только терминологически он не научный — какое-такое очертенение?! — но зато с эпохой Великой инквизиции удачно перекликающийся. Инквизиция, кстати, сегодня уже

не поможет, как мало помогла она даже в своё золотое время — чертей не поубавилось, а сегодня их вообще развелось видимо-невидимо, а с этим «чортовечеством» просто так не сладить, да и кому слаживать-то, если черти по всей житейской пирамиде и расселись, а на самом верху… нет, нет… уже не черти, там кое-что посерьёзнее, там сам князь мира сего со своей отборной камарильей, вроде конармии, сидит, наблюдает, восхищается.

Да-с, переворотец-то уже произошёл, изнанка уже верхом стала, — бац! — и нет человечка, нет и никакой общественности, а есть какой-нибудь человейчек, он же и чиповейчик, есть и большая, неконтактным по преимуществу образом управляемая, человейно-чиповейная биомасса, она же как бы и стадо людское, она же и электорат.

Есть и управитель всей этой массой, великий ею манипулятор, чертями маниакально пестуемый — эфир, точнее, не эфир сам по себе, а сознательно и целеположенно обустроенный и организованный эфир, некое показывающее, устраивающее и направляющее поле, само по себе невидимое — в отличие от той же подземки, но зато влетающее прямо в мозг, в ум, в души людские — картинкой ли, звуком ли, словом ли, светом ли, тенью ли, цветом ли, вздохом ли, ахом ли, в общем — информацией: просвещающей, сообщающей, ориентирующей, обучающей, образующей, волнующей, возбуждающей, воодушевляющей, компонующей, разбивающей, разделяющей, соединяющей, одуряющей, угробляющей, совершенно при этом разной, многовекторной, всеохватной.

Каждый человечек, он же человейчек, он же чиповейчик, в этом эфирном поле, точнее, в его паутине, барахтается, живёт, полагая себя при этом суперсвободным, а потому и свободно вытворяющим то, чего он вроде бы хочет, а на самом-то деле, чего хочет эта суперполезнейшая паутина — незаметная, вальяжная, гламурная, а при надобности и жёсткая, беспощадная, кровавая.

Аппаратики всякие теперь повсюду, ящички, коробочки, шкатулочки, мыльнички, и все они с экранчиками, на которых всё и видно: картиночки, буковки, циферки, и все это со звуком, с голосами, с речью, — почти как в реальности, а иной раз и получше, чем в реальности, ибо рядом, чётко, громко.

Человек теперь полностью в эфире, он им непрерывно пользуется, в нём живёт, ну и… намертво им схвачен. Тут полное единение: компьютерное, телевизионное, радиовещательное, мобилотелефонное. Человек ныне не просто в космосе, на земле, в атмосфере, в воздухе, среди

природы, домов и сооружений, в деревнях и городах, среди машин и в машинах, на дорогах, как и с теми же компьютерами, телевизорами, радиоприёмниками, мобилами и игровыми автоматами, разумеется, и среди себе подобных, как и рядом с братьями меньшими, — человек ныне — и это самое главное! — в созданном им самим, им же и напичканном чорт знает чем, благоустроенном, заботливо лелеемом и тщательно замусоренном эфире — технонооэфиросфере (да простит читатель за такое гнусное словечко!), которая повсюду и без ко- торой уже никакой жизни человеческой просто нет, даже в деревне, которой, правда, тоже почти уже нет.

Когда писался в грозные и вихревые 1930-е досточтимый московский роман, были уже радио, телеграф, телефон, кино, был даже граммофон, издававший шипящие, как у недовольной диссидентствующей змеи, звуки, но всё это воспринималось лишь как удобные вспомогательные средства и как второстепенные вещи, человеку верно служащие и на него сильно не влияющие. Так, видно, и было, за исключением, может быть, кино, но… человек всё-таки оставался человеком, а средства — средствами, а потому бесовские штучки, проделываемые Воландом с компанией, казались просто сказочными, фантастическими, ну, может, чисто цирковыми номерами, ибо не было тогда ещё повисшего в космосе и овладевшего земным пространством и временем технонооэфира, культивирующего уже не просто связь и развлека- ловку, а глобальный виртуальный мир, в котором каждый вооружённый каким-нибудь аппаратиком человек— полноправный член, а на самом деле… так себе — элементишко, если не отребьишко какое-нибудь жалкое.

Да, ныне человек живёт в эфире, посредством эфира, а во многом и ради эфира. Эфир — не средство бытия, даже не среда бытия, а само бытие уже и есть. Нечто, сравнимое с человеческим сознанием, но произведённым уже самим человеком. Заместив собою природу, Господа Бога и даже господина хорошего диавола, эфир, — это, повторяем, особого рода искусственное, самим человеком сотворённое мировое искусственное сознание, — обэфирил человека, его собственное сознание, превратив человека в некое особого рода эфирное существо — не ангельское и даже не демоническое, а скорее, в какого-то… эфирона, либо эфимера, существующего теперь наряду с ангелами, демонами и прочими зафиксированными, но не выявленными существами. А это, читатель, уже революция! Мы всё ждём будущего киборга, а он уже здесь, с нами, в нас!

Великая эфиро-киборгиальная революция!

Эфиризм! Не выдумка это вовсе, а самая что ни на есть реальность, если не забывать, что реальность эта имеет ирреальную, иллюзионную, виртуальную природу, однако перебивающую любую иную, то есть природную реальность, её изрядно замещающая. Солярис — тоже, выходит, не выдумка! Человек и не заметил, как превратил Землю в некий умствующий и действующий Солярис, в гигантский интеллект, человеческий по происхождению, но нечеловеческий по реализации.

Человек творит эфир, а эфир, вспомогая человеку, его бытию, творит человека, его бытие. Но закольцовывает это беспрерывное творчество, соединяя его начала и концы, не человек вовсе, а… эта самая техноноосфера, которая, находясь вроде бы в человеке (человеках), сама уже никаким человеком не является. Объединившись с Космосом, она тоже беспрерывно творит — в эфире и через эфир — а вот что? — это уже большой и самый на сегодня больной вопрос!

Теперь история не человека и человечества, а эфирека какого-нибудь, или же эфириста, и эфировечества (эфиросферы), да и история ли это, а не стремительный ли скачок куда-то — то ли вверх, то ли вниз, то ли куда-то в сторону — и на историю сегодня уже как-то не остаётся ни времени, ни пространства. Не отсюда ли эта набившая оскомину американская идея «конца истории»? Ведь история как будто бы требует человека, а ежели тако- вого уже нет?..

Посмотри, читатель дорогой, телевизор, послушай радио, погуляй по Интернету (а может, более всего по Интербреду!), поболтай от души по мобильнику, то бишь побудь в эфире, с эфиром, при эфире, и что? — и ощутишь не одну только зависимость от эфира и всех его аксессуаров, но и кое-что ещё, а именно… свою арестантскую принадлежность эфиру, своё растворение в нём, свою уже полную эфирогенность.

Прошло всего-то полвека более или менее интенсивного эфиризма и каких-нибудь полтора десятка лет бурного эфирного умопомрачения (компьютеры, Интернет, мобильники) — и вдруг перед нами совсем другой чело… нет, нет… уже не человек, а что-то другое под личиной человека, но, обрати внимание, читатель, даже в чём-то уже и физически другое, а не только… идейно, не только духовно, ибо не дух там более всего, а эфир… ну да ладно!.. не мы же вдували и вдуваем душу в человека, которую он отдал сегодня во власть, если не в замещение, им же созданному и созидаемому эфиру.

Соединим теперь кое-что вместе: роман, того же Воланда, его чудеса и фокусы, опять же Иешуа, Пилата, того же Иуду, а также загробное

счастье Мастера с Маргаритой, как и Москву тогдашнюю и Москву сегодняшнюю, метро, ныне главенствующий эфир… соединим и подумаем, не испытывая роковой зависимости от романа, эфира, как и самой тогдашней и сегодняшней Москвы… что же имел в виду автор романа, начиняя роман, ат- мосферу и славный град Москву столь необыкновенными, совершенно неестественными и прямо-таки курьёзными существами, событиями и сюжетами… и почему это мы не можем отделаться от мысли, что ничего уж такого нереального, — при всех вольных полетах голой Маргариты в ночном подлунном мраке, — в романе-то и нет?

Да-а, 2000 годы — не 1960-е!

Теперь-то уже ясно, что не только отдельные московские события, исторические сюжеты и сказочные персоналии каким-то чудом предвидел сообразительный московский беллетрист, но и сам новый мир, о котором вряд ли беллетрист и грезил, да не в техническом отношении (он даже о метро не удосужился в романе упомянуть!), а в совсем ином — как раз в эфирном, но не в техническом опять же отношении, а в чисто человеческом, точнее, в постчеловеческом (и античеловеческом тоже), когда эфир, делаемый вроде бы человеком, наполняется почему-то чем-то нечеловеческим и уж не ангельским вовсе, даже и не демоническим (демонизм-то всё-таки это качество, масштаб, слава!), а всего лишь с точки зрения тёмных иерархий каким-то прямо-таки плебейским материалом, то бишь мелкотравчатым, мелкочертовским, мелкобесовским… не более того!

Параллельно созиданию технонооэфира шло быстрое и неуклонное освобождение человека от уз весьма уже ему надоевших — культуры, религии, традиции, иерархии, патриархата, цензуры, но и власти тоже, то есть шла масштабная и всесторонняя, вполне и масонская, вполне и фрейдистская, вполне и бандитская, Либерализация, сравнимая разве что с Возрожденческой Революцией, результатом чего стало не просто освобождение человека… от человека, но и освобождение в человеке всего того, что так старательно преследовалось и удерживалось как раз всеми этими — культурой, религией, церковью, традицией, иерархией, патриархатом, цензурой, властью, то есть всего… как раз чертовско-бесовского, что, как оказалось, прочно сидело в человеке и лишь ждало часа массового революционного выступления.

Вот тут-то и подоспел наш эфирчик, который не только помог высвободить в человеке всё это чертовско-бесовское, но и сам немедленно

обернулся чортом-бесом, только очень обширным — паутинной чортосферой-бесосферой, долгожданным приютом всех чертей и бесов мира, в особенности, из либерализованной внезапно и мгновенно ничего не подозревавшей Москвы заодно с застигнутой врасплох дурёхой Россией.

Деньги, личный успех и комфорт — вот три кита, на которых плывёт в будущее нынешняя современность, а ведущую материнскую, воспитательную и манипуляторскую роль в ней исполняет таинственный, благодетельный, свободолюбивый и вседозволительный эфир, настойчиво и непрерывно отпускающий всем своим участникам все мыслимые и немыслимые грехи, кроме… кроме… пожалуй, одного — попытки остановиться, оглядеться, задуматься и опомниться, почему и не любит современность ни философов, ни мыслителей, ни каких-либо ещё тупиц-мудрецов.

Волхвы ныне не в моде!

Колдуны и экстрасенсы — не волхвы!

Не сразу читатель улыбчивого московского романа понял, что роман содержит в себе много такого, чего сам его автор и не собирался, наверное, в него запихивать, что роман этот — вовсе не только книга, которую держит в руках предвкушающий великое удовольствие читатель, что роман этот куда как обширнее своего текста, что он и есть… тот самый… созидательный эфир, который обрёл возможность показать себя во всей красе только сейчас, когда полностью утвердился в человечестве, в России, в Москве, тот самый вездесущий эфир, он же и эфиротеррор, суть и законы которого чутко уловил ещё в тревожные, кровавые и блистательные 1930 годы московский сероглазый романист, пристально вглядывавшийся из неуютных московских квартир в ненавистную ему новую жизнь и прозорливо различавший в ней всякую торжествующую чорто-бесовскую сволочь.

Возрадуйтесь, о-о, люди! — вы уже другие — свободные, раскованные, честолюбивые и ловкие, мало того, умные и изобретательные, настолько, что вооружённые эффективнейшим эфирным инструментарием, вы можете не просто покорить, но и навсегда покончить с природным миром, вас так унижающим, и впрыгнуть в мир иной — свободный и лёгкий, полный сверхзатейливой игры, молодости и непрерывных самолюбований, им- провизационный мир, совсем даже не обязательный, совсем и не страшный, скорее даже, обаятельный, мягкий, счастливый… правда… уже какой-то и не людской, или, лучше сказать, не мир людей, уже не склонный вовсе к ответственности и страданию, который вполне

жеманно способен миновать любой Божий Суд, ибо судить Господу будет в сущности уже… некого, а может… это как раз и есть тот самый Суд Божий, который уже вовсю идёт, а эфир — это всего лишь особого рода… гильотина, невидимое режущее колесо, которое уже неустанно трудится над идейными потомками Берлиоза — ответственно и справедливо!

И почему однажды внезапно загорелась, яростно и глумливо задымив на всю пореформенную Москву, останкинская телебашня — эта заслуженная уже, как старая идейная революционерка-террористка, эфироигла?..

2014 г.

БЕЛЫЕ СКРИЖАЛИ

Сумма иного знания
Антиучебник

ЧАСТЬ XI
РОССИЯ

ГЛАВА 1.
РОССИЯ КАК РОССИЯ

§ 1. Ничто — Нечто — Ничто

1. Россия — *Тайна*!

2. А потому и *Ничто*, но не то ничто, которое ничтожит, хотя и это имеет место в российском бытии, а Ничто, из которого всё как раз выходит — *творящее ничто*, из которого и всё время рождается Нечто — *Россия*! — она же и Славяния, Русь, Московское царство, Святая Русь, Российская империя, а теперь вот, после странноватого Союза Советских Социалистических Республик (где каждое из пяти слов не соответствовало никакой фактической реальности), Российская Федерация (где «федерация» — словечко тоже условное, показное, выставочное), а потому не просто нечто, а какое-то… *многое нечто*, почти-что и… *ничто*!

3. В каком историческом образе более всего собственно Россия — кто знает? Глубоки исторические корни России, они там — во внеисторическом Ничто, как и в историческом уже хаосмосе, а потому «Рос», или

«Рус», что-то совершенно и неизвестное — *иное*, а судя по самой странной России и её несусветной истории — и впрямь что-то *не от мира сего*!

4. Что есть на самом деле это «Рос», или «Рус», и не по этимологии, хотя это тоже интересно, а по смыслу — исходно-историческому, воспроизводящемуся, никак не исчезающему — *кодовому*?

5. Легко сказать — *архетип*, но вот какой? Меняющий культуры, институты, лики, но непоправимо бытующий, никуда не девающийся, а если и сам как-то меняющийся, то более всего симулятивно, камуфляжно, поддельно. Не просто архетип, а сквозной архетип, стержневой, стволовой!

6. Неотмироность России, её явная *инаковость* — не доказательство её прямой иномирности, но значимое указание на возможность таковой. Если так, то что тогда ожидать и требовать от России внятных разъяснений? Россия как молчала веками на этот счёт, так и продолжает молчать. Россия немотна, а ум человеческий Россию, как известно, не постигает. Тут лишь сверхсознательное откровение может помочь, да и то без слов и текстуальных заверений. В Россию можно только… *верить*!

7. Россия — объект не исследования, не познания, а *веры*! Веры в саму тайну России — ТАЙНУ! Откуда, зачем, с какой целью? Одна тут только констатация факта, да и то приблизительная. Кто, что, куда?

8. Большая тут, знаете ли, *Неизвестность*, восходящая к самой *Великой Неизвестности*. А потому Россия хоть и страна, и мир, и Евро-Азия, а более всего — феномен, который как раз не что иное, как *сам-себе-феномен*: некое *нечто* в контексте *ничто*, весь феномен из ничто и весь он в ничто, вся суть здесь не в сути вовсе, а всего лишь в знаке, в имени его, в самом слове «Россия» — РОССИЯ!

9. Научнику этого не понять, да и не всякий мнящий себя метафизиком это спокойно примет — весь «золотой смысловой запас» России ютится в этом кратком, загадочном и невероятно притягательном слове — «*Россия*»!

10. Объяснить тут ничего и практически никому невозможно, ибо здесь царство метафизиса российского, для выражения которого достаточно этого знако-смыслового зёрнышка — словца «Россия».

11. Весь смысловой код России сокрыт в слове «Россия», откуда сразу всё и выходит: не Европа и не Азия, хотя и Европа тут и Азия; что-то в сем пространстве явно есть, но вот *что*, если не *иное*, замешанное к тому же на антимире и чуть ли не на преисподней; вроде бы бытие, жизнь, кое-какая вообще экзистенция, но не слишком ли много небытия,

антижизни, всякого скверного mortido; как будто бы полнота, но почему-то не густая, не устойчивая, призрачная, как будто бы зависшая над бездной, в неё зачем-то и кусками ниспадающая?

12. *Россия — сплошной вопрос!*

13. То ли над «чёрной дырой» она, то ли в «тёмной материи», то ли в «зияющей пустоте», то ли у «немотной тверди»?

14. Если Россию не вдохновляет благоустройство, как и счастливое постоянство бытия, и если ей претят всякие осмысленные перемены к устойчивому лучшему, то для чего тогда она, почему она, вроде бы не успешная и не устроенная, в мировом бытии, да столько времени, да ещё и не на задворках бытия, а чуть ли не в самом его центре, а, пожалуй что, и на самом деле в центре?

15. Россия, конечно — феномен, но прежде всего как *идея*, а потом уже как живое целое, как душа, как тело. *Идея*! Какая же? Ах, если б знать, если б знать! Идея… без идеи, — без известной кому-либо идеи, по крайней мере. Идея-то есть, но… не человеческая она, не сею-мирная, тем более не суетная, не обыденная, не бытовая.

16. Она как раз там — на конце иглы, которая прямо в яйце, которое в ларце, а ларец тот, увы, где-то там, не здесь, не в этом мире!..

17. Не страна, а *чудо*!

18. Мир среди мира, но такой мир, который и миром-то не назовёшь. Фантом! Но такой, что худо от него не одному ближайшему контексту бывает, а и дальнему, да не от худа вовсе, а от незнания, непонимания и… *страха*.

19. Змий, конечно, но такой, знаете ли, змий, которого и врагу не пожелаешь! *Сам-себе-змий*! Непрочитываемый, немоделируемый, сам себя не знающий, одновременно вялый и внезапно подвижный!

20. Ничто она, Россия, из ничто выходит, в ничто и уходит, всё время оставаясь невнятным «нечтом» посреди бытия.

21. Шкуру свою время от времени меняет, образ, лик, а нутро своё держит, никому не отдаёт, не утрачивает, чем и спасается.

22. Что-то поглощает, что-то вываривает, что-то выдаёт, ни на чём не останавливаясь, жаждая чего-то необычного, нездешнего — *иного*!

23. А пока бытует — не бытуя, живёт — не живя, но зато дышит, сопит, ворочается!

24. *Загадка!*

25. Чья? Кто и когда её разгадает?

§ 2. Империум как Россия

1. То, что Россия — *империя*, мало кто сегодня уже сомневается. А вот почему и с каких пор–тут уж одни вопросы.

2. Не со времён вовсе неистового Петра Великого, а очень даже издавна — ещё с первых Рюриковичей! Да, империей тогда не называлась, но зато на- стойчиво ею жила: славный Святослав — первый, наверное, из возможных тогда императоров. Империи вроде бы не было, но всё-таки она была, хотя бы как прото-империя, может, тогда и не совсем прямая, но кое-какая наследница Византийской империи — соседская. Недаром Рюриковичи зарились на Визан- тию, а Византия старалась всё время хотя бы приручить лютую Русь.

3. Уже Владимир Святой — фактически император-сосед, а Владимир Мономах и подавно — с византийским вторым именем и с уже вполне имперскими регалиями. Ярослав Мудрый — чем не император, а что уж говорить об Иване III Великом? Империя на просторах Восточной Европы должна была возникнуть, и она таки возникла — сначала неявно, потом фактически, а затем уже и номинально.

4. *Империум* — не институт, а состояние, не факт, а потенция, не имя, а идея, не феномен, а ноумен. Рюриковичи пришли, спустившись на Русь с Севера по пути из варяг в греки, как раз империум строить, стараясь овладеть Византией, а вовсе не править местечково славянскими племенами, завидуя лучезарной имперской Византии. Что-то подобное в конце концов и случилось: Русь сама стала имперской, хотя и не без влияния угасавшей уже Византии, а Византия, разгромленная турками, сама прибыла на Русь — пусть уже и лишь идейно-духовно. *Империя русская, она же и восточно- европейская, свершилась!*

5. То ли потенциальный империум нашёл Россию, то ли Россия нанизалась на прораставший империум, но с некоторых пор и до сего дня Империум и Россия неразлучны: *Россия — империя*, а *империум* на востоке Европы, в Северной Евразии — *российский*!

6. Российская империя складывалась на основе… самой себя, складываясь в большое, а потом и огромное, государство. Расширение Руси на Восток, за Урал, в Азию было уже деянием свершившейся империи, лишь наследо- вавшей империи чингизидов. Сначала на Русь пришли имперские азиаты — ордынцы, немало замедлив, а потом и ускорив окончательное формирование русской империи, а по прошествии недолгого времени имперская Русь ответила натиском на Восток, подмяв под себя

северную чингизиаду. Освоив Сибирь и Дальний Восток, русская империя стала евразийской по пространству распространения, а вот по духу и букве — российской, в образе которой и пребывает аж по сей день.

7. Российский империум — особый империум, ибо, во-первых, это единое многоэтническое государственное образование; во-вторых, с этносом-лидером — русским этносом, но без этноса-господина; в-третьих, с имперским центром, но без метрополии и колоний. Это имманентный, можно сказать — гомоморфный, империум, отчего и весьма живучий.

8. Русский этнос, он же народ — имперский этнос, но не в силу господско-завоевательного характера (инстинкта), а в силу выпавшей на его долю *имперской миссии,* вовсе в российском случае и не сладкой.

9. *Русская имперская миссия* — грандиозная ноша, вполне и затратная, и тяжкая, и страдательная, но, безусловно, исторически значимая, судьбоносная, великая. Всякое рациональное объяснение здесь неполно, ущербно, неясно, ибо тут работает трансценденция — *Исторический Промысел*, ни заведомо, ни итогово вполне не осознаваемый и уж тем более не формулируемый.

10. Ни киевский Святослав с последующими Владимирами, ни Александр Невский с московскими Иванами, ни даже Пётр I с немецкими престолодержателями были создателями русско-российской империи, хотя в этом и весьма преуспели, — империя создавала себя сама — *сама-себе-империя*!

11. Восточно-Европейская равнина — место со всех сторон открытое для нашествий и колонизаций, отчего и неизбежность на этом месте большого гособразования, вполне и имперского. История как раз и выбрала в конце концов второе — ИМПЕРИЮ! И она — эта *империя* — состоялась, мало того — стоит, более того — укрепляется! А ведь по всем умным «расположениям» все империи-де разрушаются, да и вообще гигантам не жить более некоего сакрального срока, а вот имперская Россия живёт себе и живёт — иной раз и распускаясь, сужаясь, чуть ли не исчезая, но… непременно вновь собираясь, возрождаясь, даже и расширяясь!

12. Никак не осознать умникам всех образованных мастей, что дело тут не в феноменологии с её логической гносеологией, а в ноуменологии с её металогической онтологией, вполне и трансцендентной.

13. Лишить Россию имперского статуса, как и желать российской империи скорейшей погибели, конечно, можно, но… ах, этот нелюбимый

научниками метафизис, эта ненавидимая правильными учёными трансценденция, эта невозможная для просвещённого мира София… и Россия есть, и империя российская есть, и никакой *пост*-империи, не говоря о *пост*-России, пока не предвидится!

§ 3. Российская апокалиптика

1. Весь земный мир апокалиптичен, но российский — в особенности!

2. Место такое — открытое, ровное, просторное, переменчивое. Доступное и непонятное. Рискованное! Жить вроде бы можно, но трудно, затратно, жертвенно. Много темени, холода, сырости. И *Смерти* тут хватает! Не ад, быть может, но совсем и не рай; не преисподняя, но и не Свет Божий. *Хаосмос!* Русские не боятся смерти, они её презирают. Русские и жизни не боятся, они ею не очень-то и дорожат.

3. Великое тут смешение семен, генов, кровей. Этническая загадочность. Кто они — *русские*? Гиперборейцы, арийцы, скифцы? Славяне! Но ведь и угро-финны, и татаре, и тюркоиды. Однако — *русские*! И иными себя не видят, не знают, не называют. И весь мир за это — за «русских», даже и за нерусских русских — только «русских» с Востока Европы и знает.

4. Русскость — *неотмирность*! Все народы вокруг правильные и праведные, земные, кроме… русских, которые какие-то неземные, неправильные, ибо жить-де не умеют, и, само собой… неправедные, ибо не знают правды общечеловеческой — сеюмирной. Этим миром русские и в самом деле не дорожат и в нём ретиво и надёжно не обустраиваются, хотя мир *свой* таки имеют — *русский мир,* который на земле вроде бы, но и как бы вне земли, над нею, а может, и под нею — не совсем, так сказать, *здесь*!

5. Неотмирность русских, их неземность — причём вовсе не религиозного происхождения, восходит к трансцендентной апокалиптике русского мира, а с учётом геостратегического местоположения и метаисторического предназначения самого русского мира — к апокалиптике уже самой Руси-России.

6. Апокалиптика здесь не только не случайность, как вовсе не какое-то там отклонение, а самая настоящая органика. *Иным русский мир просто быть не может!*

7. Россия, хоть и *сама-себе-Россия*, но *не-сама-для-себя* Россия! Парадокс, надо полагать, но парадокс не земный — метафизический!

Россия сама тут вряд ли виновата, скорее тут заслуга высшего мира, а может, и низшего тоже, в общем — иномирья, никак не подлежащего суетному суду человеческому, даже и учёному.

8. Какой убедительный насельник Земли может со всей этой несуразностью согласиться: быть, стяжать, жертвовать, но… *не для себя*! Никакой! Да и русский не особенно с этим согласен, но… иная доля что-то у него никак не клеится, хоть и, чего греха таить, иной раз и сильно старается, а всё одно — заботы, траты, страды, да всё не для себя!

9. Даже империальность свою не может в свою же выгоду обратить!

10. Не настоящим живёт русский, а либо прошлым — то безмерно кляня его, то, наоборот, безудержно расхваливая, либо будущим — то сердечно чая его, то, наоборот, опасливо поджидая.

11. Быть русским, как и патриотичным россиянином — не просто, совсем не просто, ибо надо быть парадоксальным насельником земли родимой: любить её, отрицая, и отрицать, её любя!

12. Вот она — пресловутая раздвоенность русских, вовсе, правда, не шизофреническая, ибо вряд ли кто так осознанно и жертвенно стоит за землю свою родную, как человек русский, как, впрочем, за себя и за други своя тоже!

13. Каких-только любителей захватить землю русскую не бивал русский человек, кого-только не защищал и не освобождал он за пределами родной земли!

14. Хотя сам — сам в родной стране не только служил ей беспрекословно, но и рабствовал немало в угоду не столько стране, сколько её владетелям и в ней разного рода управителям. Империя в России — далеко не одна государственность как таковая, не только особое административное устройство, но и, увы, служба с рабством, в общем — *тягло народное и служение элитное*!

15. Армейскость здесь очень значима, дисциплина, исполнительность. Факт! Так уж сложилось: огромное пространство, редкое население, большие оборонные и наступательные задачи. Постоянное внешнее давление, периодические вторжения извне, грабежи и угоны родных людей в иноземное рабство, угроза колонизации. Будешь тут армией — даже и в относительно мирной жизни!

16. *История России — история почти непрерывных войн!*

17. И ничего удивительного, что в России имеет место и почти субстанциальное ею неудовлетворение, замешанное на отрицании, причём

не только чего-то в России, что вполне понятно, но и вообще России, что не так уж приемлемо, но в общем-то объяснимо.

18. Россия надёжно снабжена… *анти*-Россией, проявляющейся вовсе не обязательно в бегстве её особей из страны или ей откровенной измене, но и в весьма оголтелой критике России, её окарикатуривании и осмеянии, её, выразимся публицистично, очернении, мало того, её постоянном опровержении и желании радикально — реформно или революционно — изменить, разумеется, по передовому европейскому образцу.

19. История России — история имманентной войны России, как она есть, с отрицающей её анти-Россией, стремящейся к разрушению России, её коренному преобразованию, а то и погибели.

20. Большая это проблема России как земного феномена — нескончаемая борьба России с анти-Россией, что нередко трактуется как всего лишь борьба реальной исторической России с другой — при этом, разумеется, потенциальной — Россией. Ирреальная, но зато хорошая-де и правильная Россия, против России, пусть и реальной, но зато неправильной и нехорошей!

21. Анти-Россия — не историческая аберрация, не ошибка и не недоразумение, вообще не чей-то злой умысел — это реальная историческая данность, не могущая не возникнуть и не стать сопроводительным моментом российского бытия. Здесь великая историческая драма России, источник, проявление и действенный фактор её корневой апокалиптики.

22. *Служение Великому Неизвестному дорого обходится России!*

ГЛАВА 2.
РОССИЯ КАК СОБЫТИЕ

§ 1. Метаистория России

1. История это прежде всего *фактология*. Факты бывают разные, и среди океана поверхностных фактов теряются факты существенные, вообще мало замечаемые по причине их смыслового невосприятия. Описать фактическую историю более или менее можно, а вот понять её, оценить, вывести смысловую логику её движения очень сложно, почти что и невозможно. Это пытается делать *историософия*, но… где здесь критерий истинности, или хотя бы приемлемости, *металогических* рассуждений?

2. Всякая история ещё и *метаистория*, то бишь история не фактологическая, а смысловая, причём не в аспекте отдельных событий, а в ракурсе всего исторического процесса.

3. Фактологическая история России насыщена, интересна и важна, но гораздо значимее для понимания России и её истории, конечно же, *метаистория России*, в которой отражается как метасмысл самой России, так и её исторического движения, *метаисторической судьбы*.

4. Метаистория страны — история этой страны, её смысловая история, но не только, это ещё и, во-первых, история самой истории, т. е. уже не совсем и страны, а, скажем, её идеи, а во-вторых, история страны как один из потоков, более масштабной, чем страновая, истории — континентальной, региональной, мировой.

5. Идея такой *метастраны*, как *Россия*, конечно же, трансцендентна, она не сводится ни к одной практической задаче, решаемой в рамках сеюмирного бытия (что не значит, что такого рода задачи вообще не решаются Россией как страной, населением, государством, империей, хозяйством). У России есть, безусловно, какая-то *сверхидея*, связанная и с решением какой-то *сверхзадачи*, к исполнению которой Россия, возможно, только приближается.

6. Утверждать подобное позволяет то важное обстоятельство, что несмотря на в общем-то непрекращающиеся страдательные испытания и практически хроническое, за исключением кратковременных периодов, экзистенциальное неблагополучие, страна, во-первых, существует, проявляя недюжинную самовольную жизнеспособность, во-вторых, решает неподъёмные практические задачи, вплоть до свершений вполне мирового значения, в-третьих, не расстаётся с будущим, ей неведомым, и вряд ли таким уж светлым, но ею всегда упорно и с надеждой чаемым.

7. До Петра Великого Русь жила собою, укрепляясь и расширяясь, а также обороною от внешней агрессии, включая и освобождение от ордынского ига. С Петром и от него Русь, ставшая как раз с его нелегкой руки *Россией*, превратилась в несомненного субъекта сначала международного, а затем и мирового класса.

8. Бытие для себя, вполне и деспотическое по внутреннему устройству, хотя при этом и соборное, сочеталось у России с бытием не для себя, по крайней мере со времени Тридцатилетней войны в Европе. Участие во франко-наполеоновских войнах и в победе над Бонапартом придало России статус мировой державы. Но вместе с этим стало разго-

раться противостояние между мировым поли-державным (одержавенным) контекстом и едино-державной, в то же время и социо-державной, Россией, не утихающее до сих пор.

9. Заметим: *между Россией как мировой державой и мировым — не менее державным — контекстом*!

10. Метаистория России обусловлена (sic!) не только Россией, включая и беспокойно беспутную анти-Россию, но и мировым державным (заинтересованным, неравнодушным, настырным, агрессивным) контекстом!

11. Для новейшей всемирной истории это более чем явленно!

12. В чём же тут дело? Частично, конечно, в физисе: бескрайнее жизненное пространство России, её огромные материальные ресурсы, удобное евразийское местоположение — всё это привлекает агрессивно-колониальное внимание кое-кого из сильных мира сего. К этому надо добавить вполне физического характера конкуренцию, которая способна выдавать мировому контексту хозяйственная, производительная и творческая Россия. Но главное всё-таки не в физической стороне дела, а в… *метафизической*!

13. Мировой державный контекст, разумеется, против самого по себе метафизиса России, причём вполне против как раз метафизически: неприятие, если не ненависть, не знает ведь ни разумных объяснений, ни рассудочных оправданий, ни достойной меры, хотя имеют место, конечно же, и завиральные объяснения, и жалкие оправдания, и апология безмерия.

14. Инаковость России, причём инаковость северной, европейской, «белой», даже и арийской, России, её явная альтернативность ЕвроАмерике, давно вызывают не одно лишь раздражение передового Западного мира, но и его страстное желание расправиться с дикой, нелепой, «медвежьей» страной, лишь-де мешающей общечеловеческому прогрессу, реализуемому по европо-ренессансным, а сегодня уже американо-постмодерновым, лекалам. Отсюда и Бонапартово нашествие, и Крымская война, и германский империализм, и большая европейская война против СССР, и холодная война против того же СССР, и «победа»-де Запада во главе с США в холодной войне над СССР, и сегодняшняя «гибридная война» против Российской Федерации, включая те же текущие антироссийские санкции.

15. Тут, правда, не одно лишь неприятие всего иного в России, но и явный страх перед нею, даже и перед расстроенной, обескураженной

и обессиленной по итогам прозападных «преобразований» 1990-х гг.

16. Феномен анти-России, вовсе не лубочный в самой России и не сугубо «культурогенный» из-за её пределов, имеет давнюю историю — хотя бы с момента Великой Смуты и большой тогда в Россию иностранной интервенции, — и история эта совсем не безобидна для России: здесь и гражданские войны, и вторжения, и бунты, и антироссийские реформы, и столь же антироссийские революции.

17. Что было русского, как и православного, в тех же петровских реформах, в декабрьском возмущении 1825 г., в александровских реформах 1861 г. и последующих лет, в тех же революциях 1917 г., как и в «преобразованиях» славных 1990-х? Зато уж антирусского было хоть отбавляй!

18. Россия бытует в мощном антироссийском историо-стратегическом перекрестье, точнее, в двух перекрестьях — внутреннем и внешнем, в которых вертикаль — Россия, а горизонтали — антироссийские!

19. Однако Россия всё- таки… остаётся… Россией! Невозможность, сказка, чудо! Даже СССР не смог избавить евразийское пространство от России, даже большевики со сталинским социализмом, даже мировое революционное движение со своей международной социалистической системой во главе с тем же СССР, а что говорить о Петре Великом, с его неуёмным европеизмом, как и об онемеченных, хотя изрядно и обрусевших, Романовых? Вот и глобалическая анти-российская реформация 1990-х терпит в России поражение — перед подёрнутым многовековой патиной таинственным ликом России, точнее, с неисчезаемой и неисчерпаемой тенью России, её загадочным архетипом, её потаённым метафизическим кодом.

§ 2. Выворачивание вывернутого

1. История течёт, кружится, вихрится; загибается, колеблется, волнится; пульсирует, резвится, рвётся; падает, поднимается, длится.

2. Змея — образ хода истории, её «походки»; спираль — модель её витиеватого, возвратно-поступательного движения; экспонента — фигура безудержного подъёма, флаттер — спутник внезапной судороги; кризис — свидетель болезненной ломки; «черная дыра» — символ упадка и конца.

3. Всякое из возможного и невозможного присуще истории, её затейливому движению; всякое можно обнаружить и в российской исто-

рии, её страдном многоструйном течении; особого внимания заслуживает то, что можно назвать *выворачиванием* бытия-истории с непременным затем *выворачиванием вывернутого*.

4. Причём выворачивания — необязательно с «плюса» на «минус», или наоборот, как и выворачивание вывернутого тоже. Выворачивание — всегда из себя, а вот выворачивание вывернутого — вовсе не всегда в себя, тем более — прежнего себя.

5. Та же Великая Смута, случившаяся на Руси в начале XVIII в. — великое выворачивание Руси из самой себя — прямо в Нерусь, а потом, уже по ис- течении великих страданий, мук, потерь, потоков крови и выворачивания вывернутого, но лишь частично с возвратом назад, к Святой Руси, а генерально всё-таки уже к иной Руси — вовсе не Святой, а Романовской, этакой евроРуси, что и было завершено и утверждено Петром Великим, как раз и превратившим Святую Русь в имперскую Россию.

6. Почему же такая вот вывернутая двухходовка непременно случается, во всяком случае, в Руси-России? Ясно, что от какого-то крайнего общего неустроения; от тотальной несправедливости; от замшелой косности структур и институтов; от безумной временами усталости; от великих, вполне и хронических, разочарований; от острого желания перемен; от жажды свежих бытийных дуновений; от непонимания со стороны властных кругов необходимости и направления изменений, их нежелания и неумения действовать. Такого рода события — свидетельство поражения прежде всего доминирующей и правящей элиты.

7. Одинаково, конечно, такие грозные события не происходят, они всегда разные, хотя и немало между собой схожие. Хаос, насилие, тьма, зверство, падение, смерть — вот адовы спутники вывертовых потрясений!

8. Упомянутая выше стихийная Великая Смута, как и сознательно проводившиеся петровские реформы, не избегшие грубых и смертоносных выворачиваний — аж на целый век хватило!; революционная страда уже XX в., определённо начатая 1917-м годом, а завершившаяся лишь с Великой Отечественной войной, легитимировавшей большевистскую новь; постсоветская (фактически — послесталинская) реформация, начатая «вежливо» в 1980-е и «невежливо» продолженная в 1990-е, кое в чем повторившая петровские и даже большевистские преобразования (сверху, антироссийски, беспощадно!).

9. Как будто гигантский невидимый лемех, ведомый большой инфернальной силой, проходится время от времени по российскому

бытию, его нещадно переворачивая вверх дном, выталкивая наверх *антибытийный антимир,* мгновенно захватывающий инициативу и творящий что-то невообразимое, хотя всегда и не до полного завершения — жизнь не даёт, само бытие противится, инстинкт самосохранения срабатывает, традиция, архетип, культура споспешествуют, почва удерживает, даже и трансценденция велит.

10. Однако мимо сих беспощадных, неудержимых и жертвенных «пахот» реальная история всё-таки не проходит, уступая время от времени натиску безобразной, но деятельной *антиистории*.

11. Иметь долгую, насыщенную событиями и деяниями историю — уметь выворачиваться, во всяком случае — *России*!

12. Вот и сейчас в России очередное *выворачивание вывернутого — пост*-реформенное, ищущее новой исторической нормы для России, как и её нового исторического образа, причём… sic!.. *российского,* а не европейского, американского или же пресловутого «общечеловеческого»!

13. Процесс не во всём явный, довольно-таки и скрытый; вовсе и не простой и не лёгкий, скорее — трудный, тернистый, терпкий; не без вязкого себе противления, но уже неостановимый; *Россия ищет себя в новой России;* она возвращается к себе, к себе прежней уже, конечно же, не возвращаясь. И это всё вопреки сначала петровскому, затем большевистскому, а сейчас вот и глобалическому, пленениям.

14. Выворачиваясь и выворачивая вывернутое, Россия бытийно-исторически изворачивается, то намеренно-стихийно уходя от себя, или стихийно-намеренно к себе возвращаясь, — и всегда в новом облике, пусть и непременно лишь на срок.

15. Своеобразный хаосно-кризисный, как и поиско-возрожденческий, циклизм: и всё это от неотмирности включённой в этот мир России, её необычного эгрегора.

16. Идея России — *Россия*, но она — идея — не только в России, она и в мире — как одна из ведущих мировых идей!

17. Изворачиваясь, Россия служит этой идее, как её постигая, так и её созидая, ибо идея сия — идея софийная, вполне и трансцендентная, и знать её не положено, ибо Россия, перестав изворачиваться, вдруг и остановится — вместе с миром!

§ 3. Россия в мире и мир в России

1. С некоторых пор, а именно петровского имперского взлёта, Россию никак уже не отделить от мира, не говоря о Европе и Азии. Россия — *на мировой арене,* сначала вроде бы в чисто европейском мундире, хоть и с русским в основе умостроением, не говоря уже о душе, а потом и в альтернативной Западу и Востоку, а также самой России трудовой интернационал-коммунистической робе, хотя и с неустранимыми до конца особенностями этнонациональной ментальности, «почвенного» поведения.

2. История мира — не история России, как и наоборот, история России — не история мира, но нет ныне истории мира без истории России, как и истории России без истории мира.

3. Бытие России тесно переплетено с бытием мира, а бытие мира — с бытием России. Россия — не просто мировая держава, это ещё и *держава мира*, на которой, как и на ряде других мировых держав, как раз и держится сегодня весь земный мир!

4. Не Россия как таковая уступила Западу во главе с США в холодной войне: Западу уступил, немало при этом и проиграв, СССР, который хоть и был наследником Российской империи (то бишь Руси-России), но наследником во многом отрицательным (противостойным), а потому и не был он собственно Россией. СССР — вовсе не российское по идее, замыслу и исполнению образование, хоть и имевшее в себе немало чего пара-российского, даже и пара-русского.

5. Россия же, сидевшая в СССР почти что по уши в Нави, наоборот, спасла, выскочив вдруг из Нави — сначала в духе, а потом и в Яви, то, что оставалось от СССР на евразийском пространстве, включая и все вдруг явившиеся на свет божий «независимые государства». Если б не сохранившаяся чудом Россия, не было бы ни самой России, ни сонма «самостоятельных» государств-отпрысков (как бывших «союзников», так и нынешних «союзничков», как и, разумеется, нынешних ярых противников и сердешных «противничков»). Только российский оборонный потенциал («ракетно-ядерный щит») позволил как продолжиться самой России, так и статься всем «*братским*» государствам, ряд из которых сегодня даже ходит в отъявленных врагах России (и опять же вследствие того, что есть она — *Россия*!).

6. Не будь России, никаких «независимых государств» не было бы — ни тех, что вроде бы сейчас с Россией, ни тех, что явно уже против неё: одних Россия отечески прикрывает, другие же пока нужны

оппонентам России в роли антироссийских врагов-поскрёбышей.

7. Теперь война ведётся не против СССР с его мировым социалинтер-проектом, а против как раз России, даже и не Российской Федерации. Только-только освободившись от СССР, пусть и ценой суверенитетских, территориальных и иных потерь и уступок, как и ценой разделения русского мира, Россия, только-только начав сосредоточиваться и подниматься, как сразу же стала не по своей воле безоговорочным врагом… э-э… нет, не всего мира, конечно, но его передовой части — западной — это уж точно!

8. Здесь виною три обстоятельства:

1) сама Россия — как альтернативный проект трансцендентного Промысла, вполне и Софийного (думал ли Пётр Великий, для чего толкал взашей Россию, выводя её на мировой геостратегический простор?);

2) морально-когнитивно-силовая катастрофа, в которую Россию увлёк с помощью Запада заскорузившийся, умопомрачившийся и стратегически растерявшийся СССР, не помешавшая России удержаться, сохраниться и выжить, мало того — собраться с силами, обновиться и выйти на новый для себя исторический рубеж — уже и *явно российский*!;

3) разгорающийся проектный, цивилизационный и лидерский кризис передового Западного мира, уже и как кризис явно апокалиптического характера, заставляющий Запад не только сильно нервничать, впадая в отвратительно неодолимый флаттер, но и вести авангардно-арьергардные сражения с вовсе не атакующим его, а лишь поднимающимся во весь свой недюжинный рост, северным евразийским исполином (вот только кто здесь за Голиафа, а кто за Давида — вопрос).

9. Запад во главе со всё более обезумливающимися США только вступил в свой разносный субъектно-системный кризис, подстёгиваемый яростно торжествующим Постмодерном и новой технократической революционной авантюрой, а вот России уже довелось пережить «расцвет» своего апокалиптического кризиса, с которым, освобождаясь из-под «опеки» кабально-колониального Запада, она собирается навсегда покончить, не без труда и проблем выходя на новую историческую прямую.

10. Китай по своему обыкновению трудится, пыхтит и помалкивает, надеясь избежать нового для себя бешено-системного кризиса — уже «буржуазно-капиталистического», да и овладеть тихой сапой освобождающимся от Запада полумиром. Что ж, всякое возможно под высокими восточными небесами, в том числе и внезапный целостный кризис и самой Поднебесной!

11. Едва наметившегося в яви подъёма России как самостоятельного державного субъекта мирового класса вполне хватило для того, чтобы Россия вдруг оказалась… *в центре мира*, даже и для своих заклятых партнёров вроде ЕС и США, разумеется, в идейно-морально-духовном аспекте, а никак не в политическом, экономическом или военном (хотя как на это всё посмотреть!).

12. Мир потянулся к России как к провозвестнику *мировой правды*, не молчаливо вовсе, а вполне звеняще противостоящей изрядно уже надоевшей человечеству утонченной *мировой лжи*.

13. Что касается всё ещё вроде бы передового, хотя уже и весьма антимировского, Запада, то он стал активно подтягиваться, используя и «независимые государства»-поскрёбыши, к России и её границам в качестве её принципиального-де противника, не стесняющегося вести против России хоть и не объявленную, но вполне уже реальную, войну.

14. Военно-базовская «*Анаконда*», созданная ещё со времён холодной войны против СССР, хорошо известна и никаких сомнений относительно её антироссийской заданности не вызывает. Сложнее осмыслить другое: все остросюжетные события последней четверти века вроде югославских, ближневосточных, европейских, латиноамериканских, кавказских, прибалтийских и тех же польских с украинскими — события хоть и прозападные (проамериканские), но при этом непременно и *анти-российские*!

15. Война, она и есть война!

16. Россия сегодня — *в войне*!

17. Однако не только в почти лобовой войне с недовольным и страшащимся России Западом в лице тех же США. Глобальный передовой мир успел за время советско-российского отступления основательно проникнуть в российский социо-хозяйственный организм, превратив его в этакого глобо-российского, либо россо-глобального, кентавра. Всякий мир нынче бытует в России: российский, глобальный, анти-российский, антиглобальный, не говоря уже о всё-ещё-человеческом и уже-анти-человеческом мирах (мире и антимире).

18. Так что ежели война, в которой сейчас Россия, то уже не только война с явно выраженным внешним противником, а и внутренняя — почти что уже и гражданская — война, которая как раз в России… и есть.

19. Не умно и не перспективно пугаться в эпоху лукавого и лживого Постмодерна таких вот «жутких» слов-понятий, как война или гражданская война, ибо, во-первых, это не те, не бывшие ранее горячие войны,

хотя таковые и в современном мире имеют бодрое хождение, а войны особого рода — как бы мирного, а потому войны изоляционистского, диффамационного, осадно-изматывающего, удушающего характера, — очень и очень опасные это войны — не всегда и заметные, но зато всегда коварные и беспощадные!

20. *Не только Россия в войне, но и война в самой России!*

21. Однако весь мир планетный ныне в общемировой войне — *новой войне* — «армагеддонистой», после которой ежели мир земный и останется, то останется совсем уже другим — как количественно, так и качественно, ну и конфигуративно тоже. Россия прямо в эпицентре сей последней войны, что и плохо, и хорошо одновременно — рискованно, конечно — до умопомрачения, но зато и ясновидчески *мобилизационно*!

2016 г.

СОФИАСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

(НЕ) УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Тетрадь восьмая

1. Россия — большое с позиции западного рационализма… *недоразумение,* подлежащее непременной ликвидации. Накрыли было его интербольшевизмом, чтобы растворить Россию в мировом революционном месиве, а она — Россия — хоть и не воскресла в СССР, но и не исчезла насовсем, уйдя сначала в навь, а потом, уже в связи с большой мировой войной 1939—1945 гг., вдруг настойчиво замаячила в яви.

Неистребимое какое-то недоразумение, эта Россия, вполне и загадочное, да ладно бы для ЕвроАмерики или Китая, а то и… *для самой же себя*!

Да, Россия ушла внутрь СССР, оставаясь его фундаментальным ядром, вовсю при этом и эксплуатируемым — ради развития так называемых «национальных окраин», продолжения мировой красной революции и поддержания мировой красной системы (соцсистемы), но, уйдя внутрь и притихнув, она продолжала существовать как божий дух в преданном ей русском и не только русском народе, хотя и преданном в значительной мере как бы само собой, без достаточного на то собственного осознания.

Феномен бытия-небытия (или небытия-бытия) России в сердцевине СССР, у которого ничего из могучего и живоносного, кроме России,

и не было, а также бытие-небытие России в среде мирового социал-коммунистического движения, включая международную соцсистему, заслуживает особого внимания и соответствующей, как всегда недоумённой и неясной, оценки, разумеется, не очень-то простодушной и вовсе не самой низкой.

Да, была, выжила, устояла, почти что и безымянная — как какое-то *ничто* («безымянная высота»). Скажут, что была же РСФСР, что русские отмечались в паспортах как именно русские, что культивировались русский язык, русская литература и русское искусство, что были на слуху и в сердцах Александр Невский, Александр Суворов, Александр Пушкин — всё это так, но… неприлично как-то было всё-таки публично и во весь голос называться русским (тут тебе сразу в личность и бросали пресловутый «русский великодержавный шовинизм»); нельзя было иметь ни русских клубов, ни домов, ни собраний; да и государственности русской тоже ведь не было, а была лишь её грубая имитация; не было и собственно России, ибо РСФСР — не Россия, а уж СССР — тем более.

2. Однако пробыла, пережила, сохранилась! Загадка? Для науки, не признающей ни духа, ни этнодуха, ни архетипа, ни трансцендентного предназначения, вообще ничего не признающей, кроме пресловутых фактов, из которых в лучшем случае за достоверные можно принять лишь четверть, это, конечно, загадка, точнее, и не загадка вовсе, поскольку что-то такое — как раз загадочное — науку попросту не задевает.

Для метафизики же тут никакой загадки нет: русскость — это что-то в русском человеке корневое, стволовое, кровное, а потому русский человек над этим и не задумывается: живёт себе по-русски (разумеется, не так, как миру надо, очень уж неуклюже, непотребно, плохо) и всё, а в это «по-русски» входит не только всё текущее жизнеотправление с неизбывным инстинктом выживания, но и бескорыстные подвиги, непреднамеренные жертвы, неординарные поступки, чуть ли не крамольная реализация русского мира в его грандиозном безграничье.

Русскость — это *неотмирность* прежде всего, а ежели чуть-чуть поразмыслить, то и *ино*-мирность, а соответственно — открытость, незашоренность, импровизационность, ну и гибкость, «ртутность», эластичность, а также стойкость, крепость, упорство.

Ничего ведь хорошего в русском мире с позиции обыденности нет (ни для ЕвроАмерики, ни для «азиатчины»), но… где же на самом-то деле больше духовно-идейной свободы, чем в русском мире, — и это при систематическом насильственном «упорядочении» русского мира:

то рюриковщиной, то византийщиной, то ордынщиной, то неметчиной, то марксизщиной, то евроамериканщиной, то глобализщиной?

И выходит, что где обыденно не очень хорошо, даже и плохо, там духовно почему-то не то чтобы хорошо, но совсем не так уж и плохо.

«Умный русский — самый свободный человек в мире» (Достоевский), а Россия, как ни странно — самая свободная в мире… э-э… территория, но не геостратегически, а… метафизически.

3. Ах, *этот метафизис России*!

Ничего в нём не понять: отчего, зачем, с какой конечной целью?

Да-а, бытует, не бытуя — по-человечески; прозябает, сидя на богатствах, их зачем-то оберегая и всем раздавая, но ими почему-то для своего же блага не пользуясь; падает вниз ни с того, ни с сего, чтобы затем вдруг ни с того, ни с сего подняться; распадается внезапно, чтобы затем вновь слиться воедино; терпит обидные поражения и тут же одерживает славные победы, не извлекая никаких уроков и не получая никакого серьёзного за победы вознаграждения, и т. д. и т. п.

Не страна, а про-*стран*-ство, ещё и *стран*-ное пространство (про-*странн*-ство), при этом и непрерывно воспроизводимое, причём воспроизводимое как пространство… *российское,* а не европейское, ордынское или византийское, хотя и европейское, и ордынское, и византийское; в общем — неразгадываемый тут феномен, который ни умом не понять, ни «аршином общим» не измерить!

Только-только страна, бывшая внешне «СССР-ом», а внутренне более всего Россией, потерпела крах, пала, рассыпалась, оцепенела, чуть ли не канула в бездну, даже под внешнее из мирового глобального центра управление подпала, «уколонилась», сдалась по всем статьям (более, чем даже на милость победителю) и вдруг… мало того, что заговорила великодержавно, но и действовать стала как великая держава, достав из сказочной заначки верный «меч-кладенец» да снова взявши его в свою богатырскую руку.

Но если б только это: Россия — явный укор империальному Западу и твёрдая кость в евроамериканском прожорливом горле!

А всё почему? Как раз из-за непонятности России и её сакрального предназначения, её собственного проекта и зашифрованного в ней исторического промысла.

«Код да Винчи» — есть вроде бы таковой, но ведь есть и *код России*, скрытый не только от жадного мира и его алчных ясновидцев, но и от самой России, разве лишь волхвам был известен, а может, ими,

на прощанье, и заколдованно упрятанный где-то в Нави.

Россия бытует, не бытуя — в общепринятом смысле, не столько при этом в согласии со своим кодом, сколько с ним в нестройном соответствии, по причине его и в угоду ему, этого кода и этому коду, неразгаданности — до поры!

А пора эта непременно придёт, может, она уже и при дверях, ибо о чём могут говорить вынужденное вылупление России из СССР-яйца, её явный вроде бы крах и немедленный, совсем как будто бы и неявный, подъём — впервые, быть может, за свою длинную историю… как именно России?

4. Да-а, *чудо* — очередное русско-российское чудо, но при этом и самое значительное, которого никак не могло и не должно было случиться, но которое обрело-таки случай и имеет-таки наглость быть — прямо на глазах изумлённого, досадующего, негодующего и при этом по-своему восхищённого человечества!

Сама Россия ещё этого даже не осознала, но дело ведь не в осознании, хотя это и важно, а в *пред*-намерении Бытия-Истории, которое никого *пред*-варительно ни о чём не спрашивает — иначе какое же тогда варево от Бытия-Истории со всей своей неустанно работающей *трансценденцией*?

Россия не знает достоверно ни своего глубинного прошлого, ни своего возможного будущего, ни своего прикрытого пеленой добротного лжезнания истинного настоящего. Она не знает, что же она на самом деле, зачем она, когда же она в истине, — и в этом, заметим, её огромное преимущество!

Другие всё о себе знают (так им, во всяком случае, кажется) и весьма в себе, своём прошлом, настоящем и будущем уверены. Русские ничего толком о себе не знают и ни в чём, кроме своей странной своеобычности, не уверены. Правда, они верят в Россию — Россия для них как раз и есть их главная, невысказываемая и необоримая религия. Именно так — РОССИЯ! Даже ежели сами русские не встречают со стороны объекта своей неугасимой веры большой к себе самим любви, а частенько как раз бывает наоборот, что и поражает русских, и задевает, и гневит, но… какой же русский без своей матушки-России?!

Странно всё в России, невероятно странно — невообразимо!

Факт!

Однако ничего воистину миро-судьбо-носного в России бы не было, не будь она как раз вот такая — *невообразимая.*

Дыра вроде бы тут тёмная, но… и миро-значимые победы, включая победу над фашистской Европой (не Германией только, а именно над Европой, чего Европа простить России никак не может!), как и победу космическую (от Циолковского до Королёва с Гагариным), а теперь вот и надвигающуюся победу над глобалистским ультраколониализмом.

Только невообразимое, невозможное, из-ряда-вон-выходящее рождает ведь что-то не просто необыкновенное, а и попросту… *несбыточное.*

Тоже ведь факт!

5. Россия, таким образом, — либо какое-то невразумительное *ничто* (неопределимое, непрочитываемое, нетрактуемое), либо это какое-то запредельное нечто, миссия и судьба которого где-то за пределами воспринимаемого земным умом земного мира.

Корневые и постоянно возрождающиеся противоречия с Западом и Востоком, с ними противостояния и им противодействия — вовсе не желание России заняться чем-нибудь этаким — *экстраординарным,* как и не стремление России к империальной экспансии (нынешняя Россия — не СССР, да и не Российская империя тоже), — тут не просто сложнее, а гораздо иначе, ибо тут работают мало того, что метафизические, но и вообще не поддающиеся людским квалификациям *энергии-информации*, лишь проходящие через головы кое-каких особых элит и кое-каких действующих наяву личностей, причём вовсе и не обязательно ими — этими элитами и этими личностями — адекватно и вполне воспринимаемые.

Бытийно-историческая мистерия — не впопыхах брошенные случайные слова, а самый настоящий факт, более всего метафизический, как и фактом является наличие у сей мистерии каких-то иномирных мотивов и интенций.

Запад — органический, вплоть до сладостного безумия — противник России, но, заметим, Восток тоже ведь не органик России, хотя Россия содержит в себе и Запад, и Восток, однако содержит их как российские Запад и Восток, что как раз и не устраивает ни Запад, ни Восток.

Россия — это РОССИЯ, и ничто другое, что страшно Западу и неприемлемо для Востока, но что оказывается неподдельным бременем для самой России.

Россия — *бремя самой себя,* — и иначе быть не может, ибо Россия — не Запад и не Восток, а что-то совсем другое, самой России и не слишком ясное.

Россия воспринимает себя более духовно, бессловесно, откровенчески, чем умственно, нарративно и «знанчески». Россия — это воля, воля и ещё раз воля, причём воля сама по себе, не имеющая удобоваримого интеллект-обоснования. Вот откуда немотность России, её как бы безличность, даже и невидимость, хотя слов уже сказано по поводу России много, а воз российский всё там же — в *неведомости*!

6. Но ведь это же сила — *сила России*!

Россия в прямом контакте с самим *Великим Неизвестным*, ибо, существуя, не имеет на себе никакой квалификационной печати, отчего и способна к немыслимым импровизациям.

Война, ведущаяся вот уже не один век против России, а ныне получившая лишь новый отчаянный импульс, обретя по ходу и новый камуфляжный облик, выдавливает из России, ни в ком не нуждающейся в силу своей сквозной самодостаточности, очередную импровизацию, но, что особенно важно, уже… *российскую*, а не какую-нибудь ещё.

Теперь на бытийно-исторической арене, пусть и глобализированной, не что иное, как *собственно Россия*!

Никто ни в мире, ни в самой России *этого* не ожидал: уж как ей отказывали, поносили её, отрицали, даже и хоронили, а она — Россия — тут как тут, причём не иначе, как *сама себе проект.*

Какой же? А кто ж это знает, кроме Великой Неизвестности да, может ещё, Бога Творца?

Россия восстаёт из небытия как… а ведь нет в окружном дискурсе ни подходящих слов, ни понятий, ни определений, ни заключений, ибо Россия возникает (обратим внимание на это «возникает») как что-то небывалое, неконечное, неопределимое, преодолевая, но при этом и сохраняя, стихию, хаос, беспорядье, вырабатывая какую-то иную — не западную и не восточную — модель бытия, в которой нет тоталитаризма, но есть согласие, пусть для кого-то и вынужденное; нет народовластия, но есть народность; есть «базар», но нет анархии; нет единомыслия, но есть национальная соборность; нет полного здравия, но есть жизнетворное очищение; нет всеобщего благоденствия, но есть заинтересованное бытие и т. д. и т. п.

Главное тут в том, что Россия, не избегая ничего из хорошего и из плохого, ухитряется строить из себя не что иное, как… *жизнеспособный организм.*

2017 г.

ОТШЕЛЬНИК
или
вестник не от мира сего

АНТИРОМАН
Иное об Ином

Россия

Ах, Россия, Россия, распутная, замордованная и расчудесная страна, страна-загадка: что ты, откуда и зачем ты, куда ты, с какой целью?

Нет ответов — молчит Россия — уходя немедля в Тень, в Навь, в Иное, едва заслышав неудобный для себя вопрос, да не то что куда-то уходя, а ещё и выпуская из себя какое-то дурманящие защитное марево и напуская это обезумливающее марево на любого вопрошающего безмолвной невидимой завесой: думай, что хочешь, стране российской всё равно, хотя и не всё равно самой по себе России — как идеи, как концепту, как трансцендентному зе́мному феномену с горьковатой неотмирной закваской, что заставляет вопрошающего задавать и задавать свои вопросы, ища ответов не так у России, которая молчит, как уже у самого себя — русского!

Россия есть, но её как бы и нет, России вроде бы нет, но она — есть! Бытует, исчезая и возвращаясь, самоотрицаясь и самоподтверждаясь, умирая и возрождаясь — воскрешаясь! Многоликая и разноцветная, такая и сякая, покладистая и буйная, сонная и бодрая, неподвижная и беглая, робкая и отважная, покойная и вздыбленная, застойная и бунташная, а всё одно — Россия!

Не очень-то всё-таки верно было сказано, что понять Россию невозможно, кое-что понять в ней всё-таки можно, но лишь в смысловых координатах Иного, а вовсе не Этого. Этот мир и этот человек Россию действительно не очень-то понимают, как Россия, видно, их тоже не очень-то понимает, а ежели они о России что-то этакое мнят, то лишь что-то поверхностное, частное, кривое — больше плохое, чем хорошее, — во многом ошибочное, если не заведомо ложное, а то и попросту лживое.

Вообще о России принято судить в основном не по-российски, а либо по-европейски, включая и «научный» подход, либо очень уж по-свойски, то бишь… никак, да и судят по преимуществу фальшиво

и фантазийно: сколько бытует всяких мифов о России, из которых львиная доля вполне себе злостного антироссийского пошиба!

Философии России (именно философии России, а не философии о России и уж тем более не философии в России) как не было, так и нет, хотя кое-какие заходы не преминули заиметь место, опять же немало по мифотворному разряду. А Россия требует не просто россиеведения, которого как целостности тоже, кстати, нет, а как раз философии, причём настоящей философии — метафизической!

Неотмирность, как и более сильное — иномирность, отсутствующие в размыслительном арсенале россиеведов понятия (главным образом, у историков), а зря, ибо сии понятия служат как раз главными опорными смысловыми ориентирами в деле идейного восприятия и концептуального понимания России как необычного земно-космического феномена.

А Россия именно такая и есть: мало что особенная и уникальная, так ещё и не от мира сего она, вроде того же юродивого, а если хотите, не от мира сего и юродивая! Вне общепризнанных она порядков, уставов или тех же консти-туций, оттого в России и власть директивно-силовая, и население в ней служебно-армейское, когда все за всех и никому не до себя, однако всё это не мешает России подергаться злосчастной неотмирной коррозии и периодически сокрушительно падать, чтобы вновь тяжко подниматься, уже и под другой непременно личиной, и вновь устанавливать свою зéмную телесность, противостоящую иномирной стихии и её даже укрощающую, — опять же на срок!

Порядок в России — что-то вроде многомерной решётки, вовсе не неподвижной и не такой уж неодолимой, — отчего в России всё время даёт о себе знать не так закон (узелок решетки), как понятие, эта всего лишь тень от узелка в решетке — это гибкое, обходное, даже и разрушительное для решетки с её законами и общим порядком орудие — справедливой несправедливости, или же, наоборот, несправедливой справедливости. Отсюда культ правды, совести, справедливости, пусть и весьма лукавый, ну и, само собой, культ «понятий», куда более, кстати, праведный, чем культ законов.

Разной по образу бытия, по его форме, механике, внешнему обличью и текучему лику проходит своё историческое движение Россия, настолько разной, что иной раз кроме русского (и проторусского) языка в ней ничего своего, не считая закономерной поведенческой симптоматики, и не остаётся.

Когда-то, в глубокие и глухие доисторические времена, да и в ранние исторические тоже, Россия не то что Россией не называлась, но даже и Русью не прозывалась. Да и никакой такой страны вообще не было, хотя были какие-то народы, нёсшие в себе если не генотип, то хотя бы геном будущей Руси-России. Сии народы мигрировали, сливались с другими народами, образовывали новые (синтезированные) народы, но геном или хотя бы ген будущей Руси-России непременно в них сохранялся, выживал, всегда давая так или иначе, в то или иное время, в том или ином месте, как и в той или иной ситуации о себе знать.

Собственно, это и была некая прото-«Русь» — неизвестная, невыраженная, сокрытая. Затем пришло время ведической прото-«Руси», уже не столь неизвестной, заметно уже и религийной. То была уже «Русь» — «Русь» изначальная, ещё не зрелая, не кристаллизованная, но уже служившая явной генно-содержательной средой для будущей Руси, которая, как более или менее принять считать в официальной истории, явилась на свет как Русь норманнская (принорманнская), или рюриковская, сначала как ведийская, а затем, после крещения Руси при князе Владимире, как христианская (сначала просто прихристианская), или византийская (квазивизантийская), и, побывав 200 лет подордынской, превратилась, всё более на свой лад христианизируясь и даже вновь византизируясь, в Святую Русь («Третий Рим»).

Продержавшись таковой с пяток веков, заартачилась вдруг и пережила страшную антиправославную, да и антирусскую, Смуту, а потом, едва восстановившись и попытавшись вновь обвизантиться посредством Никоновской церковной реформы, приведшей лишь к расколу русичей на старообрядцев и на обновленцев, то бишь на неправильных и правильных де русичей, оказалась, заполучив окончательное поражение святорусского византизма, насильно и революционно съевропеизированной на манер западного ренессанского европеизма, превратившись в квазиевропейскую Русь, или в собственно Россию, сохраняя при этом многовекторный идейно-концептуальный кентавризм — евро-византо-архаический (с так называемым языческим наследием, никогда начисто не исчезавшим из духовно-культурного кода русичей, отчего господствовавшие на Руси иноземные идеологемы всегда в итоге обретали некий своеобычный квазихарактер).

Волевая и беспощадная европеизация Руси, превратившая Русь в Россию, совпала с окончательным утверждением в стране геополитического имперства, к которому Русь тяготела ещё со времени первых

Рюриковичей (деяния Олега и Святослава очень в этом плане красноречивы, включая и заговорную гибель отважного и деятельного Святослава). Европеизированная Петром Великим Россия, повоевав с той же Европой в лице агрессивной тогда Швеции, всегда зарившейся на норманнское-де на Руси наследство, хоть и всячески пыталась, заключая династические браки с европейскими престолодержателями — вплоть до онемечивания Романовского царского дома, но так и не вошла в сонм полноценных-де европейских государств, а потому, будучи вроде бы европеизированной, осталась для Европы достаточно инородным телом, хотя и хаживала вынужденно и победно по отгоняемой от себя вероломной Европе, занимая и покоряя её столицы, вмешивалась в европейские дела, весьма определяя кое-когда текущее жизне-отправление Европы, правда, без всяких завоевательных целей и колониальных относительно Европы амбиций, охотно признавая Европу, как именно Европу, стремясь к ней, заигрывая с нею и, хоть и немало в сердцах проклинания сию лживую и коварную вещунью, по-своему даже любя: Россия относилась к Европе как верная ученица к люби- мой учительнице, она жила Европой, отдавая ей культурное во всех смыслах первенство, признавая её идейно-творческое лидерство, подражая Европе, тащась от неё и за ней, разумеется, не совсем уж слепо и некритично, а к рубежу XIX—XX вв. так и вовсе уж критично, ибо ученица уже явно перерастала в идейно-творческом плане свою неоднозначную наставницу.

Ну а великая прохиндеистая наставница, страшась могущества России, как и зарясь на её безмерное природно-пространственное достояние, уготовила России захватнические колониального пошиба войны, в которых Россия, как могла, от прохиндейской наставницы отбивалась, а отбиваясь, забредала иной раз и в саму Европу, беря в полон её столицы немало и вмешиваясь в её внутриевропейские дела, даже Европу контролируя, а Европа, обуянная алчностью, страхом и ненавистью к России и не надеясь на одни лишь против России войны, уготовила непокладистой восточной еврососедке не что иное, как якобы благоденственную для варварской с её точки зрения России вполне себе проевропейскую… Революцию, от которой правящая Россия хоть поначалу и отпрядывала, но в итоге отпрянуть так и не смогла.

Внешняя для России паневропейская антиРоссия сошлась тогда в едином и упорном наступлении на «царскую Россию» с внутренней для России проевропейской антиРоссией — и революционное дело,

не без помощи очередной большой европейской и в то же время антироссийской войны, было таки сделано: Россию потрясла тоже большая, как и эта война, антироссийская революция — сначала в либерально-капиталистическом обличье, а затем в диктато-социалистическом, но что интересно: в первом варианте как традиционно де европейская, а во втором — как уже европейского происхождения, но всё таки уже и антиевропейская по замыслу и концепту, революция.

Это ведь Европа породила социалистическое, а в более последовательной интерпретации коммунистическое, движение, а вот реально воплощать его в революции и в постреволюционном образе нового-де бытия она стала именно в России, разрушая Россию (якобы всего лишь «царскую Россию») и отрицая походя устаревшую-де либерально-капиталистическую (и «демократическую») Европу, — и всё это ради будто бы совершенно иного устройства человеческого бытия на планете Земля — трудо-де- коллективистского.

Важно иметь в виду, что воистину проевропейская в плане новой европеизации России революция в России была вовсе не нужна Европе, — зачем такой конкурент классической Европе, — а вот одновременно антироссийская и антиевропейская революция была, что называется, в самый раз.

В итоге навязанной России, ею воспринятой и ею же порождённой, революции и последовавшей за ней кровавой братоубийственной войны с её массовым террором, гигантской разрухой, как и в итоге всех архиреволюционных преобразований, отринутая, опрокинутая, оболганная, обобранная и истерзанная Россия как Россия… нет, не рухнула насовсем в небытие, но вынужденно ушла в историческую Тень, а лучше сказать — в Навь (туда — в «тёмную материю»), а заместо России возникло более чем странное образование — СССР (не союз, не советских, не социалистических, не республик), в итоге прикрывшее собою уже кое-какую действительную реальность — сталинский тоталитарный этатизм, вовсе не европейского, а скорее — азиатского (деспотического) образца. Боролись за ультрановизну, да ещё и научно-де обоснованную — социализм-коммунизм, а получили не что иное, как новое издание ордынщины, армейщины, рабства, ну и империи тоже, по духу своему вовсе и не российской.

Но что особенно интересно: Россия как Россия хоть и погрузилась основательно в навь, но из яви насовсем всё-таки не ушла — по воле как раз того же сталинизма, быстро сообразившего, что без обращения

к традиции, а она была, естественно, российской, даже имперско-российской, да и попросту русской, пусть и с ведо-византо-ордыно-европейскими корнями, наслоениями и чертами, ему — сталинизму — никак было не обойтись, разумеется, отводя традиции и русскости роль подчинённых сталинизму и им командно-управляемых, служебных, трудовых и даже творческих подпорок-подспорьев.

Подмятая под СССР-м, традиционная Россия и вынесла на своих плечах весь этот СССР вместе с его сталинизмом, ещё и одержала целый ряд уникальных побед, включая и новую мучительно-дерзновенно-жертвенную победу над Европой, — совсем новой тогда Европой — фашизированной!

СССР — не Россия, хоть за Россию и на России державшийся, вполне, надо заметить, и эксплуатационно, и репрессивно, и фарисейски», — говорилось одно, а делалось и по факту выходило совсем другое, хотя имело место и некоторое единение конкретных текущих слов с конкретными текущими делами. Сталинизм не уничтожил, да и не мог уничтожить, напрочь Россию, но зато он её нахраписто использовал, а Россия… что Россия?.. побунтовав немало, покорилась-таки нечеловеческой силе ради спасения Отечества и себя самой, да и не преминула спасти и сам к ней приспособившийся сталинизм, её в конце концов и предавший, правда, и сам преданный, причём своими же, уже из поздних сталинистов-де — вырожденных и перерождённых!

Да, Россия вынужденно признала нахлобученный на неё и подмявший её под себя жёсткий и непреклонный сталинский СССР, его на себе вынесла, одарив самоотверженностью и беспримерным трудо-творчеством, можно сказать, что и слилась на время со сталинизмом, но… не породнилась с ним, находясь одновременно как в общей функционально-событийной яви, так и в своей инертно-субстанциальной нави.

Действуя принуждённо в яви и вынужденно сохраняя себя в нави, Россия выполнила грандиозную историческую роль, вполне и фантастическую, одарив собою СССР и сохранив в СССР и от СССР саму себя, — невероятно, но факт! Функционально — да, это было бесспорное, пусть и вынужденное, единение между Россией и СССР, но концептуально… не то чтобы совсем его не было, ибо СССР многое взял от России, её Традиции, но всё-таки если и было сие единение, то без большой органики, ибо СССР пришёл в Россию откуда-то извне и сел на неё как немалая инородность, пришёл в общем-то ниоткуда (всего лишь из воспалённых

голов сначала революционеров, а потом и постреволюционеров, и антиреволюционеров, и правленцев, и господ), и сел на Россию как очень большая искусственность, а вовсе не вышел из России как её и только её наследное достояние.

СССР — явление вроде бы российское, но более всего лишь по месту явления, а никак не по сути, — это явление иных —общемирового масштаба — пространственно-смысловых алгоритмов, лишь насевшее на Россию или в неё внедрённое, а потому и должно рассматриваться в больших, превышающих Россию, координатах.

Обман, предательство и покорение России со стороны СССР, а вследствие этого и отсутствие экзистенциальной органики между Россией и СССР, сказались, когда СССР неожиданно, но логично закостенел, скоротечно и вполне логично одряхлел и внезапно, но тоже логично, рухнул вследствие óборотного предательства и убиения СССР со стороны как самого СССР, так и мировых, скажем так, обстоятельств а не со стороны России как России, хотя и имевшей к тому немалую мотивацию, но на это не пошедшей, предпочтя по обыкновению своему безмолвие, отстранённость и стоическое терпение.

Не СССР был более всего животворен, а как раз Россия, которая, весьма морально-психологически устав и идейно-духовно износившись, уже не желая, хоть и не сильно это осознавая, тащить на себе заскорузлый и дряхлый СССР (афганщины хватило тут до краёв), а потому не просто позволила СССР свалиться навзничь, не только этому падению, хоть и в меру и в общем-то нехотя, поспособствовала, но фактически и сбросила с себя, того тоже не слишком желая и осознавая, заблудившийся как в 15 соснах-республиках, так и в мировом полуторасотенном «лесе», СССР.

История творится людьми (элитами, прежде всего, тем же мировым правлением, но и деятельными персоналиями, включая и заядлых авантюристов, самозванцев, скрытых или откровенных негодяев, не говоря об истых зверях и тех же аморальных преступниках), она также творит себя сама, творится и внешними, откуда-то вдруг привходящими в бытие-историю инициациями, — и в итоге сих трёх сотворений получается то, что как-то само вдруг и получается, да так, что понять в итоге получившееся даже очень умным и знающим людям не очень-то удаётся — в веках!

Миф текущей реальности, того же СССР, превращается в миф прошедшей реальности, — и оба мифа не только вполне не совпадают,

но и, порою, если не как правило, настолько противоречат друг другу (да ещё и в разных ва- риациях, версиях, концепциях), что между текущим мифом и ему наследующим мифом оказывается мало, а то и вовсе ничего, общего.

Реальность — миф, осмысление прошедшей реальности — тоже миф: что же тогда делать размысляющему по их поводу сознанию? Остаётся лишь одно: приняв всё это во внимание, обращаться к достаточно большим отрезкам и локалиям бытия-истории, когда всё там более или менее перемеливается и балансируется, когда обнаруживает себя метасмыслогия, а также обращаться к потаённым глубинным смыслам, этим бытием-историей незнамо как реализуемым, ну и к исходной и неодолимой трансцендентности самого этого бытия-истории.

Да, тогда тоже получается не что иное, как… миф, однако более или менее свободный от политической заданности, обыденней трескотни и научной де несомненности, то бишь свободный от всего дурного мифотворного, что кому-то, может, и доставляет кое-какой либо заслуженно выдающийся, либо же незаслуженно скромный, авторский гешефт, но не только не приближает коллективное сознание к пониманию чего-либо из бытийно-исторических реалий, а сие возможное понимание лишь вредоносно для себя и осмысляющего реальность сознания упорно не допускает!

Русский

В самом деле — что в нём такого?

А всего-то… э-э… Россия, да-да, родная ему, как и многим другим, Россия, но родная не тем, что это его территориальная или даже историческая родина, и не тем вовсе, что он патриот и любит свою родину, вовсе нет, тут дело куда посложнее, даже сложнее того обстоятельства, что Россия в нём, а в том, что… нет, вовсе даже не в том, что он весь в России, а в том, что тут… э-э… некое магическое слияние: его сознания (и бессознания тоже) с сознанием (и бес- сознанием) России, как и наоборот!

Слияние!

Отчего так? Можно тут рядить и так, и этак, но восходит всё, вполне и трансцендентно, к русскому генезисному чреву (генетической преисподней), произведшему от декабря 1940 г. по сентябрь 1941 г. некое то, или некоего того, что или кого ему то ли нужно было, то ли не нужно (так уж вышло), в общем — некий организм, некую особь, персону,

личность, а чуть иначе — этакий микроэгрегорчик, зачем-то или не зачем-то, но совпавший вдруг со всем глубинным эгрегором России.

Наш герой — частица, если не часть, глубинной России, её полномочный представитель, выразитель её концепта и адепт её идеи!

Какой же?

Да никакой!

Он из тех, кому велено думать о России, как раз той самой — глубинной, ничего о ней доподлинно не зная, всячески ей тем не менее споспешествовать, даже ежели она сама о таком субъекте не особенно думает и не слишком ему пособляет.

Это только людям науки для науки кажется, что они люди некоего особого идеально-абстрактного мира, вполне себе и планетарного, сверхнационального, а с Россией их связывает лишь место рождения, жизни и труда. И правильно им это кажется, ибо они всего лишь счастливые научни- ки, подобранные случаем или даже судьбою агентировать в отвлечённом космополитическом знании, а никак не избранные Провидением страстотерпцы, обречённые на странно-сострадательное единение с Россией, ментально-деятельное в ней участие.

И кое-что весомое этим бедолагам всё-таки удаётся, ибо этого хочет сама Россия, за которой и Бог, и София, и какой-то сакральный Проект, и все, знаете ли, предки, но от которой зависит и вся будущая будущность потомков.

Да, это удел, доля, ноша, при этом и испытание, и страда, и страдания, и даже пытка, хотя нет ничего более дивного, верного и значимого, чем быть в слиянии с Россией, получая от неё как дары и удовлетворения, так и невзго- ды, и тычки, но при этом и не сравнимые ни с чем экзистениальные прерогативы.

Россия для её избранников — первая и последняя вера, — ненавязчивая, верная и неустранимая!

И смысл всего их бытия тоже!

И само их бытие!

Факт!

Ох, как всё тут не просто: служить тому, чего вроде бы и нет, — где он — эгрегор России? хотя всё-таки есть — этот реализующийся в веках загадочный эгрегор России!

Кто они — эти избранники и в то же время пленники России? Кто ж знает: они ведь никак себя особо не обозначают, а многие и вообще остаются неизвестными в туне бытия-истории? Ясно, конечно, что это

духовники, мыслители, устроители, воители, в общем — столпы, на которых или благодаря которым держится в веках Россия со всем своим иноходным народцем: волхвы, святые старцы, мудрецы, пророки, деятели, первопроходцы, строители, князья, цари, полководцы, словесники, художники, служители муз. Их много, очень много, но каждый из них — единица, а иначе и быть не может, ибо только он и только всегда один, хотя все они вместе, но вместе с Россией, через Россию, в России. Они приходят в русский мир, что-то делают, творят, бедствуют, бездействуют, отчаиваются, терпят поражения, одерживают победы, торжествуют, а победы их куда-то уходят почти что и не замеченные, а Россия то остаётся — благодаря и этим бедолагам — вечной!

Что это за россыпь такая удивительно-уникальная, русско-российская, не партия, не организация, не секта, но ведь есть она — эта драгоценная россыпь?! Не «ужахайся», читатель, но это… орден, да не тот, как и не этот, а совсем другой — незримый, рассеянный, трансцендентный, в общем — наш, русский, бесподобный, никем осознанно не созданный, не контролируемый и не управляемый, сам по себе и сам собой, не существующий наяву, но в яви очень даже действующий — «Русский орден»!

Примеры? Пожалуйста: Ярослав Мудрый, Александр Невский, Сергий Радонежский, Иван Посошков, Михайло Ломоносов, Александр Пушкин, Серафим Саровский, Фёдор Тютчев, Александр Горчаков, Михаил Скобелев, Лев Толстой, Василий Суриков, Илья Репин, Александр III, Фёдор Достоевский, Дмитрий Менделеев, Пётр Чайковский, Иоанн Кронштадтский, Пётр Столыпин, Фёдор Шаляпин, Александр Блок, Сергей Есенин, Сергей Рахманинов, Сергей Булгаков, Иван Бунин, Михаил Булгаков, Пётр Врангель, Иван Ильин, Владимир Вернадский, Илья Глазунов, Георгий Свиридов, Евгений Светланов, даже и Иосиф Сталин. Это всего лишь отдельные примеры, всего лишь некоторые имена. О современниках мы уж помолчим, их сейчас, может, и не очень много, но тоже хватает — этих верных сынов земли русской!

В этот орден нарочито не вступают; грамоту, медальон, крест или перстень по случаю вступления не получают; клятву на верность ордену не дают; в гроб при приёме не кладут; в этом ордене оказываются, того и не зная, ибо не по личному желанию вовсе, а по воле Божией, да и не так с деяниями, как со всей жизнью, со всей своей судьбой, со всей личной экзистенцией.

Тайны тут никакой нет, хотя есть об ордене видимое незнание

или же не хотение знать со стороны «обчества», со стороны окружающих, даже и близких по жизни особей, а то и со стороны и самого скромника-орденца.

Тут всё не однозначно, не прямо, скорее — криво, не слишком ясно, туманно, поливалентно, — в особенности относительно реальных деяний, достижений, личных заслуг, отчего ни списка орденского нет, ни храма с именными памятными досками, ни почётных знаков и званий, ни несмываемых и невыгораемых печатей. А сколько зато домыслов, умыслов, недоразумений, сплетен, вранья, но и россказней, легенд, мифов: и где тут правда, а где выдумка, а где интригующая золотая середина, кто ж из ленивых, незлобивых и безразличных, не говоря о зловредных, корыстных и тоже безразличных, русских это знает?!

Наш герой немалое время (почитай четверть века, а, может, и поболе!) был когда-то сначала молодым, потом зрелым, а по истечении срока, пожалуй что, и выдающимся классическим учёным, мало того — занимавшимся более всего Западом, Европой, той же любимый им Францией, да вот развернулся однажды на все 180 градусов, почти как знаменитый премьер российский со своим самолётом над Атлантикой, что, правда, случилось с премьером весьма попозже — в 1998 г., когда как с нашим героем случилось заметно раньше — уже на рубеже 1980-х и 1990-х гг., и развернулся он от Запада с его Францией к отчизне своей — СССР-России, как раз в момент дурного разворота отчизны его к Западу, Европе, США, мало того, он сделал это, забросив свои западного вектора изыскания и обратив свой размыслительный взор более всего на Россию, на свой — русский прежде всего — народ, на русский мир, на необыкновенно отчаянную русскую судьбу.

Уж коли ты русский гуманитарий-обществовед, то чем же тебе было тогда приоритетно заниматься, как не Россией, попавшей вдруг в страшный бытийно-исторический переплёт, да что переплёт, в чёрную воронкообразную дыру, в самую бездну, причём не так даже заниматься Россией надо было, как жить и выживать, страдая вместе с ней, ища не только объяснение всему дьявольски в ней воцарившемуся, как искать каких-то выходов из сваливавшегося на родину безысходья — уже как гражданину, а точнее — как просто русскому человеку?!

Его насыщенная событиями, переживаниями и трудами жизнь, конечно, продолжалось, он даже бывал за границей, в той же своей любимой Франции, но жизнь в родной стране очень уж споро и красочно окрашивалась в запад- ные, точнее, как всегда, квазизападные, цвета, даже и

лжезападные, а главное — в жёлтые, серые, чёрные, хотя, как ни странно, жива была и даже выбиралась, пусть и неуверенно, на свет Божий и Россия как Россия, сбрасывая с себя вдруг заржавевшие советские оковы и не погружаясь насовсем в западные постмодерновые хляби.

Он, несмотря на моральную верность павшему строю, его породившему и вдруг его же и продавшему, встал тогда на сторону унижаемой, поносимой и пренебрежительно отрицаемой, но за себя всё-таки боровшейся России, поскольку знал посконную-де, но как раз настоящую, Россию не понаслышке, не издалёка, не из-за угла, а напрямую, открыто, глаза в глаза, в полном с ней единении, как раз ту самую святую Россию, которую ныне принято называть глубинной, а, попросту говоря, Россию народную — трудовую, служивую, православную, даже и княжескую, а в чём-то и волхвическую.

Знал Россию, но погруженным в её смысловое нутро, в её эгрегор, долго всё-таки не был, да вот и стал тогда, в крамольные 1990-е, в Россию всерьёз всматриваться, напряжённо думая о ней, что как раз стало ясно уже позже — как волхв, как князь, как негласный член незнаемого «Русского ордена», в общем — как русский среди русских!

Погружение сие в Россию привело нашего героя к встрече, может, даже и к контакту, выражаясь современно (не к коммуникации же!), с великим предшественником, радетелем за землю русскую, молитвенником за неё, однако и деятелем, от которого вся Русь Святая практически и пошла, оснащаясь церквями и монастырями, с великим государственником, тружеником, а если и стяжателем, то лишь Духа Святого, как и ответственности с самодисциплиной, с великим скромником и аскетом, сходившим пешком на Афон, отказавшимся от патриаршего престола, с воистину русским святым.

Да, этот наш герой пришёл к нему, уже будучи крещёным по православному обряду, почтительно склонился перед его мощами, а затем испросил у духа святого благословения в делах своих, как ему казалось, вполне богоугодных и России крайне надобных, — и получил, как ему тогда показалось, почувствовалось, открылось сие благословение, а затем, как стало подтверждаться и подтверждаться, получил поддержку и помощь всяческую — от людей, через них, от институций, через них, но, что особенно важно — как бы ниоткуда и вполне неявно, трансцендентно, как раз непосредственно от Него, кого недаром же сама Богоматерь доверительно навещала, да и не один раз!

Вот он — сакральный контакт с глубинной Россией-Русью,

причём вовсе не только в лице православного подвижника — монаха и богомольца, святого земли русской, но и в лице, и через предшествовавшего ему на Руси волхва вещего, как и через действовавшего под его святым покровительством великого князя русского!

Волхв — мудрец и вещун, князь — устроитель и оборонитель земли русской, старец — духовник и провидец. А ежели учесть, что старец сей ещё и был личным покровителем того самого мыслителя русского, который мало что оказался наиболее близким по вектору и ходу мысли нашему герою, так ещё и прозорливо поучаствовал в становлении русской софийной философии, не говоря уже о софийном христианском богословии, как раз всего того, что стало ментально и духовно очень даже дорогим для нашего героя, в особенности, когда он в Россию и русскую мысль с головой окунулся и душою своею к России накрепко прикипел.

А творил сей русский мыслитель-первопроходец всю вторую часть своей творческой жизни, будучи провиденциально во спасение высланным за границу, не где-нибудь, а в Париже, в необычном месте с сем чародейном городе, обретённом русскими людьми в день святого подвижника земли русской, а потому и обретшем его сакральное имя, отчего вновь там сошёлся мыслитель-первопроходец с русским святым, уже в Париже, а ведь был при своём крещении наречён именем сего святого, ставшего его — мыслителя — небесным покровителем, а родился и возрастал сей мыслитель в замечательном городке, что на Орловщине, о котором всегда помнил и сердечно отзывался, кстати в городке, близком тем орловским местам, откуда вышли и предки по отцу самого нашего героя.

Но это не всё: мыслитель, о котором речь, принявший активное участие в работе Русского православного собора 1918 г. и лично содействовавший избранию нового патриарха через две с лишним сотни лет после Петровского «наката» на РПЦ, а через некоторое время принявший из рук сего патриарха священство, жил тогда в Москве не где-нибудь, а в Хамовниках, совсем недалече от школы, где учился когда-то ещё при сталинском режиме наш герой- отшельник, тоже хамовчанин.

Вполне, как оказывается, исповедимы иной раз пути твои, Господи!

Да, герой наш оказался по жизни и многим делам своим европейцем, как и французом, но по сути не оевропеился и не офранцузился, а остался русским, а в роковые 1990-е ещё и, не побоимся этого слова, сакрально русским, что и вынесло его на гребень русской софийной

волны — вполне для него и для России судьбоносной!

И какое же отношение ко взлёту им созданной, вдохновляемой и ведомой институции, о которой шла речь выше, имеют Россия, русский мир, русскость, в общем — всё собственно русское, то бишь не европейское, не азиатское, не евразийское, не говоря уже о норманнском, византийском, ордынском? Нет, вовсе нет, дело тут не в том, что сия институция, объявив себя де русской, целенаправленно занялась всем гуманитарным русским, а совсем в другом: случившаяся с родной страной, лишь номинально, частично, скупо и чуть ли не стыдливо прозывавшейся Россией (Российская Федерация — форма, а не Россия по существу, не говоря уж о РСФСР или том же СССР), страшная гуманитарно-экзистенциальная катастрофа — БОЛЬШАЯ БЕДА! — заставила нашего героя не просто обратиться к по- знанию каким-то образом вновь сохранившегося и вновь спасшего родную страну русского — как раз гуманитарно-экзистенциального — ядра, вполне себе и упрятанного в бытийно-исторической нави, а не наивно сообразить, что никакая каноническая мысль, давно уже оседлавшая человеческие мозги, ему— нашему герою— в познании, а главное — в осмыслении России, Руси, прото-Руси, прото-не-Руси не поможет, наоборот, уведёт от решения задачи не просто в сторону, а в учёно-беллетристическую топь, где его — нашего героя — мысль и утонет.

И какой же был нашим героем опознан и воспринят выход?

Ни много, ни мало, как через обращение к новому, ещё не бывшему ранее (можно сказать, что и вообще не бывшему), воззрению на Россию, её исторический путь, на её суть, её идею, её концепт, её эгрегор, что сделать можно было только через выработку иного — вообще иного! — воззрения на всё вокруг — на человека, Землю, мироздание, даже и на Бога с Софией, что и обусловило и определило в конце концов выход нашего героя и его институцию на новую метафизику, на «Мета», на Иное, на Великую Неизвестность, на Софию Премудрость Божию, вынудив тем самым, уж извините, господа, и на кое-какой собственный гносеологический взлёт.

Несчастье, большое несчастье — НЕСЧАСТЬЕ! — случившееся уже не только с родной страной, а и с Россией как Россией, тут, увы, помогло, с одной стороны, отвести в сторону все идейно-мифотворческие путы, в которых пребывал, да во многом и сейчас пребывает, любой отечественный гуманитарий, а с другой — вытащить из онтоса и из себя иной взгляд на вещи, при этом, что очень важно, погружаясь в онтологию

России как России, словно в колодец какой-то, кишащий разными нехорошими тварями и набитый ловко расставленной паутиной, и, борясь с тварями и освобождаясь от паутины, обретать необходимое незнание, способное подать Россию как новый онтос — иной — и выдать на гора способный это принять новый — иной — гнозис.

Сказка тут, мол, и всё! Да — сказка, но, увы, и быль тоже — сказочная, конечно, быль, как раз вполне соответствующая как самой загадочной России-Руси, так и её вещим сказкам, которые почему-то куда как ближе к реальности и истине, чем горы учёных, литературных, публицистических и иных писаний, от затуманенных Византизмом и Просвещением веков!

Да, герой наш вытащил на свет божий онтологическую русскость, а русскость ответила ему тем, что вытолкнула его в новую вообще гносеологию, вытолкнув туда же заодно и его — нашего героя — институцию.

То ещё получилось нежданно-негаданно схождение — огненное!

Святая русскость

Нет, это не русская православная святость, о которой обычно говорят, а совсем другая — просто людская, просто народная, просто, выражаясь изысканно, экзистенциальная, даже, говоря по-простому, житейская, относящаяся к людям, даже и к детям, ко всему русскому народу, не исключая никого — ни царей, ни элитариев, ни трудящихся, ни воинов, ни мастеров слова и деятелей искусств, ни церковников, ни учёных, ни мыслителей, ни мудрецов-отшельников, ни даже каторжников.

Русский народ, — как разнообразное внутри себя целое, — святой в целом народ, но не как народ-богоносец, или, скажем, софийный народ, хотя всё это, возможно, и так, речь тут о совсем другом, гораздо более прозаичном, но зато куда как более верном и реальном: это народ, если воспользоваться словцом «носец», не что иное, как сакральный жертвоносец, бытие которого сопряжено с фактически непрерывным, — то усиливающимся, то ослабевающим, — жертвоношением, в составе чего и жертвенность, и жертвоприносимость и даже, что мало кому понятно, жертвоподносимость.

Жизнь как жертва, жертва как жизнь!

Бытие как жертва, жертва как бытие!

История как жертва, жертва как история!

Вставь в любой русский контекст, как и в контент тоже, словцо «жертва», и всё сразу становится на свои места: суровая природа, ломкий климат, неудержимое пространство, избыток холода и темени, а то вдруг и испепеляющего солнца, бескрайние дремучие леса, вялотекущие тёмные воды, вязкие непроходимые болота, открытая всем ветрам равнина, частые неурожаи, голод, нужда, набеги яростных соседей, безжалостные нашествия диких племён, огонь, пламя, пожары, дым, гарь, полоны, в общем — страда, тяжба, тщета: то ли жизнь, то ли всего лишь натужное переживание; то ли бытие, то ли не больше чем перебывание; то ли благость, то ли пакость; то ли мир-пересвет, то ли всего лишь неземная преисподняя.

Отсюда кучкование, совместность, общность, взаимность, родственность, братскость, в общем — соборность, а ежели жертвоношение, то общее, всеми сразу и всех сразу.

И всё это общное вовсе не идеологическое, а более всего вынужденное, тягловое, выживательное, ну и жертвенное.

Сдержанные, озабоченные, настороженные, закрытые лица — масса, но при этом и необычная вдруг открытость, доверчивость, расположенность — перед своими прежде всего, а ежели веселье, то необузданное, размашистое, яростное.

Да — обстоятельства, да — тщета, да — история, да — генотип, да — архетип, да — память, а ещё и… неотмирность — не от мира сего, а от мира иного, отчего и неустроение, и ожидание чего-то другого — лучшего, как и неумение, да и нежелание, жить настоящим и прямо здесь: размеренно, рассудительно, здраво, ещё и с постоянным прибытком, накоплением, «в масле».

Зато и самоотверженность величайшая — когда надо! В стихии, бедствии, горе — на грани жизни и смерти! Вот уж кто смерти не боится, так это русский, для кого жизнь — бремя, а смерть — от него и от неё избавление, хотя русский об этом не думает, он просто живёт, а живя — жертвует, не останавливаясь и пред бледным ликом смерти.

Жертва себя как жертва перед собой!

Растянутая по жизненной стезе жертвенность оборачивается вдруг во мгновенную себя перед собой жертву!

Признать это невозможно, можно только принять — как бесспорный, неугасимый и неизбежный факт!

Факт сей восхищает, вызывает недоумение, раздражает, порождает презрение и даже ненависть.

Однако здесь как раз весь главный корень глубинной русскости, хотя русскость к этому, разумеется, не сводится, зато являет исконное побочное: доброту, жалость, сочувствие, но и злость, и отвержение, и ту же ненависть.

Всё тут непросто — в этой русскости, как раз и совершенно святой: в прошлом проторусы, потом русичи, затем русские, и по бездорожью истории аж до сего дня дошли — очень лукавого и злого дня!, когда либо ты — русский, пусть и не святой, либо ты всего лишь тварь дрожащая, может, и русская тварь, да вот святого звания — быть русским! — из-за твоего предательства себя и предков, всё бывшее злое и лукавое жертвенно, но при этом живоносно, вынесших — себя вынесших и тебя — тварь дрожащую то- же, да вот знай — не только тебя, а и всех категорически русских, как раз тех самых, что Русь на себе и сейчас держат, вполне и жертвенно, не думая особливо ни о Руси как таковой, ни о её держании, а просто держат её — как-то само собой, инстинктивно, генотипично, архаично, не пренебрегая и торжественным вхождением в приготовляемый Кощеем бессмертным цифирный рай, который обернётся… нет, не адом, к которому русским не привыкать, а… Аидом, уже для всех русских и нерусских, но, как говорится, будем посмотреть, ибо русские на то и русские, чтобы из любой передряги, немало жертвуя собой, нежданно-нечаянно выскочить.

Итак: неотмирность, жертвенность, святость! Вот она — магическая формула русскости — центровой, ядровой, столбовой, в веках стоящей, удерживающейся, длящейся. Она-то и объясняет выносливость, неприхотливость, стойкость, терпеливость и терпимость русских, однако, и скрытые от глаз настороженность, недоверчивость, сомневаемость, даже и немалую хитроумность. Внешне русский кажется и бывает простым, иной раз выглядит даже этаким простачком, но внутри себя он очень даже сложен, причём настолько сложен где-то в глуши своего сознания, что и сам, бывает, не знает, насколько он сложен. Терпим, терпелив, сдержан, чуть ли не безразличен, но зато внезапно взрывен, горяч, необуздан. Тут ведь обратная сторона сакральной формулы: то со святой иконой у русского сердца, а то с карающей дубиной в русских руках, — всякое с русским неотмирцем бывает!

И не только с отдельным русским, но и с массами, со всем, или почти со всем, русским народом. Бунт, восстание, гражданка — это всё тоже у него, у народа русского, да ещё какие расчудесные по факту: может, и не очень осмысленные и очерченные — на поверхности, но очень,

как правило, обоснованные и оправданные там, внутри, в нетях житейских, ибо за правду или вспышку гнева и против лжи, отчего и буйными бывают, и дерзкими, и беспощадными — жертвенными и жертвующими!

Однако это не всё: свойственна русскости, — что личной, что массовой, — одна весьма странная, но объяснимая в матрице святорусскости вещь: выворачивание вдруг русскости в благоприятной для такого действа ситуации — вроде той же гражданкой смуты — в свою противоположность — в отрицательную, так сказать, русскость, совсем и не святую, частью мерзостную, прямо-таки в инфернальную, преисподненскую, адовскую, в заведомо тёмную, бессовестную, даже и зверскую.

Однако святая русскость и тогда остаётся быть, даже в самые гнусные времена, когда голову вдруг поднимает не то что несвятая, а попросту иная русскость, — дрянная, в обычной обстановке более или менее контролируемая и сдерживаемая, но в маргинальной… очень, увы, бывает разнузданной, вольной-де, оттого и страшной! Такой бурно-бытийный выход на бытийную арену дрянной русскости — своеобразная, компенсационного склада, реакция на святорусскость с её выдержкой, стойкостью, нестяжательностью, ради-жизни-жертвенностью. Здесь имеет место не так даже срыв русскости в антибытийную бездну, как вырыв из бездны то ли подавленной когда-то проторусскости, то ли противного русскости побратима — лжерусскости, то ли обратной — тёмной и кривой — стороны самой русскости, может даже, по-своему и спасительной!

Примечательны в этом плане славные 1990-е, уже чуть ли не официально признанные «лихими», когда и в самом деле возымело место русское скорбное оборотничество, причём по всем статьям: от помрачения ума, души и даже лиц (глаз, изгибов рта, гримас) до отчуждения совести от сознания, разгула криминала всех мастей и даже необъявленной и тягучей войны всех против всех.

От пожертвования на алтарь сатаны совести, человечности и людского братства до жертвы в пользу всё того же сатаны самих себя — так или иначе расчеловечивавшихся и разрусевавшихся!

Нет, святорусскость не исчезла в 1990-е, она имеет место и сейчас, хотя была тогда и остаётся поныне в неблагоприятном, мягко выражаясь, идейно-бытийном контексте, — и ежели она сохранилась в 1990-е и есть сейчас, то исключительно по своей собственной трансцендентной воле, если не вине: никто её, кроме самих русских с их «Русским Орденом»…

нет, не во главе, конечно, а попросту на переднем крае… не оберегал, разумеется, не считая софийного Иного да самого Господа Бога!

Никто!

Из смертного окружения, конечно!

Отчего-то маниакально думавшего, что без России и русских все сразу прямиком в Рай и попадут — прямо тут, на Земле!

Если б сама русскость с помощью Божией не выплыла, то так бы и сгинула в тёмных глубинах услужливо ей подсунутой и вдруг разверзшейся под ней жуткой бездны, правда, заплатив за это очень большую, — как раз вполне жертвенную, — цену, включая и плату за взбесившееся родное, не очень родное и попросту неродное дрянцо!

Итак, ещё раз: неотмирность, жертвенность, святость!

Мистическая формула глубинной русскости — стойческая, держащая, длящая!

Так почему же ей — русскости — было при этом не выжить в те страшные 1990-е, сосредоточившись, отмобилизовавшись, вступив в экзистенциальный бой с враждебным контекстным, взбесившемся контентом, собственным себя отрицанием, мало того, может, эти буйно-бодрящие, как и тягостойно-мертвящие, годы явились для того, чтобы воспряла из Нави глубинная русскость, пусть и с потерями, уродствами, бешенством, но… воспряла, сбросив с себя советское иго, а заодно и распознать и сбросить новое иго — глобалическое, а теперь вот разгадать и предотвратить новейшее коварное иго — искусственно де мозговое?

Русскость в мире и в самой России не любят, порицают, отрицают, ненавидят! За что? Как раз за… русскость, за её магическую формулу, но при этом от русских почему-то отовсюду ждут поддержки, помощи, защиты, уступков, даров, в общем — жертвы!

Интересно, не правда ли?

Магическая формула выручает русских, хоть и делает русскую жизнь иной раз просто невыносимой, но… выручает, что почему-то очень не нравится геополитическому контексту, — за то, видно, что иная она — Русь-Россия, и, будучи таковой, в какие-то роковые моменты вдруг оказывается… правой, хоть и вдосталь испытывает на себе давление наглой экзистенциальной неправоты.

Трудно быть русским (не Богом, что само собой, как у ловких писателей, а именно русским, без всяких на то писателей), в особенности трудно было русским… среди самих же русских! Это одна из горьких загадок русскости: если, не дай Бог, посчитаешь себя публично русским,

но непременно борись за это, бейся, побеждай, и при этом ничего благого за содеянное тобою, кроме негатива, не обретёшь, а ежели что-то из приятного вдруг получишь, то… перестанешь быть русским: премия, награда, звание, добыток, слава, но всё это и этому подобное означает лишь одно — убийство русскости в русском, хотя и человека в человеке тоже!

Этого чудесного «моментика» никто и никогда открыто не признает, поэтому, увы, так и происходит!

Вот и бегут русские от русскости, вот и прибиваются почему-то к русскости нерусские, вот и остаются русскими глубинные русские, вот и бытует никем не признанная, кроме редких случаев чьих-либо откровений, святая русскость, она же и русская святость — великая достояние родного ему — нашему герою — народа, никого и ничего не боящегося, кроме… самого себя!

Чего и зачем ему бояться — народу-то отшельнику?! Кроме… самого себя!

Вестника!

* * *

Да, Россия — особенная страна, экстраординарная, да не просто своеобычная, не просто странная, даже не просто страшная, да и не страна это вовсе, даже не мир, хотя и страна, и мир, это — полный духа и тайны субъект, он же и объект, не лишённый небесного покровительства, но и не чуждый контакту с преисподней, сплетённый с Иномирьем и погруженный в Великую Неизвестность — не от мира сего он и не от сеюмирных корней, оснований и причин, отчего он не более и не менее, как сама-себе-Идея, сам-себе-Иное и сам-себе-Неизвестность.

То расширяющееся тут, то сужающееся экзистенциальное пространство, где гуляют как бы сами по себе невиданные трансцендентные энергии и никак не прочитываемые потоки с их энтропийными по сторонам расхождениями и внезапными круговертными схождениями, да при такой вихревой игре, что у самого Господа дух захватывает, не говоря о недоумении Софии и жуткой жути, охватывающей вечного противника и верного слуги Господа — дьявола!

Это и есть сокрытая от глаз людских русская метель — непроглядная, колючая, смертоносная, из которой, как водится по жизни русской, то ли выйдешь на дорогу, то ли нет, то ли героем выскочишь, то ли бесом, то ли у себя окажешься, то ли где-то уже там — в Иномирье, в Неизвестности, в Ничто!

Так вот и живёт в обнимку с Ничто Русь-Россия, в веках жила, нынче живёт и завтра будет жить, однако не вечно, а до срока, который, судя не так по фактам, как по приметам, неумолимо приближается.

Кажется сейчас, что захвачена крепко (уже который раз!) Россия, чуть ли не надёжно покорена, ан-нет, всё совсем не так — это Россия впустила в себя и нахлобучила на себя разное непотребное, как раз из последнего, уже рокового, чтобы в один прекрасный момент выблюнуть из себя впущенное токсичное и сбросить с себя надетое несуразное, да не что-нибудь выблюнуть, а саму окаянную нежизнь, да не что-нибудь сбросить, а сам подлый из подлых антимир, а потом… а потом уж не взыщите, господа хорошие, что эти, что те, что и другие: болото, на то и болото, чтобы жертву свою не отпускать и неторопливо, а иной раз и мгновенно, но всегда навечно, поглощать.

Да, скифы мы, гиперборейцы; русичи мы, русские; россияне мы, евразийцы, — и что прикажете нам делать, если не жертва на жертву — праведная жертва на неправедную, а то и наоборот — на неправедную жертву — праведная, — и что тут особенно занятно: будет ведь, будет, с концом, разумеется, что для тех, что для этих, что, может, и для других, однако не для Руси-России, конец которой ежели и есть, то уже там — в Иномирье, в Неизвестности, в Ничто, о которых никто из смертных ничего не знает и даже не смеет знать, кроме, пожалуй, одной сакральной вести: Россия придёт таки к России!

2021 г.

ОБНАЖЕНИЕ

(исповедь учёного странника)

Сказание вперемежку со сказкой

Рось

Что это ещё за Рось такая? Да, одно из исторических прозваний Руси и населявших Русь людей, но на данный момент вполне подходящее имя не к стране, не к народу, не к главенствующей элите, вообще не к пространству и, так сказать, не к материалу, а к… *идее,* да-да, именно так — к ИДЕЕ!, которая вроде бы русская, но при этом вроде бы и нет… нет, конечно, не нерусская, а как бы нейтральная. Но не потому что ей не хочется русской называться, чтоб ненароком кого-то этим не задеть, особливо, из русских же русофобов, а потому всего лишь, что идея-то эта, хоть и заманчивая, но и очень уклончивая, ясно никак не выраженная, даже и убегающая, неуловимая какая-то, прячущаяся, в общем — *потаённая:* до сих пор о ней толкуют, но при этом и в упор её не видя, пристально не рассматривая, никак толком и не формулируя.

Тайна!

Да уж, что тайна, то тайна: не поймёшь эту Русь-Россию, эту Рось, не поймёшь и этих русских: что за страна, которая и не страна вовсе, что за люди, которые очень не такие, как все вокруг люди, что за идея такая, которой вовсе и нет? — в общем — нет, не *это* всё это, не *то,* а так — *дыра*!

Но что интересно: и в самом деле дыра, да вот зато какая, где и куда!

И не в одном только гнозисе зияет дыра, хоть в европейском, хоть в азиатском, хоть евразийском, хоть даже и вроде бы русском, что более или менее понятно — не берётся гнозису такой странный онтос, но и в самом онтосе, причём в мировом, тоже ведь дыра, ибо не стандартен он, особен, не таков, как везде, отчего и неизвестен, во всяком случае явно он *ин* (от иного), или *иноен,* а не просто *инаков,* и гнозис тут не знаем, а ежели и есть он, то тоже явно *ин,* или *иноен. Иная* она — Рось! Не просто другая, а совсем иная, от *иного мира — неотмирная* она!, а потому и рассматривать её надо иначе — как не от мира сего феномен: что как идею, что как страну, что как народ, что как мир.

Все люди и народы, всё человечество, вообще-то, не от мира сего,

но все, или почти все, приспособились к этому миру, его под себя и приспосабливая, бытуют в нём как его более или менее органичные принадлежности, пусть и по-разному бытуют: кто в верхах, кто в низах, кто в господах, кто в рабах, кто впереди, кто следом, только вот русские выбиваются из ряда, хоть и вынуждены приспосабливаться и приспосабливать, как другие, да вот явно не к своему, а к чуждому им миру — и чуждому не из-за пренебрежения к нему, а из-за бессознательного хранения памяти об ином мире, откуда они и вышли.

Здесь, конечно, драма — драма от инстинктно, хотя и на словах тоже — в тех же сказках и сказаниях, не забываемого происхождения, точнее бы сказать — незабываемой принадлежности, но в то же время и драма ожидания не то чтобы возвращения туда — в исходный родной мир, а скорее, вхождения в какой-то новый, уже и иной мир, но так или иначе корреспондентный родному.

Отсюда все особенности и роковые проявления русского сознания, характера, поведения, ума, безумия, бессознания, воображения, прозрений, затмений, подъёмов, спадов, рывков, срывов, отчаяния, героизма, жертвенности, равнодушия, безразличия, мерзости, доброты, злости, расположения, ненависти.

Исконно русский человек частенько как бы не в себе, хотя бывает подолгу и в себе, он не то что всем недоволен и не может как следует обустроиться в этом мире, он к несчастью своему, не дорожа жизнью и презирая смерть, понимает, что это не его задача, не его цель, что здесь, в этом мире, всего лишь суета сует, — и лишь в моменты испытаний, риска, опасности, нужды, необходимости, остроты он проявляет себя как… а вот как?.. наверное, как… э-э… иночеловек, или человек неотсюда, или человек ниоткуда, в общем — как человек оттуда — из иномирья!

Обратите внимание, господа, не только на росо-русско-российские бытийно-исторические события, состоящие не только из побед, но и поражений, не только на русских героев, включая и отрицательных, но и на русские сказки, былины, на тексты того же Аввакума, на слово Пушкина, Блока, Есенина, на писания Л. Толстого, Достоевского, М. Булгакова, на музыку Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, на пение Шаляпина, на живопись передвижников и мир искусников, на балет Петипа, Дягилева и Григоровича, на танец Улановой и Васильева, на русскую софийную философию, на ту же философию хозяйства в конце концов, и вы увидите, что такое эта самая Рось, как раз та самая,

которую кроме как через обращение к Иному, к Иномирью, к Великой Неизвестности, даже и к Бездне с её Хаосом, не почувствовать и не понять, хотя бы на миг и на йоту, ибо неуловима она по сути и несхватываема по смыслу никакими нарочитыми логиками, ясновидениями и магическими заклинаниями, — таинственна она, будучи вполне и по-божески апокалиптичной, эта самая Рось!

Россия, как и всё в этом мире, во всяком случае земно-природном — не отсюда вовсе, а оттуда — из запределья, из иномирья, из неизвестности, однако Россия по какому-то то ли случаю, то ли чьему-то изволению, то ли по необходимости, то ли по своей собственной «прихоти», не то что не порвала связи с запредельем, с иномирьем, с сакральной неизвестностью, а осталась с ними, пусть и бессознательно, в неизъяснимом просто так родстве, вовсе и не приносящем ей не то что радости и покоя, но даже и сносного (не слишком адовского) существования, хотя и даёт ей, возможно, не просто быть, а загадочно быть, да ещё и коечему, — правда, слишком уж жертвенно! — служить: вовсе не себе, не своему, не родному, а служа, жертвовать не так даже собой, как своими людьми — русскими людьми, да не только в схватках и в «партнёрстве» с внешним людом, но и во внутренних дружбах и прях, вовсе не таких уж простых, ладных и небеспощадных.

Дыра, так уж дыра — великая это прорва: что от чужих и ради них, что от себя и для своих!

Факт!

Тяжкий факт, и ни с помощью логики, ни ясновидения, ни трансового бреда сей факт не объяснить, как не объяснить, к примеру, феноменов Древнего Египта и Римской империи, явления Иисуса Христа, как и тех же Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Суворова и Ушакова, да и Карла Великого, и Бонапарта, Ленина и Сталина, да и того же бесноватого фюрера с его СС и Третьим Рейхом.

Не надо пытаться объяснить Россию, Русь, Рось, надо просто её принимать, ценя её не так за то, что в ней было и есть, как за то, чего в ней как бы не было и нет, точнее, что было и есть, но как бы было и как бы есть, как её… тайна, которая, собственно, и есть идея Роси, Руси, России (она же и русская идея), разумеется, тайна до срока, который, видно, ещё не настал, и неизвестно, когда настанет, хотя, быть может, и скоро… да-да, ведь всякому внезапному сроку как раз вскорости и быть.

А пока Роси нашей в нашей же России как бы и нет, точнее, она — Рось — есть, но либо в загоне и чуть ли не в каторге, либо в засаде,

чуть ли не в шифровой (от шифра): страшная, хоть и при этом великая, особенность России как неотмирного феномена состоит в постоянном, — с некоторого, видимо, времени, — присутствии и, скажем откровенно, предательски вожделенной активности в ней не чего-нибудь негативного, скверного и подлого, чего везде хватает, а чуть ли не благостной по виду анти-России, даже не просто не-России, что в общем-то понятно, а именно анти-России (анти-не-России), не только не дающей быть России Россией, но и провоцирующей (осознанно или нет) отрицание России как России (независимо от понимания ею России как России), да ладно бы анти-России извнешнего происхождения — захватнической, обманной, коварной, хотя и добровольно иной раз признаваемой, охотно и принимаемой, даже прочно внедряющейся в Россию, а то ведь анти-России внутренней, своей (не обязательно ненавистнической, а просто ничего «своего» не принимающей, охотно его отрицающей, от него бегущей).

Если уж попытаться объяснить сей прискорбный факт, то только извечной борьбой этого мира, в котором вынужденно бытует реальная Россия, с миром иным, с которым навечно связана исходная, изначальная, корневая русская глубинка, генетически скрытая и навски прикрытая, с чем Россия никак не порывает и, судя по всему, порывать не собирается.

Затяжной, многовековой, если не многотысячелетний тут конфликт — КОНФЛИКТ!, он же и изнурительная война — ВОЙНА! (заметим, никакая не гражданская в привычном понимании, хоть и впадает иной раз в гражданку, да ещё какую!), а война экзистенциальная, трансысторическая и трансцендентная, вполне и священная — война миров, да-да, именно так: ВОЙНА МИРОВ!

Россия на пути к России

Да, больше из области пожеланий, чем реалий, но другого варианта для России нет, — и что интересно: шаг за шагом, но идёт Россия к России, ибо тут провиденциальная необходимость, диктуемая всем бытием-историей — что собственно российским, что мировым.

Хочешь страной быть, страна, — будь Россией!

Наличное преимущество сегодняшней России перед сопоставимыми «коллегами» по планете не так в вооружениях, армии и ресурсах, как в факте пережи́тия страной великой экзистенциальной катастрофы рубежа 1980—1990-х, её падения в бездну, там пребывания и, самое глав-

ное, выползания из неё с шансом обретения новой экзистенциальной перспективы.

За одного битого, да ещё самобитого, десять небитых дают, мало того, одного на выходе из бездны, может, ещё и не полном, десять на входе в бездну, пусть ещё только выходе кажущемся, во что трудно поверить, но неумолимо всё-таки приближающемся.

Россия так или иначе выбирается оттуда — из бездны, направляясь к иной экзистенции, а «коллеги» по планете как раз вползают туда, рискуя там и исчезнуть, хотя, быть может, и не исчезнут, да вот какими же они оттуда выберутся?

Россия уцелела, поднялась, окрепла, стала *иной*, но далеко *не той,* какой надо бы Провидению, то бишь Иному, ибо слишком она ныне прозападная, не вкруговую суверенная, опасно антимировская, не очень-то и российская, при этом вовсе не единая, не собранная, разрозненная, не очень-то праведная, не слишком добрая к своим, немало и фальшивая (в плане, конечно, режима правления и поведения элит), даже и вредоносная, ежели принять во внимание недоброкачественное управление, разгулявшуюся коррупцию, невообразимое неравенство в доходах и житейских возможностях, страшное социальное расслоение, в общем — практически роковое экзистенциальное неблагополучие: произвольный финансово-административный деспотизм сверху и надсадное неодобрение, гнетущее раздражение и безмолвно-грозное противление снизу!

Серьёзные и фактически фундаментальные перемены внутри страны по курсу достижения иного её обустройства, как раз российско-соборного, уже назрели и просятся в повестку дня — и лучше, ежели сии перемены пойдут сверху при одобрении снизу, чем страна дождётся сначала жёстких требований снизу, а затем и неизвестно каких в своём бесстрашии и безграничии перемен — «бессмысленных и беспощадных»!

Что делать и куда идти не представляет никакого секрета, а ежели есть тут всем хорошо известный «секрет», так это возникший из небытия (вышедший из Бездны да там ещё немало и торчащий) пореформенный режим, который как раз и противится потребным — уже постреформенным — переменам, а сохранение сего режима чревато… нет, не так восстанием масс… как восстанием Иного, которое, как мы уже немало убедились на опыте того же XX века, умеет достигать своих целей и без восстания масс, а так… как-то само собой!

Общее экзистенциальное напряжение в мире и в стране ныне

велико, очень велико, и особого времени для сохранения и бытия явно порочного строя и раскачки в аспекте его «совершенствования» и «облагораживания» нет (да, собственно, это и невозможно!), отчего потребно действие, действие и ещё раз действие!

Сейчас в стране в приоритете диктатура денег, обмана и фальши, которую необходимо срочно заменить на диктатуру морали, совести и чести, разумеется, в возможных в человеческом общежитии пределах.

Утопия?

Если в идеале, то, пожалуй, что и утопия, а ежели практически, то никакой утопии тут нет, а есть лишь непомерная трудность реализации потребных перемен, ибо сии перемены есть не что иное, как выворачивание вывернутого, конечно же, с новым предметным разрешением.

Вот это и в самом деле задача — задача из задач!

Что-то вроде того, что было проделано Сталиным, которому таки пришлось выворачивать вывернутое и как раз с новым предметным итогом. Но это не означает, что надо, да и возможно, повторять сталинский опыт резких и жёстких преобразований — сейчас другое время, другие реалии, другие и возможности, и другое должно и может быть преображенческое действо, главное — действовать!

Тут уместно вновь обратиться к концептуальному выпаду странника по имени «Российской Реформация», да и к другим последующим его со товарищи концептуальным выпадам, где всё экспликативно и проективно изложено, разумеется, идеологически, что подтверждает одно важнейшее обстоятельство: никакого отсутствия идеологии и проекта для иной России нет, а ежели что в связи с этим и есть, то, с одной стороны, нежелание, смешанное с неуверенностью, что-либо в стране существенно менять в постреформенном направлении, а с другой — инсинуативное стремление «говорунов» оправдать бездействие властей якобы отсутствием проекта иной России и преобразовательного согласно ему движения.

Всё есть, господа хорошие: и идеология для России есть, и образ иной России есть, и путь к ней начертан, а вот чего нет, так это и так ясно, но, заметим, снова и особо: Иное не дремлет и наряду с высвобождением от западно-прозападного гнёта, вроде бы вновь после Мюнхена 2007 г. подтверждённого «ультиматумом» декабря 2021 г., должно идти освобождение России от внутреннего — уже и доморощенного — гнёта: спокойно, без паники, с любовью!

Россия во внешнем пространстве

Странник никогда не сомневался в великодержавии и имперскости России, даже и остаточной от великого СССР страны под названием Российская Федерация, наоборот, всячески отстаивал сию неординарность Отечества, руководствуясь не убеждением, а фактической реальностью: кризис, катастрофа, падение не довод в пользу отрицания великодержавия и имперскости, — и реальность это лишь подтвердила: сегодня уже мало кто сомневается в уникальных параметрах уникальной страны.

То и другое — великодержавие и имперскость — не хорошо для России и не плохо, это её реалии: либо Россия с ними, либо её нет, хотя всё это для России и бремя, и ответственность, и тягло, в чём мы день ото дня и убеждаемся.

Да, Россия — великая держава, имперски внутри себя обустроенная и имеющая имперские функции за своими пределами (заметим, функции, а не колониальные амбиции). Есть Россия, а есть геопространство… нет, не подчинённое России, а… ею, скажем так, опекаемое, поддерживаемое, при нужде и защищаемое. Почему? Вовсе не из-за чисто имперских (имперо-колониальных) мотивов, а по причине охранения себя и подопечных ей стран от любого рода враждебных посягательств, не говоря о прямых вторжениях извне. А сейчас есть ещё и мощный постсоветский синдром: какими бы независимыми себя не воспринимали бывшие союзные республики, они нуждаются в покровительстве и защите со стороны более мощной России, а ежели они в покровительстве России не нуждаются, то либо уходят к другому имперскому сюзерену, либо бытуют вроде бы самостоятельно, но, увы, до поры до времени, обращая при нужде свой взор к России, ища поддержки и защиты.

Ареал бывшего СССР — зона безусловных интересов России, хотя бы из-за проживающих в «независимых государствах» и, как правило, там притесняемых и гонимых, русских. Ничего не поделать, такова правда жизни, и Россия обязана стоять, немало и имперски, на страже интересов притес- няемых и вытесняемых русских, хотя и делает это пока из рук вон плохо.

Вообще говоря, ни Российская империя, ни СССР никуда из европейской ноосферы не делись и несмотря на желание некоторых из «независимых государств» отделить себя от России с её Москвой и московским Кремлём, взаимное политико-хозяйственное, как и просто межнародное тяготение друг к другу и к России в частности, всё равно остаётся, а ежели учесть неоднозначное давление на сии государства

внешнего контекста, — что западного, что восточного, что южного, — то стремление скучковаться вместе с центром в Москве выглядит более чем естественно (за примерами далеко ходить не надо, они хорошо известны: без совместности и без России во главе и в центре ныне никуда!).

Да, это важнейшая геостратегическая и, само собой, экзистенциальная миссия, вполне по стилю и имперская, однако на условиях независимости, взаимности и взаимовыгодности для всех участников то ли не распавшегося, то ли вновь собирающегося, но в любом случае как-то воспроизводящегося геостратегического, единения, хотя уже и не СССР.

Здесь очень важно обратить внимание на то, что ничего, или почти ничего, или многое из прошлого просто так не уходит в полное забвение и абсолютное небытие: ни древние цивилизации никуда в пустоту насовсем не ухнули, ни Рим с Карфагеном, ни финикийцы со своей торговлей, финансами и вообще экономикой, ни та же Великая французская революция, породившая Бонапарта со своим имперским бонапартизмом, ни Ленин со Сталиным с их революциями, крушениями и победами, ни даже Гитлер с Муссолини и их фашизмами, ни тот же СССР, но не потому что это и многое другое остаётся в людской памяти, а в том, что всё это так или иначе… воспроизводится, пусть и по-другому, и вовсе не так, как когда-то было, но… воспроизводится, — вот и Российская империя с СССР воспроизводятся, хотя и совсем иначе, чем то было в «раньшие» времена.

О России как мировой державе и говорить ныне особо не приходится: да, такая-сякая, всё ещё экзистенциально во многом прозападная и антимировская, но… недаром же против неё тот же Запад со своим анитимиром ведёт бытийную войну, пусть и гибридную, и гуманитарную, и экономическую, и санкционную, а всё почему? — разумеется, не из любви к «демократии» или к «правам человека», чего, якобы, нет или не хватает в России, а из-за того, что чует Запад в России мирового масштаба лидера, даже не чует, а знает это, из-за чего и страшится России, и, провалившись с идеей сделать её своим антивосточным (читай, антикитайским) вассалом-орудием, пустился во все, для себя немало и самоубийственные, тяжкие — лишь бы ослабить и уничтожить подступающего лидера, пусть лишь кандидата в лидеры, да мало что из белорасового и христианского ареалов, так ещё и вовсе не чуждого всему планетарному экзистенциальному пространству.

Сама по себе Россия вовсе не жаждет мирового лидерства, на что её как будто выводят Провидение и Иное, а потому воспринимает сию

каверзу как невольно необходимую повинность перед Великой Неизвестностью и даже самим Господом Богом.

Россия велика, разнообразна и самодостаточна, она сама целый мир, отчего ей вовсе не нужно никакое личное мировое доминирование, а с учётом миромасштабного опыта СССР, попытавшегося руководить половиной мира и на том надорвавшимся, попросту и противопоказано: тут лишь одно при отсутствии метропольной корысти разорение. Да и глядя на нарастающие предкончинные конвульсии нынешних США, попытавшихся после краха СССР единолично управлять всем миром, хоть при этом и грабя его, Россия должна хорошо понимать не только тщетность такого правления, но и его для мирового правителя самоубийственную суть.

Так что если речь идёт о всемирном лидерском значении России, то не как о возможном единоличном правителе мира, а как о всего лишь великой стране, способной к самостоянию и эффективному участию в коллективных разрешениях мировых проблем, а уж ежели припрёт, то и предпринять мирового значения деяния.

Если выйти на метафизический уровень, то для планетарного мира вполне достаточно наличия сильной, самостоятельной и эффективной России, а никак не российского кем-либо, даже и соседями, руководства.

2022 г.

Странник

ОБРЕЧЕНИЕ

или

НОВЫЙ ЕККЛЕСИАСТ

(монолог с самим собой и для себя)

Время и Вечность

(сквозь онтологическую призму
немотно ревущего августа 2022 г.)

ПРЕД—ЛОГ

Нижеследующий текст, он же и *логос,* создавался в августе 2022 г. в виде вольно определявшихся записок, причём происходило это даже уже не в тревожный, а и во вполне уже остросюжетно и зло разверзшийся момент, он же и разрыв, исторического времени, судьбоносно обрушившийся на всю планету и на всех её насельников — что тех, что этих, что иных, а вовсе не только на россиян и украинцев, хоть и в особенности как раз на россиян и украинцев, — и писался сей текст достаточно умудрённым жизнью, познаниями, впечатлениями и собственными многочисленными мировоззренческими трудами русским интеллектуалом-гуманитарием, верным гражданином России, весьма обстоятельно знающим, в чём он был абсолютно уверен, родную страну и её народ, достаточно представляющим себе, что есть в реальности владетельная и правящая теперь в стране элита, но и вполне себе сносно, в чём он тоже был достаточно уверен, осведомлённым в ныне воюющем с Россией Западе, включая и его новоиспечённых сателлитов из Центральной Европы, а также весьма сведущим в сцепившейся с Россией не на жизнь, а на смерть Украине (Укронии), вновь по давней своей привычке воинственно воспылавшей яростью к России, бодро при этом перекинувшись, как не раз уже бывало в истории, на сторону исконных врагов и сеюмоментных противников не одной лишь России, а и вообще славянского мира.

Это чисто размыслительный, а вовсе не ситуационно-хроникальный текст, вполне себе и субъективный, а ежели он и страдает кое-какой

объективностью, то не по причине обстоятельно изложенной в нём железобетонной фактуры, которой как таковой не только в тексте, но и где-то ещё предусмотрительно вовсе нет и не бывает, а лишь в силу доступного автору смысло-экзистенциального размыслительства, в особенность которого входит и такой обычно неприметный момент, как заслуженно доверительный контакт мыслителя не с чем-то в обыденном понимании потусторонним, а не более и не менее как с фундаментально онтологическим… э-э… *Незнанием,* причём контакт вполне себе трансцендентно творческий вследствие открывающейся перед мыслителем возможности распознавательного захода на ментально-оптически фиксируемую сознанием реальность со стороны как раз *Незнания* и вообразительно-гносеологического учёта его — этого *Незнания* — не только присутствия в видимой и знаемой человеком реальности, но и на неё, хоть и обыкновенно не замечаемого человеком, постоянного и вовсе не нейтрального влияния, что позволяет дошедшему до восприятия сего предельного познавательно-откровенческого пункта любознатцу не только заметить, что текущая вокруг реальность весьма и весьма *не та,* какой обычно представляется не одному лишь обыденному, но и вполне себе пытливо-изыскательному уму, что она — реальность — очень и очень *иная*, но ещё и обнаружить, что гуманитарная реальность не только не нечто всегда лишь итоговое, причём и нейтрально итоговое со стороны самой реальности, пусть хотя бы, как принято говаривать у научников, и объективно (так и как уж в ней всего лишь де случается), а нечто всегда ей — реальности — *предшествующее,* да ладно бы от человека, а то ведь от самой же реальности, которая, оказывается, тоже «думает» и тоже «решает», причём делает это и вполне *проективно*, хоть и весьма совсем не так, как это делает человек, а как-то очень *по-своему,* но ведь вершит же она себя, вершит, да мало что себя, а и человека тоже вкупе с ею захваченным его бытием.

Выходит, что человек, будучи, — в чём он ныне абсолютно убеждён, — *царём не только себя, но и природы, даже уже и космоса*, а потому и *полновесным де вершителем* своей реальности, оказывается тем не менее… как раз *рабом* само́й по себе вершащейся реальности, не говоря уж о *природе с космосом,* не без великого раздражения и заслуженной укоризны вполне себе реально царствующих над зарвавшимся в своей экзистенциальной гордыне человеком.

Знание человеком наличия недоступного ему и вполне невозмутимо субстанционального *Незнания,* восходящего к *Вечности* и лишь

присутствующего инкогнито во *Времени* — великая для человека весть, как, собственно, и честь, как и ему удача и его же заслуга, а учёт человеком этой вести в делах размыслительных и управленческих — попросту великий ему приз!

Что же это даёт алкающему истины гуманитарному интеллектуалу (не исследователю, конечно)? Не что иное, как выпадающую на него возможность вдруг обнаружить… как бы это сказать… э-э… скажем, пожалуй, так — вибрирующую состояниями, образами и картинами нереальную, почти что и отсутствующую, *реальную ирреальность,* которая мало что внутри обычно легко воспринимаемой человеком и ловко им под себя трактуемой *реальной реальности,* но и вне её, как раз там, где вальяжно раскинулась *Неизвестность* и вольно витает производное от неё *Иное,* где само *Время* сходится с самой *Вечностью,* — это как раз та скрытая от глаз человеческих реальность, которая была замечена, вскрыта и отображена на диссонирующих цветом, линиями, контурами, фигурами и неживой плотью художественных полотнах дерзких модернистов и грубо припечатана к каждодневному бытию человека антибытийным и вовсю для человека уже пенитенциарным постмодернизмом.

В нижеследующем тексте нет никакой попытки подражания библейскому Екклесиасту, а есть лишь не более чем некоторая с ним духовно-настроенческая перекличка, хотя, впрочем, нет, не перекличка даже, а, скорее, ему — Екклесиасту — некая смысло-оценочная сопричастность, — почему нет, имеем право, пережив ужасную Великую войну, непреклонный сталинизм с его Победой в этой войне и Прорывом в Космос, естественно-неестественное угасание советизма с предательски обусловленным крахом СССР, торжество в изуродованной реформами стране хищного, хоть и улыбчивого, западнизма, крушение едва нажитой человечности и взлёт вездесущего сатанизма, в общем, всего *этакого* без всякой меры нахлебавшись, почему же было «не замахнуться» на Екклесиаста и не побрататься с ним понимающе: правда — она ведь и везде правда, хоть и колет порой глаза, да ведь иной раз и излечивает, — хотя бы от иллюзий; не закоренелых трусов, конечно, вылечивает, не подлых предателей и не отпетых негодяев, а всё ещё бытующих на Земле, может, и изрядно подзаблудших, но… *всё-ещё-людей!*

Время, именно Время, находящееся под бдительным надзором Вечности, под неустанным напором Иного и под жутким давлением Великой Неизвестности, диктует, раскрываясь, что и кому на Земле думать и писать, как и бросает на произвол судьбы, предусмотрительно в себе

закрываясь, сотворённое вдруг кем-то писание вкупе с его — писания — незадачливым творцом: а что ежели не о том и не так он помыслил, не то и не так написал, не на тот адресат нацелился, да и вообще раструдился велеречиво впустую!

Тут уж автору сего, как и любого подобного, текста нечего сказать: лажа, коли она случается, да ещё и с завидным постоянством, она и есть лажа, а уж удача… э-э… о какой-такой удаче вообще можно нынче говорить, когда *такое* вокруг творится и *такие* всюду творцы бытия, да и текстов тоже: лучше уж отдаться настойчиво и неумолимо текущему Времени, которое что-то непременно, да и подскажет, ну и положиться, положа руку на сердце, на непогрешимую Вечность, которая сходу ничего, разумеется, не подскажет, зато утвердить ненароком кое-что из ныне сотворённого и всего лишь временно́го вполне себе и может!

ПО—ЛОГ

Время — либо ментальное изобретение человека, его сознания, либо ставшая достоянием человека, его сознания, извнешняя данность, что всего вероятнее, как, собственно, и *Вечность* — тоже ведь возникшее в сознании человека или в него запущенное извне знание-понятие, — и человек всем этим так или иначе обретённым им понятийным знанием весьма пользуется, понятия при этом не имея, что же на самом деле есть та же Вечность, кроме как полное Ничто, как и что есть Время, кроме как пусть и не такое уж полное, но тоже Ничто, лишь оба — Вечность и Время — становящиеся какими-то смысловыми Нечт'ами исключительно в воображении и переживании человека, который ведь ничего достоверно обо всём этом не знает, как не знает ничего достоверно и о себе самом, кроме лишь того, что либо он сам о себе, либо что-то (или кто-то) о нём за него думает, путаясь меж Нечто'м и Ничто'м.

* * *

Да, каждый человек, являясь на свет почти из ничего (а из чего?) и обретая сознание через посредство других (взрослых), уже и осознаниенных, людей, как бы и знает, опять же взрослея, что есть время — как прежде всего время (протяжённость) своей жизни, ну и время жизни (бытия, существования) кого-либо или чего-либо из вокруг зачем-то бытующего (существующего), при этом человек (особь) многое из чего, включая и самого себя, принимает за временное (сроковое, ограниченное,

конечное), а многое из чего окружающего почитает за вечное (бессрочное, безграничное, бесконечное), имея при этом возможность кое-какой меры для многого из временного — той же погодовой меры, аннюэльной, круго-возвратно-цикловой, ориентируясь хотя бы на круго-возвратно-цикловое движение небесных светил вроде тех же Солнца с Луной (а они-то *что*, светила эти?)

* * *

Человек обычно знает, сколько ему бывает на тот или иной момент годичных кругов, то бишь лет, отмечаемых им по движению того же Солнца с учётом циклических перемен в окружающей человека природной среде, не преминуя при этом пользоваться изобретённым им для меры времени календарём и теми же часами, отчего человеку известно, пусть и не до конца и условно, время его сбывшегося пребывания на свете — в летах (годах), месяцах, днях, а при желании, которого обычно нет, в часах, минутах и секундах, однако это для человека не всё и не главное: человек знает (ощущает, чувствует) другое — самого себя, свой физический (животный) организм, его текущее состояние вкупе с прожитостью (возрастом), свою ментальность, свои мироощущение, миропонимание и мировосприятие, своё отношение к людям и их отношение к себе, своё бытие в разных контекстах — природном, семейном, социальном, культурном, хозяйственном, политическом, творческом, военном, уголовном, мошенническом, да мало ли ещё в каком, в общем, человек осознаёт по самому себе не только свою принципиальную экзистенциональную временность, но и сам ход (течение) этой временности по движению его собственной , им ощущаемой, чувствуемой, фиксируемой, экзистенции.

* * *

Младенчество, детскость, юность, молодость, затем первая, вторая, третья (от 30 до 60 лет) зрелость, а потом и, это уж как станется, либо ещё одна, вторая, третья зрелость, либо, увы, старость, сначала первая (иной раз и последняя), затем, коли повезёт, вторая, а напоследок уж, коли повезёт или коли, наоборот, не повезёт, третья — совсем уж завершающая (немощная). Так или иначе, но человек примерно знает, какие экзистенциальные этапы он проходит по жизни, в каждом из этапов соответственно себя и проявляя: сначала и весьма долго входя в окружающее и своё собственное бытие, осваиваясь и учась, в меру потребностей, возможностей и сил участвуя в бытии и что-то своё в нём

построяя, более всего, конечно, построяя самого себя; затем вполне осознанно и со знанием дела напористо участвует в реализации своего и окружающего человека бытия, мало того, в его — бытия — созидании, как, впрочем, и разрушении, как, собственно, ничего особенного и не совершая, а так — лодырничая, уклоняясь от дел, сибаритствуя, паразитируя, мало того, присваивая не своё, воруя, грабя, мародёрствуя, но и это не всё — издеваясь над людьми, пытая их, калеча, убивая, правда, участвуя и в оправданных защитой себя, близких, имущества, территории, страны, вообще жизни смертоносных схватках, битвах, войнах; потом наступает момент осознания итога: как жил (жила) и кем был (была), кем и стал (стала), кем и как завершаешься, да ладно бы кем и как есть, то бишь самим (собой) по себе, а то ведь с обезоруживающей печатью на своей «физии» (лице, стало быть, если не прямо на «морде лица»), это во-первых, а во-вторых, вкупе с вдруг являющимся в тебе… э-э… двойником, вступающим с тобой в нелицеприятный (немордоприятный) диалог, а то ведь и вполне каверзный, едкий, колкий, дрянной, адский, да всё о том же — о тебе самом, о тобою прожитом и тобою совершённом (как и не совершённом): как, зачем, какой ценой, с каким итогом?; и идёт тогда он — суд, он же и *само*суд, и не скрыться от него, разве лишь отмахнуться, да вот всё как-то неловко, не насовсем, не навсегда, и гложет, зараза, гложет, ничего такого и не говоря, а так — молча, без воплей, втихую, ибо не так от Времени он, как от… Вечности, которая и не глаголет ничего, а молчит себе и молчит, всё тебе молча и говоря: что в угоду и в добро, что в упрёк и на зло, ей то что — Вечности!

* * *

Хошь, не хошь, а диáлога сего с Вечностью никак не избежать, никому из проживших и доживших не избежать, и диàлог сей как раз на старости лет и случается, когда исторический персонаж не то что никому уже не нужен (даже и себе самому), а попросту он уже *вне* — вне животворного процесса, вне деловой суеты, вне искристого бытия, хотя персонаж сей вроде бы ещё есть на свете, даже и что-то осмысленное говорит и что-то полезное делает, что-то, глядишь, даже и творит, но… «жисть» вокруг уже другá, бытие уже инó, даже не так по образу и смыслу своим, хотя это так обычно и бывает, а попросту всё это уже *не его,* ему *не своё,* к нему *не доброе,* хоть и совсем не обязательно, что злое, оно всего лишь… *безразличное* — что к персонажу сему, что для него самого! И брюзжит тогда персонаж, брюзжит, да всё мимо цели, всё в «молоко», всё в пустоту — судьба-с!

* * *

Награда! Да, пожалуй что, и награда, да вот не за отвагу, не за подвиг, даже не за му́ку, вообще не за что-то житейское, хотя что-то подобное, возможно, и было, и есть, а за… *невозможность* — НЕВОЗМОЖНОСТЬ, *вообще невозможность,* как раз за то, что не может быть и не может быть никогда, однако почему-то можется, свершается, стаётся, делается, происходит, как раз то самое, за что не может быть никакой другой награды, кроме тупого игнорирования, шипящего осуждения, безмолвной злобы, ну и нарочитого забвения тоже — так всё и бывает: вот тот же Ленин — то ведь ещё забвение, — и это при массово посещаемом мавзолее посреди Красной площади!

* * *

Старость старостью, да вот немало ведь старостей как-то очень уж смахивающих на голгофу, да совсем не ту, всем хорошо известную, а совсем другую: казнь неторопливая тут, да вот не так физическая или та же моральная (ещё и с угрызениями — слово-то тут какое!), а затянутое присутствие на старовозрастном эшафоте то ли в роли известной ненужности, то ли ненужной известности, — тут уж всё одно: быть, не будучи, или же не быть, зачем-то вроде бы будучи, что не мешает проникать туда — в зачеловечность, обнаруживая вдруг оттуда, что человечность покруче самой дьявольщины будет: с дьяволом хоть потягаться, а то и договориться, можно, а вот с человеком, увы, *никогда!*

* * *

Всякий переживший не совсем уж кое-как 1990-е и переживающий совсем уж кое-как 2020-е должен понимать, что за хлебами, зрелищами, цифирью и «патриотизмом» стоит нечто, что прямо в Нём, кто выше всех, вне всех и во всех сразу, кто безгрешен, безграничен и неоспорим, кто — *чудотворец* — ЧУДОТВОРЕЦ! и кто — *благодетель* — БЛАГОДЕТЕЛЬ!, кто был, или не был, в общем-то… НИКЕМ, кто вышел, или не вышел… НИОТКУДА, но кто явно теперь тянет на личное БЕССМЕРТИЕ!

* * *

Свершилось-таки! И именно в России! О-очень интересно! Мало, как оказалось, нам было Иоаннов, Петра, Ленина, Сталина, так теперь вот и Он — *кульминация!*, за которой кое-что совсем уж невероятное: из всего нынешнего российского гуртования вдруг вызревает аки цветок

из навоза что-то совсем уж невозможное — последнее на Земле человечество, которое вскоре и не человечеством будет, а… уж кем будет, тем и будет — каким-то там *постчеловечеством,* но не тем, о котором мечтал наш полусумасшедший звездочёт из Калуги — не «лучистым» вовсе, а совсем другим — всего лишь «тлеющим», нам, глупым умникам, совсем никак контентно не известным, зато немало эффективным, настолько, чтобы навсегда покончить с этим странноприимным земно-космическим проектом, называемым «ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ», — и, обрати внимание, случайный читатель сих неблагосклонных записок, через восположение к старательно затёртому, не без удовольствия обгаженному и нарочито ныне воспыляемому квазирусскому помёту! Однако, всё может случиться и по-другому, да так, что лишь одни мурашки по телу!

* * *

Старость на то и старость, чтобы хотя бы пробурчать себе под нос хоть какую-то *правду* (правдишку), обычно умалчиваемую, гонимую, а то и высокомерно презираемую, да и не просто правду, а правду-*суд,* правду-*приговор*, правду-*штык*, которая куда-как покруче любой добытой любовно истины будет, ибо она — правда — выше истины, поскольку она вовсе не антизнание, чем хочет всегда казаться истина, а всего лишь… *антиложь,* чем правда обычно и кажется, когда ложь бывает чуть ли не истиннее самой истины, мало того, ещё и значимее гуляющей по закоулкам бытия щемящей правды, ибо с правдой сей никак никому не прожить, а вот с ложью, глядишь, и *князем мира* сможешь вдруг статься, пусть и краплёным князем, даже, на худой конец, и *князем тьмы*, да вот ***Князем*** всё-таки!

* * *

На моё как-то брошенное среди умных пресс-интеллигентов замечание (сенсацию, блин!), что Россию предавать никак нельзя, мне было вполне резонно возражено: «А разве можно предавать любую другую родную страну?» Тогда я вразумительно осёкся, а вот сегодня скажу, что предавая Россию, предаёшь не только и не просто Россию и даже не только и не просто себя, а предаёшь какую-то *сакральную неведомость,* которая не то чтобы потом предавшему мстит, превращая в безликое и безличностное *ничто,* пусть и внешне вполне ухоженное и чуть ли не пристойное, а как-то по-особому его *метит,* да так, что никому из изменщиков и свидетельствующих неизменщиков мало почему-то не кажется! Загадка тут, да ещё и какая: предал Россию и…

прямиком в фатально бытующее среди бытия и бдительно тебя подкарауливающее *небытие!*

* * *

Счастье это или несчастье родиться в России и ей принадлежать, в ней быть, мало того, ещё и бескорыстно ей служить, не рассчитывая ни на какое вознаграждение, кроме страды, неприятия и гона, а то и ненависти, но так уж случается по вовсе не твоей и даже не твоих предков и родителей воле, а по воле свыше — родиться именно в России, а может, попросту всего лишь в ней оказаться, а потом в ней быть, таща житейскую лямку, даже и, коли повезёт, расцвести, ещё и ей — России — непременно послужить, причём самоотверженно, часто слишком уж вокруг многому, а то и прямо-таки всему, вопреки, даже и наперекор самой же России (это ежели служить по правде, пусть и спасительно для неё — для правды, как, впрочем, и для себя и даже для России, как раз той самой правды, ловко тобою непременно прикрываемой — недоговорами, умолчанием, намёками, отводом глаз, улыбочкой, — что тут поделаешь: правды на Руси хотят, её жаждут, но за правду со тщанием бьют и без пощады изничтожают, да и саму правду непременно замолчат, заболтают, упрячут, в общем — саннигилируют!)

* * *

Верил ли автор этих записок в коммунизм? Да, верил, ибо застал сию веру в действии; почему было не верить, хотя бы как в возможное, если и не в светлое, то в хотя бы достойное трудового человека зéмное будущее; верил вкупе с верой в человека, да ведь и основания были — коммунисты-сталинцы по большей части тогда не подводили, трудясь во благо людей и бескорыстно служа Родине, да и сам автор, побыв октябрёнком, пионером и комсомольцем, став в 23 года коммунистом, то бишь тоже сталинцем, вовсе при этом и не сталинистом, причём стал вполне осознанно, пусть не так с верой в коммунизм, как не без признания самой идеи коммунизма, повторяю, как идеи достойного людского будущего. Да, со временем, конечно, убеждался, что многое в СССР не столь уж соответствовало «светлым» коммунистическим идеалам, отчего желал какого-то *иного* коммунистического бытия, да вот само-то бытие как-то всё меньше соответствовало провозглашавшейся *Модели,* отчего и желал *Перемен,* весьма и *существенных,* как раз в направлении коммунистических идеалов, в сторону *Модели,* да вот пришлось-таки осознать, хоть и не сразу, что реальная жизнь не то что вообще, мягко

выражаясь, далековата от любых благих идеалов, как и сами благие идеалы весьма далеки от реальной жизни, но ещё пришлось осознать и то, что мало что реальная жизнь не торопится спешить к братанию с идеалами, предпочитая, хочет она того или нет, суровую правду жизни, пусть и густо замешанную на житейской корысти и лжи, а благие идеалы, увы, несут в себе не так благую правду, как более всего *благую ложь,* даже и (Sic!) немалую *корысть.*

* * *

Нет, никакого ужасного стресса от крушения коммунистических идеалов, уже и весьма к тому моменту потрёпанных, он не пережил, зато пережил немалый стресс от крушения собственных (нет, не личных, а именно собственных) идеалов относительно человека вообще, общественной жизни вообще, гражданственности вообще, наконец, и россиянскости вообще, ибо многое из реально людского оказалось совсем *иным,* к сожалению, совсем и не благим, хотя многое из реально людского ухитрилось и в момент безудержного нашествия алчности, несправедливости и лжи (в те же славные 1990-е) остаться людским, немало, кстати, и соответствовавшим коммунистическим идеалам бескорыстия, товарищества, преданности Родине, гражданственности, труда, творчества, служения людям и общему делу, вообще человечности.

* * *

Автор смеет отнести себя ко второй части соотечественников — людской, кстати, вовсе и не малой, скорее даже, бóльшей, но, увы, не оказавшейся способной предотвратить крах не одного лишь СССР с его уникальным социо-хозяйственным устройством, и не только крах КПСС с её коммунистическими идеалами в роли ведущей не только идеологической, но и экзистенциальной силы, так и не смогшей предотвратить краха, а, скорее, оказавшейся невольным и весьма удручённым свидетелем краха, увы, *идеала человечности вообще* (пусть и не в тотальном масштабе, но всё-таки в большом, слишком большом, слишком!), когда из человека вдруг масштабно повылез нелюдь, зверь, бес, опять же слишком масштабно повылез и слишком уж нелюдь, зверь, бес, да мало что повылез, так ведь и инициативу захватил, отменив начисто совесть с её нелепыми-де угрызениями, те же справедливость, честь, стыд, ну и само собой, честность, гражданственность, бескорыстие, преданность Родине, а взамен навязав корысть, алчность, несправедливость, златолюбие, разу-

далую порочность, — и всё это, заметим, под сенью «свободы, цивилизованности, демократии». И удалось же, удалось, даже и блестяще удалось — не просто вывернуть бытие наизнанку, но и бросить его прямо в бездну, в преисподнюю, в сущий ад! Каково, а-а?! Бац… и на тебе… *Ад!*

* * *

Говорить тут о том, что происходило в 1990-е с людским житиём, с самими людьми, их моралью, поведением и судьбами хоть и можно, но не слишком-то и нужно: и так ведь всё всем из порядочных и здравомыслящих людей ясно, да и что добавит такая вот фактологическая историография, какой от неё будет резон, а вот попытаться понять *почему* — ПОЧЕМУ! — сие произошло: что сам переворот, что его итоговый результат, вот это, пожалуй, важно, да что важно — *страшно,* ибо касается это не так даже глубинного переворотного заговора, не той же подрывной в отношении СССР и его строя деятельности тогдашних верхов, не их предательства вкупе со сдачей любых сколько-нибудь человеческих, кроме, разумеется, дьявольских, идеалов, как и со сдачей своей (вроде бы своей!) страны исконному противнику — Западу во главе с США, не того же привольного впуска Запада в бывший СССР, в новую РФ, не обильной вестернизации страны, не разрушения под действием Запада той же отечественной промышленности, не спутывания по западным рецептам отечественной науки, не запутывания культуры в терновых венцах антикультуры, в общем — не так всего из всего подобного, что явно и размышлений-то особых с доказательствами не требует, — тут, пардон, дело совсем в другом, вовсе не в столь уж и очевидном, не в историческом процессе как таковом, не в текущих ситуациях и происходящих событиях, даже не в самих по себе деяниях людей, а дело как раз в обычно либо по наивности не учитываемом, либо по незрелости непонимаемом, либо умышленно замалчиваемом, а то и ловко оправдываемом — как неизбежности, если не блага, а именно в феномене, называемом что походя, что специально, что официально не иначе, как *человек* — ЧЕЛОВЕК!

* * *

Неизвестно откуда, как и зачем взялось на планете, называемой русским человеком Землей, живое существо, величающее себя *человеком,* но зато весьма известно, что сидит в этом существе, переполненном сознанием вкупе с безсознанием, немало чего, пардон, *не*-человеческого, животного, зверского, бесовского, ещё и корыстного,

алчного, подлого, лукавого, как и известно хорошо, что только идейные, культурные, государственные (в той или иной мере насильственные) оковы способны сдерживать всё это нечеловеческое в человеке, да и то лишь в некоторых пределах, никогда сие нечеловеческое в человеке до конца не устраняя, а ещё известно, что всё это нечеловеческое не только прочно удерживается в человеке, будучи не просто трудно устранимым, но и (Sic!) ему — человеку — *необходимым,* как и всё это для кого-то мерзкое, а для кого-то и душу греющее, *всегда* (!) стремится вырваться на свободу, что и обычно происходит в случае ослабления над сей нечеловеческой в человеке потенцией человеческого контроля со стороны самого же человека, и непременно вырывается при случае на простор, да мало что бунташно-анархически, а… (Sic!) вполне и организованно, и обусловленно, причём вовсе не на мгновение, а иной раз и весьма надолго — бессрочно, однако пренепременно дожидаясь какого-то нового, даже, знаете ли, совсем и не деликатного, укрощения. История человечества — история борьбы, скажем так, *человеческого и нечеловеческого начал в человеке, его житии и деяниях,* в которой и не разобрать бывает, где, когда и какое из этих начал в большем деле, как и где, когда и какое из них превалирует, да и где, когда и какое из них чему в итоге служит.

* * *

Вот и вся тут недолга: бытие с историей очень уж в этом вопросе — *диалектики в человеке человеческого и нечеловеческого* — неразборчивы! «Я есть то зло, которое делает добро, как и я есть то добро, которое вершит зло!». Замечательно! И причём же тут всякие умные сентенции относительно того, что хорошо, а что плохо, хоть без таких сентенций человеку и не обойтись: нет добра без зла, как и зла нет без добра? И что же? А ничего: что сказывается и делается, то и истинно, причём сказывается и делается что-то этакое обыкновенно победителем, властителем, синьором, господином, авторитетом, решалой, вообще более на тот момент сильным, а вот где, когда и как сказывается и делается, ещё и с помощью кое-каких вспомогательных средств вроде media, адвокатов или того же пистолета, это уж дело конкретного бытия и конкретной истории, причём вовсе не как обстоятельств, участников, средств и свидетелей, что понятно, но и как решающих агентов сложного (запутанно-перепутанного) диалектического процесса, что, может, не так уж и понятно, но зато… *верно!* Поди-ка, разберись!

* * *

Да, конечно, человек человеку — друг, товарищ и брат, особливо при взаимной опасности, при совместных невзгодах и испытаниях, при бедах, на войне, в бою, на пожаре, на охоте, в море, хоть и здесь не без отклонений и вывертов, однако всё же это всё есть, бывает и вовсе немало по жизни бывает, даже много бывает, иначе ведь не прожить — без взаимопомощи, деловой и душевной взаимности, без дружбы, товарищества, братства — факт! Однако есть и другой факт, прямо противоположный, пожалуй что, и более достоверный: что человек человеку не то что враг, хоть это вовсю и случается, но в той или иной мере противник, конкурент, недоброжелатель, в лучшем разе — *никто,* причём прямо в песочнице, во дворе, в школе, в семье, в вузе, на работе, в той же армии, а что говорить о рабствах, войнах, колонизациях, том же геноциде — э-эх, везде и всюду *межлюдская внутривидовая экзистенциальная война,* которая, конечно же, сочетается с *экзистенциальным внутривидовым миром:* меж людьми, коллективами, стратами, странами, цивилизациями, геомирами, — иначе всё это несуразное, а может, по-своему и суразное, земно-космическое давно бы сгинуло, да и вряд ли бы возникло.

* * *

Жизнь и смерть, бытие и небытие, взращивание и погубление, а соответственно — *Время* и *Вечность!* Нет, не так Время, оно же Хронос, пожирает всё живое (и неживое тоже), всё человеческое (и нечеловеческое тоже), как Вечность, да-да, та самая Вечность, о которой и сказать-то нечего, кроме того, что она — Ничто, что она — Пустота, что она — Смерть, хотя она не первое, не второе и не третье, а вот сказать о ней действительно нечего, ибо она — ***Тайна!*** И не Вечность зависит от Времени, а Время зависит от Вечности, а потому не Время пожирает Вечность, а Вечность пожирает Время со всей его временно́й и вре́менной начинкой. Вечность первична, изначальна, исходна, а Время вторично, производно, выходно́, и за любой экзистенцией, какой бы она ни была, стоит не так Время, её порождающее, как Вечность, её сначала дозволяющая, а затем и умерщвляющая, а вот зачем всё это, а главное, отчего же не может быть иначе, кто ж из смертных знает?

* * *

А если так, то как же это бытовать во Времени без борьбы за это самое бытие, да не только биться со смертью и за свою жизнь, не только

с природой, стихиями и космосом, не только с другими существами, не только с себе подобными, не пренебрегая при этом и единением со всем этим, пусть относительным, ограниченным, временным, но и не без борьбы с самим собою — каким же тогда быть? — а всего лишь (!) *осознаниенным,* то бишь *знающим,* да не что-нибудь, а то, что есть факт смерти, а потому есть и факт жизни, и что со смертью надо бороться, и борясь с нею, надо бороться не только за жизнь, но и с жизнью — что своей, себя ломая, что с другой подобной жизнью, уже её ломая, чтоб покорной была, чтоб кому-то и для чего-то была полезной (рабской), либо же кому-то зачем-то хотя бы не мешала: отсюда и феномен *геноцида,* который, заметим на полях, вовсе не сводится к уничтожению одних народов другими народами — феномен тут, что называется, «пошире», пообьёмнее, поразнообразнее будет, да и куда как поорганичнее относительно человека, бытия, истории!

* * *

Время — это не только бытийная протяжённость всего времéнно-врéменного, но и его — этого времéнно-врéменного — *субстанциальность,* включая и идеальную, ментальную, когнитивную, а потому Время не только протяжённо, но и дискретно, турбулентно, вертляво, вихревато, курчаво, выворотно, крученно, ибо ***vito*** необходимо сочетается во Времени с ***morto***, что и означает, что Время всё время в борьбе за себя с Вечностью, которую победить при этом не может, но без борьбы с которой оно быть тоже не может. Вот отсюда и ***Обречение*** — на времéнно-врéменное бытие всего во Времени бытующего, на какой-либо срок пребывания, на прерывность сознания, на неполноту знания, на непременность угасания, на неизбежность конца, на неотступность смерти, во всяком случае, смерти во Времени! Не худо, не правда ли?! Обречение, но всё-таки не обречённость, поскольку у каждой времéнно-врéменной явленности (сущности, вещности, вестности) есть своя *стойкость,* своё к себе *самоуважение,* своя способность к *сопротивлению* и даже к *действию,* — как раз в своих интересах, — до поры, разумеется! Обречение — сочетание внешней, идущей от Вечности, *неволи* с внутренней для всего существующего во Времени *волей,* что в итоге и даёт то, что как раз и есть для всего времéнно-врéменного ***экзистенция!***

* * *

Время — не Вечность, у которой, кстати, никакого времени нет, даже и вечного. Время — категория смертного, а для осознаниенного

зачем-то смертного — своё, то бишь осознаниенное, время — человеческое, что для отдельной особи, что для рода или какой-нибудь людской общности, что для этноса, ну и, само собой, для всего человечества. Человек, — что особь, что коллектив, что масса, — живёт во времени, его учитывает, считает, номерует, квалифицирует, а своего точного для себя времени бытия не знает, ибо живёт он ещё и вне времени, сопрягая своё бытие с Вечностью. И вовсе не Время, точнее, не только Время даёт человеку жить и бытовать человекам, а и Вечность, отчего можно сказать, что Время — матерь человека, а Вечность — отец, — и как отец решит, так оно и бывает! А Время, — как время как раз человеческое, — что-то ныне не то что вдруг заколбасилось, а явно пошло в разнос, — нет, не мир земный, не человечество только, а именно само Время, — каково, а-а?! Что-о, не согласен, случайный читатель, не может, мол, такого быть, так ведь Вечность ни тебя, ни меня, ни кого-либо ещё из смертных спрашивать не собирается: как хочет, так и делает! Разве не чуешь ты, умный читатель, тревожного беззвучного гула от нарастающей тёрки между Вечностью и Временем — как раз в сердцевине своей человеческим?!

* * *

Не чуешь, недоверчивый читатель, ну и бог с тобой (не Бог, а именно бог — в ходячем выражении), и не надо тебе ничего такого чуять: Время и Вечность сами разберутся, что делать с тобой и тебе подобными: Третья мировая не только уже идёт, но и идёт как именно третья, а ведь ничего крутому четвёртому, как известно, не бывати, как не стать той же продажной карфагенообразной Америке Четвёртым Римом, а той же запутавшейся в самой себе Европе уже не стать не то что Римом, а даже и Четвёртым рейхом! Так что *последняя* тут война, причём как раз с *последним Римом* — ***Российским***, пусть и ныне по-карфагенски и по-вавилонски весьма загаженным усердным Западом за последнее, почитай, полустолетие (уж постарались западники и вавилонцы — что те, что эти!) — и война сия более всего тянет на войну не на завоевание, а на уничтожение — да не городов с населением, что понятно, а самого́ по себе человека, точнее, уже производного от человека некого ***человекобраза***, который, будучи уже хорошо отшлифованным и оттиснутым воцарившимся на Земле евроамериканским идейно-расчеловечивающим агрегатом, теперь ещё и с тщанием оцифрованным, как раз и вершит последний на Земле дышащий погибелью вавилонский бал. Круто, не правда ли? Можно ли *так* утверждать? А можно ли *так* не утверждать, а-а?

* * *

Дурной, так сказать, контент! А какой же ещё, коли мир дурён, коли он уже на крайне опасную для своей экзистенции долю поглощён созданным человекобразом ***антимиром,*** и уж коли есть сегодня война, то война как раз между *антимиром* и *миром,* когда первый пожирает второго, а второй, мало что из происходящего с ним понимая, лишь робко этому пожиранию сопротивляется. А что касается человекобразов (или постчеловеков), то это вовсе не так босхианские корабельные дураки, которые всегда были, есть и будут, немало иной раз и в ином месте преуспевая на житейском поприще, а вполне себе (Sic!) *благообразные,* даже по-своему умные и изобретательные, деятели от политики, управления, культуры, науки, образования, криминального мира, военного дела, той же юстиции, в общем — *наше и их всё!* Антимир — *противо*-мир, то бишь *анти*-мир, мир от Преисподней, от физики, от живота, от комфорта, следственно, от небытия, от пустоты, от смерти, а смерть в данном случае вовсе не входной билет в иной мир, а главная судная памятка, она же и повестка, для этого, вполне и живо мельтешащего внутри себя, мира. И не деньги тут виною, не злато-серебро, не техника, даже и не модная на сегодня цифровая электроника, — тут, знаете ли, виною… *сам человек,* охотно и бодро ныне расчеловечивающийся, так и не успев стать собственно человеком (да ладно бы в массе обывательской, а то ведь и как раз в массе вполне себе *элитарной!*)

* * *

Скажи человеку: «Свободен!», да ещё и прибавь: «Всё позволено!», и нет человека, зато массово является *человекобра́з,* а уж ежели оснащённый хлебами, зрелищами, комфортом и безумной туда-сюда движухой, то и вообще ***челозверобра́з,*** — незаметненько так, но зато в мириадных общемировых количествах. Человек — это ведь скрепы, тиски, границы, страды, даже и кое-какие муки, а иначе ни души, ни сердца, ни сознания, ни когнитива, ни совести, ни чести, что как раз ныне в почёте и в бесконечности и имеем, то с умилением, то с ужасом взирая на разгулявшегося челозверобраза, ничуть не задумываясь о значении лихорадочной подрывной предвариловки его гениальных предшественников. Теперь уже ***всё!*** — альтернативный естественному миру целостный искусственный антимир создан (возник), да мало что как

запараллеленный естественно-человеческому, так ведь ещё и этот последний жадно разъедающий, валом вытесняющий и скопом умертвляющий, разъедая, вытесняя и умерщвляя само естество и самого́ человека, а хода назад для мира и человека нет, но нет им хода и вперёд: наступила-таки счастливая фаза ***эвтаназии*** мира и человека, а как же иначе? — да уж, сколько ленте Мёбиуса ни виться, а конец её (ей) непременно найдётся, не так ли?

* * *

На всё это гнусное речение вовсе не обязательно обращать внимание — не в первой же!, как и не обязательно обращать внимания на пророческий Иоаннов *«Апокалипсис»,* — мало ли что могло придти в воспалённую голову удручённого пророка, да и *преображение,* кажется, он прозревал, так что вперёд, человече, только вперёд, а пока… всего лишь… *пере-образ-ание,* причём уже по своему, сугубо человеческому, рецепту, — что в этом плохого?, а ничего, кроме, пожалуй, убывания из человече чего-то тяжкого, но для него благого, и прибывания в человече чего-то лёгкого, вовсе на погляд и не злого, даже и приятного, но напрочь для человека *другого* — как раз *нечеловеческого,* что и превращает человека в какое-то *иное существо* — из натуро-духовно-соборного в искуссно-механо-сборного. И это, знаете ли, не шутки вовсе и не вольные фантазии: процесс ***пересотворения человека человеком*** по указанному выше треку вовсю идёт, везде идёт, по всей Земле идёт, и обязан сей процесс более всего не чему-нибудь, а *научно-техническому прогрессу,* да и более всего не кому-нибудь, а *еврохристианской* в ядре, пусть с ренессанского момента и более всего *антихристовой,* цивилизации!

* * *

Ладно, не будем обо всём об этом — странном, страшном и смрадном, то ли сбыточном, то ли несбыточном, хоть война мировая и разгорается: то ли за человека и против подступающего *зачеловека,* то ли, наоборот, более за зачеловека против *всё-ещё-человека,* во всяком случае война сия идёт, причём *такая* война, которой никогда на свете и не было — *антимира с миром,* как и *мира с антимиром,* но при этом уже и ещё одного *антимира с другим антимиром,* — не слабо, а-а? У-ух, и догадочка тут, как раз *та,* что последняя! Ничего себе! Следственно, *мир* уже не то что приговорён, а и, впрямь уже приговорённый, уходит, а на его месте уже вовсю вольтижирует *антимир,* так что не так теперь

война миров, даже и не война *мира с антимиром,* как и *антимира с миром,* а самая что ни на есть ***война антимиров***, — шутка ли! Что-о, замер, небось, неуступчивый читатель, почувствовав хладный пот меж лопаток от невольного ужаса, а может, и не замер вовсе, а, наоборот, пришёл в дикий восторг — наконец-то?! Да-а, к традиции уже мир не вернётся, — да и чёрт бы с ней — с традицией, новая жизнь ведь впереди, хоть и неведомая, но зато такая привлекательная, красивая, лёгкая, когда думать не надо, а только жить да жить, наслаждаясь самим наслаждением, а так вот наслаждаясь, вовсю и жить, — вот оно — *Золотое время,* да не какой-то там примитивный коммунизм, а самый что ни на есть изощрённый *наслаждизм* — свободный, щедрый, вседозволяющий! Безбашенное безбудущное будущее — сила!

* * *

Да-а, будущее — БУДУЩЕЕ! — сила, — но и отсутствие — ОТСУТСТВИЕ! — будущего — тоже ведь сила, ещё куда как бóльшая сила, ибо неодолима она — НЕОДОЛИМА!, ибо от Вечности она! И сегодняшняя межмировая, она же и межантимировая, война кое о чём касательно будущего, как и его отсутствия, скупо, но достаточно остро, говорит. Обращает на себя внимание внешняя бессмыслица войны: её вроде бы не должно было бы быть, а однако же война есть, она идёт, превращая мир человеческий не просто в мир с войной, а в ***мир-войну***, если не в ***войну-мир***, разумеется, с учётом того, что за миром-де скрывается ныне захвативший его антимир, отчего теперь не что иное в реальности, как ***мирантимир-война*** или же ***война-мирантимир***. Вот и приехали, вот и добились своего: какое же тогда будущее нас всех поджидает, а-а? Сейчас, знаете ли, имеет место очень интересненький *вне*исторический (конец истории!) момент, когда будущее вдруг оказалось… без будущего, но не в силу незнания человеком своего будущего, что понятно, а в силу знания человеком его — будущего — отсутствия! Не слабо, правда?!

* * *

Никто ничего ***такого*** *не знает*, да и знать по преимуществу *не хочет,* а ежели кто что-то, возможно, и знает, то помалкивает, чтоб не приняли за сумасшедшего (не назначили безумцем, да и не упрятали с глаз долой в «сумашеку»). Что же касается знания всего *не такого,* то бишь попусту суетно-обыденного, с этим-то как раз вокруг всё в порядке: «тараканьи бега» в разного рода и достоинства головах в полном

разгаре! — что осознанно в политикууме, что самоуверенно в media, что расчётливо и осторожно в науке, ну и, как водится, в дружеских, родственных и соседских не без приёма горячительных напитков посиделках: вот уж где и когда все всё знают (теперь вот более всего из интернета), обо всём бесцеремонно судят, что не надо и к чему не надо приговаривают, чего не надо и кого не надо превозносят, утверждая при этом прямо противоположное и никак не идя на мнениевые компромиссы. А всё почему? Да по тому простому обстоятельству, что бытие-история хоть и творится человеком, да вот творится оно им практически вслепую, мало того, само бытие-история, уже самотворясь, тоже творится вслепую, подталкиваемое неуступчивым Иным и обволакиваемое беспощадной Неизвестностью, отчего на ярмарке всезнающего человеческого тщеславия в ходу по преимуществу незнания, выдумки, ошибки, околесицы, дурь, что там ещё?

* * *

И вот среди всеобщего незнания (незнания как раз всего *главного!*) и столь же всеобщей деятельной слепоты (неузреваемости опять же *главного!*) есть только один субъект, да и тот трансцендентный, который что-то *этакое* знает и куда-то, если не прямо в Бездну, прозорливо зрит, и этим субъектом является, кто бы подумал… *Россия,* да-да, именно так — РОССИЯ!, однако не как страна, не как геообразование, не как государство, даже не как народ, а как… *идея,* да-да, именно так — ИДЕЯ!, однако никому не известная, даже и самой России, ещё и как раз той са́мой России — глубинной. И дело не в том, что у России нет де своей идеи, а в том, что сия идея, которая, конечно же, есть, не должна быть никому до срока известной, отчего и всякие попытки навесить на Россию хоть какую внятную идею обречены на провал, а ежели что-то всё-таки в связи с этим осознанно принять, то лишь одно: «Россия — кладбище любых внешних и надуманных относительно неё идей, но при этом и сокровенный кладезь *своей,* как раз нехомогенной, идеи». Россия слишком *ина* — ИНА!, чтобы, во-первых, не иметь *своей* идеи, во-вторых, чтобы сообщать сию идею кому ни попадя, в-третьих, чтобы не добиваться реализации в Конце времён этой своей идеи.

* * *

Идею России, что не значит российскую идею, надобно просто признавать, не зная, какова же она, эта идея, ибо не формулируема она на языке человеческом и ей — этой неизвестной *идее* — ИДЕЕ! —

надобно человеку русскому, включая и любую обрусевшую или ещё активно обрусевающую особь, несмотря ни на что… *служить,* хоть это и не просто, и страдно, и тяжко, и даже страшно, а то и попросту невыносимо, однако личностно не то что продуктивно, а и по-особому душеподъёмно и даже по-своему, — без фанфар, разумеется, — торжествовательно! Во как! Выдумка? Конечно, согласимся, на то, что тут не иначе, как выдумка, однако зачем-то вдруг выдумываемая, да не кем-нибудь, а потомком беззаветно послуживших России, пусть и не спец-идейно, вполне себе русских людей (как раз из русичей), да и лично самим России весьма послужившим, пожалуй что, немало и спец-идейно, даже и весьма *по-своему,* так уж случилось, ибо в натуре и сознании его, как и в самой его жизни, включая и гуманитарное творчество, много чего сошлось из русского, что и вывело его в итоге на заветную размыслительно-переживательную дорогу, не дав с неё свернуть и позволить дойти ежели не до конца (где он — этот конец?), то уж до весьма значимых рубежей — точно! Знает, старче, о чём говорит, знает!

* * *

«В Россию можно только верить!» Факт! Как вполне себе фактом является и то, что Россия, собственно, и есть для русского человека *первая и последняя вера.* Да-да, именно так: ***первая и последняя вера!*** Тех же христиан, как и среди них ортодоксальных, а в России православных, по миру и в самой России хватает: близких друг к другу, отдалённых друг от друга, небезуспешно между собой враждующих, как и друг другу дружественных, в общем — разных хватает христиан, а вот Россия, задолго до христианства и его внедрения в Россию (Русь) уже бывшая русской (неважно под каким названием, пусть попросту протоРусью со своим проторусским языком и тем же протоисторическим волхво-ведизмом), так вот эта самая Россия не просто была (пусть и как протоРусь), так и ныне есть, была и есть у русского человека мало что *своя*, но ещё и *одна,* но и это не всё — *родной отцовский очаг* она для русского человека, ещё и *матка родная,* — и что же тогда — не верить в Россию, не быть её сыном, её дочерью, не служить ей? Можно, конечно, но, как давно уже повелось — с потерей не только Отчизны и Родины, не только России, но и *себя* — ***русского!***

* * *

Россия — дар, но, увы, не подарок, мало того, она жмёт, треплет, гнёт, не уставая проверять детей своих не прочность, но и на любовь

к себе тоже, как и на к себе же неприязнь, на отказ от себя, даже и на к себе ненависть, но зато даёт ***своему***, причём *своему* не так по рождению, как по трансцендентному сродству, чего вряд ли где ещё встретишь, ибо тут контакт не только с Небом, но и с Бездной, даже и с Преисподней, а уже через них с Иным, с Великой Неизвестностью, с Тайной, а уж затем, уже для избранных — крепких духом, и с Софией, а там, глядишь, и с самим Господом Богом, с той же Троицей, в которой, не забудем, место нашлось и самому человеку, пусть и исключительному. Россия — *сортировочное сито,* когда мало лишь быть, житийствовать, трудиться, как-то преуспевать, чего-то достигать, а ещё надо *подвижничать,* да ладно бы бескорыстно, так ведь частенько ни на что, кроме как контекстного осуждения, неприятия, гона и даже презрения не рассчитывая. Россия — благо, но благо жертвенное — что собою, что своими детьми, а как иначе, коли *ина* она — Россия, *неотмирна* она, отчего *свята* и *адова* одновременно!

* * *

Добра ли Россия, эта «мачеха злая»? Как ни странно, добра, однако по-своему, по-неотмировски, не так уж и по-доброму. Нет, не по-злому вовсе она добра, а испытывающе, точнее бы сказать — ис-*пыт*-ующе, где «пыт» не только от испытания, но и попытки быть, и пытания, и даже пытки. Быть русским — мало что пытаться вообще быть, мало что что-то этакое при этом испытывать, мало что быть занозисто самим бытием пытаемым, но ещё и испытывать са́мую тяжкую из пыток — *безмолвием,* а уж ежели в России говорить, то либо пустое и ни для кого *не страшное,* либо же в обнимку с жутким *страхом,* да не за выказанную тобой правду, что понятно, а за непреднамеренную неправду (ложь, хулу, поклёп), что очень даже возможно и очень даже бывает пыточно! Многим русским по рождению людя́м всё это русское очень не нравится и они, пополняя ряды русофобов, оказываются на стороне *анти*-России — что внутренней, вполне и имманентной, что внешней, закордонной. Бежали и бегут они от и из России, даже и находясь в её геопределах, ну и, разумеется, эмигрируя вон, причём ладно бы из-за царящей в стране гражданской несправедливости, а то ведь из-за самого́ трансцендентного концепта России — что обывательски житейского, что идейно-экзистенциального, — это уж у кого и кому как!

* * *

Страшат в связи с Россией не так трудности житейские, хоть ничего хорошего в этом нет, как страшит бытующий в России *жуткий экзистенциальный пресс,* как бы выделывающий *человека в человеке,* как будто выдавливая *человека из человека*, или делая *из человека… человека,* но при этом немало давя *человека в человеке,* немало человека и *раздавливая.* Россия не для слабых духом, а чья-либо личностная сила духа в России — вовсе не гарантия удержания личностного приоритета: тут ещё и немалая сила Сакрала потребна вплоть до силы самой Вечности. Немало бывает званых, да вот мало случается избранных, а ещё меньше — *дошедших!* Ох, как трудна, извилиста и ухабиста, полная невероятных препятствий и изобильная на человекообразных зверей, личная экзистенциальная дорога в России, особенно для личностных выскочек-де, для самостей, для тех же творцов, но зато какой значимой она бывает по своим итогам, если духу хватит и попросту везения у дошедшего, пусть и с дорого им оплаченным итогом — не так по́том, как кровью! А стоит ли вообще продираться самостному творцу сквозь густые российские идейно-экзистенциальные дебри? Что ж, может, и не стоит, да вот хоть и легче бы, наверное, жилось и творилось прото-Пушкину за границей, да вот стался бы он там именно Пушкиным, а-а?!

* * *

Жить в России нелегко, но можно, ещё и, простите за банальность, интересно — в стране-то нелепостей, несуразностей и парадоксов! Однако и небывалой человечности, как раз выдавливаемой адскими обстоятельствами — совсем уж золотой человечности, следственно? Не понять её —Россию, как не понять бытующего в ней, с нею и ради неё русского человека. Тут ведь не культивируемый исподтишка и поневоле патриотизм, а *бессознательная щемящая любовь!* Откуда, почему, зачем? А откуда, почему, зачем тогда она сама — Россия, как и сам русский человек в ней, с нею, ради неё, а-а? Молчит Россия, не отвечает, да и сам русский человек помалкивает, тоже не отвечая, ибо не знает, что и сказать, молча поднимая чарку водки за Россию. Необъяснимо тут всё! Не только ведь чарку поднимает, но и трудится в поте лица и в напряжении ума своего, а ежели что, то и в морду хулителю России дать может, а с появлением ворога не за одни лишь вилы с топором, но и за боевое оружие хватается, и бьёт врага, гонит, кончает, не жалея живота своего. И всё это без высокопарных слов, без фанатизма, без фанаберии,

почти что и обыденно, разве лишь под сдавленные вопли и обильные слёзы матерей и вдов: что ни мужик, то герой, что ни женщина, то героиня! Страна героев, — и это посреди-то «страны негодяев»! Каково, а-а!

* * *

Со слов одного поляка, друга автора сего текста, живущего и работающего университетским профессором во Франции, знавшего Россию и говорившего по-русски: «Во Франции, если ты куда-нибудь обратился, тебя сначала встречают с обаятельной улыбкой, в следующий раз говорят с тобой без улыбки, а уж в третий раз тебе холодно дадут понять, что ты не к месту или им не нужен, а вот в России всё наоборот: сначала встречают без всякой улыбки, почти что и враждебно, потом с улыбкой и весьма дружелюбно, а в третий раз уже совершенно по-свойски». Да, это так, сам убеждался: там, коли ты не нужен, не пробьёшь стену отчуждения, у нас же, в России, даже если ты и не нужен, всё-таки пробьёшь эту стену, стоит лишь набраться терпения и не отчаиваться. Вот она — разность бытовых культур и менталитетов, соответственно, и стран, и людства, и жития: там с внешним изначально вроде бы уважением, но зато с последующим, достаточно и откровенным, отвержением, а у нас наоборот — с внешним поначалу отторжением, но зато с последующей вполне себе дружеской приязнью. Правда, всё это говорилось мудрым поляком о прежней России, ещё советской, сейчас же, судя по всему, у нас ни того, ни другого, а ежели что из своего человеческого и осталось, то не более как выручай-анахронизм, однако же осталось, что ни говори! И не эта ли разность менталитетов и поведенческих культур заставляет русских, оказавшихся ныне по своей (Sic!) и не по своей воле на *чужбине*, тосковать по родной, внешне вроде бы неприветливой, стране, а-а?

* * *

«Мы, русские, — как заметил один современный замечательный философ, — все родственники, а с родственниками не церемонятся!» Что ж, верно заметил, однако родственникам у нас помогают, в беде не оставляют, при нужде поддерживают, хоть, наверно, всё меньше теперь, при вестернизованной-то жизни… впрочем, кто его знает, может, и держимся друг за друга, скорее, всё-таки, держимся, чем не держимся, ибо как выживать-то, когда ты никому, кроме как раз родственникам, включая и вообще русских как русских, не нужен, — это только кажется,

что русские ныне разобщены, ибо до поры это, а пора, кажется, наступает: *русские всех стран соединяйтесь!* Русский мир, он таков — неуловимо загадачен: сегодня враждуем меж собой, завтра же все уже вместе. Зачем тут об этом? А чтоб понятнее было: кажимость — тоже ведь реальность, пусть только кажущаяся, — и вот для нас важно уразуметь, что за кажущейся Россией стоит *реальная Россия,* вроде бы растворённая в безграничье, навская, нездешняя, безмолвная, покорная и чуть ли не безразличная… э-э… ан-нет, не всё тут так уж просто: Россия умеет казаться, но и показываться тоже умеет, да так иной раз, что не дай бог сие ненароком и у́зрить!

* * *

Россия ныне уже не просто сосредоточивается, даже не просто поднимается, она на явном подъёме, поигрывая не только окрепшими мускулами, но и судьбами — это для врагов, а для друзей — судьбам их споспешествуя! Внезапно, вдруг, почти что и незаметно, если, конечно, нарочито проигнорировать предупредительный сигнал в виде молниеподобной по сути своей мюнхенской *(Мюнхенской!)* речи, произнесённой негромко, даже не без некоторого стеснения, российским президентом аж в 2007 г., что, кстати, хоть и с недоумением, разочарованием и даже негодованием, но было-таки воспринято на Западе, разумеется, по-своему: как сигнал не то что остановить Россию-РФ, но и наказать её, поставить на место, покорить, не дать ни сосредоточиться, ни подняться, ни, тем более, взлететь. Дошло дело и до войновской войны, что разразилась на Украине. И что же? Россия не только уже поднялась во весь свой нетривиальный рост, но и немало *возвысилась,* пусть для себя и рискованно, а те же США, ничем вроде бы не рискуя, стали вдруг сползать вниз со своего сакрализованного искусственного холма, теряя своё геоглобостратегическое величие, а в итоге Россия, отлучённая от G-8, оказалась сегодня прямо в эпицентре мирового переустройства, чему США, как и весь Запад, воспрепятствовать никак не могут, хоть и вовсю стараются. Вот и понимай… *непонимаемое!* А всё дело тут в действительно непонимаемом Ином, ведомом тем более непонимаемым Великим Неизвестным, ну и, само собой, в Господней воле. Толкаемое вперёд Иным и любезно воспринимаемое Великим Неизвестным зе́мное Время, согласуясь с Вечностью, само решает чему и кому на Земле быть, как, чем и кем быть, когда и сколько быть, и тайны своей «решаемости» оно никому не открывает.

* * *

Да-а, тут оказался немало виноват Президент со своей нетимуровской (Тимур Гайдар) командой, соединивший в себе потаённые симпатии к Западу, приверженность к гражданским свободам, предпочтение свободной-де рыночной-де экономики, частному предпринимательству, постмодерновой культуре, это с одной стороны, а с другой — принадлежность к самостоятельной и сильной, вполне себе имперской и уж никак относительно англосаксов не вассальной России, пусть и к не той — глубинной, коренной — России, но всё-таки к России, пусть и постмодерново вестернизированной, но, уточним особо, вовсе не просто формально (юридически) независимой, а способной вести и свою замысловатую геостратегичекую игру на планете, быть в сей игре и ведущей силой. В общем, великая Россия, вестернизованная во внешнем своём образе, но при этом функционально и даже по сути уже не столь прозападная, то бишь некая *новая Россия,* одновременно пореформенная (как раз вестернизированная) и археосамобытная, как переделанная социо-структурно, так и сохраняющая традицию в своём экзистенциальном коде, — ***Россия XXI века,*** не имеющая смыслового определения, но имеющая шанс не только выжить и возвыситься, но и сказать какое-то новое геостратегическое слово, может, ничего особенного и не говоря, а лишь что-то особенное делая — ***меняя себя и меняя планетарный мир!***

* * *

Задумка знатная, деяния значительные, достижения заметные! Однако *какова* же она и *чья* же она — эта ныне не совсем, мягко выражаясь, российская Россия с плотно и жирно засевшими в ней *антимиром* и *антиРоссией* — как раз более всего прозападными? Уж не удельная ли это страна для её новых хозяев и властителей с рудиментами россо-российскости и даже советскости, не имеющая ни своей ясной идеи, ни собственного характеристического концепта, ни чёткой квалификации, акромя разве «Третьего Рима» вкупе с прозападным «Карфагеном». За *какую* же Россию льётся ныне россо-российская кровь на той же Украине, *какую* же Россию эта кровь окропляет? Вряд ли за и ту «Россию», которая сегодня есть, называясь РФ, несмотря на царящее в ней житейское — материально-развлекательное — благополучие, немало и фиктивное, и уродливое, а скорее за и ту Россию, которой в нынешних реалиях нет, или почти нет, или как бы нет, но которая транс-

цендентно удерживается в массовом сознании (скорее даже, в подсознании) и в народонаселенческой памяти как смутная *идея* прежде всего, но при этом и как *инстинктивный принцип общежития и поведения,* свойственный (исторически выверенный и историей закреплённый) *русскому (российскому) миру*. Вот тут-то и вылезает фундаментальное противоречие: между главенствующей в текущей реальности *новой Россией* — не очень-то и российской, с одной стороны, и находящейся в туне реально вокруг происходящего идеальной и навской по преимуществу археоРоссией, с другой стороны, как раз то самое противоречие, без разрешения которого великое будущее России как России что-то не очень-то просматривается, — *роковое,* так сказать, тут *противоречие!*

* * *

Россия как Россия — это вовсе не «Третий Рим» и не новый «Карфаген», она — *Россия!* — и всякие попытки втиснуть Россию в иноземные и инородные одежды, как уже не раз бывало в истории России, включая и выдуманный евромасонореволюционерами СССР, лишь доказывает, терпя одно формное поражение за другим, что Россия — это всего лишь Россия и ни что другое, правда, нечто самое что ни на есть в планетарном мире загадочное и просто так не объяснимое. ПротоРусь, Рось, Русь, Россия, Российская империя, СССР — что это такое по сути своей, а-а? И сегодняшняя Россия в виде Российской Федерации, что это? Не отвечает Вечность, предпочитая безмолвие, хоть и, наверно, что-то этакое знает; не отвечает и Время, что-то безумолку про сие загадочное дело бормоча, ибо… не знает ничего толком; не отвечают ни земный человеческий мир, ни росс-россияне, ни действующее в РФ правление, ни сервильная гуманитарная наука, ибо не в ответе тут дело, а в безответном постижении… чего, кстати?.. а всего лишь смысла одного невнятного словца, имя которому… *Россия,* да вот какого смысла?.. да *никакого,* точнее — тайного, сокрытного, *самого-себе-смысла,* отчего сердцем, только сердцем, а не по-европейски (следственно, и не по-масонски) вышколенным умом. Науке с обслуживающей её философией тут делать нечего, отчего и остаётся лишь одна, почти что и бессловесная, ***софиасофия*** — как *мудрость мудрости,* отдающая приоритет не знанию, а, наоборот, *незнанию,* но не как невежеству, а как чему-то превосходящему любое знание, какому-то сокровенному *нечто из ничто,* но зато какому же тогда по силе бессловесного знания *нечто* и из какого же по силе сакрального незнания *ничто!*

* * *

Да, разыграл-таки дьявольски хитроумный Запад во главе с высокомерными США при бодром пособничестве гадливой Англии войнушку посреди русского, да и вообще славянского, как и центрально-восточно-европейского, мира, причём войнушку-то самого Запада с как раз этим самым миром, однако (Sic!) ведущуюся руками, кровью и жизнями как раз этого самого мира, загодя разделённого коварным Западом с участием внутренних прозападных коллаборантов, безумных системных каннибалистов и оголтелых ненавистников России на враждующие ныне части. Таким вот войновским стался итог сначала краха СССР, затем сдачи Западу всего из бывшего СССР-овского и соцлагерского, а затем либо прямого и открытого устремления туда — на Запад, либо втихомолку к нему — Западу — извивливого подползания, где — на Западе — никто за своих и на равных себе сих доброволов держать не собирался (только вассалитет и только в беспрекословное услужение Западу!). Однако явилось и сопротивление безумному Дранг нах Вестен, как со стороны так и не успевшей поддаться на западную приманку Беларуси, так и вдруг опомнившейся РФ, вступившей в борьбу за свой суверенитет, хотя уже и весьма при этом глобализованной, заметно вестернизированной и немало от Запада жизненно зависимой. Так что разыгранная Западом кровавая бойня посреди им под себя обретённого, почти обретённого, чуть ли не насовсем обретённого (РФ) и как бы не обретённого до поры (Белоруссия) геопространства есть на самом деле самая настоящая и вполне себе *большая* (пока лишь по смысловой значимости) *война:* со стороны Запада — не только за всё им на положении сюзерена обретённое или подлежавшее обретению, но и за своё господство на планете, а со стороны восставшей России — за свой суверенитет, свою великодержавную субъектность и своё собственное независимое ни от кого будущее. Однако, это всё лишь на первый обозревательный взгляд, ибо суть тут, ребята, куда как круче, «глубжее» и… *страшнее!*

* * *

Это вовсе не Третья мировая война, хотя и имеет кое-какие признаки очередной мировой бойни, — и хотя это, безусловно, *война миров,* включая и войну *антимира* со *всё-ещё-миром,* как и войну *региональных антимиров* между собой, но это ещё и первая и, возможно, последняя, уже и *суицидная для всего человечества война*, и вовсе не из-за возможного перехода её в испепеляющую термоядерную стадию, что может

статься всего лишь финальным аккордом сей ещё только-только разворачивающейся *Великой войны — на самоуничтожение!* Война, о которой речь, если она таки развернётся на полную мощь, может оказаться не просто последней, а именно *конечной* для человечества, но не потому, что разверзнется термояд, а потому что само человечество уже заканчивается как собственно человечество, как извнешний (неземной) проект, а проектное окончание как раз и требует не просто Великой войны, а *Великой конечной (суицидной) войны,* хотя никто в мире о сей конечной суицидной войне вроде бы и не помышляет. Однако, и тут всё с этой войной не просто, ибо война сия может вдруг статься и *спасительной*… э-э… не для всего, конечно, человечества, как и не в привычном его образе, а лишь для части человечества и (Sic!) непременно в его конечном, уже и *не*-человеческом образе. И не случайно в роли одного из главных борцов в сей войне выбрана Провидением через наглое посредство давненько уже ссучившегося Запада как раз Россия — вкусившая прельстительного Запада, а теперь, будучи уже донельзя вестернизированной, отпрядывающая от гнусного Запада, вынужденно сцепившись с ним в смертоубийственной схватке.

* * *

Нынешний мирового масштаба гибридный кризис уже не всего лишь аналог любого прежнего пошиба кризиса *мировой кризис,* а самый что ни на есть ***кризис мира*** — человеческого мира на Земле, как и самого по себе ***человека,*** отчего это вполне себе ***апокалиптический кризис,*** как раз тот самый, который не имеет ни автоматического, ни умотворного, ни даже попросту ожидаемо-предусмотренного выхода, то бишь это по завязи своей *безысходный кризис,* что вовсе не значит, что какой-то неожиданный выход из него вдруг внезапно не случится — *сам по себе* в основе, хотя и не без каких-то усилий и манёвров со стороны человечества. И война теперь тоже вполне себе ***апокалиптическая,*** вполне и ***безумная,*** а потому безъясноцельная и безъясновы́ходная: тут ведь *судорога* — СУДОРОГА! — всего планетарного организма, включая и самого человека. Да, конечно, намечается и будто бы уже творится переустройство зе́много человеческого организма, но… но как всё тут не то что не безоблачно и заметно хмуро, а, увы, прямо-таки… *безнадёжно,* и уж ежели есть надежда, то, помимо надежды на Господа Вседержителя, лишь на… *ничто* — НИЧТО! — как раз то самое *ничто,* что и *творит* вовсю *нечто,* а вот как и куда, то умно-мудрому «чеку»

(особи и только особи!) остаётся лишь откровенчески и немотно догадываться — про себя, конечно!

* * *

Война сия в общем-то давно уже просилась из Нави в Явь, да уход СССР вкупе с соцлагерем как раз туда — в Навь — с разнородной по бывшим соцреспубликам и соцстранам сдачей СССР-овского и соцлагерского соцпространства улыбчиво-хищному Западу отложили сию мировую войнушку, ровно для того, чтобы разыграть её по случаю опамятования РФ, а точнее — России, хоть и ушедшей было по случаю прозападных и проантироссийских реформ в экзистенциальную Навь, так ведь вдруг… вернувшейся в экзистенциальную Явь, чтобы заставить РФ вспомнить, откуда и от кого она родом, как и указать Западу давно заслуженное им место в мировом зазеркалье, мало того, ещё и переполошить его, да настолько сильно, что Запад, не слишком отдавая отчёта в том, что происходит в мире и с ним самим, пошёл на развязывание войны, вроде бы с непокорённой Россией, а на самом-то деле в угоду неумолимо разыгравшейся в мире ***Апокалиптики***, требовавшей тотального ***Иного*** — не западного, не восточного, даже и не российского, а именно *иного,* чего надо полагать, никто и не знает, даже сам Господь Бог, ибо тут, знаете ли… ***Импровизация***, возникающая в роковой игре Времени с вовсе не безразличной к земно-космическому Бытию-Истории загадочной Вечности.

* * *

Всё тут у нас впереди: грандиозный апокалиптический земно-космический спектакль только начинается, в котором главной жертвой опрометчиво назначена безумным заокеанским драматургом даже не РФ, а именно *Россия* — РОССИЯ!, ибо как раз исконная с незапамятных времён бытующая Россия, а не нынешняя вестернизированная РФ, страшит Запад, да и мир в целом тоже немало беспокоит, ибо для Запада Россия есть реальная (и единственная по возможному исполнению) эсхато-экзистенциальная угроза, а миру зéмному западная комфортная эвтаназия явно предпочтительнее росского спасательного преображения — трудного, волнительного, терпкого! Западу страшна, а миру страшновата, пусть и не всему миру, не телесно-физическая в образе нынешней РФ Россия, а духо-метафизическая Россия, которая *не от мира сего* и которая способна привнести на Землю нечто действительно *иное* — ***иной мир***, не предполагающий ни предводительства на планете

Запада, ни превосходства западнизма, ни преуспеяния усовершенствованного Западом антимира. Кровь, проливаемая россиянами в нынешней сакральной для РФ-России войне, окропляет и благословляет не столько нынешнюю РФ с её вестернизированным правлением, сколько глубинную Россию в её ещё неведомом будущем образе, который вполне может и не явиться, ежели в РФ не наступят радикальные *перемены* — ПЕРЕМЕНЫ!

* * *

Перемены обычно целеположенно делаются — осознанно и не очень, делаются они и исподтишка, как и вершатся сами, внезапно обрушиваясь ни с того, ни с сего на объект перемен — страну, народы, население. В любом варианте они достаточно рискованны и немало страшны. РФ-Россия успела пережить за XX и XXI вв. не одну волну перемен: реформы, революции, войны, перестройка, катастрофы, реконструкции, стабилизации. Весь возможно-невозможный набор возможно-невозможных перемен! И вот опять, уже в 2020-е гг., в только что переделанной на западный лад России-РФ новая потребность в *переменах*. Каких же? О-о, практически невозможных, а именно: в *анти*-западных и *противо*-антимировских, но при этом в *про*-российских и в *про*-человеческих, то бишь в переменах, способных преодолеть наследие только что состоявшихся в 1990-2000-е гг. антимировских, антироссийских и античеловеческих перемен. Архитрудная задача, а для нынешнего режима попросту и невозможная, ибо, во-первых, он ничуть в таких переменах не заинтересован, будучи совсем не против того, что ныне в РФ в реальности есть, включая и им самим — этим режимом — «наработанное»; во-вторых, не хочет, упоённо почивая пусть и на сомнительных, но всё-таки чуть ли не победных, лаврах; в-третьих, категорически не сможет, ежели сам, вдруг, круто не изменится, чего увы, просто так не бывает. *Тупик!* Да, тупик с этими переменами, тупик-с! Вот и с войной не всё так уж просто: перемена в ней нужна, да вот какая и с какими переменовскими последствиями?

* * *

Да, это так: каким бы привлекательным ни казалось в материально-вещно-потребительском плане нынешнее российское бытие, оно не является экзистенциально и исторически полноценным, а режим, за него ответственный (как и безответственный тоже), не есть достойный признания Временем, не говоря о Вечности, ибо это режим не более, чем

временщик — ни заслуженного прошлого у него, ни уверенного будущего, ни по-настоящему ладного настоящего. А всё почему? Да всего лишь оттого, что не уходит сей режим от безразмерных несправедливости, алчности, коррупции, подлости, пошлости, беспардонности, бездуховности, что как раз им и сообщается страновому житию, отвечающему режиму тем же, а потому ни тебе достойного морально и поведенчески настоящего, ни потребных крутых перемен, ни уверенного будущего. Он — сей режим, как и само бытие ведомой им страны, от изначала своего неизлечимо порочен, и сам по себе вместе с бытием страны перемениваться не будет, отчего ежели стране-России выстоять, выжить и заиметь новую перспективу, то лишь вывернувшись с гнусной антимировской изнанки на нормальное бытийное лицо, пожалуй, уже и насильственно, как это случилось со страной, к примеру, в те же сталинские времена. Разумеется, можно продолжать быть и бытовать как есть, ожидая по-валтасаровски неизбежного и весьма скорого конца, а можно всё-таки что-то делать, хоть это и трудно, и вязко, и рискованно, и даже кроваво: Бытие-История само решит куда и как идти — в небытие ли с погасшим вдруг Временем или же в новое бытие, освящаемое Вечностью!

* * *

Режим российский не за человека как человека, он в лучшем случае за человека как алчного платёжеспособного потребителя, но никак уж не за человека как экзистанта, а потому человек российский экзистенцирует как уж сам может, иной раз, правда, как член какого-то надуманного сообщества или же фигурант не менее надуманного социально-де движения, но никак не полноценный член-фигурант *единого в разнообразии социума,* а так — аки амёба в некой приторно пахнущей неизвестно чем вроде бы людской массе: без лица, без выразительных глаз, без доверительного общения с себе подобными. Так случилось или так было сделано? О-о, непростой вопрос! И ничто не мешает нам сделать ужасный вывод: *да, так было сделано!* Можно, конечно, на кого-то сваливать вину за содеянное, можно этого и не делать, однако Валтасаров пир тоже был по-своему сделан, а главное, неизбежно сделан: не хочет многий человек, как раз нередко и очень активный, быть собственно человеком, вот и творит свои нечеловеческие дела, отчего и интересно ему, и занимательно, и гешефтно, не думая, конечно, о неизбежном валтасаровском конце, но фатально к нему всё-таки устремляясь. Что ж, ещё один весёлый конец, правда, может, и не последний!

* * *

Обречение — великая вещь: фатальная, непреклонная, судьбинная! Запад, однажды возникнув как Запад, обречён на «Дранг нах Русия!», как когда-то были обречены на то же самое степняки, татары-монголы, кто там ещё с Востока и с Юга вроде тех же тимурцев, крымцев, нагайцев. Наступать на Русь-Россию, завоёвывать её, проникать в неё, подчинять, присваивать! Россия же обречена в веках отчаянно отбиваться, себя обороняя и сохраняя, но при этом и изменяясь, даже что-то заимствуя от врагов-соседцев, а уж от Европы, то бишь от Запада, как когда-то от Византии, не одни промыслы, но и культуру, правда, оказываясь не в меру византизированной, европеизированной, а то и, как сейчас, вестернизированной, ухитряясь при этом оставаться хоть и не совсем самой по себе, но всё-таки российской (то же Православие — русская, скажем так, версия христианства, а рождённая Петром Великим Российская империя, как ни крути, вовсе не европейская, как та же , к примеру, Британская, а русская в сердцевине своей империя). Итак, *обречение России* — биться с контекстом, себя отстаивая, немало, а то и много, от контекста заимствуя, но при этом оставаться, пусть и изменённой, но Россией, Русью. Она меняется, даже и развивается, но более всего рывками, импульсивно, как раз более всего в связи с «благонамеренными» контактами с внешним миром, как и с охранительной борьбой с этим последним.

* * *

Вот и сейчас, с одной стороны, доброхотное и добровольное «поражение» СССР-России в холодной войне, разумеется, предательское от тогдашней верховной власти по цели и исполнению, хоть и не только от неё — от внутренних антиСССР и даже антиРоссии тоже, и столь же доброхотная-де и добровольная-де вестернизация (по факту — американизация) страны, её бытия, с попыткой стать (это после-то столь не виданного гигантского по размерам и весу предательства!) на одну ногу с «западными партнёрами», а с другой стороны… бац!.. ни равного тебе партнёрства, ни даже попросту мирного взаимодействия с Западом (США, в первую очередь), а, увы… *война* — ВОЙНА! — Запада с Россией, да ещё *какая!* — ***экзистенциальная***, то бишь *не на жизнь, а на смерть!* И видно уже, что совсем не простенькой, вовсе не только демонстративной, станется сия война, а вполне себе кромешной, да вовсе и не короткой, коли дело не дойдёт до быстрого обмена термоядом,

а, выразимся поскромнее, вполне себе *бессрочной* — без заранее выверенных в штабах плюс-минус сроках. *Никто ничего толком не знает!* Тут дело за Иным да за Великим Неизвестным, а куда двинет Иное, как, чем и когда разразится Неизвестное, даже сам Господь вряд ли знает, да и хочет ли Он *это* знать? Человек-землянин в очередной между собой разборке, однако крайне рискованной, способной закончиться и полной разборкой самого земно-человеческого мира — до последнего элементика!

* * *

А России, оказавшейся в эпицентре сей разборки (война войной, а разборка, пардон, разборкой), необходимо немедля менять свой социо-хозяйственный, а коли смысловитее сказать — экзистенциальный, курс, да не так двигаясь от Запада к Востоку, что в меру само по себе не возбраняется, как к *самой себе — к России,* той самой — *коренной,* да не для того, чтобы проехаться по ней, сохраняя любезный многим в РФ сердцам *вестернизм,* включая и нынешнее *вестернизированное правление,* а для того, чтобы, отмобилизовавшись и перестроившись на марше (как раз уже на военном), основательно *преобразиться,* чтобы не только называться, но и *быть* действительной Россией. Коли не станет ничего такого делать нынешнее правление, не пошевелится занятый потреблением, развлекухой и выживанием одураченный антимиром российский люд, не вмешается вдруг в бытийный процесс армия, судьбой страны займётся… нет, не только Запад с Востоком и Югом, чего и впрямь насовсем не исключено, а, вновь повторимся, Иное с Неизвестным, то бишь Промысел, пусть и принимаемый всего лишь за пресловутую объективность, а уж куда, как, когда и что при этом в итоге выйдет, опять повторимся, и самому Господу Богу не очень-то известно, а ежели и известно, так недаром же русская мудрость гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай!», да и Господь не очень-то склонен потворствовать увлёкшимся *сатанизмом,* а тот же нынешний антимировский вестернизм, засевший в РФ, от которого Господь Бог, кажется, отводит уже через войну Россию, и есть самый что ни на есть натуральный сатанизм, разумеется, вкупе с отечественным, весьма и по-своему незаурядным, ему всецело вспомоществующим.

* * *

Россия обречена быть в одно и то же время *Россией* (глубинной) и *антиРоссией* (поверхностной), но ещё и как бы межевой, срединной,

при этом и ублюдочной, *квазиРоссией,* как раз и приходящей на выручку любому из являющихся в России *псевдо*-правлений, которые не могут быть в силу своего пристрастия к европейской загранице (пусть и в какой-то мере вынужденного) собственно российскими, как не могут быть и совсем уж (откровенно) антироссийскими (хотя немало таковыми обычно и являются), но зато могут быть и обычно бывают как раз *квазироссийскими,* хоть каждый раз для и до них неизбежно приходящего срока. Однако другого выхода здесь нет: не хочется предержащим терять страну как своё доходное владение, не хочется видеть в ней собственно Россию, не могут стать грудью за антиРоссию (опасно!), вот и довольствуются симуляционной, имитационной, фиктивной *квази-,* если не *псевдо*-Россией, да-да, именно так — КВАЗИ, а то и ПСЕВДО, вполне себе и *химеро-обманной!* Здесь как раз и царят химера с обманом, фальш с ложью, будучи на первом месте, а далее за ними всё остальное: игра, подмостки, режиссура, актёры, фокусники, циркачи, жульё, ну и мошенники, как раз все те, кто «хуже бандитов», то бишь по преимуществу… *нелюди,* они же и *бесы.* И вот ежели когда всюду перед глазами каждое мгновение маячит квазипсевдоРоссия, то будь уверен, наивняк, что, с одной стороны, всё будто бы вокруг в полном ажуре, а с другой — не миновать новой большой беды, ибо глубинная Россия, подталкиваемая Иным и Временем, как и самим Обречением, поощряемая Великим Неизвестным, с Вечностью и Промыслом заодно, непременно вновь о себе заявит, да так, что мало уже никому из квазипсевдороссийцев не покажется!

* * *

Квази — КВАЗИ! — добротное словцо, означающее более всего «почти», примерно, приблизительно, но в кое-каком контексте оно — это словцо — принимает весьма зловещий оттенок, ибо за ним уже выглядывают мало что имитация, так ещё и фикция, фальшь, да и та же, уже и не безобидная, фантазия (фэнтези), в общем, там, где «квази», там и рядышком более сильное *«псевдо»* — ПСЕВДО!, от которого уже попахивает, знаете ли… *химерой* — ХИМЕРОЙ! Появился подходящий и термин — ***фальшизм*** (это о текущей по миру и по РФ квазипсевдореальности), причём не без кое-какого перемигивания со славным термином *фашизм,* хоть буквально фашизм означает совсем другое — корпоративное единение, однако в силу германской фашисткой практики ставшего символом не просто диктатуры, а диктатуры… нет, не фальшивой… а диктатуры, как бы получше сказать, с вспомоществованием

беспредельной фальши, вранья, обмана. Да-с, смысло-трансцендентная перекличка терминов — великая вещь! Так или иначе, фальшизм есть *диктатура фальши,* да не просто идейно-поведенческой, а и приносящей колоссальные доходы (вроде той же фальшивой фармацевтики). А тут *квазиРоссия,* которую и Россией-то всерьёз не назовёшь, однако называют, да так ловко, что сам фальшизм оказывается чуть ли не по сути российским, хотя к собственно России он никакого отношения, кроме фальшивого, не имеет. И вот что интересно: крепкая эта штука — *фальшизм,* проникающая во все поры социума, превращая его в квазипсевдосоциум, и держит его, держит, ибо удобен он такой и удобен очень многим: от властей, собственности, доходообразования и самого фальшизма предержащих до простаков, что из народа, что из интеллигенции, пусть и для них более бессознательно, а таковыми простаками хоть пруд пруди: читают, смотрят, галдят, молчат, думают, чем-то наслаждаются, что-то ненавидят, чего-то чураются, вовсю тусуются, мельтешат, мечутся, пустеют, мертвеют, гибнут. «Сатана тут правит бал!», а он — сатана — великий имитатор, фантазёр, фокусник и соблазнитель, его цель — захват души человеческой, далее — он уже Великий Инквизитор, а уж потом и Великий Терминатор! Во как!

* * *

И что же современная Россия, она же РФ — не химера? Именно как Россия, даже как РФ, даже и как *новая*-де страна на месте не только СССР, но и России, даже на месте РФ? Да, название вроде бы российское, а суть? Так вот, в сей стране очень мало действительно росского, да почти и ничего, кроме, быть может, привычки части населения, могущей называться по традиции русской, жить как-то по-русски, да и то лишь в домах, в деревнях, в усадьбах, а всё остальное в стране разве русское, даже хотя бы российское? *Ничего подобного!* Революция, начатая с конца 1980-х и продолженная до сего момента, когда пишутся эти строки — до августа 2022 г., сделала своё ликвидационное дело, хоть и была иллюзия, что в нулевые и десятые XXI в. страна чуть ли не встала на путь возвращения России в российское-де, хотя бы адекватное по именованию, лоно, но не тут-то было, полетела взапуски к Западу, хоть уже и не на прямой поклон, как в конце 1980-х и в 1990-е гг., а всего лишь на тотальную себя вестернизацию. В итоге: вестернизированная страна, называемая Россией, безо всяких на то собственно российских оснований! *Химера:* ни буквально Запад, ни буквально Россия, а так… чудище одноголовое, а голова известно где, как раз там, где и должна быть — в Москве!, да вот

Москва ли это — этот чудовищный по размерам и чудовищно вестернизированный (конечно, вестернизированный вполне по-нашенски — бездарно и уродливо) мегаполис со всё большим числом пришлого населения: ни Москвы теперь, ни москвичей, да и вообще с людьми как с людьми крайне теперь проблемно в Москве стало, — так — остатки!, как и, разумеется, по всей стране, называемой всё ещё Россией: какие ещё гуманитарного типа, знающие такт и меру, по-людски воспитанные люди, когда только-только «жисть» по-настоящему пошла — свободная, изобильная, разгульная!

* * *

Как же так?! РФ, Россия, а тут, видите ли, химера, а химера это как невозможная совместность чего-либо несовместимого в одном «флаконе», как несуразность чего-либо по сущности, так и самый что ни на есть обыкновенный оксюморонный призрак. И что, разве не так, в текущей-то вокруг российской реальности? А что же нехимерного могло бы вдруг явиться из «преобразований» тех же 1990-х и даже всех 2000-х, при такой-то сдаче страны Западу и её усиленной под Запад вестернизации, весьма и колониальной? Глобализм, ведомый США, ничего иного, кроме подотчётной себе химерической России, видеть и не предполагал, разве лишь с окончательным исчезновением всего росского из страны, всё ещё по привычке называвшейся и называемой Россией, а точнее бы — Рашей, чтоб на месте России не было ничего, крому химерной Раши. И состоялось: на месте химерного, хоть и весьма действенного, СССР на хребте России угнездилась новая химера в виде вестернизированной, пусть и немало вестернизированной по-российски, Раши, уже и не слишком действенной. А что же Россия как Россия? Она, как обычно… нет, не в небытии, а, как уже было не раз говорено, в Нави, в глуши, на кордоне, аккурат меж *этим* и *иным* мирами, не без ожидания, как говорится, своего звёздного часа, ибо Россия (Рось, Русь) это прежде всего *неотмирная идея*, однако не покидающая насовсем, к досаде её врагов и анти-преобразователей, смыслового пространства страны, называвшейся в разное время по-разному, но почему-то не без, как говорится, росской составляющей. И это чудо! Как раз то самое чудо, которое всегда противостояло и ныне противостоит любому химерному чудищу, как бы оно ни называлось. *Вынужденная Россия?* Почему нет, коли Бытие-История, Время и Вечность, *так* пока распоряжаются «этой страной», а ныне даже и попросту Рашкой. Раз звёзды на небе зажигаются, значит это кому-то нужно; вот и с Рашкой у нас

не всё так просто: раз она есть и в то же время не есть, значит это тоже кому-то *Там* надо!

* * *

Старческое брюзжание? Не без того, отрицать не будем, да ведь кто докажет, что тогда *так* было жить нельзя, а сейчас *так* жить вроде бы можно, причём *тогда* — среди людей и по-людски, а *сейчас* среди… э-э… скажем помягче, *пост*людей (если не *нелюдей,* — не удержался-таки, старый брюзга, обозвал, оклеветал, опоганил!) и явно уж жить как-то не по-людски, а скорее, по-животному, по-машинному, по-хайтековски — через посредство нависшего над миром зе́мным безграничного искусственного элекронооблака? Где он — мир человеческий, пусть и несовершенный, и небесхаосный, даже и злой, но… *человеческий,* а где и сам человек, уж не в дорогостоящей ли функции недорогого придатка компьютера с айфоном, хоть кое-что от устаревшего внезапно мира, включая и самого человека, и остаётся, так ведь до поры, уже и недолгой? Мир человеческий стремительно замещается *миром постчеловеческим* (нечеловеческим тоже) и процесс сей никто в нынешнем зе́мном мире из чего-либо предержащих останавливать или хотя бы существенно корректировать, кажется, не собирается. И вопрос тут возникает коварный: разве суицид сей предусмотрен небесной канцелярией или это зе́мное дело обречённого на земность узника Земли, вырывающегося на космическую волю ценой самопожертвования в обстановке сатанинских свобод, развлекух и изобилий? Кто ответит? Никто! Ах, наука, ах, философия, ах, любая из религий, дайте же ответ! Молчат! Теперь уж куда, как и когда *само* вывезет, ибо разворачивать ситуацию обратно — к человеку, к той же России, кажется, и впрямь уже поздно. *Обречение* — ОБРЕЧЕНИЕ! — совсем, знаете ли, не пустяк, а… *вещь* — ВЕЩЬ, она же и *весть* — ВЕСТЬ — во как!

* * *

И вот *война* — ВОЙНА!, которая вовсе не какой-то там региональный конфликт, даже и не какая-то там карательная или «преобразовательная» операция, проводимая сильным над слабым, даже не колониальная авантюра, мало того, вовсе не очередная мировая война в духе предшествовавших мировойн, это, как уже отмечалось, *война миров* (и *антимиров* тоже), однако и это не всё — тут ещё и *война человеческого мира вообще с самим собою вообще,* да-да, ***с самим собою!*** — не более и не менее. А что Природа, Земля, Космос? А они весьма активно сей

войне пособляют: землетрясения, засухи, наводнения, смерчи, тайфуны, пожары, неурожаи, голод, холод, да так пособляют, что хвалёная научно-техническая (а теперь ещё и нано-электронная) цивилизация даже не ахает, ибо сказать ей *нечего* — безмолвствует, замерев под бременем пресловутой себя *отмены* и неожиданно наступившей *пустоты.* Небезынтересно, не правда ли, да вот как-то горько, именно горько, даже и не страшно, — это, конечно, от имени и по поручению не более, чем старческого брюзжания! Кто вдруг возразит против небывало массового, хоть и не для всех поголовно в одинаковой мере, потребительского благополучия, кто? *Никто!* Кроме разве отъявленных «мудраков»-отшельников, знающих, что всякое нарочитое благополучие — залог непременной беды, да вот кто ж этому поверит, ясно, что *никто!* А вот и подходящая на сей счёт максима: «Коли Бог желает наказать зарвавшегося человека, то Он дарует ему мнимое благополучие». Неплохо, правда, а тут ещё никак не заслуженное, а буквально захваченное *гипер*благополучие немногих — есть над чем задуматься, да кто в этаком-то ключе думать будет, опять же ясно, что *никто*. Фальшивое благополучие, не говоря уже о гиперблагополучии, убивает человека в человеке, что, собственно, и происходит повсеместно наяву и на деле, переходя в общее экзистенциальное *не*-благополучие, по-своему и загадочное.

* * *

Кто в зе́мном мире предскажет ныне ход, пределы, границы, срок и итог разыгрывающейся пока всего лишь на Украине войны, коли сия война не так война России с Украиной (Укронией), как, не считая войны Запада с Россией, *война мира человеческого с самим собой,* то бишь *эсхато-апокалиптическая война*? Да, война может на Украине внезапно прекратиться, но ни мир, ни поражение Украины, ни победа России, не будут означать прекращения глобальной эсхатологической войны, для которой нынешняя российско-украинская война всего лишь, хоть и не первая, но зато пока наиболее яркая страница из книги глобальной войны, находящейся ещё в самом начале своего кровяного написания. И дело не в том, что произойдёт глобальная военная, чуть ли не термоядерная, общемировая конфронтация Запада с Россией, а в том, что ни эта конфронтация, ни любая другая, не станет ни решающей, ни последней. И ежели РФ хочет хотя бы выжить как хотя бы РФ, то ей придётся радикально измениться — духовно, нравственно, культурно, идейно, то бишь *гуманитарно,* что, увы, как осознанное деяние властей и всего социума не представляется возможным ни сегодня, ни завтра,

ни послезавтра. Казалось, что война вкупе с саморазоблачением разного рода антироссийцев хотя бы толкнёт взашей необходимые как воздух перемены, ан-нет, никто из предержащих и не собирается, похоже, ими всерьёз заниматься, отчего судьба страны хоть и в руках трансцендентных сил, но она и в руках адептов нынешнего режима, уже и с головой поглощённого созданной им квазипсевдохимероРашей. Всякое, конечно, возможно, но без адекватной сим переменным задачам, — судя по всему непотребно вокруг происходящему и потребно в окру́ге не происходящему, — без кое-какой диктатуры стране уже не обойтись: глобальная война сделает своё дело, заставит! Ну а бодрое Время, как водится, ясно покажет, а немая Вечность это всё уверенно и утвердит!

* * *

О-о, какая это мощная сила — *Обречение* — ОБРЕЧЕНИЕ! Она ведь везде, на всё Мироздание, а уж на Земле, среди жизни, в людях, — как в индивидах и сообществах, так и в народах, государствах, цивилизациях, культурах; почти и незаметная сила, тихая, скромная, а какая при этом упорная, могучая, действенная, мало того, хоть и корректируемая тем же сознанием, как и бессознанием, но не настолько, чтобы перестать быть непреклонной и при случае неодолимой. Доказательств её наличия и действия в реальности — море!, что не мешает человеку отважно, а то и по-простецки нагло, твердить о свободе выбора, избранности им своего пути, возможности достижения круто им желаемого. Нет, конечно, не всё бывает так уж сильно предположено от рождения (генетически), но что-то из главного всё-таки… э-э… бывает, да ещё как бывает!, да что бывает — *есть!* И дело тут не так даже не в отдельных поступках, событиях, происшествиях, приключениях и злоключениях, даже в их стихийной-наобумной череде, а непосредственно в натуре, характере, даже типе человека, сообщества, народа, государства, цивилизации, культуры, ну и, конечно же, в том, что обычно называется судьбой, предназначением, а то и роком, в общем — ***предопределением!*** Да-а, есть *что-то,* от *чего* никому и ничему не уйти, хотя, конечно, по-разному, весьма вариативно, по-своему и неопределённо (как и не определимо). Зачем мы всё гутарим об *этом* да об *этом?* Э-э… чувствовать надо, понимать, руководствоваться, да вот кому, ежели речь заходит о большом Бытии и большой Истории, кому, ежели на это способны лишь единицы, очень уж при этом неудобные для всяческих предержащих, да и частенько ими в той или иной степени теснимые, а то и гонимые, — и правильно, ибо сей гон ведь из разряда необходимого,

причём как раз по той причине, чтоб всё катилось вокруг так, как катится, то бишь в соответствии с таинственным Обречением. Вот вам и сознание, и ум, и когнитив, и познание, и власть, и ловкость, и хитрость, и оголтелость, и наглость, и трусость, а вот неотвратимость тут — ***неотвратимостью!***

* * *

Коли уж быть той же войне, то уж быть, а скатиться к ней… что ловко через или же в лёгкую на забор плюнуть! Война нужна, и она пошла, а вот *перемены* — ПЕРЕМЕНЫ!, которые тоже вроде бы нужны, не идут, а всё почему: либо не нужны (почему… э-э… знаем), либо невозможны (можно признать и это), либо стра́шны, причём страшнее, чем та же пока неопределённая война (о «войсковской операции», даже антинацистской, можно уже забыть, ибо тут… *война,* и война, как видим, покруче по мотивам, чем борьба с нацистской, пронатовской, предательской Укронией). Вот уже и замелькало в media, что это война, мол, за Россию, что это чуть ли не отечественная война, — да, верно: это война за Россию и за Отечество, да вот только за какую и чью Россию, за какое и чьё Отечество? Вопросы! Убийственные вопросы! Ежели за Россию и за Отечество без назревших контрреформационных перемен, то бишь за *фальш*-Россию и за *эрзац*-Отечество, тогда что же от сей войны можно ожидать, кроме внеочередных проблем для Отечества и очередного экзистенциального риска для России, а-а? Неужели нынешний россиянский народ — сначала изнасилованный, обобранный, униженный, а затем купленный, растленный, разобщённый, будет жертвовать собой ради олигархов, казнокрадов, расхитителей страны, её национального богатства, мало того, растлителей душ человеческих?! Это-то хоть *там* понимают? Возможно, и понимают, даже понимают и то, что нынешняя Раша, ничем от нынешней Украины по внутреннему содержанию, за исключением расцветшего на Украине нацизма, не сильно отличается, однако понимают, надеясь при этом на обман, манипуляции, пропаганду, как и на авось (везение-де), что всему ведь в Обречении находится конец, наступит конец и всему *этому,* ибо не то что благословения свыше ему нет, что само собой, так ведь и вообще *ничего* в нём нет — НИЧЕГО!

* * *

Всё в этом мире реализует себя по полной, а человече сознательно или бессознательно, охотно или вынужденно, умно́ или безумно, но таки вовсю себя реализует *до конца,* ежели конец вдруг сам заранее

не выскочит прямо из Ничего, аки чёрт из табакерки. У нынешнего симулякра по имени «Россия» как будто бы есть резерв себя реализации, своё время во Времени, как и свой аванс от Вечности. Однако сколь это надёжно и надолго ли? Вопрос! Сколь долго может существовать *пустое,* заполняемое симулятивно и профанически лишь пустотой, ибо предана была страна и даже отвергнута, а *Традиция* так и не возвращена, как ненужность, в своём магическом полноцении. Конечно, сама реальность ныне весьма симулятивна и пустотела, но что из того, коли теперь… *война,* из которой нет иного для России и Отечества выхода, кроме *преображения России* и *возрождения Отечества,* без чего и *будущего у страны никакого нет!*

Окропляемое кровью Преображение и омываемое слезами Возрождение!

Не поймём, не ухватим, не сделаем — проиграем: жестоко, страшно и мерзко! Да, нынешнее номинально российское правление, правящее гибридной химероРоссией, называемой РФ, уверено или делает вид, что уверено, а может, вовсе и не уверено, в своей скорой победе, да ладно бы над Укронией (а как её победить экзистенциально, даже дойдя с боями, бомбардировками и десантами до её западных границ?), а то и чуть ли не надо всем Западом во главе с США, — и на чём же базируется сия уверенность-неуверенность?.. а-а… на богатых ресурсах, да на новейшем оружии с эффективной-де армией, но… но не на армейской ли силе базировались когда-то иные герои иных эпох и иных войн, как раз всё сразу и проигрывавшие, включая и самих себя? Да и в чём будет выражаться эта пока всего лишь мифическая победа? Скорее, всё станется как-то не так, даже совсем не так, а… куда как ***иначе!***

* * *

А как? Не знаем как, разве лишь знаем, что *иначе,* ибо Иное вкупе с Великим Неизвестным сделают своё дело, причём *непременно невероятно* и *непременно внезапно!* Россия сейчас вроде бы сильна, хоть и не слишком в Большой игре реактивна на мерзкие против неё выпады, даже и способна на неожиданные и вроде бы плодоносные для себя эскапады (аккурат аки в спортивных единоборствах). Факт! Однако речь у нас идёт не об успешных мгновениях, а о времени, достаточно, видно, и долгом, может, и о бесконечном, ибо где он — конец, да и какой и чего, собственно, конец? Вперёд вообще-то уверенно идёт лишь одержавший победу прежде всего над *самим собою,* коли такая победа над собой не просто бывает потребна, а и вопиюще потребна, а для нынешней РФ

сия над собой победа нужна мало что как воздух, а и как именно *победа*... ясно ведь, над чем… над *симулякром,* напяленным на глубинную историческую Россию, её поглотившим, да ещё и загнавшим её в почти что небытийную Навь. Представляют себе *эту* вот задачку нынешние предержащие или нет? Скорее, нет, чем да, точнее, может, и представляют, но немощь великая предстаёт перед сей задачей, да страх великий перед её решением, оставляя предержащих в немалой растерянности (это ведь не ракеты разбрасывать туда-сюда, тут дух мощный преобразовательский потребен, и воля, и ум, и риск, и самопожертвование, и любовь… да-да, именно любовь… как раз к отлучённому от какой бы то ни было зе́мной любви народу, прежде всего, русскому, вовсе не к населению, не к электорату, даже не к гражданам, а именно к *народу,* как раз ими же — предержащими — униженному и немало уже ими же растленному). Вот уж где парадокс так парадокс — не смешной вовсе, не занимательный, аки в цирке, а вполне себе горький, даже по-своему и напористо ужасный!

* * *

А в занятом витальной текучкой и выживательной толкучкой народе *кое-что* всё-таки зреет… нет, не бунт вовсе, хоть он и не исключён — невероятный и внезапный, а… *недоумённо-вопросительное безмолвие,* не менее в своей кульминации грозное и страшное, чем бунт, а может, ничего и не зреет… это пока, пока есть витальные ресурсы и война не слишком ещё гробогенная, да и пока с ожиданием скорого победного, как уверяет пропаганда, разрешения… вот-вот прорвётся фронт и вроде бы всё пойдёт как по маслу… ан-нет, не пойдёт как по маслу, будет ещё труднее, а ежели вдруг компромиссно война прекратится, так ещё хуже будет, ещё невыносимее, уже и от поражения, как бы невероятного и, разумеется, внезапного. Вот и зреют в народе недоумения и вопросы, а за ними уже подступает это самое *безмолвие* — БЕЗМОЛВИЕ!, что куда как грознее и страшнее любого бунта, ибо бросает его спровоцировавших в *небытийное бытие,* что то же самое в фосфорически яркий бытийно-небытийный мрак. А что, дела-то пошли серьёзные, крайне серьёзные, а главное, на текущий момент… *безысходные!* Какой может быть исход для той же Украины, а-а? А для Запада? А для мира в целом? Ну и для самой России? Не отвечает Время, молчит Вечность, не спешит отвечать Иное, помалкивает Великое Неизвестное, даже София затаилась, поглядывая озабоченно на Господа — уж не последние ли тут времена с их Страшным Судом — как раз карнавально и

подготовленные?! Ах, эти большие сакральные смыслы, гуляющие по мирозданию и не оставляющие в покое микроскопическую на мирозданческом фоне Землю с её взбалмошным, неправедным и греховным, хоть и разным и по-разному себя ведущим, народцем, да вот куда от них деться, от этих не подвластных сему себялюбивому народцу, могучих и относительно зе́много народца беспощадных, сакральных смыслов! Ах, карнавал, карнавал; ах война, война; ах, тайна, тайна! Сам чёрт не знает что тут, где, когда, зачем, а ежели что-то вдруг скажет, так ведь… *соврёт!*

* * *

Экзистенциальный карнавал «Золотого миллиарда» заканчивается и, обратим внимание, насколько *невероятно* и *внезапно!* Заканчивается и краткий, всего-то в полтора-два десятилетия, псевдороссийский прозападный карнавал, чего ещё россияне не особенно и заметили, хоть кое-кто уже интуитивно это весьма и почувствовал. Да-да, «тока-тока», как говорится, зажили «по-человечески», оцепенев при этом ликами и опустошившись глазами. Не общество уже вокруг, а рассыпчатая аки крупа человекообразная масса, а тут ещё война: кто и за что будет в ней за про́сто так воевать, ежели вдруг пойдёт она вширь и в даль, а то и прямо войдёт сюда, в Отечество? Не может такого быть?! О-о, в этом мире всё возможно, даже термоядерная война возможна, как и, к примеру, возможен стал мгновенный скачок той же Европы от заката к… *концу!* Кто теперь сомневается в конце Европы? Никто или почти никто, да и в конце Запада мало кто уже сомневается. А всего лишь два-три-пять годков назад, кто бы выступил с этаким прогнозом — не заката, как было, а именно уже *конца* Европы, США, Запада? Автор сего текста, к примеру, давно говорил о необходимости держаться подальше от Запада, как и необходимости мобилизации в РФ (ещё не военкоматовской мобилизации) и о разгоравшейся в мире войне говорил лет — эдак 7—8 назад, причём говорил публично, на тех же научных форумах, открыто писал в публичных, тоже научных, изданиях, и что же? — тогда ужасались, не верили, возражали, осуждали, отпрядывали от автора, как от прокажённого, зато теперь никто об этих пророческих «выпадах» не вспоминает, хотя все живо гутарят о войне, а иные даже чуют запах надвигающейся мобилизации (уже военкоматовской), — и что, разве будет теперь иначе?

* * *

Пророческие предвидения у нас в гуманитарной России не в чести: не научные-де они, зато в ходу присвоение пророческих идей и ими, когда явно уже повеет провиденным от самой реальности, а ещё лучше — бывает повелено сверху, активно ранее уже сказанным по научному-де пользоваться, разумеется, как новеньким, причём без ссылок на чьё-либо предшествовавшее авторство, — и слава Богу! — как раз для пророка слава, ибо тень — надёжный залог его плодотворного одиночного бытия! Вообще это довольно интересненько: действует тут закон, с одной стороны, обязательного невосприятия вдруг предвиденного с глухой от него обороной, а с другой — последующего вдруг его восприятия с непременным умолчанием его источника. Да-а, нет пророка в своём отечестве, но пророков вообще нигде нет, а если и есть, так сказать, post scriptum, но лишь когда дело бывает ловкими вещунами уже сделано и на их учёных головах вовсю уже красуются, пусть и подвянутые, лавровые венки. Зачем об этом: так ведь о войне речь-то, да не просто о войне одних гуманоидов с другими, а о войне гуманоидов против *самих же себя* — что тех, что этих, а что будет в итоге такой войны, то и невольный пророк ничего не скажет, пока, во всяком случае, не скажет, а ежели и скажет, то лишь *самому себе:* ни побед ни у кого не будет, ни поражений, даже беды большой может не быть, а вот *перемены* — ПЕРЕМЕНЫ! — непременно будут, как раз в сторону того, что походя называется авторитаризмом, тоталитаризмом, диктатурой, а то и попросту фашизмом. Война и сделает своё чёрное, а может, и спасительное, дело! Да ведь кто поверит в такое вот будущее, да ещё какому-то там странноприимному пророку, лишающему тьмы карнавалистов не так даже иллюзий по треку будущего, как самой возможности продолжения истерического гуманоидного карнавала! Нет, друзья, война явилась совсем не зря и вроде бы для очищения людской ноосферы, да вот какого же очищения, ежели не для всех скопом и не вчистую насильственного: война без правил ведёт и к «миру» без правил, может, и с кое-какими правилами, но с очень уже другими правилами, мало что произвольными, так ещё и бесправо́вными.

* * *

Последствия войны, разумеется, непредсказуемы: ни конфликта на Украине, ни конфронтации Запада с РФ (увы, повторим, никак не с Россией как Россией, а её симулякром, называемым имитационно Россией, то бишь, напомним ещё раз, увы, Рашей, а по бывшей канди-

датке в президенты страны не более и не менее, как Рашкой, правда, именовавшей так более всего именно Россию, а не возникший на её месте вестернизированный симулякр, кандидатке как раз всего более и импонировавший, — как никак, а приближённой к правящему верху дочери одного из незабвенных героев перестройки из культурной столицы, побывавшего, как водилось совсем недавно, и её мэром); тем более непредсказуемы последствия схватки зе́мных миров, а уж совсем непредсказуемы последствия сумасшедшей войны зе́много мира *с самим же собою.* Однако предчувствие появления повсюду диктатур фашистского толка и их в дальнейшем бешеной схватки между собой не на жизнь, а на смерть, как-то нас — мудрецов — не покидает, хотя, повторяем, всякое может случиться, даже и *такое,* что о *нём* и каких-либо *от него последствиях* и говорить никому уже не придётся: аннуляционными могут статься итоги ныне разгорающейся глобальной войны. Одно тут ясно: без глобальных, скажем так, доброзлодейских последствий сей войны мир не останется, ежели, конечно, сам он останется на какое-то время. Ясно и другое: мир, ежели он останется, уже не вернётся к себе уже бывшему и не просто изменится, совершенствуясь и деградируя одновременно, а изменится воистину до *иного мира,* вовсе не такого уж и человеческого, — наука с техникой, завлечённые электроноцифроманией не преминут закончить свой историо-внеисторический бег полным расчеловечиванием человека!

* * *

Эсхатология? Конечно! А что ещё, кроме светлого-де будущего? Не отрицая и этого (почему новым человекообразным не возрадоваться по поводу их нового человекообразного мира?) заметим, однако, что *этот,* то бишь ещё на четверть (не более!) *наш* мир, если уже не *тот,* то бишь вполне уже *не наш* мир, непременно совсем уйдёт и уйдёт безвозвратно! Отчего и война, как раз с этим остаточно уцелевшим от аннуляционных преобразований миром. Да, конечно, на словах война идёт вроде бы за ресурсы, за жизнь, за будущее, но уже и за *другое* будущее, пока не очень-то понятное, даже и не очень-то представляемое, может, ещё и с ресурсами, но уже… без жизни, точнее, с жизнью, конечно, но которая уже не жизнь будет, а всего лишь, хоть и вроде бы подвижная, *нежизнь,* — и тогда почему же здесь не эсхатология?! И человек инстинктивно ко всему *этому* готовится, вцепившись в айфоны и вперившись в компъютеры, то бишь в эту самую нежизнь, — пока вот в *такую,* а кто сейчас предскажет, в *какую* потом, да и к *чему* человек окажется намертво

привязан — уж не к электронно-цифровому ли концлагерю, — без целостного гуманитарного образования и воистину гражданского воспитания, прямого друг с другом общения, без семей и устойчивых коллективов, без какой бы то ни было любви, даже и без ненависти, зато с неподсудным игнорированием другого. Не может такого быть?! Да, может и не быть, но чего только предкам и даже нам самим ни казалось не могшим быть нигде и никогда и что непременно сбывалось, не слишком-то от человеков и зависимо — как-то по преимуществу само собой, да не очень-то и объективно-процессно, а как-то иначе… бац!.. и нет уже социума, хотя бы прежнего, а на его месте, напомним, крупообразная людская россыпь… что-о, разве *этого* рассыпчатого аки песок месива ещё нет? А человек всё *это* принимает за улучшающий его жизнь прогресс, и правильно как будто бы делает, да вот где он — *человек?,* — человекообразное ведь ещё не человек: недаром же было отменено императивное воспитание и дадена молоди вроде бы полная вроде бы свобода — этакая *лжесвобода*, совсем недаром, ибо за душу человеческую дадена, аккурат в качестве неизбежно-вынужденной судьбоносной платы. А теперь вот непонятная, странная, самоубийственная война, а ведь она со своими собственными целями, никому из смертных и неизвестными! Уж и впрямь не последняя ли?!

* * *

Бытие-История реализуется «ходом человека», его деяниями, «ходом вещей», или движением объективности, «ходом неизвестности», или выпадами «случайности», однако это не всё — ещё и Провидением, действующем с учётом Предопределения (заданности) и того же Обречения (неотстранимости). Изучай, не изучай, думай, не думай, решай, не решай, а полной ясности ни о как-то происходящем перед глазами, ни о как-то зафиксированном в памяти прошедшем, ни, тем более, о воображаемом как-то будущем у человека как не было, нет, да и быть не может. Мало что тут сложнейший по мотивам, целям и механизмам процесс, так он ещё и *тайный,* причём вовсе не на какие-то там малые проценты, а почти что на все 100. Куда ни кинь — *тайна!* Видно, это хорошо понимает наш верховный, который сам полный тайны и тоже почти-ка на 100, как и, соответственно, полны тайны его действия, политика, планы, пусть и не на 100, но на большой и никому не известный процент. Тут, понимаешь ли, тайна среди *Тайны,* так что куда ведёт наш верховный, как и каким образом представляет себе и ведёт войну, кто ж этакое знает? Однако разгадка неумолимо приближается, отчего

вопросно и страшно сразу всем, включая и его самого — верховного! *Приближается!* Ибо не всё, далеко не всё в его руках и даже просто от него зависит. О-о, молох Бытия-Истории катится себе и катится, подминая под себя всех — и низших, и средних, и промежуточных, и высших, да вот *что* он — этот молох — за собой оставляет, кроме секретов, загадок и сказок о себе, о бытийных фигурантах, об исторических событиях, ну и о Бытии-Истории в целом? О-очень интересный вопрос! Верховный хорошо понимает, что не только молох сей есть и что он катится себе и катится, не щадя никого, но и что его катка не избежать и ему — *верховному!*, а потому изобрёл самый надёжный по его мнению способ своего правления, который можно было бы назвать *криптоправлением*, а предикатно расшифровать, не имея готового рецепта, как *игрово-анонимно-конспиративное*. Неплохое управ-изобретение, скажем прямо, очень неплохое!

* * *

Что это за правление? Это когда *вроде* правление, а *вроде* развлекуха, когда оно *как бы* есть и его *как бы* нет, когда страна ситуацирует *как бы* сама, а правление *как бы* всё зная и во всё *как бы* вникая, лишь *как бы* управляет, ничего существенного населению не говоря ни о положении страны и в стране, ни о целях и задачах державы на перспективу, ни о средствах достижения поставленных целей и алгоритмов решения возникших задач, а главное, не определяя, куда же в целом идёт или хотя бы должна идти страна, теперь вот шибко подгоняемая *куда-то* и *зачем-то* войной. Такое правление, может, по-своему и эффективно, во всяком случае, по критерию его неизвестности (скрытности) не только относительно населения, но и… самого же правления, отчего это, конечно, реальное правление, а не фикция, но в силу своей деловой закрытости и персональной невыраженности, как и игровой манеры что действовать, что прикрывать истинные намерения и цели своих действий, может заслуживать квалификацию *как-бы*-правления, что ни плохо, ни хорошо, а что всего лишь *так* есть, однако с одним великим удобством для его субъектного навершия: *как бы* отвечая за всё (власть тут абсолютна!) верховный при этом ни за что конкретно не отвечает, позволяя и своим нукерам ни за что напрямую не отвечать, хотя бы административно, юридически, управленчески, а не то что политически или уголовно, ибо царит в высшем правлении мало что согласие и братство с круговой порукой, но ещё и от своего правления великое, пусть немало и наигранное, удовлетворение, правда,

почему-то с каменными, кроме у верховного, выражениями лиц. Делишки-то многие творятся не так даже преступные в обычном понимании, как ориентирно прозападные и немало антироссийские, да и прокитайские тоже, направленные на полное удержание России в положении *своей,* при этом густо вестернизированной, ещё и высокодоходной, вотчины, нет, не Отечества, а именно *вотчины* — ВОТЧИНЫ!

* * *

И вроде бы неплохо всё у реформаторов получилось, да и не без «дружеской» поддержки Запада, да такой, что за сие «благодеяние» платить надо было и платить, да ладно бы вассально-колониальной рентой (посредством той же скупки американских фиктивных бумаг, точнее, пустой долларовой цифири, как и той же «утечки мозгов» — людской, следственно, дани), так ещё и вассально-колониальной зависимостью, чего российский политикуум, надо отдать ему должное, признать никак не мог, а потому сначала пошёл на призыв к равноправному партнёрству с Западом, а затем и не уклонился от развязанной Западом конфронтации, не преминув заняться восстанавлением имперского статуса России-РФ. Всего этого Запад простить российскому верху не мог, решившись сначала на холодную (гибридную) превентивную войну с РФ, а затем, разыграв Украину в роли антироссийской овчарки, повёл и войну горячую, как раз на Украине и руками, в основном, украинцев, включая и этнически русских. Итак, внешняя ситуация стала меняться, причём небезуспешно для РФ, заставив её почти на нестандартную внешнеполитическую активность, включая и военную (Крым, Сирия). Однако война на Украине с российской стороны пошла не по первоначальному сценарию: украинцы, включая и этнически русских, а не только идейных «укров», упорно сопротивляются. Почему? Да, наци-бандеровское начало, оно же и кнут, играет тут свою роль, как и чувство национального достоинства (!) тоже, но, видно, украинцам, включая и многих этнически русских, Европа куда милее России и под Москву они не очень-то жаждут! Трудно это понять, но приходится, что как раз и делает невозможным ни полную и окончательную денацификацию Украины (Укронии), ни превращение её в некое нейтральное демилитаризованное псевдогосударство, ни, тем более, её становление в качестве союзника РФ. И вот тут неожиданный для верховного сюжет, упорно подсовываемый media: войну-то, оказывается, ведёт не армия, не государство РФ, не народ российский, а… Он и только Он — *верховный!* Когда-то мало говорили и до сих пор мало говорят о французских войнах первой четверти XIX в.,

а говорили и говорят о *наполеоновских войнах,* но не только потому, что это были Его — Наполеона Бонапарта — войны, а и потому, что отвечать за эти войны было суждено с самого их начала именно Наполеону: и ежели победителей, как известно, не судят, то всё горе достаётся побеждённым, даже оставляемым в живых и ссылаемым в предоставленную им по милости победителей островную среди неспокойного океана утешительную купель.

* * *

Верный своему *одиночному криптоправлению,* верховный уклоняется, как может, от разговоров о ходе войны, зато разного рода комментаторы, следуя или нет возможным рекомендациям из Кремля, не устают твердить, что война идёт по решению и под бдительным водительством верховного, задающего-де характер, состояние и течение войны. Да-а, не просто всё тут, очень не просто, а уж на внутреннем фронте, то бишь как бы в тылу, ещё сложнее: страна не так в войновском раже, как в недоумении, близком к оцепенению! Что, собственно, происходит, куда идём, зачем, какова цель? Верховное правление, играющее в загадки без разгадок, не считает, по-видимому, чтобы население что-то обо всём таком знало, да вот знает ли об этом то же правительство, знают ли депутаты, знают ли разного рода высшие управленцы, да и знают ли сами ведущие боевые действия генералы? Вопрос! Как и знает ли само высшее правление, да и сам верховный? Тоже ведь вопрос, да ещё какой! Во всяком случае, мы — гуманитарные грамотеи — ничего такого не знаем и, как принято, знать не должны. Не только страна не подключена к своей собственной судьбе, но и её образованный слой ни к чему такому отношения не имеет. Любопытнейшая ситуация! Конечно, есть в стране западники, антимирцы, антироссийцы, которые либо всего лишь процветают, либо процветают и против режима протестуют, есть и подкупленные извне протестанты, есть ручная псевдооппозиция (в том же парламенте), но это ничего не меняет: власть делает то, что считает нужным, и делает это в основном на криптотреке, как и ничего из насущного и наболевшего внутри страны не делает, ибо сие не вписывается в её общий трек, стране вовсе и не известный. Своеобразный, заметим, феномен: не отрыв даже власти от социума (если уже за счёт «псевдо» не полусоциума), а их некое *параллельное существование* с загадочным промежуточком меж ними в виде… *небытия!*

* * *

Без назревших и абсолютно необходимых перемен в сторону не фиктивной, а реальной России у этой РФ (Рашки) никаких экзистенциально-исторических перспектив нет: никакая хорошая (красивая) фикция не подменит собой реальности, даже и не очень хорошей (суровой, тяжкой, уродливой, кривой), — реальность, во-первых, должна быть, как ни странно это звучит… *реальной* (то бишь не прикрытой фи́говой фиктивностью), и только позитивная реальность может, как это тоже ни странно звучит, достигать позитивной же реальности, а уж в каком она — реальность — состоянии и положении в каждый момент находится, судить о себе должна сама реальность, её людской состав, а что касается России как России, то, скажем откровенно, далеко не все в нынешней РФ захотели бы её — России как России — доминирования — ни из числа олигархов, ни из числа управленцев, ни, тем более, из числа медийцев и деятелей искусств, ни из числа так называемых учёных и тех же разного рода спецов, ни из числа предпринимателей, ни вообще из числа граждан РФ, смотрящих упоённо на Запад и не видящих в войне с ним никакого для себя смысла, кроме, разумеется, плохого. Так что положение верховного с его высшим правлением отнюдь не простое: мало что война предусмотрительно ловко *персонифицирована* (всего лишь П. против всего лишь З.), так ещё она и совершенно не близка как раз выпестованной нынешним режимом, ещё раз напомним, квазипсевдохимерной России, а её — этой фальш-России — в нынешней России совсем и немало, даже слишком много. Загадочно-анонимное правление верховного с его высшим правлением над РФ-Россией с акцентом полной ко всему негативу непричастности, и уж тем более, ни в чём *этаком* невиновности, спасает, но ведь всему в Бытии-Истории есть сроки — невероятные и внезапные, ибо ими заведуют мало что Иное и Великое Неизвестное, но ещё и Время с Вечностью, — ах, эти мирозданческие часы: тикают, скрепят, скрежещут, лязгают, одним словом — мерят и отмеривают! Ах, это Обречение!

* * *

Прессовать свой-несвой народ безумными прозападными реформами, пусть и частично вынужденно, как и по взаимовыгодному с Западом соглашению — не хитрое дело, да вот с кем останешься, властитель, в критический-то момент, а он не то что возможен, он — сей момент — не за горами — и вовсе не потому, что Украина с Западом победят РФ,

а потому что так распорядятся Иное с Великим Неизвестным, Время с Вечностью, да и, вполне возможно, сам Его Величество Случай, так — ни с того, ни с сего, да и он ли, не он ли — какая разница!; распорядились же с иными вполне себе успешными и славными героями прошлого, включая и совсем недавних, вроде бы тоже поцелованными… э-э… свыше, причём поцелованными чуть ли не при рождении, а может, и не при рождении, а неизвестно где и когда… э-эх… войти в любую дверь можно, особенно гостеприимно распахнутую, а вот как бывает трудно, а то и невозможно, через неё выйти обратно, в особенности, ежели за входной дверью притаился манящий тебя куда-то вовнутрь заколдованный лабиринт. Нет, мы ничего плохого не желаем нынешнему верховному герою, хоть и не во всём с ним согласны, а если что и желаем, то в адрес и в пользу глубинной России, её не только полноценного выхода в Явь, но и её ***преображения***, не будучи при этом слишком уж уверенными в самой проективно-деловой возможности такого невероятного происшествия. А на кого или на что есть надежда? Да-да, на глубинную, чуть было не загнанную в небытие, Россию, которая явилась в этот мир вовсе не для того, чтобы в нём или из него исчезнуть, да ещё и по мановению реформно-вестерновских палочек в руках прозападных вассалов из тех же 1980 — 1990 — 2000-х гг. То-то ещё будет! Если верховный со своим криптоправлением о будущем страны помалкивает, конспиративно правя державой, то почему же мы-то должны кричать на всех углах: что да как, да кто, да когда? Терпение, читатель, терпение: София не дремлет, а уж Господь Бог — тем более, всё вскорости всем и увидится!

* * *

Да, военная операция, а по сути всё-таки война, на Украине пошла и идёт не по первичному плану, в чём вроде бы нет ничего экстраординарного, но она пошла и идёт, кажется, совсем не по плану, а так — *произвольно!* Возможно, здесь имеют место просчёты военных штабистов, гражданских аналитиков, тех же дипломатов, но зато такие просчёты, что ставят под серьёзное сомнение не то что быструю победу над противником (об этом уже речи не идёт), но и достижение объявленных целей операции, весьма, надо заметить, крутых. Да, Украина ведёт войну без правил — факт, ну и что? Да, натовцы под водительством США в этой войне участвуют на стороне Украины, ну и что? Да, есть ООН, где надо было бы… а что надо-то? — ну и что? Да-а, у России хватает вроде бы союзников, долженствующих серьёзно поддержать РФ, ну и что?

Да-а, тупичок получается — не воевать же РФ со всей НАТО'й, а ядерного удара со стороны РФ что-то никто в НАТО сильно не боится, да и возможен ли он со стороны РФ первым? Запад избрал, при всём сумасшествии его формальных лидеров, очень даже неплохую против РФ стратегию, включая и тактику, которая, знаете ли, неплохо пока работает, изматывая морально-психологически сначала Кремль, потом МО с армией, затем и народ РФ: вопросы, вопросы, вопросы! Верховный вроде бы что-то говорит о войне, да всё как-то не по сути дела, не по фактическому, не по правде. Впечатление, что он — верховный — пусть и не в надёжно замкнутой, но… *ловушке,* разумеется, в ментально-функциональной, из которой уже веет, — пока ещё только веет, — пусть ещё и не вполне определившейся… *безысходностью!* А всё почему: чёрт бы с ней — с войной, как и с победой над Украиной, ибо нужна вовсе другая победа — *победа России-РФ над самою собою,* на что верховный со своим своеобразно уклончивым правлением вряд ли, судя по всему, пойдёт, заводя страну в очередной экзистент-тупик! Ситуация как-то вдруг стала смахивать на *кризис режима от самого же режима* — не так ли? Что ж, так вот и бывает, ежели слишком увлечься медийно-подмостковой игрой в правление и даже игрой в войну в ущерб суровой экстраэкзистенциальной правде.

* * *

Обречение! Ох, какая любопытно-поразительная вещь! Его и не чуствуешь, во всяком случае, бóльшую часть жизни, а потом приходит-таки момент, пусть и растянутый во времени, осознания загадочных фактов, во-первых, что тебе было дадено от рождения, то и вершилось по жизни, хоть и, во-вторых, не без твоего корректирующего влияния, а в-третьих, не только твоего и даже не только того, что мы называем обычно судьбой, а и влияния какой-то внешней силы (ангельской или той же демонской, а может, и ещё какой — посерьёзнее!), отчего и получается то, что ты называешь своей жизнью (и судьбой тоже), ну и подводишь рано или поздно, её — своей жизни — итоги, да и сам её ход разбираешь по косточкам (девятый десяток лет жизни особенно этому способствует, когда немощь становится неотъемлемым достоянием, а остаточная мощь лишь годится на частичное сопротивление этой немощи). Не все, конечно, достигают такого состояния, но некоторым не то везёт, не то не везёт, но приходится, когда сил особых уже нет, но вот мозги ещё работают, да и душа чего-то этакого ещё просит. Так обречён или нет человече на ту «жисть», которую проживает?

По мнению пишущего эти строки — *обречён,* хотя и не на все 100%, ибо Обречение не сильно на первый взгляд сопротивляется судьбоносным интенциям человека, так во всяком случае человеку обычно кажется, хотя в Обречение, надо особо заметить, входит, как ни странно, необходимость и возможность не так даже ему сопротивляться, как ему — Обречению — *соответствовать* и даже *споспешествовать.* Любопытная, знаете ли, это весть — Обречению надо ещё и соответствовать и даже споспешествовать, проявляя при этом не так даже смирение, как… *волю!* А где оно — это совмещение воли Обречения с волей ему соответствия и споспешествования, не в Обречении же? Вот оно-то как раз *там* — наверху, как и внизу тоже, патронируемое Великим Неизвестным и, знаете ли, самой Вечностью, немало и вопреки Иному и Времени!

* * *

Автор сих зоиловского пошиба записок, как-то само собой почувствовал, ещё в детстве, шаг за шагом взрослея, что ему импонирует роль не просто передового (даже и первого среди равных), а, скажем так, *ведущего за собой,* может, и командира, принимающего судьбоносные решения, или руководителя, берущего на себя ответственность и ведущего за собой, что затем немало и подтвердилось: сначала в общественной деятельности (пионерия, комсомол), затем и в административно-научной, как и в чисто научной с примесью общественно-научной. Нет, не хотелось ему командовать ради командования, даже лидерствовать ради лидерства, но как-то само выходило оказываться ему на ведущих ролях, — и ничего, справлялся, не проявляя ни заносчивости, ни лжевеличия, а следуя общности, товариществу, равности, что не мешало при случае проявлять и твёрдость, и решимость, а главное — не давать себя в обиду перед вышестоящими персоналиями, что стоило иной раз не одного напряжения воли, а и затрат нервов со здоровьем. От партийно-аппаратной карьеры, перед ним явно возникшей, отказался в пользу науки, а там, в сфере науки, пришлось ему начинать, — это после вкушения сладостного вкуса власти и от неё великих возможностей, — практически с нуля, с продолжения прерванной аспирантуры — простым, так сказать, аспирантом, ещё и семейным, с подзаболевшим хронически (слава Богу, выздоровевшим) ребёнком. Однако руководящая стезя не минула героя: побывав в системной вузовской администрации, стал основателем и бессменным руководителем, скажем так, не вполне системных образований, весьма и оригинальных, на редкость и полномочных, и самостоятельных, и продуктивных, и внесших заметный вклад

в отечественную и мировую гуманитарную мысль. Зачем об этом тут речь? А чтобы указать на *Обречение,* на треке которого и произошло сплетение двух жизненных линий автора сего текста, — руководительской, которая сама как-то развёртывалась, и мыслительной, к которой он уже сам стремился, а в итоге — целая и цельная, вполне и полнокровная, *жизнь,* за которую не то что не стыдно, досадно или обидно, а которую можно признать и великой личной удачей.

* * *

Есть, правда, и нечто другое важное, и этим другим важным оказывается, как это ни кособоко сегодня (в августе 2022 г.) звучит, не что иное, как… *Россия,* да-да — РОССИЯ!, которая многое что определила в судьбе героя, пожалуй что, и главное: и преданность чему-то более важному и весомому, чем личное; и задачи и ход личного размыслительства с выходом на своё мировидение и мироведение; и череду кое-каких необыкновенных открытий, если не откровений, за которые наград, званий и премий, конечно же, не дают, но которые просто так с «того берега» ни отбросить, ни опровергнуть, ни оспорить; и явление совсем не ординарных русских текстов, которые далеко не всем по душе в нынешней вестернизированной РФ, а уж ежели выделить самое-самое, то это не что иное, как экзистенциональное единение ума, души и мысли героя с сакральной Россией, что не является голым пиарным утверждением, а уж, пардон, вполне себе реальным фактом, доказанным не только словами и делами, но и всем житиём-бытиём, включая и страду, и испытания, и страдания, и боль, и кое-какие душевные муки, даже и кое-какой страх — не то сказать, не то сделать, не туда, в общем, заехать, — чего скрывать, всякое тут бывало и есть: нелегко, да что нелегко, «пошти-ка» и невозможно, нести в себе Россию, нести в самом сердце, ибо Россия — дар, но при этом вовсе не подарок, и ежели уж любить Россию и её народ, то лишь учитывая и преодолевая невозможность их запросто умильно любить да нескончаемо пересиливая лезущую в рожу со всех сторон и углов к ним нелюбовь! Думаете, это всё ерунда, не-ет, господа, ошибаетесь: внешне правильное да красивое легко любить, а вот полюби-ка внешне кривое, странное и даже страшное, да докопайся до вполне себе правильного и даже иной раз красивого нутра, загнанного Бытием-Историей в Навь, а ежели и выходящего вдруг в Явь, то более всего по мотивам испытания, катастрофы, беды и острой нужды во спасении: Время не щадит Россию, её изрядно и корёжит, зато её зачем-то щадит и оберегает Вечность! Загадка, да ещё какая!

* * *

Трудно, да ещё при этом и спокойно, говорить о России, особенно о нынешней РФ, как впрочем, и неспокойно тоже трудно — о своей неоднократно обманутой, изувеченной, обгаженной Родине — РОДИНЕ!, да вот приходится: то ли с призрачной надеждой, то ли с упругим безнадежьем, то ли просто так — с надеждой и безнадежьем вместе, с ещё горящим или уже иссохшим сердцем, нередко и впустую, ибо говорить что-то или не говорить — всё одно: не слышат, не хотят слышать, а ежели что и услышат, то лишь для того, чтобы сделать камуфляжно по-своему. Разумеется, кто-то в державе вполне себе всё этакое слышит, благодарно воспринимая, переживая за это, откликаясь, да вот что каждый из таких вот слышащих может реально сделать, заранее зная, что *ничего* из *такого* он не может сделать — НИЧЕГО! И дело тут вовсе не в мифической потребности какой-то идеальной страны, но всё-таки в XXI-то веке хотя бы страны без откуда-то взявшегося, чуть ли не из самой Преисподней, роя новых самодовольных господ, без туч лихоимцев, без мириад жуликов, мздоимцев, мошенников, без доминирующей и принявшей буквально субстанциальное состояние несправедливости, без бесконечного, тоже уже ставшего субстанциальным, вранья, без официозного и обыденного обманства, чего стало много, слишком много, невыносимо много… э-эх… что говорить, ибо бесполезно… б-е-с-п-о-л-е-з-н-о! Остаётся лишь дивиться, как же это страна-то живёт, люди как в ней бытуют, разумеется, в никому уже не нужном морально-общественном смысле, а ведь вокруг ежели не отчаяние с потерянностью, то уж озабоченность с растерянностью, — точно!, правда, это более всего о старших поколениях, которые теперь не так в своей зéмной стране, а как бы на другой планете, а вот для младших… что для младших?.. э-э… пожалуй что, сытое прозябание с неизбежным бегством из искуроченной, прикрытой фосфорическим светом, аки нынешняя Москва, вовсе для них и не родной, страны. Горькие слова, да вот как без них?!

* * *

Да, Россия в сакральной связи с Вечностью и в не слишком любезном разносогласии со Временем, — факт! *Неотмирна* она — Россия как Россия, даже, пожалуй что, и *иномирна:* она — ***иное!*** Отчего ни понять России, ни измерить «аршином общим», как проникновенно выразился великий русский поэт-мыслитель, при этом добавив поразительно точно: «В Россию можно только верить!». А мы тоже кое-что к этому присовокупим: да, ни понять её, ни общим аршином не измерить, но при этом

остаётся не только в неё верить, а и, как было уже выше замечено, её любить, что, собственно, русские люди — России верные сыны и дочери, без лишних слов и магических жестикуляций, вполне себе уверенно и самоотверженно и делают: *страдают, но делают!* Знаем, что говорим, и не только по итогам защитных войн за Россию, не только вследствие бескорыстного и жертвенного участия соотечественников в нынешней антизападной для России войне, не только по причине бесконечного, немало нынче и наперекорного, трудового героизма, не только из-за массового отцовского и материнского подвижничества, но даже, как это опять же ни странно звучит, при наличии необузданного беспредела и произвола властей предержащих, всего лишь потому, что истинно русский (не только по крови) — *государственник,* и не слишком доверяя властям, он всё-таки верит в своё-несвоё государство, держа его на своих плечах, чего не избежал и наш герой, неплохо знающий Европу, даже её в лице Франции или той же Польши по-людски любящий (за народ, культуру, нацлояльность, дружественность, — разогреваемая ныне «ихними» верхами русофобия тут не в счёт), да, знающий и любящий, почитая и себя за европейца (не как лишь специалиста), но России ни на миг и ни на йоту не изменивший, хоть и многим в отечестве неудовлетворявшийся, немало критикабельный, даже в меру или не в меру брюзжащий. Жить в России, особенно в нынешней РФ, да ещё и добиваться в ней чего-то *своего* из идейного и морального — не поле перейти! Знает, старый брюзга, что говорит, не понаслышке знает!

* * *

Преувеличение, фантазии, ложь, блажь, поклёп ? Что ж, ежели так, то попробуйте опровергнуть, а ссылки на то, что что-то хорошее у нас таки есть, что люди у нас хорошие тоже есть, и что молодёжь у нас есть хорошая, лишь подтвердят вышесказанное: никто и не отрицает, что что-то *этакое* есть, даже движуха великая есть, да вот, повторяем, общей жизни как собственно жизни всё-таки нет, зато хватает… *нежизни,* как раз той самой, что вроде бы жизнь, да вот при этом и не жизнь вовсе, а как раз самая что ни на есть *нежизнь,* будь она не ладна! Совсем не успокаивает, что повсюду на планете, кроме каких-то неизменных в образе жизни уголков, мест, даже и пространств, всё *то же самое* — всё та же *экстрацивилизованная нежить,* но у нас, в нынешней РФ, *нежить* как-то… э-э… очень уж она… как бы это выразиться… *похабная!* Что ещё за термин такой? Да, термин, согласимся, похабный, а что, разве

есть лучший? А почему это он вдруг выскочил, этот термин? А разве нет к нему поводов, да что поводов — оснований? Куда ни сунься, на что ни погляди, чего ни попробуй сделать или решить, везде тебя встречает одно и то же — *похабие,* пусть и не такое уж тотальное, но ведь повсеместное же, ещё и уничтожающее всё живое, честное, порядочное, не говоря уж о благородном, навязывающее взамен жизни, естества, человечности, порядочности, не говоря уж о благородстве, мало что заморскую падаль, так ещё и мертвящий серо-чёрный родной погост, по которому людишки снуют туда-сюда, особенно в хищного вида катафалковых авто, да вот люди ли в естестве своём или их вымороченные тени, — и это при ярком, сияющем, сверкающем многоцветии холодящего душу искусственного света на кубических серо-чёрных коробках с вездесущей, висящей будто в космической пустоте, пошло-вычурной англолитерной рекламой.

* * *

Вот и дождались, вот и получили, вот и сподобились! Наконец-то у нас, как у них, за океаном, хоть у нас и криво, и дрянно, и паскудно, а ведь там, за океаном, давно уже ничего, кроме суетящейся среди громадных, тупых и бездушных серо-чёрных небоскрёбов людо-автомобильной, уже и небытийной, массы нет, а есть лишь сходящая с ума нежить! Что ж, у кого-то невероятный финансово-потребительский успех, прячущийся в гробовой тиши склепообразных замков; у кого-то успех куда как поменьше, но тоже есть, как есть двух-трёхэтажный домок, маленькое поместье, непроницаемый железный забор, тишина; у кого-то домик в деревне, огородик, как бы и тоже покой; у всех есть авто, разные, конечно, но зато выразительные и юркие; многие увлечены комфортным, а некоторые и тем же экстремальным, туризмом, разносясь, насилуя планету, по всему миру; у многих в комфортной Европе и благословенном «Граде на холме» виллы, квартиры, ну и дети с внуками, особливо у заядлых «патриотов», те самые дети, которые от «патрии», то бишь Рашки, отрываются окончательно и бесповоротно; большие массы любят потреблять курорты, особливо в тёплых странах; для престарелых, задержавшихся на этом свете, есть хосписы (чего ещё надо!), а для брошенных детей детские дома, а то и усыновляющие и удочеряющие их, часто иностранные, семьи… стоит ли продолжать?.. нет, не стоит, ибо… *хорошо* — ХОРОШО!, только вот всё это как-то не душевно, не по-людски, а может, как раз и по-людски, но уже по-новому

по-людски, то бишь… *похабно.* Ах, это *похабие,* опять оно у автора выскочило, въевшись в текст, да вот как же без него — этого замечательно точного словца?! Да, Раша есть, нежизненная в ней «жисть» есть, а Раша зачем-то выпендривается, воюя вроде бы с обожаемым ею Западом — уж не за своё ли прозападное достоинство? Поди-ка пойми что-нибудь из происходящего! А кровь-то льётся: за Рашу, за её господ, за антимир, за растлительные media, за подмостковую бесовщину, за нежизнь? О-о, сам чёрт голову сломит!

* * *

Зачем обо всём этом похабном паскудии говорить, писать, иначе ведь всё равно в реалиях не будет, во всяком случае, долго не будет? Да, трудно с этим не согласиться, с тем, что иначе не будет, хоть трудно с этим всем реальным согласиться, практически и невозможно. Однако что-то да меняется в мире, в странах, в Западе и в Востоке, в РФ, в незападной части мира. Запад во главе с США очень уж далёк ныне от мира собственно человеческого со своим империальным гонором, своей колониальной хваткой, своим антимировским на мир нашествием, отчего назревает не только отделение части мира от протухшего Запада, но и кое-какое от него очищение с выздоровлением: либо термоядерный конец, либо антизападные перемены, а может, и как-то иначе, однако всё равно с *переменами,* ибо Время явно уже круто колбасится, занявшись отменой всего нажитого гуманитарного, а Вечность чего-то настоятельно от человечества ждёт, подстёгивая Иное и налагая бремя ответственности на Великое Неизвестное, да и Обречение никуда не деется: на что обречены, то и будет, вот только РФ надо перестать быть Рашкой и стать именно Россией, что тоже вроде бы уже невозможно, да вот как-то в Бытии-Истории выходит, что всё невозможное вдруг и случается: как случилось внезапное падение страны на колени перед Западом и её похабный бросок в Запад, так, видно, случится вдруг и обратное — *восхождение РФ до России!* Как? А на этот вопрос пусть отвечает сама реальность, — одно тут ясно, что не без насилия — что объективного, что субъективного, что магического, чуть ли не потустороннего, — факт! Факт, конечно, да вот пока не фактический факт, хоть и не надуманный: всё так быстро ныне меняется, а тут ещё война, межми́ровая конфронтация, борьба не на жизнь, а на смерть, нарастающий экзистенциальный напряг, всё более очевидная безысходность, — то-то будет!

* * *

Печальная и горькая новость: в Москве в собственной машине подорвана и убита молодая женщина, журналист (и военный тоже), политолог, философ, дочь известного в стране выдающегося философа и мыслителя, с которым автору этих строк приходилось многие годы творчески общаться, причём убита на глазах отца (теракт осуществила по данным российских спецслужб украинская спецслужбистка, сразу же после гнусного акта умыкнувшая на авто, меняя номера, за границу, в Эстонию, а там уж… кто знает… правда, объявленная РФ в розыск, да не в ней в общем-то дело, да и вряд ли она будет поймана и достойно наказана. Страна, во всяком случае, её патриотически настроенная, можно сказать, что и гуманитарная, часть, потрясена: каково, какая выбрана цель, да и в виду Москвы! И ещё: теракт, конечно же, многоцелевой и многосмысловой, ибо объявляет о войне уже не с Россией, не с армией, даже не вообще с населением, а с самим гуманитарным мозгом России, ещё при этом и девическим, не говоря о знаменитом в стране и за рубежом гениальном отце — выдающемся гуманитарии! Сердце и ум требуют *возмездия,* быстрого и неотвратимого, с прямой охотой на заказчиков и их уничтожением. Состоится ли *такое?* Вряд ли! А ведь не то что перейдена красная черта, а вскрыта болевая точка невозврата: девушка — гуманитарий, гражданский человек, отец — то же самое, только куда более что-то великое, что не умоляет личности дочери, а лишь её возвышает. Нет, не будет приказа «Огонь по штабам!», а будет становящаяся тягомотной бессрочная пауза с разговорами о будущем новом «Нюрнберге», о массе заводимых уголовных дел, о будущем справедливом-де суде и т. п. хрень: своих как бы и не жалко, они почему-то обречены быть лишь жертвами и почему-то всегда немедленно не отомщёнными. Беда! А ведь какой был шанс ответить — за дочерь России, за её отца, за всех истинно русских (не только по крови, а и по убеждению)! Аз воздастся!

* * *

Гуманитарная наука исчезает аки отжившая ненужность; философия свёртывается до не более чем историо-культурного артефакта, да и то философия не отечественного по преимуществу толка; какая-либо пригожая национальная идеология отсутствует как чуть ли не заказанная невозможность для нынешней РФ. Ежели Ленин прикрывался «вечно живым» марксизмом, а Сталин — неоспоримым-де ленинизмом, то бишь оба исходили из модной тогда материалистической псевдофилософии,

то сейчас у действующего режима нет ничего из идейно-утвердительного, кроме фи́гового листка в виде евроамериканского образа бытия-небытия, якобы для страны-РФ образцового, а теперь, по причине конфронтации с Западом (не отменяющей, впрочем, приверженности «родной» псевдороссийской элиты к Западу как к подражательному примеру), в виде уже фиго́вого листка не существующей полноценно даже в роли идеального образа, но зато лихо преподносимого властями и её юркими пропагандистами, симулякра по имени «Россия», а фактически-то всего лишь Раши. Можно возразить, что, мол, всё, почти всё или же очень многое в нынешнем мире из гуманитарного, да и не только, не что иное как симулякр, даже и якобы традиционное теперь там же — в симуляции, ибо и сам мир уже при помощи политиков да расплодившихся донельзя симуляционных media, включая и замечательный Интернет, есть не что иное, как грандиозный (монструозный) всепланетарный (глобалический) *симулякр* — СИМУЛЯКР! Если кто думает, что перед ним, его образованным умом и проницательными глазами, адекватная картина мира, то он глубоко ошибается: никакой адекватной картины мира у него нет, как, собственно, и никогда в цивилизованном человечестве по сути-то ни у кого и не было, просто реальность лишь меньше зависела от того, что вещали политики, философы, учёные, журналисты, психологи, писатели, актёры. Сейчас же зависимость от говорящих и пишущих симулятивных голов куда как выше, да и такие понятия, как культура, цивилизация, общество (социум), государство, право, даже и война, настолько ныне «смухлированы» и закомуфлированы через посредство даже не так осознанной лжи, как вольной бессодержательной болтовни. Так вот и живём, опутанные не сильно в обыденности заметной, но цепкой, липкой и гадкой, симуляционной *сетью!*

* * *

Любопытнейшая, понимаешь ли, возникла в человечестве гуманитарная ситуация: причём не так от разгорающейся в мире *войны всех против всех,* что само собой, а… не поверите… от отсутствия каких-либо устойчивых и необходимых для совместного, да ладно бы международного, а то ведь и внутринационального, бытия… ***понятий:*** теперь мир человеческий, много и живо болтающий, оказался как бы *без понятийного языка,* а ведь язык с его понятиями вроде бы из основных и наиболее отличительных достояний человека как человека, а не только как одного из представителей звере-животного мира. Итак: с языком вроде бы, да вот… *без понятий!,* а ежели и с понятиями, то с любыми, нарочито

или походя выдуманными, просто слетающими с языка, а что особенно стало модным — *беспонятийными,* — и ничего! — жизнь, которая в общем-то нежизнь, идёт, и движуха есть, и удовольствия с наслаждениями, и загадочные пандемии, и внезапные смерти, хоть и при большей по срокам жизни-нежизни, отчего и всеобщая погибель как бы уже на подходе, вовсе и не обязательно, что термоядерная, а так… как раз *беспонятийная!* Вот и времечко пришло без Времени, ибо Время, вообще говоря, это ведь что-то идеально содержательное, а тут… *пустота,* так что это даже и не времечко, а самое настоящее… *безвремечко:* Время как бы ушло на тайную встречу с Вечностью, оставив вместо себя это самое *безвремечко,* то бишь БЕЗВРЕМЕНЬЕ! И тут опять выскакивает из понятийного загашника сакральное и вовсе не добренькое ни к кому из словоохотливых фигурантов, да и к самой безврме́нной эпохе (эпохе ли?), *Обречение* — в этом разе вполне и карательное: за алчную гордыню болтливых фигурантов да за подложную подлость ультрасовременности. *Паскудное безвременье!* Разве не так? Куда ни кинь взгляда, о чём ни подумай, а от многого вокруг, слишком многого, одно лишь устойчивое послевкусие — досады, отвращения и тошноты!

* * *

Занудная стариковщина? Не без этого, да что делать, коли привык жить, пусть и не без людских нелепостей, изъянов и пороков, но всё-таки среди людей, по-людски, в обществе, а не в крупообразной вроде бы людской массе, пусть и жить с долей кое-какого антимира, но не при его почти уже полном преобладании, если уже и не при его чуть ли не окончательном господстве. Да, взошедший к нам и расцветший у нас не без нашего (точнее же — ненашего) культивирования нынешний *ультрамодерновый антимир* немало по-своему (дьявольски) привлекателен, гибок, ловок и прельстителен, хотя при этом по-своему (опять же дьявольски) уродлив, ужасен и отталкивающ, однако это не какой-то там засевший в уголку почти что безобидный мирок, а мало что самый настоящий злой *мо́рок,* так ещё и беспощадный *истребитель* всего человеческого в человеке как человеке, оставляющий на месте человеческого мира вполне себе уже *постчеловеческий,* пусть и подвижный, бодрый, мечущийся, как бы и живой, даже на вид и людской, *постмир,* он же и *погост,* вполне себе как раз уже и не людской. От всего, почти всего, ну пусть от многого, правда, слишком уж многого, из так называемого «современного» попросту претит, вызывая отторжение, обиду и презрение. Да-да, именно так: *отторжение,* что понятно, *обиду,* хотя бы

за жертвы предшествовавших и даже нынешних поколений (да ещё и за какие жертвы!), и *презрение,* изрядно оправдываемое лицемерием, лживостью, подлостью этой самой «современности», её безудержной алчностью, тупой бессердечностью, бесовской пошлостью, разумеется, это всё по преимуществу в гуманитарном, пусть и в еле ещё дышащем, смысле. Какая теперь гуманитарность, не говоря о гуманности, гуманизме и прочей безнадёжно проигравшей, надёжно отторгаемой и скрупулёзно выветриваемой из людского общежития гуманитарной чепухи! Скверно, но факт, особенно и не замечаемый «людями», в особенности же как раз вполне себе уже пустоголовыми профессиональными гуманитариями.

* * *

Надежда! На что же, кроме, как на Господа Бога, на Софию, на Иное, на Великое Неизвестное, да ещё разве лишь на какое-то *иное* Обречение, как раз и производное от всего выше перечисленного, или же прямо надежда на *всё-ещё человека,* его спасительные деяния (не смешно ли?), если уже не попросту на «ход вещей», то бишь на самодвижение реальности (как бы и на авось!)? Вообще без надежды — этой *великой экзистенциальной иллюзии* — никакой жизни-то ведь нет, — как, скажите, без надежды-иллюзии преодолевать те же тяготы, невзгоды, болезни, потери, утраты, да и те же разочарования, измены, предательства, обманы, продажи, подсидки, подсечки, тот же страх, что там ещё? Да никак! Только надежда, только иллюзия, только мечта, только умозрительный проект, только ничем не оправданный оптимизм, только доверие к недоверчивому будущему! Пришлось ли автору сих гнусных строк всё это надеждо-иллюзионное испытывать самому? Не просто пришлось, а постоянно, пусть и дискретно и по разным поводам, немало и вполне себе реально испытывать, разумеется, с переменным успехом, более всего, конечно, личным успехом, а вот с не личным, а общим… э-э… тут уж где большие надежды (не по силе, а по масштабу), там и, увы, большие, пусть и не сплошные, разочарования: Бытие-История как катилось всегда *по-своему,* так и катится, конечно же, мало пересекаясь с людскими надеждами, ими никак не дорожа, им и не следуя. Здесь трагедия… нет, не драма вовсе… а именно *трагедия* — ТРАГЕДИЯ!, ибо, увы, как поведала перед уходом из жизни одна православная старица из СПб: «Сатана-то в силе!», — и не сегодня лишь он в силе, даже и не вчера, а, знаете ли, уже давненько (не будем искать отправные сроки, ибо тут всё бессрочно, как бессрочна война меж «людями»: что некогда, что тогда,

что сегодня). Обречение тут жёсткое: что на вышеуказанную трагедию, что на ту же безысходно-бессрочную войну, что на жизнь в обнимку с нежизнью, что на выбор без выбора, а как же иначе?

* * *

Время, вперёд! Верно! Да вот куда? Да и с кем? О-о, какие скверные вопросы, на которые не то что нет ответа, а за которыми, увы, скрывается всего лишь одно — *неистребимая пустота,* — так что отвечай, не отвечай, а ничего, кроме Иного и Неизвестности, да и то в бесконечности, не обнаружишь, даже потопа или землетрясения какого-нибудь, даже термояда, зато узришь её… *пустоту* — ПУСТОТУ!, причём при вроде бы живом человечестве (пусть уже и полуживом постчеловечестве), да вот бытующем (ежели ещё бытующем) в полной… нет, не темноте вовсе... а в сверкающей огнями и многоцветием *пустоте* — в умах, душах, сознании и бессознании, как и в безумии тоже. Вечность, в отличие от Времени, ни шутить, ни разглагольствовать, ни кувыркаться не любит… бац!.. и… НИЧЕГО!, — так куда в таком разе и с кем идти, господа-товарищи?! Не-ет, вовсе не к счастливой жизни, а как раз к счастливой *нежизни,* что и почувствовал наш бесшабашный народец, напялив на лики свои мертвецкие маски, рассыпавшись аки крупа, замельтешив аки тараканы, хамя налево и направо по скверной балаганно-городской привычке, не признавая и не замечая *другого,* не будучи уже ни в каком совместном по общежитию социуме. Что-о, разве не так? Уж лучше на себя, кума, оборотиться, как и ку́му сие тоже не помешает — *всем!* Да вот что-то не спешат соотечественные кумовья и кумушки заглядывать в проявочные зеркала, чтоб не увидать там ненароком рожи свои — мало что кривые, так ещё и… *никакие.* Опять лжа, опять поклёп, опять навет? Что ж, может, и так, да попробуйте-ка, милые сограждане-оппоненты, сие опровергнуть, да ещё и с неопровержимыми, как вы любите, аргументами! Что-о, слабо, невмоготу, страшно? А коли страшно, то уже хорошо!

* * *

Дурить людей можно, даже подолгу и бесподобно, но, во-первых, с неизбежными дырами, лажами и провалами, а во-вторых, до некоторых всё-таки пор, которые дурящий обычно не замечает (затмение, понимаешь ли, от успехов), а дуримый вдруг сие протестно и злобно осознаёт, либо сам дурман, энергично ослабевая, куда-то вдруг улетучивается. Примеров того и другого хоть отбавляй, хоть для тех, хоть для этих тоже.

Дурение со стороны верхов никогда не прекращается (выхода нет), а вот осознание со стороны дуримых низов, что их дурят, непременно к ним приходит (тоже ведь выхода нет). И что же? А ничего: что бывает, то и бывает — Иное с Неизвестностью, оплодотворяющие Обречение, об этом заботятся, а вот с Обречением людишкам играть боязно, и не потому, что не позволено, ибо всё хоть в светлую, хоть в тёмную вершить ныне позволено, как и не потому, что предосудительно, а попросту крайне опасно: не то что непродуманного, а попросту *не того* одного хода бывает достаточно… раз!.. и на Кавказ, как говаривали в старину, а теперь вот не на Кавказ, а прямо туда — в Тартарары, что не где-то там в Космосе, а прямо здесь, на Земле, в стране, среди людей — что простецов, что успешников, что пустомелей, что гордецов, что приспешников, что умников, что насмешников, что пересмешников, — всё одно! А у нас, кажется, с «энтим» дурением явно уже заигрались, глядя сверху вниз на столь удачно дуримые массы соотечественников, ещё и взирая горделиво, хотя и попрежнему вожделенно (ох, какая опасная тут несостыковка!), на тот же Запад. Обречению-то всё равно, у кого и где особняки с осчастливленными чадами — там или здесь: обмануть можно особей, народ, страну, но… не Россию, не русскость, тем более уж, не Господа Бога, не оставляющего русский мир, в котором не то что ещё теплится приглушённый огонь, а и как-то незаметно сей огонь разгорается несмотря на затянувшееся дурение и его — сие дурение — не очень, быть может, пока осмысленно, но уже немало и отрицая. Не замечается? А напрасно: надо видеть и невидимое, да ещё и в первую очередь! О-о, как случаен и непредсказуем *этот*, ведомый *оттуда,* мир, особливо *русский!*

* * *

«Нам не дано предугадать… что, как, когда!» Факт! Никому! В этом вся прелесть и есть, точнее, была, когда можно было быть уверенным, что будущее непременно будет… э-э… может, и нехорошим, даже и плохим, но… *будет!..* э-э… так или иначе *человеческим,* даже и злым, и скверным, и беспощадным к человеку, надо было лишь быть готовым ко всему, отчего и бдительным, стойким, борческим. Теперь другое: *светлое будущее без человеческого будущего!* Америкосы не придут нас убивать, ни им, ни их адептам этого не надо — сами себя поубиваем, да не физически, что не так уж и важно, а духовно, морально, поведенчески, социально: был «чек» и нет его! Да, есть надежда на спасительную миссию идущей уже войны, но ведь при условии, как было уже сказано выше,

победы над собой, а как она вдруг явится, это самая из невероятных и невозможных побед? — *порча* слишком велика, почти что и необъятна, вроде бы ещё не паралич, а вот *повреждение* налицо, да ещё какое!, хотя резервы у нашего человека как человека ещё есть и их немало, да вот как их завести или как они сами заведутся — во *спасение* — СПАСЕНИЕ! — кто ж знает? Да, остаётся Надежда в связке с Обречением, а что ещё, коли верить почти уже невозможно, а не верить ещё невозможнее. Да, убитая сатанински дева (русская Дева!) ушла душой на Небо, став жертвой всего так называемого ультрасовременного времени, а не одних только подозреваемых в её убийстве «укров», но что *это* для нас всех значит… да-да… не важность победы над «украми», хотя она вроде бы и возможна, хоть и очень проблематично возможна, ибо вполне возможное военное поражение «укров» вовсе ещё не победа над ними, но нам нужна, повторяем, нужна, как воздух, *победа над собой,* что хоть и явно необходимо, да пока, как кажется, вряд ли возможно. Что же ещё должно произойти, чтоб вполне опомниться и начать всерьёз действовать — сверху до низу, на всю глубину и во всю ширь, что?

* * *

Велика в Отечестве потребность не в игрово-пиарных, мистифицирующих реальность, а в настоящих, то бишь граждански-человеческих, обращениях власти к народу (уже и не к населению), чего как не было, так и нет (ничего *такого* не говорящие послания верховного ручным депутатам сей сакральной функции не выполняют). Народ в неведении ни настоящего, ни будущего, ни даже прошлого. Всё идёт так, как идёт: нельзя сказать, что народ житейски сильно и вообще недоволен, что ему не близка вестернизованная (сытая и разгульная) современность — близка ведь и весьма он доволен, а война… что война?.. народа она пока всерьёз не задела, так что всё впереди, но ни консолидации нации (вокруг кого или чего?), ни избавления от практически уже субстанциональной несправедливости, ни преодоления разгулявшегося сатанизма с его торжествующим фальшизмом, и т. д., и т. п., в общем никаких ныне остро потребных социо-полит-хозяйственных, а в общем-то экзистенциальных, перемен. Своеобразная «ситуасьон»! А война идёт, разгораясь, и мало того что не скоро прекратится (когда?), но и на никому не известных условиях (каких?) — тут новейшие ракеты не помогут, да и ядерное оружие тоже: «укров» ничем не пронять и никак не переделать, а оккупация Украины, которая о-очень мало вероятна, обернётся концом если ещё не России, то уж РФ точно! Надо ли *это* нам? Нет, конечно,

не надо, а что надо… э-эх… повторим снова, *победа над собой,* что, сами понимаете, без большой катастрофы, видно, никак уже и не возможна! *Тупик!* Да, бытийно-исторический тупик, из которого выход найти уже не в силах человеческих: не найдётся, да и искать, что самое главное, никто из ныне предержащих не будет, ибо порча вокруг, повреждение, деградация, причём всего сразу из идейно-духовно-социально-культурного, а исключения… что исключения?.. на то они и исключения, чтоб хотя бы огонёк тревожный поддерживать, от которого может что-то спасительное и разгореться, да вот как, ежели без раздувающей пламя катастрофы, да ещё и с чудом каким-либо сопряжённой. Ох-хо-хо, вот и задачка с бесчисленными неизвестными! Может, модная ныне цифроэлектронная математика подскажет или уж прямо сам искусственный разум?!

* * *

Вернёмся к Обречению: кто на что обречён, тот с этим и идёт по жизни. Даже судьбоносные коррекции входят в состав Обречения. Можно назвать это и фатализмом, и фанатизмом, и безумием, какая разница! Автор этих строк к чему-то по жизни стремился, питаясь надеждами, а жизнь, она же и судьба, распоряжалась во многом по-своему… нет, вовсе не худшим образом, даже и с немалым в пользу сего автора везением… но тут важно, что… *вела,* пусть и как-то сообразуясь с желаниями и действиями самого ведомого. Возникавшая иной раз возможность выбора вроде бы уводила его от Обречения, но свершавшийся им время от времени выбор оказывался более исполнительным рычагом, чем противником Обречения, отчего со временем всё и ставилось на свои места, возвращая его личную жизнь на предопределённый ей путь. У всех ли людей выходит так, как это им судьбою даётся и ими самими преподносится, кто знает, а потому настаивать на каких-либо конечных утверждениях тут не станем, как не станем и отходить от своего понимания Обречения, что видится весьма убедительным, подкрепляясь хотя бы личным экзистенциальным опытом, да и опытом большинства избранников того, что обычно называется *фортуной.* Мог ли тот же Пушкин не стать Пушкиным? Вроде бы мог, да вот не стал, и даже с жизнью своей покончил как Пушкин. Что-то подобное можно сказать о судьбе каждого из заметных исторических персонажей, как раз из тех, кого постигла беззаветная творческая юдоль: такого рода творец куда более в плену Обречения, чем на свободе от него с её каким-то там произвольным выбором. И в таком творческом пленении мало чего счастливого, хоть и хватает

чего-то явно возвышенного, однако лишь в случае победы — *над самим собой,* в первую очередь, а уж потом… нет, не над соперниками, хоть это и бывает, а над… *людским контекстом,* а у кого-то из творцов и с ощущением даже триумфальной победы, но это более из области изящных искусств, чем из сферы вовсе не изящных идей, где всё случается далеко не так сразу и далеко не со всеми творцами, ибо тут в приоритете всё, что угодно, но только не идея как таковая, — тут ведь в ходу, на ходу и по ходу обычно побеждает всего лишь более сильный, ловкий, изворотливый, беспощадный, частенько и просто чертовски бесстыжий, хотя и бывает, что в меру творческий, нередко даже и весьма, да вот всё-таки *не такой,* не особливый, не экстраординарный, не поцелованный Богом!

* * *

Гуманитарная сфера, в особенности идейная, буквально забита безоговорочными идеями, составляющими непременно безусловные и бесспорные идеологемы, идеологии, догматы, некоторые из которых слывут за научные, как бы и тоже абсолютные, отчего сама гуманитарная наука выглядит более всего попросту догматизированной идеологией. И выходит, что либо примыкай к чему-то утвердившемуся и даже господствующему, либо чеши в отвал, в маргинализм, в лучшем случае на периферию, а то и вообще в бдительное отвержение с одиночеством и забвением. Творчество как самостоятельная идеальность обычно не поощряется: тут же поспешают надуманные пределы, является сноровитая давиловка, а при случае включается в дело и прямая беспардонная атака. Подавляющее большинство гуманитариев — не более чем адепты (адвокаты, апологеты) чего-то уже существующего, утвердившегося, господствующего, хоть часть из них и пытается что-то сказать новенькое в рамках любезной им общепринятой парадигмы и какого-нибудь практикуемого всеми дискурса, однако тут многого не скажешь, не попав в разряд отщепенцев, уклонистов, ревизионистов или даже еретиков. Многие из гениев, не порвавших с догматикой, попались на эту удочку — *еретизма,* причём всё равно какого: научного, философического, религийного. Гуманитарная сфера по обыкновению не для поиска, а для подтверждения, развития и популяризации уже добытых ранее и вовсю доминирующих истин. Вообще истина — это ведь не правда как таковая, а в лучшем случае её общепринятое подобие, хотя и, надо заметить, всегда до некоторых пор, пока не наступает для «истовой догматики» момента её кризиса, а то и краха, пусть и не всегда заслуженного (в догматах тоже ведь хватает гуманитарно ценного), а потому и, как тоже бывает,

не без возвратного ренессансного возвращения «незаслуженно отвергнутого» (но не забытого). Что касается автора сих строк, чья жизнь прошла при очень разных социальных строях (от социализма с СССР к капитализму с РФ) и политических режимах в родной стране (сталинизм, хрущевизм, брежневизм, «чернодыризм», горбачевизм, ельцинизм, а теперь вот, пусть извинит меня верховный, уже и его «изм»), не говоря о знакомстве автора с евроамериканскими и иными зарубежными строевыми и режимными примерами и их немалым в общем-то знанием, то ему — автору сих строк — удалось, пройдя сквозь и мимо бытовавших и бытующих догм, выйти на путь самостоятельного идейно-гуманитарного поиска и кое-что *этакое* лично сотворить — не имеющее аналогов не только в отечестве, но и в мире.

* * *

Что же это такое, это самое *этакое?* Да всего лишь *иное мировоззрение,* а лучше сказать — *мировидение* и *мироведение,* отчего и *иное понимание* мира и всего в нём происходящего, но такое, которое идёт более всего от *самого мира,* — причём вполне идеальное, пусть и *объективно идеальное,* — а *не от человека,* на него взирающего и его пытающегося по-своему протрактовать. Всё вокруг — *иное,* вовсе не такое, каким кажется науке, особенно гуманитарной, каким представляется философии, особенно научной, каким представлено религиями, особенно старательно задогматизированными. Да-да, жил-жил, познавал-познавал, творил-творил, да вот и вышел на это самое *Иное,* уже и с большой буквы, которое как реальность текущую пронизывает, делая её по сути другой, так и за реальностью таится, за ней *приглядывая* и её *по-иному* изменяя. Открытие, так уж открытие, ничего не скажешь — ОТКРЫТИЕ! И что же? Да ничего! Изыди, открыватель, ты только всем мешаешь, ибо ни понять тебя, ни в уже давно свой ладно ухоженный и щедро унавоженный догматами огород пустить, ни согласиться с тобой хотя бы на йоту! Что тебе мешало быть с нами, присоединившись к любой признанной парадигме, действующей теории, общепризнанному дискурсу? Ведь ты много хорошего в общепринятом идейном контексте успел сделать, тебя знали, приветствовали, признавали. Остался бы лучше марксистом, признал бы новейшие веяния оттуда — из-за атлантической лужи, пусть даже и ушёл бы от застаревшего марксизма, став адептом либо неомарксизма, либо даже и постмарксизма, но без какого-то там *Иного:* дурак, да и всё! Зачем тебе это *Иное,* которое никто из правильных гуманитариев за исключением редких, очень редких, неправильных единиц,

не понимает и не признаёт, которое не то, что не в тренде, даже и не в рассудочном и никому не нужном, кроме оболваниваемых им «студиозов», мейнстриме. Зачем? Чтобы ответить на такой вопрос содержательно (аргументированно), а по сути-то на него не отвечая, ибо сие не нужно и практически невозможно, надо вновь обратиться к неоднократно здесь повторяемому *Обречению* и задаться другим вопросом: испытал ли его наличие и действие сам автор обращения к *Иному?*

* * *

Разумеется, испытал, особенно когда, расставшись с надеждами и иллюзиями, осознал, насколько достигнутое им в самом деле никому, опять же кроме единиц, не нужно, да ладно бы официалам, в том числе и от науки («инквизиторам», так сказать), но и всем остальным в сфере «высокого знания» (более всего «ремесленникам», так сказать, как раз тем, которые называются обычно «коллегами»), а осознав, понял, что его тащил вперёд не исследовательный зуд, не желание быть первым среди равных и уж, не дай бог, обрести над ними ментальное превосходство, да ещё и ради какого-нибудь лукаво практикуемого в сфере науки «почётного отличия», а тащило… *Обречение* — эта мощная, неумолимая и неодолимая сила, которая подхватывает в один прекрасный момент своего избранника и тащит его, тащит, тащит, да вот куда? Вот его лично, протащив через философию хозяйства, вытащила к Иному, как и к тому же Великому Неизвестному, отчего всё гуманитарное происходящее, как и сами в нём участвующие личностные, коллективные, классовые, клановые, государственные, культо-культурные, вообще страновые, союзные, международные и иные субъекты, стали вдруг… *иными,* вовсе не такими в сути своей, какими изображаются что в прошлой, что в текущей, уже, правда, захромавшей на обе ноги, гуманитарщине — что в научной и философической, что в политической и, как принято говаривать, не понимая сути дела, в экономической, что в любой другой. И человек как человек вдруг оказался *иным,* и общество, и любое сообщество, а главное, пришло понимание, что определительное именование чего-либо бывает одно, а суть этого чего-либо оказывается совсем другой, да мало что другой, а и вовсе неизвестной, а что касается исторически вокруг происходящего, так оно течёт себе и течёт, помещая гуманитарно подкованного человече в познавательно-знаниевый заказник, отчего у властей предержащих, принимающих судьбоносные-де решения, не имея никакой действительной осведомлённости о реальности, как и необходимой на то компетенции, одни тайны (госсекреты!), причём

что авангардные, что арьергардные: врут себе и врут, не стесняясь, лишь бы придать себе и своим решениям… *значение* — ЗНАЧЕНИЕ!, а при случае свалить свою неудачу на какого-нибудь попавшего под холодный расчёт или горячую руку из «ихнего» же круга бедолагу.

* * *

Так что никто из человеков в *этом* мире ничего об этом мире по сути его никогда не знал и не знает, а само человечество ищет единственное для себя утешение в религии, в ***вере***, хоть религийной, хоть оккультной, хоть научной, что правильно и делает, правда, что не мешает идейно-концептуальным противостояниям, распрям и войнам, нередко вполне бескомпромиссным и крайне беспощадным. Жертвы! Да-да, именно идеократические жертвы — *непрерывное человеческое жертвоприношение!* И что же? Да ничего: *так было, так есть, так и будет!* Человек инстинктивно не желает правды, он её панически боится, да к счастью её — правды — и нет, её никто не знал и не знает, да и знать не хочет. Всех устраивает та или иная о чём-либо *легенда,* не только заслоняющая правду, но ещё и выдающая себя за правду, а что касается массы гуманитариев, то они не более чем покорные прихожане в разделённом на идеолегенды гуманитарном храме, столь же такие прихожане, как и обычные прихожане в церкви, хотя они ещё бывают и священниками, когда читают лекции-проповеди в тех же университетах, но ежели церковные прихожане и частично священники всё-таки веруют во что-то, вполне иной раз и истово, то гуманитарии, как водится, не сильно веруют в то, чему служат и о чём говорят, даже немало сознавая, что это самая обыкновенная туфта, а ежели не осознают этого, то тем лучше не только для них, но и для их слушателей, впрочем, которых становится всё меньше! Вера в деньги и материально-животный успех куда сильнее веры в любые гуманитарные догмы, включая и религийные. Автор не питает на этот счёт никаких иллюзий относительно любых разбросанных по миру сытых и словоохотливых гуманитариев вплоть до властей предержащих. *Никаких!* Все сколько-нибудь позитивные слова слетают с их уст как не более чем спасительное прикрытие органичного им и их словам… нет, даже не *незнания,* а… самого обыкновенного *фальшизма!*

* * *

У автора сего текста нет и никаких иллюзий относительно деловито развернувшегося вокруг бытия-небытия — последнего и смертоносного, мало того — *суицидного!* Бойся даров, поначалу умиляющих, насыщающих и усыпляющих, а потом оборачивающихся отчуждением, ненавистью и смертью, хоть и не сразу сие случается, а со временем, постепенно, в растяжку. Халтура уже везде и всюду, фальшь, фикция, подделка, да что толку? — ладно бы хоть халтура, а то ведь выдающая себя за натуру, за реальность, за… вдумайтесь!.. правду, развесистая и вполне себе смертоносная бредятина, совсем при этом и не страшная, даже по-своему и приятная. Образумиться бы надо, да вот кому, да и чего ради, коли сами гуманитарии с академическими званиями образумливаться не жаждут, ибо ангажированные они всего лишь подданные властей, денег и довольства предержащих, стало быть всего лишь они обыватели, имитаторы, фокусники, фальсификаторы, что их самих вполне устраивает, включая и пользование ничем правдоносным не заслуженными благами, которые суть не более, чем подношения, отчего и «ни туды и ни сюды»: как замерло всё вокруг гуманитарное, застав гуманитариев врасплох, так и замерло, остаётся лишь свидетельствовать о кончине феномена вместе с породившим его масонским Западом. Показательно, что почти все гуманитарные изыски, включая и религийные, категорически против Софии… нет, конечно, они её признают, но так и настолько, чтобы по сути… не признавать, а всё почему? — так ведь за ней и через её посредство открываются такие смысловые дали, что волосы дыбом становятся, это попервах, а потом и осознание приходит — чего? — как раз Иного, Великого Неизвестного, Небес и той же по-своему великой Преисподней, в которой всё и творится, аки на прядильной фабрике, металлургическом заводе или на скотобойне, а вместе с этим и является *иная* картина Мироздания, той же Земли, опять же и всего живого на Земле, включая и всё ещё вроде бы живое человечество (человечество ли?). О-о, София, София, как же ты страшна для всех любителей установившихся догматов, не говоря о политиках вроде нынешнего турецкого интригана, объявившего константинопольскую (не стамбульскую вовсе) Софию-храм… мечетью, — что ж, увидим, чем это обернётся, да ведь и скоро увидим?!

* * *

Да-а, прелюбопытнейшая получается ситуация: жизнь (пусть и как нежизнь) идёт себе и идёт, хоть никто в ней необыденно ничего и не понимает, может, так и должно быть, и само это непонимание и является залогом жизни (пусть и нежизни)? Да, это так, ибо всё вокруг не то что загадка, как говаривал великий Достоевский, а самая настоящая *Тайна,* вполне себе и с большой буквы даже и заглавными буквами заслуживающая быть писанной — ТАЙНА! Вот с этакой-то Тайной и приходится иметь дело размышляющему нестандартно гуманитарию, не находя окончательного ответа: та ещё участь, оно же и наказание, если не истязание: сознание вкупе с умом и душой есть, размышление есть, а ответа нет, ибо он — *тайна!* И София *тайна,* да ещё какая, но только она идёт иной раз навстречу человеку, давая возможность, конечно, не открыть Тайну, но к ней хотя бы приблизиться, хоть и не без возможной за это платы, да не деньгами, а многим чем другим — как раз неденежным, вроде того же здоровья, а то и жизни, однако и не без кое-какого вознаграждения, опять же неденежного, — какого же?, — о-о, не поверишь, читатель-нечитатель, ничем иным, как недоверием людским к избраннику Софии, его отвержением, даже и к нему презрением, — и этакое вознаграждение посвящённый Софией должен принять аки благо и с ним жить, вовсю и отшельничая, не очень-то рассчитывая на какое-то когда-нибудь широкое понимание. Да, эти строки пишет учёный–гуманитарий, университетский профессор, однако вышедший за пределы учёного академизма, сбросивший с себя оковы масонского просвещенчества и не впавший в никакой поджидавший его догматизм, — и он знает хорошо как цену ему Софией открытого, так и цену воззрений его непонимателей, недоброжелателей и даже хулителей, как и знает, что нет никакой нужды пытаться что-то *этакое* кому-либо, за исключением двух-трёх-пяти персон, распечатывать и растолковывать. *Безмолвие* — истинное достояние софийного мудреца!

* * *

Эти строки пишутся русским, столичным и, как он надеется, софийным мыслителем, да не где-нибудь, а в славном южно-русском портовом городе с многозначительным для нынешней российской и международной современности названием — **Новороссийск,** в котором автор неоднократно бывал и в котором оказался ныне, уже в 2022 г., в августе месяце. И что он увидел через три просроченных из-за ковида

года (с 2019 г.)? О-о, колоссальные перемены: гнездовища новых кубообразных высотных домов, разумеется, какого-нибудь угрюмо неестественного, как правило, серо-грязного, цвета; новые улицы и проспекты, сверкающие искусственным люциферовым светом; обилие новых торгово-развлекательных многоэтажных центров с дорогими кафе и ресторанами, бильярдными, ночными клубами, изобильные товарами, включая и откровенно сатанического пошиба (доказывать не надо); новые и какие-то нейтральные духом церкви; бесчисленную рать авто, из которых чуть ли не большинство роскошных, туда-сюда оголтело снующих по в общем-то невеликому городу; ну и безмерную массу обезличенных, нахмуренных и засевших глубоко в себе людей, не совсем ещё кукол, но уже… А что же не увидел? Да всего лишь прежнего, весьма и уютного, немало и привлекательного, вполне и человеческого города — наследника того самого города — малоземельского, героического, русского, которого уже попросту нет, он поглощён новым агломератом, так сказать, энским, как раз паскудным, смахивающим с моря на какой-нибудь иллюзионный Сан-Франциско или Лос-Анжелес, а то и на сам Нью-Йорк, то бишь на город без лица и какой бы то ни было жизни, но зато с какой же по размаху нежизнью. Хочешь, не хочешь, а… разгулявшийся не на шутку постчеловеческий погост! Тяжёлое для софийного мудреца впечатление: так изуродовать город, так изъять из него душу, так внедрить в него нежить! Но ведь и в Москве то же самое, да и, надо полагать, по всей России. Новая, блин, цивилизация! Изобильная, яркая, цветистая, игровая и… безжизненная! Потребуха, движуха, развлекуха — не жизнь, а людишки вокруг — не человеки вовсе, а лишь исковерканные их подобия. И это за каких-нибудь три ковидных года! То-то будет, причём вскорости будет — искусственное постчеловечество будет, а что, разве не так?!

* * *

Да-а, нынешние властей, богатств, людских душ и умов, народов, стран, media, культур, цивилизаций, да и тех же войн, предержащие надеются, что большинство из осчастливленных ими под их водительством человекообразных скоро просто исчезнут, не приспособившись к искусственному миру и не став вполне (или достаточно) для него искусственными, останутся лишь те, кто останется, обслуживая обыскусственных предержащих, на них трудясь, впрочем, уже и не трудясь, а просто пребывая в автоматизированных и электронизированных преисподних. Вот она — давнишняя мечта человечества о Золотом де веке, — и что

интересно: *сбывается!* Хорошо-то как! И в самом деле хорошо, только глаза у людей почему-то пустеют и склоняются ниц: сказать-то глазами друг другу из очевидцев всего этого блистательно хорошего нечего, ибо многим очевидцам этого всего исключительного и совершенного отчего-то гадко, а точнее всего — *паскудно!* Разумеется, прежде всего для с раньших времён людишек, почему-то уцелевших в результате сатанических преобразований, но не приспособившихся, отставших, замшелых и уходящих один за одним в небытие. Ах, глаза, глаза, они-то ведь всё и говорят, куда как похлеще пришибленных диссертантов и записных от властей и media трепачей, ибо даже как бы совсем замолчавшие глаза не врут, они всего лишь те самые глаза, в которых всё зазеркалье бытия и отражается, кстати, у *всех,* просто у кого-то замерши, а у кого-то, пардон, бегающе, а в тех и других глазах своя правда: либо правда как застывшая правда, либо же мечущаяся за место правды ложь, а другого варианта, кроме правды, включая и правду лжи, у глаз, которые, как известно, зеркало души, попросту и нет!

ПОСЛЕ—ЛОГ

Зачем написана эта никому не нужная, скорбная и занозистая книженция, ведь не нужна она — факт! — да и всего лишь беззвучный вопль она — тоже ведь факт?! Написана она, конечно, не для умных, всезнающих и самоуверенных… *нечитателей,* а всего лишь для себя, для автора, однако, всё-таки зачем, что в ней *такого* и *какой* от неё вообще прок? Подумаешь, *Обречение,* разумеется, с кое-каким *Обретением,* ну и что? Ответ: написана сия книженция лишь для того, чтобы не выглядеть в своих же глазах на старости лет полным дураком, — не более того! Не принимайте, господа-успешники, нас — детей Великой войны, пусть и не самых верных и стойких, но всё-таки сталинцев, за совсем уж наивных вахлаков, не видящих-де ваши гнусные делишки и верящих вашему лживому слову: мы всё достаточно видим и кое-что понимаем, как раз самое главное из того, что творится в РФ и с РФ, как и какова она — РФ — по факту, куда идёт и чем, увы, кончит. Просто не обо всём вполне говорим, лишь на что-то просто намекаем, ибо кое-каким тактом оснащены и весьма въевшейся в нас деликатной осмотрительностью. Знаем, много чего знаем, даже Само Незнание знаем: что из прошлого, что из настоящего и даже кое-что из будущего, что и из Неизвестного знаем, и из Иного тоже, как раз всё то, что и засвидетельствует любой, пусть и очень редкий… нет, не любой, конечно, а мало что редкий, так ещё

и не читатель вовсе, а… *вдумчивый сомыслитель,* а вот явится ли он али нет, так то известно, знаете ли, лишь Господу Богу, да и то через посредство Великого Неизвестного, дружащего с Вечностью и раздвигающего плотные завесы текущего Времени! Нет, мы вовсе *не дураки,* дети Великой войны, а дураки всё-таки, знаете ли, *не мы!*

Post Scriptum

Да, сегодня, уже в марте 2023 г., когда пишутся эти P.S.-строки, аккурат в годовщину войсковой схватки с Украиной (Укронией) и резкой активизации экзистенциальной (идео-геополит-оружейной) конфронтации с Западом, в России идут, а скорее, зачинаются, как обычно, с запозданием, хорошо, ежели не с роковым, кое-какие позитивные для страны и её обитателей социо-хозяйственные перемены, более всего обусловленные неотвратимо мобилизационными (в широком смысле) и чисто милитарными мотивами, а не напрямую концептуально российскими, но всё равно *это* не может не вызывать у автора вышеприведённого опуса искреннего удовлетворения, тем более, что перемены сии идут или зачинаются в чаемом актуальным словоукладчиком направлении, правда, более всего пока лишь в направлении направления, то бишь далеко ещё не на ту глубину и не на тот масштаб, потребные для *России как России,* как раз ещё не на те самые глубину и масштаб преобразований, с заходом в и на которые только и можно достичь реализации жизнеутверждающего для страны и её будущего фундаментального триединства: *«Великодержавие, самобытность, соборность»!*

Аминь!

СТРАДА

Непокорный автоопус
О себе самом — от себя и со стороны

Современность — время *трансгрессии* зе́много мира через посредство *постмодернового* антимира (выражение Ю.М. Осипова), цифровизации, информатизации и искусственного интеллекта в *постмир* (термин Ю.М. Осипова), а человека в *постчеловека*, отчего на пути человечества вполне может встать не что иное, как *бездный хаос* — БЕЗДНЫЙ ХАОС!: из Бездны вышел по воле Господа земный мир, никогда её насовсем и не покидающий, включая и свою человеческую составляющую, в Бездне и сгинет, как раз не без посредства уже *постчеловеческой* составляющей. Здесь никакое не пророчество, а всего лишь вынужденная констатация: проект под названием «ЧЕЛОВЕК», кажется, завершается, хоть смертный человек не может и не должен это рассматривать как непременный императив.

Не игнорируя никакого из возможно-невозможных шансов для будущего пребывания человечества на Земле и в Космосе, а то и в Небытии, осиповская философско-хозяйственная школа имеет сегодня немалое основание, пусть всего лишь шанс, утверждать, что сегодня сокровенный ключ в будущее человечества, причём в любое будущее — переломное, обновлённое или эсхатологически роковое, хоть и в руках противоборствующей между собой великой геостратегической троицы — США с Великобританией за пазухой, Китая и России, но так уж сошлось, а может, и промыслительно предвиделось, более всего в руках, ежели не в зубах, как раз у нынешней, круто противу себя пореформенной, беспощадно перелопаченной, хищнически обглоданной, изрядно вестернизированной, дьявольски соблазнённой и немало развращённой, брошенной в адоподобное существование, однако ни с того, ни сего… поднимающейся, аки атомная подлодка посреди Ледовитого океана, России (РФ), ведущей с Западом экзистенциальную, хоть с предательски торчащими с обеих сторон имитационно-розыгрышными ушами, войну, может, и не на смерть, то уж за *свою* жизнь точно, а с Востоком ведущей неоднозначное, тоже с торчащими отовсюду разоблачительными ушами, «взаимовыгодное» сосуществование, однако при этом способной, в отличие от самоуверенных и занятых поддержанием или ростом своего нажитого или пока ещё наживаемого величия «партнёров»

по троице, к внезапной для мира и самой себя *судьбоносной импровизации* — как имманентно из субъектных глубин вдруг продиктованной, так и насильно выдавленной контекстными обстоятельствами; страна, пережившая за последнее столетие две тяжкие мировые войны и две сокрушительные революции, при этом не только оставаясь в живых, пусть и в новых образах и конфигурациях, но и каждый апокалиптический раз так или иначе вновь поднимаясь, одерживая при этом победы и беря небесные (космические) высоты, эта-то страна способна пойти и на третью судьбоносную пертурбацию, что войновскую, что переворотническую, причём вовсе не так, может, и для себя, как для всего, как это бывало и ранее, планетарного мира.

Россия сегодня — самый чувствительный, плодоносный и даже роковой сингуляр планетарного бытия!

Заключение экстраординарное, к которому Ю.М. Осипов пришёл не просто так, а погрузившись с волнительного рубежа 1980—1990-х гг. в смысло-событийный контент родной страны — России, не избегая его тесной взаимосвязи со столь же смысло-событийным внешним контекстом, став поначалу *россиеведцем*, а затем, будучи уже софийным философом, пройдя немало страдный и даже страдательный путь в познании, открытии и понимании родной страны как её верный сын, гражданин и добросовестный учёный-концептуалист, став последовательным *россиеасофом*.

В 1990 г. Ю.М. Осипов написал, а в 1991 г. опубликовал, первую свою историасофскую работу, выше уже упомянутую: «Перестройка или апокалипсис?», обращённую к протекавшей тогда российской, расплывавшейся аки раскалившаяся лава, действительности, вполне на тот момент статью злободневную, даже и осевого значения, фактически первым заметив апокалиптический мотив всего происходившего в стране и обратившись в его оценке к загадочному и незабвенному библейскому источнику.

Решительно переместив исследовательски-размыслительный акцент с внешней (зарубежный, западной) сферы на внутристрановую, Ю.М. Осипов, глубоко и чувствительно задетый вроде бы внешне антисоветскими, а по сути-то антироссийскими, событиями рубежа 1980—1990-х гг., сосредоточил внимание как на актуальной страновой ситуации, так и на вообще русо-российском бытийном феномене, не исключая ни доисторических времён, ни древних исторических, ни средне-

вековых, ни так называемых новых, ни новейших, напряжённо осмысливая очередное трансгрессивное бешенство, разыгравшееся в стране, ну и, конечно же, маячивший впереди спектр предстоявших исчезающей державе возможных перспектив, не исключая и оппозиционной относительно властно творимому в стране «преобразованию» невозможной возможности, вовсе и не утопической — *сохранения и возрождения генетической предопределённости и объективной геостратегической заданности родной страны*.

Письменным работам и устным выступлениям на различных научных и административных форумах Ю.М. Осипова по исторической и актуальной проблематике России несть числа, отчего всего им проделанного здесь не раскрыть, однако есть, безусловно, веховского наряда труды, в которых нашла отражение, если не закладывалась в своих основах, *философия России* (явное до сих пор белое пятно в осмыслении России как метафизического, а не только факто-исторического, феномена), в которых утверждалась самобытность России как России и раскрывались принципы её самостного существования, а также настойчиво предлагались и отстаивались необходимые для нынешней России постреформенные перемены, как и содержались вполне себе реалистичные, пусть и не самые приятные для патриотического сознания, предвидения.

Руководимый Ю.М. Осиповым *Центр общественных наук при МГУ* вкупе с созданным при нём *Философско-экономическом учёным собранием* (около 400 членов) превратился в очаг… нет, не произвольного свободомыслия диссидентского пошиба, а… свободного альтернативного мыслеизъявления, вполне и ответственного за судьбу родной страны.

Важно при этом подчеркнуть, что обращение Ю.М. Осипова и руководимого им учёного собрания к отечественно-российской тематике (хотя и не только к ней) было пусть и не единственным в стране, но явно для научной и административной среды необычным и вполне себе пионерским, мало того, не просто остросюжетным и точно бившим по актуальным целям, но и явно опережавшим время, что нетрудно заметить, сравнив по критерию реальной достоверности текущее в 2020-е гг. конфронтационное России с Западом «времечко» с недавно ещё якобы «партнёрскими» для России с Западом временами.

Многие годы назад (в масштабе десятилетних измерений) было сказано Ю.М. Осиповым и его коллегами *то*, что сейчас свободно и

охотно культивируется (естественно, без ссылок на чьё-либо предшествующее авторство, а как бы авторски уже своё!), а ведь говорилась *всё это*, когда в стране господствовали совсем *иные,* как раз прозападные и даже антироссийские (как и про-элитно-олигархические), идеи, идеологии и практики, а в страновой интеллектуальной и немало в административной среде преобладало унылое соглашательство вкупе с умным умолчанием, сдобренные чувством и кое-какого небезрассудного страха.

* * *

Автор вскрыл, вполне и уникально, суть уходящей в глубину веков неистребимой *русскости,* свойственной всем русским людям — как *неотмирности,* сделав это, пожалуй что, впервые в истории Руси-России, решительно уйдя от набивших оскомину ходячих и старательно задогматизированных о родной стране презентативно-оценочных измышлений. Автору посчастливилось воображенчески погрузиться в самое лоно Отчизны, разумеется, духовное, идеальное, метафизическое, трансцендентное, что стало для него возможным как вследствие своей органичной принадлежности к русскому народу — труженику, воителю, страстотерпцу, герою, так и вследствие органического знания отличной от отечественной евро-западной заграницы, как раз в весьма успешные для неё времена, причём вовсе не негативного о ней знания, наоборот, весьма и позитивного, однако позволившего сделать вывод о *сеюмирности* этой самой заграницы и, наоборот, *неотмирности,* если прямо не *иномирности*, родной страны.

Да, умом Россию не понять, аршином общим не измерить, да вот и не надо этого делать: Россией надо просто жить, лишь держа сердце своё в России, а Россию удерживая в сердце своём, исходя из того простого, может, не сразу и воспринимаемого, факта, что *Россия как раз и есть для русских не что иное, как их первая и последняя вера* (утверждение-убеждение Ю.М. Осипова)! Трудно, тяжко, почти что и невозможно жить Россией как своей *верой*, а ведь надо, надо! Россия вовсе не идиллична, она немало даже и страшна, однако, либо ты в России и с Россией, а она в тебе и с тобой, либо ты не русский, которых в стране хватает, даже этнически вроде бы русских. Не всякий русский выдерживает экзистенциальный брак с Россией, вышедшей прямо из Бездны и её собою прикрывающей, да вот не ради себя, а ради, надо полагать, ПРОЕКТА — как раз Божиего, исполнению которого есть свой, никому из смертных не известный, а может, пока даже самому Господу Богу Творцу тоже не известный, коль скоро *земно-космическое творение ещё*

продолжается!

Будучи коренным этнически русским, воспитанным в живой русскости, бытуя среди русских людей, Ю.М. Осипов не преминул в обстановке нараставшего в реформенные и пореформенные годы если не открытого поношения, то уж, деликатно выражаясь, лукавого игнорирования, *русских, русскости, русского мира,* не преминул выступить… нет, не ради вовсе защиты отрицавшегося тогда исподтишка, предвзято и злобно родного ему мира, который фактом своего исторического существования ни в какой-такой защите не нуждался… а всего лишь ради очередного характеристически убедительного подтверждения факта продолжения бытия этого мира, пусть и в обывательском измерении, может, не такого уж и благого, и пристойного, и для комфортной жизни не очень-то приемлемого, как и выступить в пользу своей личной духовно-нравственной принадлежности этому миру, причём вовсе не просто этнически сыновней, а и духовно-культурной, причём миру мало что воистину *суперэтническому* (с огромной разноэтнической составляющей), а ещё и миру *мега*этническому, чуть ли не *расового* порядка (не путать с расхожей трактовкой рас и их состава!), исполняющему, осознавая это вполне или нет, какую-то особенную целевую земно-космического масштаба трансцендентную *сверхзадачу*.

Русскость и соответствующий ей русский мир давнего, ещё доисторического, не говоря о дохристианском, происхождения, как известно, более всего ведического, отчего и не сугубо восточно-европейского, а и, что совсем не исключено, ближневосточного, а может, и ещё более восточного, ближе к Индии, вобравшие в себя и продолжающие вбирать всё из земно-космического, не исключая и бездненского, и преисподненского, и неизвестненского, и инаковского, удерживая всё это в себе, переваривая и выдавая на свет Божий аки творческий сингуляр уже как *русское* — потаённое, неопределённое, странное, порой и страшное, а более всего — *спасительно-роковое!*

Хоть и правильно было сказано, что в вере Христовой нет ни эллина, ни иудея, стало быть и русского, но так ведь то ж в вере, а не в реальной жизни, в которой, пусть и пронизанной той или иной верой, находится место и эллину, и иудею, и русскому, мало того, не замечено, чтобы любой из верующих во Христа или того же Магомета этносов отрекался от себя как от этно-культурного феномена, более того, ничто не мешает единоверцам враждовать между собой как раз по этно-

культурному критерию, как и по тому же критерию объединяться, особенно в случае опасности, в единое целое.

И хотя русские по большей части стались православными, это не значит, что между русскими и православными надо ставить знак равенства, а если уж ставить сей знак в связи с русскостью, то исключительно, по Ю.М. Осипову, *между русским и... русским!*

* * *

Быть вполне и до конца русским совсем не просто, точнее, и невозможно, почти невозможно, а то и совсем невозможно, однако приходится, а магическую силу быть даёт не только пример преданных Родине предков, что из коренных русских, что когда-то к русскому миру примкнувших (обрусевших), не только священное для русских этно-историческое Предание, она же и Традиция, а и, что объяснимо лишь в трансцендентном русле, то бишь… вовсе и не объяснимо, но что всё-таки… принимаемо, а именно — *Тайной*, однако не вообще сакральной тайной Бытия, Мироздания, Жизни, Софии, Бога, самого человека, а столь же сакральной особенной тайной — *Тайной Руси-России*, да не так посредством ясного осознавания сей Тайны, а… э-э… как бы само собой, почти что и неосознанно, интуитивно, трансцендентно, ибо быть русским — быть с тайной и в Тайне, мало того — и самому быть тайной, отчего и быть неопределённым, вибрирующим, разным, крайним, неуловимым, непонятным, да ладно бы для других, а и для себя самого тоже, а главное — нести кое-какое неизвестное, но явно сакральное, бремя, трудясь, творя и вытворяя, сражаясь, терпя лишения, жертвуясь, подчиняясь, перенося беды, выстаивая, бунтуя, беснуясь, в общем — то ли живя, то ли всего лишь переживая, а то и не живя, а так… экзистенциально по жизни перебиваясь.

* * *

Худо-бедно, но в стране заговорили-таки, правда, уже с явно развернувшейся экзистенционально-эсхатогенной войной за существование и за будущее, причём заговорили вполне открыто, озабоченно, даже и по-честному, пусть и в ответ на яростную русофобию, на дружное отвержение России-РФ, попытку её изоляции и удушения (гуманисты ведь вокруг!), но таки заговорили, особливо по случаю вдруг случившейся в стране частичной военной мобилизации, а ведь тогда-то, ещё в нулевые и даже в девяностые, приходилось-то говорить мало что заблаговременно, так ещё и в обстоятельствах ладно бы внешнего неприятия

России, русскости, русского мира, а то ведь и внутреннего происхождения ко всему русскому небрежения, высокомерно проявляемого обуянными помрачением и беспамятством доморощенными любителями собственного национального «холокоста», а по-нашему — *суицида!*

* * *

Разве не в ногу с актуальным временем, разве не в интересах России, как раз той самой, что в веках и которая в подоснове нынешней Российской Федерации? А что же всё-таки конкретнее: да всего лишь *экзистенциальная национализация* (тезис Ю.М. Осипова) России, её государства, её элиты, её политики, её экономики и финансов, её образования, её будущего наконец, да не просто национализация России, а и её *россиезация* (тезис Ю.М. Осипова). Что тут несуразного, ненужного, несбыточного, фантазийного, утопического? Ничего! И сама реальность всё это, тогда лишь проговаривавшееся, подтвердила, пусть и не сразу, и не без влияния свершившейся-таки конфронтации с Западом, и с разгорающейся войной с ним, но ведь подтвердила же, причём прямо с момента знаменитой мюнхенской речи российского президента в 2008 г. Она — реальность — заставила вспомнить о великодержавии России, её имперскости; алкать былой всесторонней суверенности; обратиться к традиции; воззвать к патриотизму; сосредоточиться на своём, на родном, на российском, на русском; обратить настороженное внимание на весь всемирный геостратегический контекст; изобличить Запад с его колониально-вассалическим глобализмом; а главное — повести-таки *социально-хозяйственное перестроение* (тезис Ю.М. Осипова), как раз то самое — на марше, с ходу, без разрушения и нуллификации всего и вся, конструктивно, почти и по-сталински!

Да, России, её гражданам-патриотам нужна победа, однако не так над определившимся врагом, хоть это и важно, как над самими собою, отчего нужны *перемены, перемены* и *перемены!* Не будучи ни астрологом, ни шаманом, ни даже великим математиком, Ю.М. Осипов публично указывал на надвигавшуюся войну Запада с Россией уже с середины 2010-х гг., как и указывал на необходимость всесторонней мобилизации, вовсе ещё не сугубо армейской, а всего лишь гражданской: власти, государства, нации, системы управления, интеллекта, образования, воспитания, хозяйства, экономики, в общем — по всему экзистенциальному кругу-фронту. Не делали всего необходимого тогда — по своей воле, делаем теперь — уже по воле жгучих обстоятельств, а на метафи-

зическом уровне — по воле Великой Неизвестности и Иного, по воле Софии, а то и самого Господа Бога!

Однако, была и весьма проявлялась в то время учёная воля, хоть и не близкая физически к высшим центрам принятия судьбоносных для страны решений, но зато метафизически близкая к пониманию возникавших в мире и в самой России (РФ) социо-политико-хозяйственных ситуаций, включая и всё, не сильно тогда в глаза бросавшееся, что как раз и подтверждало тот в общем-то несомненный факт, что *концептуализм эзотерико-метафизического разряда* — сила, причём сила большая, ещё и провидческая, отчего, пожалуй что, и главная!

Война таки ударила в набат, воззвавший к *переменам,* к *перестроению*, к *победе над самими собою,* хотя в тот же самый набат, пусть и не так громко, как война, загодя били и учёные-концептуалисты, да не один десяток лет били, причём нельзя сказать, что совсем не были услышаны — *были,* да вот зависимая от Запада (США) и его (их) глобализма внутристрановая практика не слишком реагировала, а то и вообще не реагировала, на вовсе не абстрактно-сценический, а вполне конкретно-деловой зов отечественного, подотчётного Родине, вполне себе и в смысло-существенном плане передового, *концептуализма,* немало ушедшего от западного сокровенно-масонского и восточного сокровенно-учительского (от гуру, от мудрецов) концептуализмов, если, по скромности, пусть и не вперёд, то уж, по уверенности в себе, в свою сторону, аккурат по *своей* столбовой дороге.

Да-а, *перемены в эпоху Перемен,* — и никак иначе!

ПЕРЕМЕНЫ!

Какие же и почему именно такие?

Вообще-то как раз во многом те самые, что, пусть и не очень решительно и системно, стали-таки осуществляться в стране под давлением войны и той же мобилизации, вскрывшими неготовность и неспособность пореформенной страны и её пореформенной армии успешно вести достаточно «упёртую» и не ограниченную ни в сроках, ни в жёсткости, ни в принципах войну, а не всего лишь локально-краткосрочные экспедиционного характера войсковые действия, а также в связи с императивно санкционированным из-за рубежа бегством из страны иностранного капитала, что ясно обнажило решётчатую «дырчатость» отечественного производительного пространства и непозволительную слабость промышленного потенциала, включая и «оборонку», что как раз

и было следствием нарочитой, безумной и предательской деиндустриализации страны в ходе антироссийских «рыночных», а по сути-то просто геовестоглобалических, реформ.

Однако пока в наличии лишь не более, чем слабое утешение: высшее правление, всё ещё, видно, ориентированное на сохранение, пусть и в изменённом виде, с таким «трудом» достигнутое Реформой, в особенности, капитало-вестернизацию страны, как и верное своей анонимно-потаённой манере во многом имитационного по стилю и плодам управления, не извещает страну не то что о намерении изменить коренным образом модель социума и хозяйства, что как раз и означало бы разворот от прозападного реформизма к *российскому постреформизму* (термин Ю.М. Осипова), что то же самое от Запада и даже Востока к собственно России с органичной ей социальной, политической, хозяйственной, межэтнической и даже военной *соборностью* — СОБОРНОСТЬЮ!, но даже не извещает страну о действующей в ней социально-хозяйственной модели вкупе с её стратегическими перспективами (народ российский, кстати, так и не дождался обращённой к нему «Мюнхенской речи», разумеется, по факту уже «Московской»!)

А ведь иного, кроме соборного, следственно, и народного, выхода из большого экзистенционального кризиса-тупика, которым ныне тяготится Россия, для глубинно и сакрально имперски обусловленной России попросту нет!

Заключение, надо особо заметить, не сегодняшнего дня, а вполне себе уже ушедшего в прошлое тридцатилетней давности дня, что не мешает сему заключению оставаться суперактуальным и сегодня, но, увы, не в полной мере операциональным, ибо движение страны в соответствии с ним обусловлено прежде всего переменами — ПЕРЕМЕНАМИ!, скажем так, в *субъектно-субъективной национально-пусковой платформе,* ныне ориентированной более всего на сохранение себя во власти, на консервацию и умножение своих материально-финансовых обретений и сбережение своих житейских привилегий, да ещё и маниакально вовлечённой в спасительное, как ей кажется, развитие «искусственного интеллекта» с приспособлением к нему, если не впечатыванием в него, перспективного-де людского потенциала, как и всей жизнеотправительно-управленческой системы страны.

А вот на земно-космическом поле нынешней экзистенционально-межмировой брани, продолжая почему-то (или зачем-то) инерционно подыгрывать первопроходческому западному аналогу, сия платформа

менее всего занята себя и всей *страновой экзистенции* преобразованием на *гуманитарно-праведной соборной основе*, — и не так потому, что не хочет, хоть это и есть, а… *не может,* отчего и не идущей со свободой, желанием и страстью по широкой преобразовательной дороге, за исключением вынужденных частичных мер и камуфляжной мифотворческой имитации, как уже бывало не раз в многострадальной истории России в преддверии и в ходе тотальных социо-хозяйственных катаклизмов, когда масштабно менять было остро надо, а действенных мер, как водится в России, со стороны *авторитарного самовластия* не было (примеров рокового сочетания бездействия верха с не менее роковым благодушием «службы» и столь же роковой оцепенелостью масс приводить не надо: последний перестроечно-реформный «казус» ещё на языке и на слуху у современников).

Да, имперская Россия нуждается в наличии в стране, а её народ сие наличие признаёт, сильного централизованного государства и весьма авторитарной власти (иначе, увы, нельзя, что и доказывает реальная история Руси-России), однако… всё-таки *соборных* (!) государства и власти, что в реальности так или иначе довольно проявляется в моменты роковой для судеб страны внешней опасности, когда как-то само собой возникает соборное единение власти и народа, но что в обычной (безопасной) реальности как-то, тоже само собой, умаляется и исчезает, вызывая как общую социально-политическую беспечность, так и протестное со стороны части населения напряжение с сопровождающими его охранительно- карательными мерами власти, отчего ежели, с одной стороны, есть потребность в соборности, а с другой — существует необходимость авторитарности, то, конечно же, *соборной авторитарности,* или же *авторитарного народовластия*, чего достичь вроде бы можно, но, увы, почти что и нереально (разум здесь почему-то непременно отказывает!), а ежели что из этого вдруг иной раз и получается, то, увы, ненадолго, как это случилось с тем же советско-сталинским устроением социума (обратим внимание: повсеместные советы с Верховным советом во главе, партия трудящихся с её съездами и пленумами ЦК — соборность, пусть и напряжённо-силовая!)

Никак не призывая к возврату к сталинизму, что попросту невозможно, да сейчас и не нужно, Ю.М. Осипов лишь обращает внимание на всё более заявляющую о себе потребность укрепления доверительно-эффективной связи между народом и властью посредством, с одной сто-

роны, отхода от заимствованных извне эталонов социально-политической организации социума, а с другой — расширения народного представительства во власти, к примеру, через периодически собираемое *Народное (национальное) вече*, избирающее главу государства (или подтверждающее его полномочия), утверждающее правительство, дающее оценку текущего положения страны и определяющее её стратегические перспективы.

Да, вполне себе наивные чаяния, рекомендации, призывы: текущая на глазах реальность предпочитает иные разрешения — даже вроде бы и разумные, да вот есть ещё *иная реальность,* тоже текущая, да вот как-то не на глазах и не слишком заметно текущая, и она ведь тоже творит бытие-историю, пусть уже и вроде бы не слишком разумно — для текущего правления, зато творит непреклонно, как водится, с непредвиденными для текущего правления следствиями.

У самодостаточной учёной среды хватает терпения и настойчивости снова и снова повторять (почти что и как заклинание): *«Перемены, перемены, перемены!»*, да не какие-нибудь, а ведущие к действительно суверенной и самодостаточной жизнеспособности уникальной, при этом и не закрытой наглухо от внешнего контекста, вполне себе и сакрально миромиссийной, страны.

Без перемен в ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (!) бывает, может, и комфортно, и сытно, и сладко, пусть и не всем именно так и не всем одинаково, но *бесперемeнье* (читай, что и *безвременье*) бывает роковым образом беременно каким-нибудь жутким апокалиптическим катаклизмом: сначала большой социо-хозяйственной катастрофой, а затем, если повезёт уцелеть, уже *такими* (!) чрезвычайно-поправительными переменами, что сие переменье, восстанавливающее жизнеспособное время, никому из охваченного им людства ни малым, ни приятным, ни запросто переносимым обычно почему-то не кажется!

* * *

Россию как Россию не устранить, не отстранить, не остановить, как и не переделать в *не*-Россию, не то что в *анти*-Россию; России не привыкать бытовать в симбиозе с *не*-Россией и *анти*-Россией, отчего эти спутницы ей не страшны, хотя и могут на срок чуть ли не брать верх над Россией; Россия всегда восстанавливается, упрямо возвращаясь к себе, пусть пока и не вполне — до сакрального срока!; горе идущим против России, как и не адекватным ей временщикам-превратителям, а уж о предателях, врагах и губителях и говорить не приходится;

Россия — *прорва,* она в контакте с Бездной, в союзе с Преисподней, в согласии с Адом, отчего у неё всегда в достатке способности, сил и искушения поглотить в своей бездонной пучине любые головы — что те, что эти, кстати, не без вольного или невольного пособления извне, где тоже хватает на то жадной до российских жертв инфернальности; Россия давно уже что айсберг, погруженный своей базисной частью чуть ли не в Навь, а своей надстроечной частью торчащей весьма ныне и нелепо в Яви, однако бурный исторический поток способен запросто перевернуть грузное российское тело, — вот тогда-то миру и явится подлинная Россия — *Россия как Россия!,* — и когда сие вдруг случится, а когда точно никому доподлинно не известно, а ведь-таки может случиться, да непременно и случится, причём, как водится в истории, сие может произойти прямо завтра, разумеется, как всегда невероятно, внезапно и споро, — а уж что и кто вдруг тогда станется опрокинутым в Небытие, то сей сакраментальный вопрос само Небытие, которое никогда насовсем не оставляет Бытия, и всегда ко всему бывает наготове, и решит — через посредство Великой Неизвестности и всё того же Великого Иного.

Таков он — *трансцендентальный план-концепт, он же и судьбоносный трек, она же и карма, России,* чего никому из смертных по воле своей не изменить и уж тем более не отменить, о чём лишь можно не без восторга, разочарования или даже обиды сказать только одно: «*Россия — это Россия!*», как и точно то же можно сказать об *идее России, идеологии России,* которые сводятся всё к тому же — к *собственно России,* даже, как видим, всего лишь к одному слову-имени, да вот зато к *какому!,* в котором, аки в сингуляре, всё главное из исходно начального и исходно же конечного, да и из серединного тоже — колебательного, прерывного, головокружительного — и содержится!

* * *

И тут важен факт подтверждения этим неординарным монографическим коллективным трудом всё *того же,* а именно — сакрального единения всего лишь вроде бы топологического названия страны с её — страны — тайным смысло-идейно-судьботворным ядром, когда в имени исторического феномена (всего лишь номинационном слове) прячется и вся концептуально-содержательная этого феномена суть, что, однако, не требует от дознавателей ни литерной, ни нумерологической, ни любого иного оккультного разряда расшифровки словесного номоса (это ничего путного в данном случае не даст, несмотря на красоту самого

номинационного слова «Россия» и его литерно-звуковую перекличку с «эС-эС-эС-эР»), а лишь требует вообразительного соединения единственного номинационного слова со *Словом — Русским Словом*, исходящим беззвучно от самой феноменогенной реальности, что как раз и возымело место в субъектно-субъективном слове Ю.М. Осипова и его коллег, отчего докучливые разговоры об отсутствии-де у России концепта, идеи, идеологии суть не более чем пустые (и очень вредные!) псевдоинтеллектуалистские россказни.

* * *

Так вот и творится она — *история*, творится через посредство культуры, искусства, словесности, идеологии, мало что противоречиво и витиевато, но и с непременным *выворачиванием реальности* и последующим *выворачиванием вывернутого:* невероятно, вопреки здравому рассудку и благим намерениям, стихийно, хаосно, беспечно, насильственно, жестоко, кроваво, жертвенно, в общем — *по-преисподненски,* отчего и вопрос: «Так где же она — Преисподняя, уж не здесь ли, прямо на Земле, среди нас, в нас, да и не в той же (не во всей, конечно) культуре с её искусством, словестностью, с её идеологией — как вязко охранительной, так и размашисто диссидентской?».

(Кто знал в России в каком-нибудь 1905, 1910 или 1915 году того же Владимира Ульянова-Ленина с его демонически революционным марксизмом, а вот миролюбца и непротивленца Льва Толстого с его критикой существовавшего в России порядка вещей, как и того же Максима Горького с его злобным поношением российской были, приверженностью Европе и жаждой антироссийской революции, знали все из российских и очень многие из европейских, образованных одинаково по-масонски, протестных кругов).

Не здесь ли кроется секрет сталинской, с одной стороны, обращённой к высокой русской классике (не всей, разумеется), а с другой — намеренно целевым образом идеологизированной и жёстко-цензурной политики в области идеологии, культуры, искусства, словесности, как и не здесь ли прячется ответ на всё происходившее в культурно-литературной среде в послесталинское и, в особенности, перестроечное и реформное, уже и круто антироссийское, время?

Уместно поставить вопрос: «А где или какой же тут выход?», как и уместно ответить на сей вопрос так: «Ответ хоть и есть: *любить просто надо Родину — добрую мать и «мачеху злую», любить здесь и сейчас,* да вот… что поделать… *Ад* ведь вокруг, да ладно бы в окружающей обыденной объективности, ан-нет, не только там, но и в людях он, и в той же

ноосфере, а ведь сей субъективный Ад покрепче и пострашнее будет объективного, отчего и разбой, и разбросы, и разгромы, и… и… та же нынешняя война не так Запада с Россией, как *между одним людским антимиром и другим людским антимиром,* — и лишь в глубине заблудившейся реальности вялая оборонительная борьба *всё-ещё-Мира* с нахраписто зарвавшимся *Антимиром,* да пока что без явно прозреваемого спасительного выхода, который не просто «явится-не явится», а который попросту… *прорубать надо!*»

И что же тогда получается: всё идёт по безысходному кругу: *«мир — война — мир»,* как и *«мир — антимир — мир»,* а то и «антимир — мир — антимир», как и «война — антимир — война», разве лишь ещё где-то в этих магнетических кругах мелькают перевороты и революции, да и те ведь суть всё та же безумная война? Почему нет, коли так всё и идёт: и *это* всегда было, есть и будет, и *то* всегда было, есть и будет, и война всегда была, есть и будет, и любить мать-Родину всегда будем, и ненавидеть эту «мачеху злую», и сражаться за неё всегда будем, и драться меж собой неизвестно за что, как и сами с собой, тоже будем, а вот доколе! — да ведь до скончания Времён и их растворения в Вечности, приход чего, между прочим, не обойдётся и без рук человеческих, не говоря уж о головах, их умии и безумии, тоже!

Вот такое выходит у человека *экзистенциальное хозяйствование* (понятие-термин Ю.М. Осипова), творящееся не только через материально-производительный, как и вещественно-разрушительный, труд (хотя кто его, заметим на всякий случай, видел — этот труд — как именно труд?), но и через идейно-словесный труд (которого тоже никто никогда не видел) и тоже ведь труд созидательный и разрушительный, а вкупе — через войновский в широком смысле труд, пусть лишь борческий — всё одно!, достигающий побед и не избегающий поражений, однако анти-Утопно неизменный — как раз, возможно, до выхода человека, упорно чего-то этакого бесконечно страждущего, к абсолютной, лишённой души, страсти и крови, мёртвой Утопии!

* * *

История показывает, на чём настаивает Ю.М. Осипов, что самое судьбоносное в исторической реальности случается как *самое невероятное* и случается в*сегда внезапно*, пусть там и там с содержательными отклонениями и исполнительными нюансами, но ведь непременно случается, отчего бессмысленно с «телячьей» надеждой и непреклонной уверенностью моделировать историю, построяя не только совершенные-де

для будущего проекты, но даже и те же самые прогнозные варианты: настырная история всё равно пойдёт по *своему́*, никем как раз и не предусмотренному, пути (за исключением иной раз увиденного вдруг в общих чертах открытыми небесам незрячими провидцами), а потому здесь, в России, необходимо исходить, углубляясь в будущее, из *мобилизационного* и даже *цитадельного* для России, а в гуманитарном плане — *софийно-соборного,* напряжённого и никак не расслабленного, бытия, уже надвигающегося на Россию и вскоре ею, надо полагать, овладеющего, ежели… ежели в России в достаточной мере ещё бытует инстинкт *совместного самосохранения* и ещё наличествует генотипический ресурс *совместного самобытия,* что, кажется, не исключено, даже весьма и вероятно, но *не-бес-сомнительно!*

Сегодня на повестке дня активная защита России от внешней, — экспансионной и агрессивной, — *антиРоссии* с её изысканно подлым сатанизмом, как и активное избавление России от пут внутренней, — изменнической и для страны суицидной, — *антиРоссии* с её совсем уже не изысканным, отчего и особенно пошлым, доморощенным сатанизмом!

Не для всех соотечественников приемлемо такое видение и интеллект-отражение текущей мировой и российской реальности, её ближайшей будущности (через катастрофу или нет, — всё одно!), и тут ничего не поделать, коли она — реальность — вот *такая — апокалиптическая!*

* * *

Как патриот России, будучи ещё и по военной специальности офицером спецпропаганды, Ю.М. Осипов стал одним из инициаторов и главных исполнителей *Большого патриотического проекта*, нашедшего воплощение с 2009 г. и далее в многолетней череде народно-патриотических собраний (конференций) и в серии из семи объёмных томов народной истории под общим названием *«Мы помним...»* (*«Мы помним подвиг наших отцов и дедов». Книга воспоминаний и размышлений поколений*), в которых нашли приют тексты (мемуары, рассказы, очерки) о Великой Отечественной войне и послевоенном трудовом времени, включая и славные деяния отечественных оборонщиков, тексты, подготовленные как непосредственными участниками войны, ныне её ветеранами, так и потомками советских воинов, — либо не вернувшихся с войны, либо вернувшихся, но уже ушедших из жизни, — с рассказами потомков о своих героических предках, их ратных и трудовых подвигах, а среди авторов

памятных текстов школьники, студенты, люди разных поколений, ветераны армии и ветераны труда, пенсионеры. С появления первого тома серии в 2010 г. проект стал образцовым, за ним в стране последовали и другие аналогичные проекты, включая и массовое гражданско-патриотическое движение «Бессмертный полк». Нацеленный на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, проект, реализуясь как подлинно народный, косвенно работал на поддержание готовности российского общества к защите Родины и в нынешнее тревожное время, что не замедлило и реально подтвердиться с началом вполне себе реальных боевых действий на Украине. Не исключён и первопроходческий духовно-идейный вклад проекта в актуальное народное движение в поддержку воюющей ныне армии *«Всё для победы!»*

2023 г.

СОФИАСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

как инознание и инонезнание

(материал к размышлению)

Какое счастье, что не все и не сразу понимают Слово!

Ю. Семёнов

Победа, коли она вдруг в Слове случается,
бывает по обыкновению не с нами, а *за* нами.

Новый Екклесиаст

Нам не дано предугадать, как Слово наше отзовётся.

Ф. Тютчев

Когда-то известный историк, литератор и публицист XIX в. М. Погодин записал в дневнике после заседания «кружка любомудров», состоявшегося в доме у поэта Д. Веневитинова, где присутствовал и А. Пушкин: «*Пушкин демонстрировал против немецкой философии*». Любопытная во всех отношениях запись, не правда ли? Русский поэт, не только не профессиональный философ, но даже не выпускник университета, однако самодостаточный мыслитель от Бога, до семи лет, кстати,

не говоривший по-русски и в лицее прозывавшийся друзьями «французом», то бишь вполне себе русский европеец, выражал несогласие… нет, не с материализмом или тем же ещё не явившимся на свет марксизмом, а… *вообще* против *всей* немецкой философии, включая и, как совсем недавно у нас говаривали, её идеалистическую, как уже стало принято говорить ныне, составляющую.

Думаю, что Пушкина не устраивала не так сама по себе немецкая философия (чего на просвещённом Просвещением евросвете тогда не бывало!), как сам просвещенческий подход к восприятию реальности, не то что бывший слишком европейским, по сути-то и местническим, сколько принципиально… э-э… нет, не всего лишь ошибочным — этого мало!, а, ежели исходить из взглядов и творчества зрелого Пушкина, *неверным*, но не относительно чьей-либо во что-то веры или какой-то ещё сторонней идеологии, нет, не относительно вообще чьих-либо и где-то там идеократических представлений, включая и отечественные (говорил-то Пушкин среди русских-де «любомудров»!), а, надо полагать, относительно… *самой реальности*, что то же самое — человека, жизни, бытия, мироздания, Бога, причём говорил, разумеется, не затрачивая всего этого из понятийно-категориального (Пушкин не был и не мог быть метафизическим начётчиком), а пытался, видно, сказать, что не в философии, включая и немецкую, дело-то, а в *Тайне* — ТАЙНЕ!, причём сразу всего вокруг, которую никакой не то что рассудочной философии, но даже и мифотварной религии не разгадать, как и вообще никакой откровенческой концептуальностью не заместить.

Сокровенное, хоть и приоткрывается откровению, но никаким откровенным вполне ведь не замещается!

Так ли именно размышлял демонстративный Пушкин или нет, мы наверняка не знаем, но более или менее представляя себе Пушкина как беспрецедентно-трансцендентное на русском словесно-смысловом небосклоне явление, вправе предположить, учитывая, что все русские мыслители-словесники, даже и считавшие себя западниками, даже и несчастные модернистские XX в. ниспровергатели Пушкина, пытавшиеся сбросить его с «корабля современности», все они вышли из-под обмакнутого в чудодейственные чернила острия пушкинского пера, можно вполне достоверно утверждать, что Пушкин имел тогда в виду вовсе не логику бытия, а как раз… её — логики — *отсутствие*, тем более в германо-европейско-философском образе, ибо, продолжая наше в том

убеждение, для Пушкина то же, к примеру, 2х2=4 было в хомо-социальной реальности не более чем частным случаем, а вот 2х2=…Х — вполне себе адекватной для человеческого, да и вообще всякого бытия, алгоритмикой, а для нас — *металогической*, а для простоты восприятия — *логично-нелогичной*, как раз и диалектичной, сочетавшей в одном хомо-социальном бытийственном флаконе сразу полагание чего-либо и его же отрицание, вроде той же пирровой победы.

Пушкин, в отличие от тех же немецких философов и их русских последователей, ничего не выдумывал для хомо-социальной реальности из логического, закономерностного, механического, хотя, надо полагать, и не отрицал наличия всего подобного в окружающей реальности, конечно же, либо как сугубо частных случаев, либо же как навязываемой «неправильной»-де живой реальности «правильной»-де пруссаческой мертвечины: Пушкин видел насквозь хомо-социальную реальность, и не только, заметим, русскую, как бы и безалаберную, но и «ихнюю» — по-европейски де правильную (немецкую, французскую, английскую, католическую, протестантскую, светскую, атеистическую, всё одно!), хоть в Европе Пушкин ни разу не был, даже в Варшаве не был, не то что в Риге (да и зачем, коли он был… *Пушкин*!); а почему же всё-таки он видел сложность, неопределённость, неуловимость бытия? — да всё потому, что *сам был… целым бытием*, а выразить своё сакральное единение с бытием вообще мог не специализированно философски, а всего лишь свободно поэтически, хоть в стихах при этом, хоть в прозе, а главное — не столько словами отыскать и выразить, сколько почувствовать без слов и преподнести засловно, то бишь молча, немотно, отчего и… *незнамо как:* ведически, волхвически, сказочно!

«*Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что*!» — факт, который не просто знал Пушкин из предковской мудрости, а который вполне признавался Пушкиным за истину, а по-нашему — за *метадогматическую истину*, позволявшую не только увидеть реальность *иной* — не германо-философической, как минимум, но и незримо разглядеть прячущееся в реальности субстанциальное, хоть и спиритуальное, и эфирное, и эфемерное, и вообще никакое, *Иное*, как и неощутимо ощутить стоящую за реальностью и на неё непрерывно воздействующую хоть и не субстанциальную, как Иное, а вполне себе и «пустую», следственно, совсем уж «никакую», *Неизвестность*, это уже как максимум!

Иное и *Неизвестность*!

Да, Пушкин об этом всём именно *так*, конечно, не говорил, как и

об этом именно *так*, наверное, и не думал, да ведь не суть важно, что говорил и не говорил, что думал и не думал Пушкин, ибо тут важно, что думаем и говорим мы сами вослед Пушкину, находя поддержку и у многих других русских мыслителей — ментальных сынов Пушкина, отчего и наших воззренческих предшественников, таких как Вл. Соловьёв, Н. Данилевский, К. Леонтьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, И. Солоневич, да и литераторов — Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, А. Блока, С. Есенина, А. Толстого, М. Булгакова, А. Платонова, И. Бабеля, М. Шолохова.

Однако, заметим сразу, что именно *так* — *Иное* и *Неизвестность*, да ещё и в *такой* их трактовке вообще-то никто до нас и не говорил, во всяком случае сие нам не известно, хотя известно другое — об этом заговорила в один прекрасный момент сама *Реальность*, разумеется, открывшись на тот момент достаточно подготовленному её воспринимателю, довольно прошедшему через иные восприятия, ему загодя по возрасту, образованию и чтению данные, однако вполне его в связи с откровенческими перед его глазами и когнитивом событиями 1980—1990—2000-х гг. не устроившие и им как раз через посредство обращения напрямую к разверзшейся вдруг Реальности преодолённые.

Отчего же случилось так, как случилось?

Не так, знаете ли, по причине философии, как, не поверите, по интенциям… *хозяйства,* конечно же, открывшегося автору сего текста сначала как неоднозначное, страдное и страдательное *жизнеотправление* человека и всего живого на планете Земля, затем как жизнеотправление самой планеты Земля, как и ближайшего к ней космоса, но — ещё не всё! — и всего, знаете ли, мироздания, мало того, и Господа Бога тоже!

Мироздание, оно же и миросозидание, пусть и не без мироразрушения — *хозяйство*; планета Земля со своим космосом — *тоже*; реализация Бога-Творца с его человечеством — тоже ведь *хозяйство*; ну а реализация человечества вкупе с природой, планетой и ближним космосом, не говоря уж о Боге и том же Его противнике — диаволе, само собой не что иное, как *хозяйство*.

Вся вокруг вообще Реальность — *хозяйство*, как и вся ирреальность тоже, а целью, или даже задачей, всего этого хозяйства является, о чём может судить человек, удержание Реальности как (в виде-образе) реальности, не без участия, конечно, ирреальности, что возможно, во-первых, в движении (движениях) Реальности, во-вторых, в её изменении (изменениях), в-третьих, с частичными утратами Реальности и её в себя

притоками, в-четвёртых, с рождениями, наличествованием и смертями всего из реального, что как раз и означает присутствие в Реальности, рядом с нею и вокруг неё *Неизвестности* и *Иного*, когда первая, оборачиваясь *Вечностью*, дозволяет Реальности *быть*, а второе, оборачиваясь *Временем*, заставляет Реальность быть непременно *динамичной, изменчивой* и *смертной*, однако и *возрождающейся, бытийствующей, экзистенцирующей.*

Неизвестность — потенциальный «материал» Реальности, Иное — действующий от Неизвестности аттрактор Реальности. То и другое трансцендентно, и человеку (сознанию) является как *незнаемое* прямо из сферы *Незнания*, однако, пронзая насквозь самого человека с его сознанием, позволяет человеку всё-таки знать о наличии всего этого незнаемого и его непреходящем значении для Реальности вкупе с человеком и его сознанием, отчего и *хозяйственно мифологизировать,* и *мифотворчески хозяйствовать*, созидая *своё и только своё мифологизированное бытие*, пусть и походя принимаемое человеком за истинную реальность.

Да, человек хозяйствующий много чего знает — как же иначе хозяйствовать, следственно, и жить? Он трудится, творит, вытворяет, но и, вооружённый знаниями, *со*-творяет, участвуя и продолжая, как ему кажется и не кажется, Творение Божие, а может, он делает всё это, покоряя, как ему кажется и не кажется, Природу, Землю, космос и в той или иной мере вопреки Божиему замыслу, немало ориентируясь, сознавая это или нет, и на интенции противника Божиего — *диавола,* — кто знает!, а что касается человека, то он, хоть достоверно ничего такого не зная — что из первого, что из второго, действует себе и действует, накапливая доступные ему эффективные знания, их со знанием хозяйственного дела применяя и применяя, чем и созидая свой — *очеловеченный* — мир, да не только выводя его из себя, но и из Природы, из Земли, из космоса.

Не слабо, правда?! А ещё более не слабо то, что, хозяйствуя и творя, человек, вроде бы всё для этого зная, не знает всё-таки одного — а *что* — ЧТО! — он на самом-то деле в итоге творит, а ведь творение его, уже давненько вышедшее за пределы Природы, Земли, космоса, сейчас выходит с судьбоносным увлечением человека «искусственным разумом» и за пределы *самого человека как человека*, вновь поставив сакраментальный вопрос о *природе и сути человека как человека*: в каком же из исторических типов человека больше всего человеческого — в неандертальце, кроманьонце, нынешнем «гуманоиде» или же в подступающем чипизированном «робо́»?

Так или иначе, несмотря на свои великие познания и не менее великие деяния, человек, хозяйствуя и творя, действует если и не в полной знаниевой темноте, то уж и не на полном знаниевом свету, хоть и явно зная что-то, однако в лоне всё-таки сакрального незнания, причём такого незнания, которое хоть и открывается человеку по мере и в меру его творческого хозяйствования, но не настолько, чтобы открыть человеку саму Тайну мироздания, остающуюся человеку, несмотря на все его познания, действия и творения, совершенно в исходе и в главном не известной, что и подводит воодушевлённого своим творческим хозяйственным энтузиазмом человека… нет, вовсе не к разгадке сей Великой Тайны, а всего лишь к… *неизбежному в таком разе столкновению хозяйствующего человека с этой Великой Тайной*, что то же самое — Известного с Неизвестным, Этого с Иным, Бытия с Небытием, Времени с Вечностью, а вот с каким исходом для человека и его хозяйства, то вряд ли стоит надеяться на какую-либо заманчивую для человека экзистенциальную альтернативу, кроме хозяйственного для человечества эсхатологического Конца!

Тут самое *оно* — ОНО! — заметить, что *творя* (именно *творя*, а не просто ведя) хозяйство, человек *творит* доступную ему реальность, включая и *самого себя*, не удовлетворившись данной ему Богом (мирозданием) природной реальностью и вступив на путь порождения новой реальности, не только переделывая и преобразуя природу в пределах природы, но и выйдя за её пределы, устремившись к *неприроде*, созидая *свой*, вполне уже человеческий, *искусственный мир*, не остановившись и перед *обыскуствованием самого себя*, а это означает, что человек взял на себя функцию не просто солидарного Богу вспомогательного творца, а и в полной мере суверенного из себя *Творца*, возникшего поначалу вроде бы не более как участника и продолжателя Божиего Творения, а затем, что ясно демонстрирует евроцентрическая просвещенческая, а на самом-то деле богоотступническая и весьма просатаническая эпоха XVIII—XXI вв., самодовольного творца.

А теперь второе *оно* — ОНО!, как раз уже не так хозяйственно-деятельское, как *хозяйственно-осмыслительное*, обусловленное, с одной стороны, ясно обозначившимся новым функциональным образом человека как *неприродного* (или сверхприродного, при этом и антиприродного) *творца*, то бишь как уже *человека-нечеловека* (или даже *сверхчеловека*, при этом и *античеловека*), а с другой стороны — рождением в ментально-духовной (гуманитарной) сфере человеческой экзистенции наряду с мифологией, религией, философией как философией и наукой

как наукой мало что нового, так ведь ещё и… *иного* течения мысли, как раз и поименованного ***философией хозяйства***, что объясняется, с одной стороны, хозяйственно-творцовскими достижениями человека, мало что создавшего свою целостную реальность, так ещё и рискованно-героически вышедшего за край данной ему и не воспринятой им как родной и вполне ему адекватной природной реальности (протореальности), а с другой — единственно возможным обращением на момент осмыслительного порыва человека в сторону своей хозяйственной миссии и её тревожно-поразительных итогов к наиболее свободному от априорной аксиоматики, не говоря о догматике, течению и образу мысли — *философии*, однако не как к новому разделу собственно философии и не как к строго философической манере размышления и описания, что очень важно подчеркнуть, а как к *самостному* наряду с мифологией, религией, философией и наукой идейно-концептуальному потоку агрегативной (целостной, холической) мысли.

Может, философия хозяйства и частность, но большая, самодостаточная, стволовая частность, не игнорирующая никакие другие частности, хоть большие, хоть малые, частично и ими пользующаяся, но при этом и уважающая саму себя, идентификационно относя себя к *самостоятельному потоку и образу мысли*, не испытывая при этом никакого комплекса неполноценности: у философии хозяйства есть что сказать *своего* из знания-незнания, причём выходящего за пределы общепринятых потоков знания-незнания, соответственно — из какого-то ***инознания-инонезнания***, не то что не бывшего ранее, а ежели и бывшего, то не скомпонованного в единое, особое, высокое знание, претендующее на *своё* понимание человека, жизни, мироздания, даже и самого Господа Бога (хотя бы как сакрального хозяйствующего Субъекта-Творца), а критерием мало что особой особости и особой значимости, но и особой адекватности, постигаемой и по-своему отражаемой ми́ровой реальности-ирреальности у философии хозяйства напрямую и в целом служит не что иное, как ***София Премудрость Божия*** — этот сакральный первоисточник мудрости, позволяющий человеку судить обо всём его познавательно занимающем, во-первых, как *не о своём только*; во-вторых, со стороны *Великой Неизвестности* и с учётом *Иного*; в-третьих, с первенством софийной первомудрости, что то же самое — в русле ***софиасофии***, что как раз и означает, что философия хозяйства если и со́фия, то иная со́фия, чем собственно философия, это какая-то *ино*-со́фия, а точнее *софийная со́фия*, где главную смысло-откровенческую нагрузку несёт не со́фия,

а *софи́я* — СОФИ́Я!, то бишь не так *от*-человеческая, как *вне*-человеческая мудрость, однако преломляющаяся в человеке и бытующая уже как и в чём-то человеческая *софи́я*, разумеется, как софи́я с маленькой буквы, а не с большой — как сакральная *Софи́я*!

Софиасофия!

Не будет сильным (и лишним!) преувеличением сказать, что *это* — ЭТО! — высшее на сей момент достижение вдохновлённого свыше человеческого разума, точнее, сознания — и ежели с наукой и философией тут более или менее ясно — софиасофия их попросту преодолевает, вовсе при этом не отрицая и не избегая — то с богословием, или религийным знанием-незнанием, у софиасофии несколько иные взаимоотношения — не так тут преодоление, и уж тем более не отрицание, как, если так можно выразиться, обход цементирующей богословие догматики, как раз тот самый обход, позволяющий, свободно вникая в текущую (протекшую, ныне текущую, возможную в будущем) реальность, *по-иному* судить о ней, исходя при этом *из неё самой — из реальности* — из РЕАЛЬНОСТИ!, избегая любую догматику и не избегая прямого и непрерывного погружения в реальность, которая не просто есть как есть, даже и как делаемая человеком (с умом и безумием, сознательно и бессознательно, лояльно и враждебно, альтруистически и с ненавистью), но и которая сама о себе и о человеке тоже «думает», пусть и по-другому, чем человек, вроде бы как стихийно-объективно, но ведь думает же — *думает*!, отвечая человеку позитивом, негативом, нейтралом, а то и ненавистью вперемежку с местью, а всё почему?, — да всего лишь потому, что человек, влияющий на текущую реальность, не особенно задумывается над тем фактом, что в ней, этой текущей реальности, таится и действует информация ото всего сразу — от прошлого, настоящего и будущего; от локального, ми́рового и сверхми́рового; от Бездны, Преисподней и Небес; от Иного, Неизвестности и Трансценденции, от Времени и Вечности, даже и от самой Вселенской Тайны, отчего взаимодействовать с реальностью — что с тигром в клетке, хоть в ржавой, хоть в золотой, играть, если не со Змием многоголовым прямо у него в логове «по-товарищески» общаться за званым обедом… бац!, и вот оно — *Иное*, уже как *иное самой реальности*, да мало что *иное*, так ведь ещё и *коварно-роковое иное* — кто из человеков, не говоря уж о разного рода правителях, сего не испытал, а-а?

Вот потому-то и *софиасофия* — СОФИАСОФИЯ!, которая, конечно, не ответит раз и навсегда на «вечные вопросы», ибо и не должна

этого делать, не имея на то полномочий от Софии и Господа Бога, не говоря о мироздании, а вот подвести к благоразумию при *игре с реальностью* (а ведь тут, знаете ли, и в самом деле *игра* — на удачу с победой, на проигрыш с бедой, как и на вылет в тартарары тоже) софиасофия, не обременённая догматикой, но при этом обременённая сакральной *мерой* — МЕРОЙ!, всё-таки может, что, кстати, и всегда было свойственно действующим среди реальности носителям первопрестольной мудрости.

А что сегодня, что видит и что может сказать обогащённая софиасофией философия хозяйства, враз превратившись во мгновение всевидящего, мудрого и своевольного ока в ***софиасофию хозяйства***?

Нет, конечно, не только то, что мир зе́мный в кризисе и ломке; что мир зе́мный ныне на экзистенциальном краю, может, и не на последнем, да не так от угрозы ядерного себя сноса, как от самопревращения в тотально-техногенный мир, захватывающий в себя и самого человека, обращая его в пока ещё человекообразного, а затем и вполне себе электронно-механического *технотроника*; что мир зе́мный ныне уже мир без явного будущего — как наличествующей непременности, и т. д., и т. п., нет, конечно, не только, вовсе не только это может ныне сказать философия хозяйства, она же и отныне *софиасофия хозяйства* — тут главное в другом, что как раз и может сказать сейчас вослед автору библейского «Апокалипса» и в унисон с первооткрывателем философии хозяйства и первоадептом её софийности С.Н. Булгаковым только софиасофия хозяйства, правда, с условием признания её как необходимой и неизбежной в глобальное технотронное время воззренческой непременности с откатом вон высокомерного к ней презрения, как к мешающей ходу (бегу) человека в «светлое технотронное будущее» и самой что ни на есть опасной для главенствующего обыденного сознания и расцветшего обывательского благополучия ментально-прогностической угрозы.

О чём же речь?

Да не более и не менее, как о возможности, пусть и кажущейся призрачной… ***преображения человека*** ещё в ***Этом*** — зе́мном, нашем, человеческом — мире, а не в каком-то там ***Ином***, хошь-не хошь, а всё-таки не нашем, не человеческом, не полнокровном, даже не в телесном и не в вещном, не в природном — земляном, растительном, водяном, кремнистом, не в небесном.

Да, о *преображении* тут речь — ПРЕОБРАЖЕНИИ!

И не по чьему-либо на Земле хотению, а как раз совсем даже

не по хотению — кроме, разве, по желанию Господа Бога! — а по *жесточайшей необходимости*, мало того, не чудесным вовсе образом, не «по щучьему велению», не сказочно, даже и не (тем более *не*!) по-научному, расчетному, программному, а в долгой ожесточённой и изматывающей борьбе, может, немало и случайно, казусно, вопреки, даже и чему-то назло, да и в борьбе не так с кем-то или с чем-нибудь внешним, а в борьбе с *самим же собою* и *своим же миром*, совершенно, знаете ли, вроде бы человеческим по происхождению и принадлежности, но вдруг обернувшимся против самого же человека и весьма уже античеловеческим по сути — как раз уже *антимиром*, основательно пораженном, включая и самого человека, самым что ни на есть реальным, а вовсе не мифотворным, не сказочным и даже не только теологически обоснованным ***сатанизмом***.

Сатана — вовсе не только мифологический герой, а действующий в реальном человеческом мире реальный трансцендентный субъект, конечно, исходно не материальный, не организменный, не объектный, а идеальный, сознаниевый, ноосферный, который, реализуясь в продуцируемом самим же человеком *сатанизме*, есть дух, сила, энергия, ещё и текст, образ, сюжет, а вовсе не только, как обычно кажется, призрак, тень, галлюцинация, нет, вовсе нет, он, как было выше замечено, вполне реален, разумеется, как воплощённый в реальность дух, включая и реальность самого человека, превращая споро вершащуюся вокруг людскую жизнь в *антилюдскую антижизнь* (*нежить*), а самого человека в столь же споро вертящегося по антижизни (нежити) *античеловека*, даже вроде бы вполне ещё человекоподобного, даже частенько напогляд чуть ли не благого, вроде бы вполне и человечного, одним словом — *хорошего*!

Сатана с сатанизмом — феномен-событие вовсе не сегодняшнего дня, он-оно — не открытая вдруг явленность, однако вряд ли когда ранее *это всё* имело столь великое в бытии человека значение, — аккурат, кстати, с высокомерным отрицанием сего феномена-события «прогрессивным-де-человечеством» и в момент победы, пусть и мнимо-пирровой, этого «прогрессивного-де-человечества» над Природой, Землёй, космосом, чуть ли и не над мирозданием, не исключая и самого Бога-Творца!

Ежели Бога для человека нет, или же Он навсегда для него умер, то тогда есть *он* — ***сатана***, берущий инициативу в свои руки, *осатанивая человека* и обращая его мир в *сатанамир*, эвтаназийно их — человека и мир — наконец-то в целом и осчастливливая.

Вообще сатана — вовсе не волосато-рогатый козёл или свирепый

бык, да и вообще не страшный зверь, хотя сии жуткие личины ему символически совсем и не чужды, даже по-своему для него и характеристичны — внутренне, конечно, а вот внешне сатана вполне себе человечлив, представляясь зачастую вполне себе благообразным, респектабельным, нередко по-своему и красивым… *человеком,* ибо как ещё привлечь человече и в него войти, прельстить его, соблазнить, завоевать, а попросту — *осатанить*, и самое эффективное у сатаны для сего дела подспорье — полная для человече свобода в желаниях и поступках при полном его — человече — эгоцентризме, когда всё ему позволено и всё ради удовлетворения его эго, а уж матблагополучие с комфортом, потребительскими излишествами, непрерывным зрелищно-игровым пиршеством и телесными утехами тут уж идут в придачу.

Да, себялюбие, да, вседозволенность, да, алчность, причём всё это без ограничений, и вот уже на месте вроде бы человека — зверь, бес, нелюдь, пусть по виду и манерам вполне себе людское комильфо, однако… «Бог шельму таки метит!», а вот как же Он метит сходу *осатаневающих неофитов*… о-о… по-разному, конечно, но… непременно, а уж как конкретно… а что-о!.. разве ничего *такого* не видно, хоть у высших слоёв, хоть у низших, хоть у средних — тут уж всё одно?!

Сатанизм многолик, ловок, лукав, изворотлив, гибок, переливчат, блестящ, но при этом и стоек, и настойчив, и непреклонен, и последователен, и твёрд.

Сегодня на повестке — *экстраординарная историко-экзистенциальная схватка человека (всё-ещё-человека, ежели он ещё есть, а он всё-таки ещё есть!) с охватившим зе́мный мир сатанизмом, чуть ли уже не чувствующим себя полным надо всем зе́мным человечеством победителем*, а уж коли вдруг завязалась та же война улыбчивого Запада с давно очарованной тем же Западом Россией, как и встряло в повседневность противоборство не одного лишь Китая, а и почти всей незападнической части планеты со всё ещё круто агрессивным, пусть и выдыхающимся на своей длинной имперо-колониальной дистанции алчно-хищным Западом, да и вспыхнула та же горячая война на Украине всё того же Запада против всё той же с РФ-лицом России, то ничего не остаётся неангажированному наблюдателю, как прийти лишь к одному возможному ныне генеральному выводу, что вся эта противоборческая общемировая коллизия как раз немало и обусловлена триумфально раскинувшимся по всему миру сатанизмом, воинственно кинувшим человечество на край Бытия и Времени и, соответственно, вызвавшим, пусть ещё и не вполне

осознанное человеком, сопротивление всё-ещё-человечества пересотворяющему его с нечеловеческим энтузиазмом сатанизму.

Да, на бытийной поверхности всё выглядит как борьба уходящего Запада с остальным, при этом как раз восходящим, хоть и восходящим пока во многом по западному образцу, миром; как борьба США вкупе с Великобританией за продление англосаксонского общемирового господства; как война Запада с вдруг ставшей ему непокорной и ему тем невольно угрожающей Россией; как вовсю готовящееся столкновение великодержавных, вполне себе и имперских, мировых игроков за лидерское преобладание на планете; как борьба назревшей многополярности с надоевшей всему миру заносчивой однополярностью; как геополитическая схватка «моря» и «суши»; как борьба за избавление мира от набившего оскомину евроамериканского имперо-колониального культуртрегерства, вполне уже и антикультурного, античеловеческого и антимировского, как раз и сатанинского; как и попросту борьба за ресурсы, за пространство, за саму жизнь — да, это действительно всё так, однако… однако тут надо иметь в виду кое что из не очень бросающегося в глаза и в ум не то что обычному обывателю, каким бы он ни был умным, ловким и проницательным, а и нацеленному на понимание возникшей на планете необычно судьбоносной коллизии вполне себе подготовленному и опытному обозревателю-толкователю, какой бы гуманитарной аксиоматике с алгоритмикой он ни принадлежал, а именно, что коллизия сия, включая и ломку планетарного мира вкупе со всемирной войной, заметим, вообще-то уже *войной всех против всех*, возникла как единственно возможный ситуационный вариант вполне себе мучительного и жертвенного движения изрядно осатаненного и осатаневшего человека в борьбе с самим собой и своим же миром к чаемому софиасофией хозяйства *преображению* — ПРЕОБРАЖЕНИЮ!, да не просто чаемому, а и рассматриваемому софиасофией хозяйства в качестве реально возможного — как раз на ментально-проективных путях, пролагаемых этой самой софиасофией хозяйства, разумеется, движения не без разноплановой и многосторонней драки, через неё, а ежели повезёт, то уж и по её звёздным итогам.

Война всех против всех, ныне захватывающая так или иначе весь планетарный мир, *пришла* (да-да, именно так: *пришла*, хоть и была субъектно и событийно накликана и развязана, причём пришла более *сама*, чем по чьей-то злой воле, хоть и не без этого, ибо она ведь давненько уже просилась в реальность, мало того, требовалась и самой реальностью,

а главное, пришла как средство не просто очередного перестроения и переделки зе́много мира-бытия, но и какой-то *существенной перемены* — ПЕРЕМЕНЫ! — в человеке и в человечестве, их не более и не менее как, повторим, *преображения* — ПРЕОБРАЖЕНИЯ!

Такое преображение, как видится софиасофии хозяйства, ежели свершится, то уже за пределами того, что мы привычно называем Бытием-Историей, оно реально возможно уже только там — «За», то бишь *за* бытием-историей, каким мы его себе представляем — и будучи войной человека, человечества и человеческого мира с самими собою — как раз с достаточно уже *осатанелыми* — война, вершась оттого немало и *по-сатанински* (особенно изощрённо, но при этом и особенно в интеллектуально-культурном отношении пошло, даже и глупо), призвана, освобождая мир, ещё человеческий по номиналу и уже античеловеческий по сути, от намертво захватившего его сатанизма, обеспечить и страдно-страдательное ПРЕОБРАЖЕНИЕ, о котором здесь речь, без возврата при этом к протекавшему и текущему до сих пор бытию-истории, что, кстати, всего труднее осознать, не прибегая к *инознанию* и *инонезнанию*, присущим *софиасофии хозяйства*, когда «Знаем, что не знаем, но при этом всё-таки *что-то* да знаем!».

Да, тут не что иное, как ***софиалектика***, мало что *полилектика*, преодолевающая диалектику, выходя на больший познавательный простор и оперируя с нарочито не систематизированными (открытыми, неопределёнными, стохастическими, переменчивыми, многообразными) *целостностями*, так ещё и некая *«запредельная лектика»*, оперирующая, а ещё более проницательно вглядывающаяся, в *Незнаемое — Иное* и *Неизвестное*, вовлекая в сие *мучительное переживание* (а чего-то иного, чем такое вот переживание, здесь и быть не может!) *всё наличное и безналичное сразу*: человека, зе́мный мир, Софию, Бога, мироздание, Вселенную!

На повестке сегодняшнего, завтрашнего и любого последующего бытийно-исторического (как и *за*-бытийно-исторического) дня не какое-нибудь всего лишь выживательно-производственно-потребительное, не имеющее к тому же мирозданческой меры хозяйство, а самое что ни на есть *софийное хозяйство*, чтущее мирозданческую меру и ведущееся как раз по-софийному софийно же преображённым человеком — *новым человеком*!

Возможно ли *такое*?!

Само по себе или по людскому уму — нет, такое никак невозможно, а вот посредством *софийной*, знаете ли, *войны* да не менее *софийной*, пожалуй что, *катастрофы* — вполне и возможно!

Почему же всё тут именно вот *так*?

Так ведь бороться-то людя́м надо не так с *себе подобными*, хоть это и надо, и чего, увы, «людя́м» не избежать, как… э-эх!.. бороться надо с *самими собою* и *своим же миром*, «тока-тока» вроде бы добытым в удовлетворение современникам трудом, потом, творчеством, кровью ушедших поколений и поколений, как раз уже миром основательно и рисково обыскусственным, вполне уже и невозвратным, однако это не всё — бороться ещё надо с разогнавшимся вовсе не на шутку сатаногенным *«разображением»* человека и его мира, их окончательного превращения в свои окончательно сатанические антиподы, и, что самое главное, не пятясь при этом назад, даже и в XIX в. — в классику хомо-экзистенциальных жанров, что, кстати, частично удалось, да и то на историческое мгновение, Сталину со своим сталинизмом, а продвигаясь Вперёд в дебри Иного и в сельву Неизвестности, короче, совершить что-то явно Необходимое и в то же время явно Невозможное!

Преображение, о котором речь, просто так не дастся, как и само по себе оно не «прийдет», однако кое-какое Слово-Предтеча от всё-ещё-человека тут кое-что да значит, хотя бы как сингулярного пошиба идеальный отправной пункт или ментальный целевой ориентир, а вот *что* в итоге и в целом станется столь же неведомо, как и многое из ныне вокруг бытующего, как из бытовавшего ранее, а ведь в том, что есть сегодня и что было прежде, как же много есть и было того, чего вовсе не есть сегодня и никогда не было прежде!

Знание тут переплетается с незнанием, однако не просто с пока будто бы неузнанным незнанием, а с субстанциальным незнанием, восходящим к Иному и Великой Неизвестности, чего и знать землянину не положено, однако без присутствия чего среди и вокруг сознания, ноосферы и памяти никакого сознания, никакой ноосферы и никакой памяти попросту и быть не может — вот тут какая выходит вещая загогулина, как и вылезает воистину вселенский парадокс!

Хозяйство для человека — его жизнеотправление, исключая внутриорганизменный физиологический процесс, что означает, что и жизнеотправление человека есть его хозяйство, а следственно и сам человек есть не что иное, как *хозяйство*. Человек ведёт хозяйство и самого себя

посредством знаниевой ему известности, однако в окутывающей сию известность глобальной неизвестности, а потому и с постоянным учётом всей этой неизвестности, причём не только как шаг за шагом одолеваемой познанием и действием, но и как *абсолютной неизвестности* тоже, отчего хозяйство ведётся хоть и не в кромешной незнаниевой тьме, но и не на полном знаниевом свету.

Ведя хозяйство и самого себя по волнообразной, прерывной и витиеватой дороге жизни-нежизни по направлению ***от природы к неприроде***, человек, всё более и более что-то зная, всё более при этом выходит на абсолютную неизвестность и всё более вынужден иметь с ней дело, пусть и не особенно это осознавая, а в настоящее — XX—XXI вв. — время он — человек — уже в явном с этой непоколебимой неизвестностью в хозяйственно-экзистенциальном *конфликте*, из которого человек прогрессивный намерен-таки выйти победителем посредством созданного им ***искусственного мира*** и передачи его в ве́дение напористо ныне созидаемого уже немало обыскусственным homo sapiens вполне уже и всеохватывающего ***искусственного разума***, который, заметим особо, как раз и станет заместителем всего внеприродно-сакрального, как раз и предстающего перед человеком хозяйствующим со стороны величественной Неизвестности, что-де означает, что с непокорной неизвестностью для человека прогрессивного будет тем самым навсегда и покончено!

Вот она, главная хозяйственно-экзистенциальная коллизия подступающей реальности, выражающаяся в эсхатологической по напряжению и потенции онтологической схватке исходно природного (божественного, софийного) и выходно искусственного (человеческого, сатанического) миров, однако схватке с открытым конечным результатом, о котором современнику и сказать-то по сути нечего: беременное глобальной античеловеческой катастрофой, завершающей сакральный суперпроект «ПРИРОДА, ЗЕМЛЯ, ЧЕЛОВЕК», вполне уже технотроническое грядущее всё само и решит, правда, ежели ничто из сакрального Иного в сие надвигающееся грядущее ему наперекор споро не помешает, используя, в частности, своего непредсказуемого носителя-агента — *глубинную первородную Россию*, способную на непредвиденные «переменские» кульбиты, включая, заметим, и трансгрессивные!

Не то что линейная, а прямо-таки чёрт не знает какая, конфигурация экзистенциально-хозяйственного пути бытийно-исторического зе́мно-космического феномена, обобщённо, хоть вовсе и не определённо,

именуемого Россией (а *что* и в самом-то деле есть Россия, а-а, кто ответит?), показывает, что Россия, или *то*, что походя называется *Россией*, способна не просто на крупную бытийно-историческую импровизацию, но и, как было выше замечено, на почти что любой трансгрессивный кульбит, включающий и рискованный для себя и мира момент самоотрицания — вплоть до вовсе не кажущейся самопогибели, однако с непременным самовозвратом к себе самой, но, заметим, в существенно, а не только формально, изменённом виде.

России почему-то мало бывает эволюционных перемен (да и каких, зачем, куда?), она предпочитает, не слишком того, быть может, и желая, резкие, расчищающие бытийную площадку, открывающие путь для какого-то неизвестного нового и раздвигающие тем самым экзистенциально-хозяйственные горизонты, сломы и резкие, как раз и вызывающие во многом неизвестную новизну, скачки, причём поначалу с прыжком круто и далеко от себя, а потом уже с возвратным прыжком к себе, но уже к новой России, ранее незнамо и какой, а в итоге к той, которая через посредство туда-сюда кульбитов сама собой и является.

Здесь сказывается не только феноменальное своеобразие России как безумной непредсказуемости, но и ноуменальная особенность России как страждущего незе́мной необыкновенности в полном смысле слова фантастического *иноявления* — ИНОЯВЛЕНИЯ! — чего не выразить никакими словами, даже столь вроде бы ясными, как безумие, сумасшествие, бессознание, хоть и без слов этих никому из знатоков всего и вся бывает никак тут не обойтись.

Да, Россия и в самом деле *не от мира сего*, отчего и не вписывается она ни в какие сеюмирные экзистенциально-хозяйственные алгоритмы, не говоря уже об умозрительных, даже и самых что ни на есть добросовестных конструктах, отчего, кстати, доброхотные соотечественники, в особенности нынешние, никак для России не найдут подходящей и вполне, по их мнению, правильной идеологии, что, собственно, и понятно, ибо Россия — *сама-себе-идеология*, и в никакой надуманной, даже и бодро патриотической, идеологии она не нуждается, а ежели в чём она и нуждается, то лишь в сердечном себя признании, причём как немало во *внебытийно-внеисторическом*, то бишь и как много в *иномирном* — ИНОМИРНОМ!, факте, что сделать совсем не просто, а лишь веря в Россию как в *первую для всякого русского и для него же последнюю веру*!

Да, верить в Россию совсем не просто, куда как легче в неё не верить, а ещё привлекательнее, как говаривали в пушкинские времена, *бежать России*, либо прямо из неё убегать, аки из ада, конечно же, в иноземный рай, где как будто бы теплее, удобнее, покойнее, даже и человечнее; либо прячась понадёжнее в псевдорайском мирке в гуще фундаментально чуждой России; либо в ней не без проблем экзистенцировать протестно, желая России нероссийских перемен, за них и борясь; либо, уже на крайний случай, обернуться прямо против России, её откровенно, при этом, разумеется, скрытно, предавая, а уж кому её предавать, это-то всегда найдётся, ибо правильных врагов у России, неправильно занимающей огромное жизненное пространство, причём прямо в Этом, а не в Ином мире, предостаточно, не то что союзников, которых попросту нет, кроме, как известно, своей армии, своего флота, а теперь вот и своих ВКС.

И вот она — *война* — ВОЙНА!

Как ни крути, а война-то хоть и всемирная, пусть ещё и не тотально горячая, а на острие-то войны как раз… *Россия* — РОССИЯ! — которую надо бы если не уничтожить насовсем, то хотя бы подмять, унизить, захватить, ну и за счёт России поживиться, напитавшись её ресурсами, живительными соками и кровью.

Да, вся эта глобальная война — что всемирная (Запада против незападного мира, Востока и Юга против Запада, англосаксов против неанглосаксов, неанглосаксов против англосаксов, в общем — *всех против всех!*), что конкретная война против России и России в ответ за себя — тут в общем-то всё ныне едино! — война давненько уже просилась перейти из повседневно-латентной и конкурентно-соревновательной в явную, уже особенно и нескрываемую, вполне себе «взрывчатую» войну, которая должна вроде бы окончательно уничтожить один планетарный мир, её — войну — и породивший — *евроамерикоцентричный*, он же экономический, имперо-колониальный, хищный, но при этом ещё и просвещенческий, гуманитарный, научно-технический, всё ещё природно-естественный, даже ещё и реальный, и как бы утвердить *другой мир*, уже вчерне повсюду нарисовавшийся — скорее, правда, пока более как потенция, чем свершившийся факт, однако о-очень заявочная на реальность потенция! — как раз *пост-человеческий пост-мир* — техноцентрический, технотроннототальный, не(сверх)природный, обыскусственный, не(а)социальный, не(а)гуманитарный, однообразно глобализированный, тотально виртуализированный, массообразный, со споро

сокращающимся населением, электронно-механичный, дезо(а)культуренный, упрощённый, бес(а)смысленный, пустой, однако у сей своеобразной, не просто мирово́й, а более всего ми́ровой, то бишь ми́ровой войны против *этого* мира за какой-то *другой* мир, но, тут уж мы помечтаем, всё-таки за… *новый человеческий (и земно-космический) мир*… нет, не за социализм-коммунизм, хоть это и кажется кому-то не просто необходимым, но и возможным, как и не просто возможным, но и необходимым, а… за какой-то и в самом деле *иной мир*, как раз корреспондентный *преображению человека в какого-то нового человека, а человечество в какое-то новое человечество*, пусть и преображения тяжкого, жертвенного, кровавого, на путь которого, как кажется, и брошено всем зе́мным бытием-историей, а может, и небесно-софийным покровительством тоже, из ряда зе́много вон выходящая и так сильно этот мир смущающая, если невольно не задевающая и даже не отвергающая ныне, как и столетие назад, вполне себе первопроходческая по назначению и, как тысячи лет назад, сакральная по предназначению Россия.

Мечты, мечты!

Но ведь и реалии тоже, отчего, может, и не стопроцентная уверенность, но и не безосновательная надежда на *то*, что Россия, жертвуя, но не пожертвовав собой, вырвется из объятий сатанической современности, станет *самою собою*, разумеется, вполне себе уже *иной Россией*, предложив и миру, ничего ему не навязывая, иное *жизнеотправление*: *Иное* в лице России должно-таки сойтись с сакральным *Иным*, что как раз и обеспечит возможность какого-то *иного* на Земле бытия, а иначе… э-э… не стоит об *этом* даже говорить!

Что-то да будет, как раз то, что явно предпочтительнее мёртвого на Земле безмолвия!

2023 г.

ИНОЙ

или

Судьба гуманитария в России (XX—XXI)

Пред-вестие

Каждый человек в чем-то непременно *иной* — особенный, отличный от другого, как и каждый человек, обладая сознанием, разумом, когнитивом, интуитивом, бессознанием, безумством, бесовством, непременно в том или ином конкретном исполнении *гуманитарий* — как источник гуманитарности («человечности»), ее реализатор, восприятель и отразитель, так и посильный толкователь и, конечно же, не самый церемонный, но уж непременный судия. Так что человеки все бытуют в единении инойного и гуманитариального, отчего они все относительно друг друга — *иные гуманитарии*, что ни хорошо и ни плохо, а что попросту так есть!

Однако человеки хоть относительно друг друга и *иные,* еще при этом и *инаково* гуманитарные, то одно дело быть по-обыденному иными, совсем другое — общественно-функционально, а уж совсем другое, как повелось в оцивилизованном мире — специализированно, или профессионально, ибо есть среди людей и те, которые только и делают, что занимаются гуманитарными делами как таковыми, а есть еще и те, кто специализированно-профессионально размышляют по поводу уже самой гуманитарности, царящей в людях, среди них, в обществе, мало того, выделяя гуманитарность и по ее поводу коллективное размышление в особую ментально обусловленную сферу — *гуманитарную сферу*: научную, философскую, богословскую, вообще любую словесную.

И ежели здесь речь заходит о гуманитарии, то, как не трудно догадаться, о собственно *гуманитарном гуманитарии*, а ежели уж об *ином гуманитарии*, то— чего, заметим, просто так сходу и не уловить — об уже явно *инаковом ином*, в общем, *инаковом ином гуманитарном гуманитарии*, а что это за зверь или же птица, то это еще пояснять и пояснять надо, вовсе и не рассчитывая на согласное восприятие со стороны массы вполне себе самодостаточных иных гуманитарных гуманитариев.

Сходу можно подумать, что речь идет всего лишь об инакомыслящих гуманитарных гуманитариях, которыми ныне хоть пруд пруди —

каждый из таких персон так или иначе, в той или иной мере, по тому или иному поводу или признаку, конечно же, инакомыслящ, однако тут вовсе не об этой гуманитарной инаковости идет речь, а о той, которая не так отличие, как… э-э… *звание*, которое еще заслужить надо, однако не высказыванием чего-то попросту иного из гуманитарного, пусть и вполне оригинального, не бывшего ранее, а ментально-интуитивным вхождением не куда-нибудь, а в мирозданческое *Иное*, и с ним деловито-познавательно-провиденчески оперированием, и сие Иное само по себе вовсе не такое уж и гуманитарное, еще и полное для человека *неизвестности* и щедро наделяющее человека *незнанием*, однако сопряженное с человеческим миром, в нем потаенно присутствующее, на него в его качестве, состоянии и динамике влияющее, незаметно проникая в человека через неизбежные и даже необходимые бреши бессознания в сознании и дыры безумия в разуме, формируют сознание и разум человека, управляют поведением, решениями и действиями человека, не лишая при этом его ни бессознания, ни безумия.

Это-то вхождение в *Иной мир*, может, и поначалу званых, но лишь в итоге исключительно избранных и делают отдельных единиц из массы гуманитариев именно *иными гуманитариями*, а точнее, *гуманитарными Иными,* однако не оккультно делает, не колдовски, не трансово, не шамански, но при этом и не по-научному, не по-философски и даже не по-богословски, а, пусть это не покажется банальным, всего лишь… *метафизически размыслительно* (с включением в ход размышления *подсознания, сверхсознания* и даже *бессознания*), но непременно *метадогматически*, то бишь свободно, открыто, в прямом контакте с реальностью и с доступным человеческому воображению (не фантазии вовсе) проникновением в реальность, а ежели сказать одним словом, то… *софийно* — СОФИЙНО!

В центре внимания в нижеследующем писании, таким образом, не какой-нибудь вообще гуманитарий, а мало что гуманитарный гуманитарий, так еще и *иной гуманитарный гуманитарий*, мало того — *гуманитарный Иной,* что означает не просто особенный, а особенный *по-иному* — вступивший в творческий контакт с сакрально-субстанциальным *Иным*, как и со стоящим за этим Иным его беспощадно ведущим вперед *Великим Неизвестным*, а также обогащаемый, как и придирчиво при этом инспектируемый вплоть до заслуживаемых гуманитарием кар, самой *Софией Премудростью Божией*, то бишь в центре внимания тут

не не какой-нибудь, пусть и ментально выдающийся, а все-таки *софийный гуманитарий*, нет, не попавшийся вовсе в сети Софии, наоборот, ею освобожденный от каких-либо задогматизированных пут ради познания, открытий и откровений, кроме, конечно, знания *Незнания* — НЕЗНАНИЯ!, восходящего к *Началу* — НАЧАЛУ! и *Истоку* — ИСТОКУ!, чего человеку знать как именно ЗНАТЬ!, вовсе и не полагается.

Максимум, что может дать София размышляющему софийно гуманитарию — возможность оперирования в ходе его размышлений, включая и их бессознательно-интуитивную, а то и, знаете ли, моментами прямо-таки и безумную, составляющую, так это возможность оперирования с *незнанием* и стоящими за ним ИНЫМ, НЕИЗВЕСТНЫМ, НЕБЫТИЕМ, ВЕЧНОСТЬЮ, хотя и ВРЕМЕНЕМ тоже, да и попросту ТАЙНОЙ.

Обыватель скорее, чем тот же научник-исследователь, а то и философ, почувствует наличие в бытии не просто чего-то иного, а и какого-то и в самом деле Иного, его так и не называя, и обратится через Церковь к Богу, на худой конец, к той же гадалке или к тому же шаману, зато научник, пусть и философствующий, непременно отвергнет невидимое и нематериальное *Иное*, признавая лишь видимое и материальное *Это*, то бишь признавая *Физис* и *Физику* и не признавая *Метафизис* и *Метафизику*, хоть на деле в реальности он всегда оказывается не кем-нибудь, а… *метафизиком*, невольно выходя за пределы физиса и физики как таковых и вынужденно приспосабливая добываемое им по сути-то метафизическое знание к науке-физике, не понимая, кстати, и того простого факта, что вся его наука-физика и является не чем иным, как мифологизированной под науку-физику метафизикой, а уж научная философия — тем более!

Софийный же гуманитарий — чистый метафизик, или метафизик как метафизик, однако способный идти по краю между ЗНАЕМЫМ и НЕЗНАЕМЫМ, отдавая себе отчет в наличии факта *незнания знаемого,* как и в наличии факта знания о наличии в мироздании *незнаемого как незнаемого,* как и его судьбоносной роли в бытии человека, а идя по краю между *всегда относительно знаемым* и *всегда абсолютно незнаемым*, видеть своим тайнозрением, как и трансмысленно осознавать (незнамо как, само собой) и не слишком внятно для других трактовать почему-то и зачем-то им (не)увиденное и (не)осмысленное, хоть и как-то *для себя* трансцендентно-бессознательно таки осознанное.

Да, гуманитарий, о котором речь, никто иной, как… *мудрец*, разумеется, среди людей непременно и *отшельник*, вовсе ныне, конечно же, не прячущийся в пещере, не сидящий в бочке на берегу теплого моря, не скрывающийся от людей в дремучей лесной чаще, даже в монастыре не пребывающий, а бытующий кое-как не где-нибудь, а в… *университете*, где только и сохраняется, даже как-то и культивируется, пусть ныне и остаточно, и предвзято, и не многосторонне, кое-какая гуманитарная мысль, где есть еще она — *гуманитарность*, хотя более всего ныне не как гуманитарность, а как *гуманитарщина*!, да-да, в университете, где еще водятся адепты, знатоки, хранители гуманитарности-гуманитарщины, даже и кое-чего значимого в гуманитарной сфере творцы, пусть и более всего посредством переработки отлеживающейся в недрах молчаливых библиотек обильной «словесной гуманитарной руды», но зато из залежавшихся массивов чего-то нужного, содержательного, ценного, о чем-то важном и исключительном говорящего.

А мудрец, прошедший через рудознатскую гуманитарную страду, тоже, как водится, кое-что выдавший из значимого на гуманитарные гора, на то и мудрец, чтобы, выйдя в Иной мир, при этом не покидая насовсем мира Этого, творить уже *свой* гуманитарный мир, как раз *иной*, не уходящий в сторону от мира Этого, а его лишь преодолевающий, что дает возможность мудрецу мало что мир Этот увидеть *иным*, так ведь еще и дополнить гуманитарность Этого мира *иной* гуманитарностью — *инойностной*, за что мудрецу-отшельнику обычно положено не вдохновляющее почтение от бытующих вокруг гуманитариев, а скорее… нет, даже не публичный от них протест… а более всего молчаливо-убийственное незамечание… как будто бы его — мудреца, и нет, хоть он и среди всех, на виду, да вот… *нет* его и все, да не как какого-то там наивного правдолюбца, а как всего лишь… э-э… *ненаивного нелжеца*, в чем главная вина его и состоит, а что касается экзистенциального суда над ним, то человеческим такой суд просто быть не может, а ежели какой-то суд есть, то разве лишь от самого Иного с Великим Неизвестным да от Софии с Господом Богом впридачу, — вот как оно выходит!

Вестие

Россия

В смысловом отношении Россия, она же Рось, Русь, Московия, Русское царство, как и ранее Гиперборея (гр.), Рутения (лат.), ну и затем Российская империя, СССР, а теперь вот Российская Федерация, не что

иное, как «Х» (икс), или Сфинкс, великое неизвестное, неразрешимая тайна, а ежели как-то Россию определять, то лишь как нечто… *иное*, которое явно есть, но вроде бы его и *нет*, которого будто бы нет, а оно, подишь ты, *есть*, а что же есть и чего же нет-то?, — да как раз *этого — сеюмирного,* и хоть что-то в обыденной практике есть, да вот как-то не в четкой смысловой выраженности, отчего и вопрос: а что же тогда все-таки есть? — да оно-то и есть, как раз то самое — *иное,* то бишь ***иномирное***, правда, так оно есть, что его как бы и нет, хотя оно… как бы… и есть! Загадка!

Да, Россия — *тайна*, и ничего тут в смысло-разгадочном плане нет, кроме самого по себе, вполне себе и магического, слова «*Россия*», да и оно само по себе ведь тоже тайна, отчего самое лучшее для любого ответственного гуманитария остается лишь признать, опустив свои умные очи долу, что Россия… это всего лишь Россия и все, или же, подняв удивленные очи горе, что Россия как раз и есть само Иное, точнее, не само Иное как таковое, а всего лишь от и из Иного она, что несет она в себе и из себя же излучает опять же Иное, но в том и другом разе гуманитарию вовсе от этого не предстоит покоя, а совсем даже наоборот — предстоит ему думать и думать о России, да не просто учитывая ее исходную загадочную инойность, а и входя по мере возможного, как и непременно допустимого, в *иноэгрегор России*, в ее уже собственные о себе думы, не рассчитывая при этом не то что на полную, но даже и на частичную их разгадку.

Вдумайся, российский гуманитарий, в то, не зная во что, восприми то, не зная что, овладей тем, не зная чем, но это еще не все: *не зная об этом ничего, знай оттого о нем все*!

Вот она — судьба гуманитария в России: быть, но при этом и не быть, а уж коли и в самом деле быть, то лишь *вопреки* — текущей России, бытующему гуманитарству и даже самому себе!

Тут все очень не просто: сначала надо познать все знаемое (в достаточной мере, разумеется, когда ясно вдруг становится, что ежели еще что и далее познавать, то либо уже ранее известное, но позабытое или умолченное, либо что-то ничего нового уже попросту не говорящее, либо явно уже гуманитарию не нужное), что и значит тогда стать полноценным в расхожем понимании гуманитарием, конечно же, не миновав и университет, хоть это и не строго обязательно, однако о-очень желательно — повариться там, надышаться, наговориться, в меру и разочаро-

ваться. Не пройти классическому гуманитарию и мимо настойчиво необходимого самообразования: в университете, вне университета, по-университетски (в общении) и по-своему тоже (наедине с собой). Знать надо гуманитарию о-очень многое, весь, знаете ли, знаемый мир, и уж коли университет с его наукой, литературой, чтением, освоением основ, то, конечно же, надобно знать весь культурный и давно ставший в России культовым *европеизм*, включая иной раз и его русскую составляющую, однако пока с вынужденным преобладанием масонского по духу и концептам неугомонного, а ныне и постмодернового, европеизма, что означает стать сначала и сходу ментально-культурным *европейцем*, а затем, от чего хоть и можно, но вовсе не нужно ускользать, стать *русским европейцем*, если не *европейским русским,* носителем *русско-европейского,* а точнее, *европо-русского,* разностороннего *гуманитаризма.*

Нравится это тому или иному отечественному гуманитарию или нет, но сей вдохновенно-отравной чаши сего познания ему никак не избежать. Да, можно гуманитарному соотечественнику погрузиться в восточные, арабские или же исламские премудрости и найти там для себя много чего замечательного, но, окунаясь в гуманитарную Россию, нельзя не стать, хочет того или не хочет отечественный гуманитарий, именно *руссо-европейским*, а по преимуществу все-таки *евро-русским*, гуманитарием, ибо Россия — *европейская страна* — и не только и не столько географически, сколько духовно, ментально и культурно, — хотя она, безусловно, от *россо-европейской* и даже *россо-евразийской* стороны.

Нет, Россия — не россо-евро-азиатский конгломерат, а вполне себе россо-евро-азийская органика, да и то более всего в явленной гуманитарной поверхности, в известной россиянам знаемости, а вот в сокрытой сути своей Россия, будучи в Этом мире живым воплощением Иного, конечно же, более всего *сама-себе-страна*, да и не страна вовсе, а в страновом облике некий *инофеномен,* но и это не все — феномен еще и бездный, преисподний, адовский, однако при этом и небесный, хоть и не райский вовсе, отчего и сам для себя таинственно *сингулярный*, вовсе при этом не так, как Европа или Азия, не заведомо концептуально-парадигмально бесспорный и накрепко задогматизированный, как и намертво загипнотизированный, а, несмотря на периодически наступающую статичность и даже анемичность, неукротимо подвижный, переменчивый, неустойчивый, даже и *импровизационный*, а ежели в чем-то в долгую стойкий и упорный, то лишь в своей скрытой сути — как раз *иносути*, никому из смертных ни вдосталь, ни впрямь, ни впрок и не известной.

Российская гуманитарщина

Продравшись в обязательном порядке через знаемое, им напитавшись, насладившись и немало отравившись, уважающий себя русский (российский) гуманитарий имеет шанс, преодолев, но не отбросив напрочь знаемое, выйти в сферу *незнаемого*, сначала, как водится, с ним пободаться от имени знаемого, а потом, убедившись, что незнаемое на то и *незнаемое* — НЕЗНАЕМОЕ!, чтобы не поддаваться натиску новоиспеченного, как и уже успевшего себя вдоволь творчески проявить в познанной сфере, знатока, а ежели хватит у подступившего к сему сокральному *незнанию* знатока исходной сообразительности, сдержанности и даже скромности, то и вступить с этим незнанием в необыкновенный творческий контакт.

Тут уж знатоку до́лжно достать немалого мужества, храбрости и стойкости, чтобы не сотчаяться вдруг да не сойти заблаговременно с ума — как раз от вдруг незнамо как им воспринятого, а ежели и незримо увиденного, то, увы, прямо в себе, в других, в человеке вообще, человечестве вообще, в мире вообще, а вследствие этого вдруг осознать, что все вокруг *иное*, а все им освоенное знаемое — не более чем *миф*, правда, немало и работающий миф, прямо за *иную реальность* работающий, ее собою прикрывая, как и за нее, неродимую, себя походя и часто весьма неуклюже выдавая.

Тут в общем-то случается у гуманитария *шок* — ШОК!, кого из гуманитариев отпугивающий, кого надламывающий, кого разящий, а кого и закаляющий, даже и благословляющий, а поскольку последнее дается немногим избранным — *единицам*, то в обширной и невозмутимой гуманитарной сфере все бывает, словно в чарующем граде Багдаде, вполне и спокойненько, во всяком случае, напогляд, кроме разве того гнусного обстоятельства, что она — гуманитарная сфера — вдруг как-то ныне убедительно усыхает, истончается и вдохновенно испаряется, подменяясь, конечно же, вполне себе удобоваримым ***симулякром***, весьма привлекательным и даже достойно развлекательным, что безликую, безразличную и безмятежную массу псевдогуманитариев вполне ныне и устраивает.

И как нынешним гуманитариям оттого весьма комфортно, так и властям — богатств и развесистой правдоподобной клюквы — предержащим тоже весьма комфортно, да что тоже — в особенности!

Так вот и бытует ныне в России (РФ) гуманитарная сфера, непона-

рошку сдавшись, почти что уже и окончательно, победившему *сатанизму*, его даже и зычно оправдывая, а главное — заткнув себе понадежнее, вполне и добровольно, и так немотный на правду рот, отважно открывая его лишь в угоду постмодерновой пустоте.

Ну да ладно, что с нее взять — с расхожей гуманитарщины, разве лишь поддержать ее сдержанное историографическое обращение к кое-какой классике, бесоподобно, хоть и безрезультатно, отвергаемой постмодернизмом: пустотой ведь и ежа не покрыть, не то что классику, даже и пытаясь выдать за классику по факту-то всего лишь из проходящего со скрежетом зубовным безвременья его постмодерновых столпов, аккурат и ниспровергателей всего человеческого, то бишь как раз и собственно всего *гуманитарного* — ГУМАНИТАРНОГО!

А тут, понимаешь ли, *иное* — ИНОЕ! — которое вовсе и не как таковое гуманитарное, хоть и не антигуманитарное, оно, видишь ли, не то и не другое, а, подишь ты… и-н-о-е, аккурат так же, как и Р-о-с-с-и-я, отчего гуманитарий в России, хоть вроде бы и гуманитарий, однако не совсем уж гуманитарий, а то и вовсе не гуманитарий, тогда кто же он, кроме того, что… и-н-о-й? — то бишь не про-, не пост-, даже и не не-… а-а, кажется ясно, хоть ничего и не ясно… он всего лишь… э-э… ИНОЙ!

Вот и оно — искристое замыкание фатальной цепи: судьба гуманитария в России не что иное, как, будучи гуманитарием, не быть им, а уж ежели быть им — куда деваться! — то лишь неким выходящим за пределы расхожей гуманитарности… нет, не *иноком*, а, скажем так, взяв от гуманитария частичку «арий»… *ино-арием* — ИНОАРИЕМ!, что означает статься вольно или невольно адептом, агентом и даже трактовщиком (не путать с трактирщиком!) *Иного как Иного*, как раз чего-то такого, о чем ни сказать ничего вразумительного, ни уж, тем более, что-нибудь этакое написать, хотя, заметим сие с большевистской прямотой, о *чем* все-таки российская гуманитарность упорно и толкует, вовсе или же почти вовсе того и не сознавая.

Толкует, может, и иное, да вот не об Ином как Ином, а просто об *ином* относительно всего *этого* — вот оно какое дело! — тогда о каком же *ином*? — да все о том же, чего вокруг нет или очень уж мало иной раз есть, чего хотелось бы, о чем лишь приходится мечтать, да и что просто приходится выдумывать, уходя в необусловленное письмотворчество, в худлитературу, мифы, фэнтези, сказки, в сатиру и юмор, в пустоту, — а ведь иного выхода-то для заядлого гуманитарщика и нет!

Выход, он же и вход, в Иное

Нет, не во что-то запредельное, хотя Иное менее всего Здесь и более всего Там — в Запределье, а в то Иное, которое как раз Здесь, в Этом мире, среди нас, в нас, выше нас, но и ниже нас тоже, но дело тут не в том, что оно везде — в мироздании, в сознании с его бессознанием, в разуме с его безумием, в спиритосфере с ноосферой, в физисе и метафизисе, ну и, соответственно, во всей гуманитарщине, пусть для 99,99% массы гуманитарщиков совсем и неосознанно, а вот то, что все наше — людское де бытие — *совсем не такое*, каким представляется, в особенности, в городах-мегаполисах, и людишки-то *совсем не такие*, какими представляются — сами для себя и гуманитариям заодно, и что какой-нибудь *антимир* не где-то там — то ли в космосе, то ли… кто его знает где, а Здесь, в Этом мире, да так здесь, что и мир-то наш более всего *антимиром* и является, ну и гуманитарщина не то что *вовсе не такая*, какой видится, а совсем, знаете ли, другая, да ладно бы ложная, а то ведь попросту она… *никакая не гуманитарщина*, а лишь пустая ее видимость, то бишь *видимщина*, да не так от русского видеть, как от латинского VIDE, что означает пустой, отчего даже не видимщина она, а самая что ни на есть *пустовщина*!

Во как!

Разумеется, без гуманитарщины никуда, отчего ниспровергать ее и топить в полной пустоте не будем — не наша это задача!

У нас куда более скромная цель: приоткрыть гуманитарный занавес и показать толику реального *закулисья* — ЗАКУЛИСЬЯ! — всего лишь толику — на большее мы, пардон, и не осмелимся, точнее, не должны осмеливаться — что ради себя, что ради людей, что ради Бога с его Софией тоже!

А что же там — в Закулисье?

Не открываем большого секрета, что там… нет, *не наоборот* — не НАОБОРОТ!, там, знаете ли… нет, вовсе и *не навыворот* — не НАВЫВОРОТ!, вовсе нет… там, увы, как здесь, как у нас, даже и как на авансцене, только… э-э… только там все-таки *не это*, а… как раз *иное*, о котором нечего сказать, кроме того, что оно *иное* да, пожалуй еще, что… *никакое*, только вот кого из поднаторевших в мифологии гуманитариев *это* может устроить? — ясно, что *никого*!

Никакой по сути не гуманитарий, а хочет чего-то *этакого*, чего ему просто недоступно — ни понятий нет, ни языка, ни словаря!

Что же там — в Закулисье?

Нет, не только *игра*, не только *симулякры*, не только *фикции*, не только *фальшизм*, чего и здесь хватает вполне и с избытком, там что-то *такое*, чего не выразить словами, что не роднится с языком, что не солидарно с понятиями, в общем — НИЧТО, НЕИЗВЕСТНОСТЬ, НЕЗНАНИЕ, даже не Небытие, не Нежизнь, не Неэкзистенция, а именно, не устаем повторять, *Иное* — ИНОЕ! —что не известно, не обозначаемо, не формулируемо, но что здесь, среди нас, в нас, в бытии, в жизни, в экзистенции!

Что поделать, мы — человеки — в смысловой *Неполноте* — НЕПОЛНОТЕ! — факт! — да такой факт, что дрожь по телу, мороз по коже да глаза на лбу!

Мы ничего достоверного о мире, жизни, себе, Боге не знаем и знать не должны́, а вот быть-небыть до́лжны, причем вполне гуманитарно, то бишь *мифотв**а**рно,* — и никак иначе!

Иное на то и *Иное* — ИНОЕ! — чтобы нам — человекам — ничего о нем не знать, кроме того, что оно есть как есть и есть как *Иное*, и что главное тут не в том, чтобы знать, что же есть оно в своих гуманитарных реалиях, то бишь мифотв**а**рных, при познавательном-де приступе к нему, при воровском на него набеге, при его хирургическом вскрытии… нет, нет, вовсе не чтобы знать, а чтобы всего лишь… э-э… *признать* — ПРИЗНАТЬ! — как неведомое, незнаемое, неизвестное, но при этом *есть*венное, *быть*ственное, *сущь*вестное, да мало что такое вот, так еще и все, ну пусть почти все, а вообще-то, *всейное* или… нет, не определяющее (это уж слишком!), а всего лишь… не оставляющее без своего… э-эх… все-таки весьма определяющего кое-чего из многого и важного в наших реалиях, трансцендентного влияния, вполне вроде бы и незаметно-нейтрального.

Да-а, многое что из реального известно человеку, и немало в чем он по жизни уверен, да вот не все и не во всем, а именно — не знает он главное и в главном он не уверен, — тут уж, пардон, Неизвестность и, будь оно не ладно, Иное,… впрочем, почему же не ладно, как раз вполне наоборот, ибо если бы не эти два — Неизвестное и Иное — то ничего бы *такого*, включая и все *гуманитарное* — ГУМАНИТАРНОЕ, — *не было бы*!

Наличие-безналичие Неизвестного и Иного — залог наличия, как и в некотором ракурсе безналичия, *всего* известно-неизвестного сущего — не более и не менее!

СССР

Возьмем тот же великий СССР — этот оксюморонный (Не)Союз (Не)Советских (Не)Социалистических (Не)Республик. С-С-С-Р и он же Не-Не-Не-Не! Тогда что же? Многое об СССР известно, а вот *что* же это в целом, на самом деле и по существу было, увы, не особенно-то ясно, точнее — совсем и не ясно. Да, слова всякие, определения, заклинания об СССР и по его поводу хорошо известны, а вот о чем же они реальном, кроме самих этих словоизъявлений, никто толком и не знает, — и что интересно, никто и не пытался себе это уяснить: ни тогда, еще во времена СССР, ни сейчас, уже в пост-СССР-эпоху. Как был СССР непонятным *шифро-мифом*, витавшим над какой-то *иной — не СССР-овской*! — реальностью, так и витает по гуманитарной сфере до сих пор неким неопознанным летающим объектом (и субъектом тоже).

Всего проще обозначить реальность, бывшую при СССР в СССР, как (не)народный, (не)партийный, (не)номенклатурный, (не)вождистский *этатизм*, где «не» играет роль присутствующего в явлении неполного самоотрицания: вроде *этим* было *оно*, а вроде и не этим, да и *не оно*, может, а что-то совсем другое было, но непременно с полаганием чего-то *этого* и его же — *этого* — отрицания, то бишь что-то *(не) это* и… *(не) было*.

Замысловатая тут диалектика, да не так от вольного методологизма больного диалектикой дознавателя, как от неприступного диалектизма самой загадочной объектно-субъектной реальности, в данном случае СССР-овской. Делали, творили, рубили с плеча, именовали, переименовывали, обзывали, обзывались, судили, казнили, награждали, славили, изумлялись, нисповергали, а вот *что* же в гуманитарно-понимательно-понятийном аспекте вершили, *что*-о?, если не… вздохнем с облегчением… что-то *иное*, да не просто иное, которое и определить сходу можно усилиями ходово́й и ходкой гуманитарщины, а именно *иное*, к спорному себя определению от расхожей и скороходной гумантарщины почему-то не склонное?

Так что же?

Тут уж в дело вступает *иная гуманитарщина* — оттуда, из Иного, не обремененная ни фанатизмом, ни догматизмом, ни даже гуманитаризмом как таковым.

Тут в самый раз вспомнить о единении России, или того феномена, которого мы называем Россией, с Иным, да таком единении, когда сама

Россия и есть Иное, правда, бытующее то ли по заданию, то ли в наказание, а скорее всего по тому и другому поводу, *Здесь*, на Земле, среди *Этого* земного мира.

Да так бытует, что ничего определенного о ее — России — и его — Иного — бытовании на евразийском континенте планеты Земля и сказать нечего, кроме… кроме разве того, что… *тайна* тут неоглядная и непостижимая, а вот кроме сей тайны еще и *таинственное предназначение* загадочной Ино-России, самой непрестанно витая над бездной и ее собою прикрывая, вытаскивать из бездны, вполне и творящей, какое-нибудь *иное*, как и отправлять во все пожирающую бездну кое-что из зе́много — из *этого*, для чего и связь магическая с Иным потребна и самой надо быть магически *иной*, чтоб притягивать и отталкивать реально-нереальное, ну и — самое главное! — иметь охранительную для себя себя же *непонятность*, ни для кого, ни даже для себя, что именно и есть, а вкупе — *страх* внушать — для кого бездный, для кого Божий, да не только кое-кого в бездну чередом отправляя, да ведь и себя тоже туда же окуная, примеряя на себя экзистент-варианты, перебирая их, словно четки, как раз в ожидании и в поиске чего-то и впрямь *иного*, да не просто перебирая, ожидая и ища, а еще кое-что в упряжке с бездной и созидая… как раз *иное*.

Вот и СССР был и остается в памяти чем-то *иным*, не СССР-ом вовсе, как он обычно публично представляется, а неким *инофеноменом*. Да, сам по себе он — как именно СССР — *оксюморонный симулякр*, а вот под собой, внутри, в реалиях, да и над собой тоже, чем же он стался?

Считается, что СССР возник в итоге де российской, даже чуть ли не русской, революции, прокатившейся по России в 1917—1922 гг. посредством двух политических переворотов и в виде ожесточенной гражданской, одновременно и антиинтервенциальной, войны, сбросившей в небытие Российскую империю и водрузившей на ее месте СССР (пусть поначалу РСФСР).

Да, поверхностно-событийно это выглядело именно так: два в 1917 г. переворота — февральский и октябрьский; внутригражданская кровавая пря с борьбой против внешней военной интервенции; учреждение нового типа — советского де и де социалистического — государственно-межрегионального, но при этом управленчески централизованного, образования, получившего имя-детерминацию в образе Союза Советских Соцалистических Республик — страны сугубо трудового

народа, народной демократии, межнародного братства, однако не с одними лишь отраслевыми и региональными профсоюзами, объединенными в единый союз, но поначалу и с признававшими СССР политическими партиями, а затем и попросту лишь с одной руководящей всем и вся иерархически построенной партией, не так уже политической, как социально-хозяйственной, с единой идеологией и подотчетной ей сферой культуры и словотворчества, точнее не партией, а неким *гражданским сословием*, служившим оплотом, ведущей руководящей силой и главным реализатором бытия СССР.

Во внешне-формально-событийном аспекте о 1917—1922 гг. революции и СССР можно говорить много, но не это для нас главное, а главное как раз в том, *что* же и *почему* же случилось на деле и по существу в России и с Россией с того революционно-исторического момента и *почему* случился именно СССР, а также *чем* (или *кем*) он стался по сути и на деле как экзистенциально-историческая реальность?

Здесь надо принять во внимание, что Российская империя, как и ранее любая росская страна-предшественница, никогда не была сколько-нибудь плотно закрытой от внешнего мира ни в граничном, ни в хозяйственном, ни в политическом, ни даже в идеократическом планах, отчего ни Россию не отделить от внешнего контекста, ни внешний контекст не отделить от России (Руси).

Бытие-история России оказывалось не только и даже временами не столько, скажем так, собственно российским, тем более уж русским, ибо инвазия контекста в Россию всегда имела место, а моментами, временами и даже эпохами бывала и немало определяющей, разумеется, со встречной ее поддержкой изнутри, причем в той или иной мере непременно *анти*-российской, не говоря уж об *анти*-росской (читай *анти*-русской).

Так уж вышло исходно и попутно выходит исторически, что Россия бытует не только в постоянном взаимодействии с внешним контекстом, включая и ожесточенное с ним противоборство, но и в жутком противоречии с самою собою по причине не только неизбывного присутствия в России отрицающего ее внешнего контекста, никогда не обходившегося без серьезной поддержки изнутри, но еще и по причине исходной *инаковости* (даже и *инойности*, что круче!) России относительно зе́много мира вообще, в котором ей приходится бытовать, то бишь из-за хронически неполной встроенности России в земный мир по причине исходно фундаментального ему противоречия, что далеко не всех

россиян и даже самих русских устраивало и устраивает, что как раз и стимулировало и стимулирует обращение немалой части из них к вожделенному ими контексту вплоть до предательства своего мира, своих собратьев, а и вместе с ними и себя самих тоже.

В России всегда присутствует мало что контекстная и своя же собственная *неРоссия*, но постоянно подвизается и столь же двузначная *антиРоссия*, отчего России приходится всегда, почти всегда или уж нередко *вроде бы быть*, что в общем-то несомненно, и *вроде бы не быть*, что уже не столь несомненно, но что не менее при этом достоверно.

Вот так: *быть* и *не быть*, что значит быть Россией в России и не быть в России Россией, а в отдельные моменты *так* сильно не быть, как, собственно, при этом и как-то *все-таки быть*, что аж одни мурашки по коже!

Возвращаясь к СССР, заметим, что революция в России, в конце концов и породившая СССР, случилась хоть и не без заметной доли внезапности, характерной для такого рода исторических событий, но более всего была сознательно *сделана*, причем усилиями не только ярых противников России, но и ее искренних сторонников, причем как России вообще, так и даже тогдашнего ее самодержавно-имперского устройства, но главное тут в том, что она — революция — делалась в соответствии с давно вынававшимся и так или иначе претворявшимся с переменным успехом в жизнь уже не *Нового*, как было со времени Ренессанса, а затем буржуазных революций в Европе, а *Новейшего*, естественно, как издавно завелось европогенного, европовидного и европоцентричного, вполне и европоколониального, *мира-проекта*, или *проекта-мира* (как раз просвещенческого — от Просвещения), отличительной особенностью которого должно было стать явление на Земле, о чем можно сегодня смело говорить, ***иного человечества***, состоящего повсюду на планете из массы индивидов, не обремененных условностями, ограничениями и императивами со стороны общества, этносов, наций, государств, общин, семей, собственности, языков, культур, религий, идеологий, традиций, короче — *явления на Земле Царства Божиего как фактического экзистентного Рая*, что, конечно же, не значило, что вся эта планетарная масса по-райски осчастливленных индивидов оказывалась свободной от труда, контроля и управления сверху, безоговорочного послушания управляющему ими верху и наказаний за непослушание вплоть до изоляции и ликвидации, — неважно в данном случае из каких конкретно источников возник и как этот *гуманистический* (*от человека и ради*

человека) *проект-мир* стал при своем конкретном исполнении выглядеть и называться (либеральным, демократическом, социалистическом, коммунистическом, фашистским) — важно, что это был *единый мировой проект* — ПРОЕКТ!, возникший внутри вполне себе *сакрального* (*не известного человеку*) *мирозданческого проекта* под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», а в головах людских сей европо-гуманистический проект возник как зеркально вывернутый наизнанку уже бывший и действовавший в той же Европе религийный иудео-христианский проект, став оттого *анти*-иудео-христианским, вполне себе уже *европейским* (*новоевропейским*) *проектом* (говорить же о том, что сей проект масонский по происхождению, как и, допустим, сатанинский по характеру, нет тут большого резона, ибо мало что это хорошо известно, так еще и сие говорение не сильно поможет раскрытию функциональной цели-задачи проекта — *превращения существенно сокращенного человечества в однообразное массоподобное постчеловечество, принужденно экзистенцирующее под властной опекой высшего и знающего (!) европейского меньшинства*).

Отсюда и три функциональных идеократических и деловых кита: «*Гуманизм, подкрепленный секуляризмом и атеизмом; научно-технический прогресс в единении с экономизмом и финансизмом; движение от природы к неприроде с соответствующим преобразованием зе́много мира и человека, как и с освоением космоса*».

Итак: проект *ино*-бытия с *ино*-человеком, однако с человеческим (зе́мным) *ино*, а не с сакральным (мирозданческим) *Ино*, хотя, быть может, и ему как-то — возможно, и немало — адекватным, даже этим последним и вдохновленным — кто знает?, но зато вполне себе телеологично из века в век исполняемым, меняя конкретных направляющих лидеров из числа цивилизационных посвященных в проект государственных и иных субъектов, как и вгоняя в исполнение проекта не слишком в него посвященных, но на него работающих вплоть до собою пожертвования масс трудящихся, россыпей спецов и роев управляющих, что вкупе как бы «своих» для лидеров, что для них и совершенно чужих.

Так или иначе, но в исполнение проекта оказался вовлеченным, пусть и по-разному, весь зе́мный мир с Европой (Евро-Англо-Америкой) во главе. А само исполнение предполагало не один эксплутационно устроенный труд, но и ведение войн, колониальных захватов, революций, ну и, разумеется, реформ, в общем — страсть тут, алчность, грабеж, пот, кровь, страда, страдание, смерть, как и неограниченная ложь!

Однако и кое для кого материальные обретения, высокие доходы, безграничное процветание, великий комфорт, почти что и райский, ну и награды, премии, почет, известность, слава, почти что и небожительство, в общем, кому грандиозный успех с разнообразными бубликами, а кому лишь большие беды с одномерной дыркой от бублика, а оправданием тут служили гуманитарные глубокомыслия о предназначениях, волях и судьбах, ну еще и попросту о везениях: проект вершился и сам вершил — переделывая, подменяя, изменяя, созидая, разрушая, пожирая, ликвидируя, преобразуя.

В исполнение европейского проекта вляпалась и Россия, сначала как Русское (Московское) царство, превратившись более всего по воле первого из откровенных и непреклонных в Отечестве царей-еврофилов Петра I, ставшего по созданию им Российской империи еще и первым россо-европейским в Отечестве императором Петром Великим, а затем уже, спустя пару веков великой истории, Российская империя, аккурат по итогам великой империальной войны, развязанной европейскими проектантами-реализаторами в 1914 г., в которой империи пришлось-таки принять участие, да так «удачно», что империя оказалась в итоге… нет, не побежденной вовсе и не завоеванной, как раз наоборот, могущей победить в войне и снова, как уже бывало, армейски посетить Европу, однако… стала вдруг жертвой разыгранной все тем же европроектом… э-э… *революции* — РЕВОЛЮЦИИ!, причем, что самое интересное, как раз по сути мало что европейской и антироссийской, так еще и, ежели обратить внимание на ее — революции — октябрьско-троцко-ленинский разворот от уже состоявшейся в Европе и частично в России европейщины к *новой европейщине*, уже и *антиевропейской европейщине*, вполне и протестной относительно самой же Европы, уже охваченной *новым (новейшим) проектированием*, угнездишимся в лоне-логове самого же *протоЕвропроекта*, продолжая, с одной стороны, протоЕвропроект, а с другой — его значительно уже отрицая.

Сие ново-новейшее проектирование шло разными путями-субпроектами, из которых особо выделились три осуществившиеся всерьез на практике ветви-ствола на ветвистом европроектдереве: во-первых, ветвь *Новой Европы* (этакой *Нью-Европы,* как раз северо-заокеанской, американской, в основе англосаксонской с примесью иных «европ»), вроде бы родственной Старой Европе, так сказать, старосветовской Европе, но и не слишком ей уже родной по причине своих новосветовских

предпочтений вроде антимонархичности, антиэнтичности, антинацийности, антиполилингвичности, антисословности, но зато с приоритетом того, чего хотела, но не сделала просвещенческая старая Европа, а именно: полной экзистенциальной свободы человека как человека, правда, в рамках экономической, или буржуазной, цивилизации, что о-очень важно!; во-вторых, ветвь, которую можно было бы назвать проектом *АнтиЕвропы*, исполнение которого и выпало на долю как раз р-революционной 1917 г. России, что соответствовало финальному для самой Европы европроект-аккорду, успевшему зарекомендовать себя как неклассово-неэксплуатациональный, то бишь как социалистический, коммунистический (в общем, не буржуазный, даже и не экономический), предполагавший царство трудящихся и только трудящихся, еще и как-то самоуправляющихся (ясно, что в отличие от американской ветви, лишь частично утопической, сия ветвь имела явно утопический характер, что ее сторонниками не только не скрывалось, а даже охотно пропагандировалось, разумеется, с возможностью реального-де исполнения сей утопии, ее превращения в антиутопию); наконец, в-третьих, хоть и выросшая последней, но оказавшаяся о-очень знаменательной для Европы, нео-археo-европейская ветвь — *фашистская*, ставшая, с одной стороны, наследницей империально-варварской дохристианской европейскости, с другой стороны, наследницей эконом-капиталовской Европы, с третьей стороны, провозвестницей арийского-де хомо-нацио-культуро-экзистенциального европревосходства надо всем неарийским-де зе́мным миром, с четвертой стороны, носительницей идеологии безоговорочного, тотального толка иерархо-корпоративизма как по социальной горизонтали, так и по государственной вертикали, ну а уж с пятой стороны, ставшая заповедным врагом социал-коммунистической евроветви как реально угрожавшей старушенции Европе с ее имперо-буржуазно-колониальными замашками.

Возвращаясь к социал-коммунистическому проекту, доставшемуся на исполнение от Европы зачарованной ею революционной России, заметим, что из попытки реально исполнить сей утопический проект, пусть, правда, значительно подправленный реальным временем посредством кровопролитной гражданской и антиинтервенциальной войны 1918—1922 гг. (война ведь, слава богу, как собственно и революция, не особенно считается с субъектными проективными интенциями, а правит их по-своему и правит, указывая проектантам ненаступившей реаль-

ности, что *Великая Неизвестность* всегда их сильнее, а сторонникам *выдуманного иного* доказывает, что *реально-ирреальное иное* всегда *не такое*, каким кажется, а совсем, увы… *иное*!), так вот из сей мучительной и жертвенной попытки исполнить выдуманный по просвещенческой глупости в Европе и изрядно поднадуманный в России по уже «домовой» глупости проект и вышел (или выскочил, лучше сказать) СССР, разумеется, как большая, не в меру проектная фиктивность, так и, к счастью, в меру реальная, уже и внепроектная, реальность: не как союз каких-то там свободных национальных республик трудящихся, а как имперского разлива номенклатурный (партийно-начальственный), еще и армейского образца, *этатизм*, что, заметим, как реальный исторический факт было совсем и не плохо, пожалуй что, и хорошо, даже и очень хорошо — хотя бы для уцелевания, выживания и взрывного развития страны, для той же победы в новой евромировой войне, причем, как оказалось, победы вовсе не какой-то там новоутопической страны, а всего лишь… *России*, да-да, именно так — *матушки России*, пусть и изрядно переформатированной согласно и вопреки вызванными революцией и затянувшейся гражданской распрей переменами, причем со многими, знаете ли, пусть и не со всеми, ее субъектными, традиционными и культурными атрибутами, включая, пардон, и сельское крепостное право, и зековское рабство, и неизбывную бюрократию, и непременного царя-императора, но при этом и богатый русский язык, и этносы с их родными языками, и великолепную школу, включая высшую с ее превосходными университетами, и добротную литературу, и прекрасный балет с замечательной оперой, и выдающийся синематограф, и блестящую науку, и разное высококлассное, исключая лишь каверзный модернизм, талантливое искусство.

Да, под сенью надуманного СССР произошло вдруг что-то сродни чуду… нет, не реставрация прежней империи, хотя и с кое-каким к ней возвращением… а рождение новой, пусть и под фиговым прикрытием СССР, ***империи***, вовсе и не колониальной, как это было у славных европейцев, а уникально монолитной, хоть и внутри себя разнообразной этнически, лингвистически и культурно, имевшей единую для всех субъектов империи и ее граждан *идеологию*, хоть и восходившую формально и на словах к проектной марксистско-ленинской, даже обзывавшуюся для красного словца пролетарской, но фактически вполне себе имперскую, государственническую, национальную, гражданственную, товарищескую, трудофильскую, осуждавшую частную собственность, как было принято говорить, на средства производства, то бишь всех помещиков,

кулаков, капиталистов с их возможностями эксплуатации человека человеком и тенденцией к паразитизму, как и вообще отрицавшей эгоистический индивидуализм во всех его порочных проявлениях.

Что же в итоге получилось? А получилось, с одной стороны, явное исполнение антилиберального, при этом антифеодального и антибуржуазного, даже и антиэкономического европроекта (оттого и антиевропроекта), а с другой, не так даже его неисполнение в прожектерски задуманной целостной парадигме, как выдвижение на передний план *иного*, куда более реалистичного по жизни и не по полному разрыву с традицией, *нелиберального проекта* (как бы проекта в Проекте) — как раз ***сталинского проекта*** (ежели относиться к Сталину как вождистскому феномену, а не как к личности по имени Иосиф Джугашвили).

Итак: неисполнение проективной утопии в ее нереалистической части и исполнение сей «утопии» в ее, как казалось и оказалось на деле, как бы реалистической части, однако то и другое в вовсе не утопической, а вполне себе реалистичной, ожесточенной борьбе, а второе — посредством опять же вовсе не утопического имперского, весьма и по образу армейского, чуть ли не тотального огосударствления всего странового бытия. В общем: *Первопроект — внутренний антипроект — Новый проект из и в рамках Первопроекта*!

Однако сталинский проект, пережив взлет, сонм побед, включая победу на космической стезе, массу достижений, как и не избегнув поражений, промахов и неудач, просуществовал как исполненная реальность всего лишь плюс-минус 70 лет и… был сначала источен изнутри, а затем и низвергнут, да ладно бы низвергнут его внешними противниками — либералистами из Евро-Америки, а то ведь выросшими в среде сталинского проекта его еще более ярыми, чем внешние, внутренними, уже и либералистическими, противниками, что, согласимся, говорит о многом: что-то в проекте, начиная с Первопроекта и кончая им самим — сталинским — проектом, было явно не так, может, не так даже в самом по себе проекте, как в созидаемом им бытии и в людях, им — проектом — окормлявшихся.

Даже сам Сталин (уже не как феномен, а как личность), судя по его последним перед уходом из жизни высказываниям, понимал, что созданное под его водительством в яростное, мобилизационное, кризисно-милитарное время тотально этатическое устроение бытия не может долее продолжаться и требует, несмотря на повседневный героизм признававших его и в нем участвовавших граждан, существенных перемен, причем

в сторону… как раз… *либерализма*, однако в мере, не способной устранить ни ведущих основ сталинского проекта, ни главных ориентиров Первопроекта, с которым сталинский проект не только не порывал, а, наоборот, после Великой победы в Великой войне еще более с ним сынтегрировался, прочно овладев в нем — Первопроекте — миромасштабным лидерством, да еще с обретением мировой соцсистемы под фактически имперским патронатом СССР.

И все же сталинский проект вкупе, заметим особо, не только с СССР и мировой соцсистемой, а и всем мировым соцкомпроектом, в одночасье рухнул, ловко подточенный в СССР изнутри, преданный оттуда же и удачно извне подтолкнутый в небытие усилиями западного либерализма (пусть и квазилиберализма, в угоду самому себе вполне авторитарного, тоталитарного, империального, колониального, злого, беспощадного!).

Вторая половина XX в. — время борьбы в рамках и на полях *Большого ренессансно-просвещенческого Проекта*, или *Протопроекта*, двух глобальных евросубпроектов, оставшихся на свету после их совместной победы по итогам Великой войны 1939—1945 гг., как оказалось, правда, вовсе не полной и не окончательной, над фашистским евросубпроектом, а именно, с одной стороны, проекта *либерального* (Евро-Америка) и, с другой, скажем так, проекта *соцкоммунистического* (СССР, мировая соцсистема, мировое соцкомдвижение), той самой борьбы, которая и завершилась на рубеже 1980—1900-х в пользу мирового либерализма во главе с США и сидящей у США за пазухой непотопляемой Великобританией.

Сталинский проект — этатический, армейского образца, хронически мобилизационный, социабельский, жертвенный, жесткий, хоть по-своему и *народный*, даже немало и *соборный*, хоть и отвечал адекватно острому историческому моменту 1930—1940-х гг., но не смог ответить на запрос *исторического бытия вообще*, а людской мир, как бы лояльно и даже преданно ни относившийся в своей ведущей части к сему сталинскому проекту в кризисно-милитарно-рисковые времена, не мог постоянно, сколь угодно долго, а главное — покорно и признательно, еще и героически, находиться под проектом и в его лоне, нуждаясь все-таки в иной, даже частью и в беспроектной, но все-таки полноценной людской жизни, не только служа беспримерному проекту, но и свободно самореализуясь, включая и экономическое предпринимательство, и свободное

творчество, и открытость всему миру, что означало явный уклон к либерализму, пусть и не «*ихнему*», а *своему*, но все-таки к *либерализму*.

Противоречие между сталинским проектом, не отошедшим вполне от выдуманного в Европе соцкоммунистического Первопроекта, и людским на Земле бытием, не исключая и разнообразной природы человека как человека, далеко не склонной ни к природному, ни к сакральному, ни к социальному, ни попросту к человеческому совершенству, не нашло в послесталинское время приемлемого как для проекта, так и для охваченного им люда не то что позитивного разрешения, но даже и адекватного проекту понимания у правивших тогда верхов как необходимости существенных перемен, так и за их неисполнение великой исторической ответственности, а главное — не достало воли к действию, чего всего вкупе то ли не хватило у властей предержащих, то ли вообще не было самим проектом предположено, зато было очень хорошо использовано вовсе, как оказалось, не мифическими и даже не загадочными противниками что сталинского проекта, что соцкомпервопроекта, результатом чего стали сначала источание и ослабление сих проектов, затем предательская сдача послесталинской страны и ее по преимуществу не слишком-то ей верных стран-сателлитов противнику — Западу, а потом и их — обоих соцкомпроектов — ликвидация.

Да, это было *поражение* — ПОРАЖЕНИЕ!, да не так в холодной войне с Западом, хоть это тоже по метафизическому факту имело место, как в ожесточенном соревновании двух в рамках ренессансо-просвещенческого Протопроекта субпроектов — либерального и соцкоммунистического, а в лоне последнего еще и сталинского субпроекта, причем поражение, сравнимое пусть и с добровольной, но все-таки *капитуляцией* — западный либерализм не так победил тогда, даже в той же холодной войне, как попросту принял внезапную капитуляцию, однако не со стороны им вдруг побежденных сторонников проигравшего проекта, а со стороны взрастившихся в лоне отвергнутого проекта его — проекта — экзистенциальных противников и попросту непреклонных врагов.

А в итоге-то ведь не одна лишь явилась победа либерализма над соцкоммунизмом, а еще и возникли дополнительные возможности для исполнения Протопроекта уже как *вполне себе планетарного*, однако вовсе не какого-то там земно-всеобщего, а лишь как исполнявшегося в своих интересах Западом своего же, хоть и весьма сомнительного до самоотрицания, *имперо-колониального псевдолиберального проекта*

(если помягче выразиться, то имперо-либерального, диктато-либерального, а ежели пожестче и поточнее, то прямо-таки либерал-фашиствующего), отчего, кстати, и родился рече-деловой слоган — ***глобализм*** — ГЛОБАЛИЗМ!, что означало, не только планетарный масштаб вершившегося и завершавшегося проекта, но и доминирование над этим геостратегическим масштабом западного вершителя и завершителя в лице, правда, вовсе не всего Запада, а более всего, если не единственно, США с Великобританией.

Итак: *явился небывалый шанс возникновения и победы небывалой ранее общепланетарной, или глобальной, либерал-эконом-фашистской суперимперии с властно-управляющим англосаксонским центром, исполнявшим в своих интересах и по своему замыслу ренессансно-просвещенческий Протопроект.*

Да, шанс тут возник и даже весьма реализовался, аж до чуть ли не самого́, знаете ли, «конца истории», да вот не до конца собственной же реализации, пусть даже не хватило всего лишь каких-нибудь десять-двадцать процентов, хотя надо думать, куда как поболе, да не в том тут дело: небывалый шанс явно замаячил перед мировым западным правлением чуть ли не стопроцентным призраком, а вот в реальности он на все сто так и не воплотился, хотя и того, что сталось, было и так фантастически много.

Стопроцентному воплощению в реальность сего фантастического глобоимперского замысла мешала не только насыщенная разнообразным историческим археоматериалом и естественно сопротивлявшаяся суперимперскому натиску мирозе́мная реальность, хоть и вынужденная поначалу сему суперпроекту уступать, но и то важнейшее обстоятельство-свойство планетарной реальности, состоявшее в принципиально-фундаментальной своей особенности — не допускать ни создания *единого всемирного порядка*, ни возможности реализации на его основе и в его рамках *эффективного управления планетарным человечеством из одного центра.*

Тут уж действует вполне себе сакральный закон Вавилонского столпотворения!

Этот-то закон немедленно в реалиях и сказался.

Российская Федерация

Хоть вместо СССР и было учреждено фи́говое Содружество Независимых государств — СНГ, оно же, как оказалось, и (Не)СНГ, отчего

выходило, что в реалиях может быть и, как видно, бывает и «Содружество зависимых государств» — (Не)СЗГ, но формальным и даже истинным наследником СССР стала *Российская Федерация* — РФ, возникшая на месте упраздненной Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а к каждому из составляющих сие название слов можно было бы тоже приклеить, как и к СССР, коварно-ехидное (Не), что можно было бы, в общем-то, сделать и для РФ, но, правда, уже с немалой контентной натяжкой, поскольку сие название было всего лишь нечто вроде бренда и не более того, а потому ни на какой особый реальный смысл вовсе не претендовало.

Однако страна под названием «Российская Федерация» по итогам ее искрометной сдачи, хоть и не со всеми вчистую потрохами, улыбчивому Западу, а точнее, суперимперским, и особенно при этом улыбчивым США, и впрямь оказалась в «Содружестве зависимых государств», впустив в себя западный мир вместе с его наставниками-управленцами-эксплуататорами-колонизаторами, кинувшись на Запад за экзистенциальным примером и даже рассчитывая на с его стороны дружественное партнерство, при этом яростно переделывая себя под Запад, конечно, в русле *вассального колониалитета*, ибо ничего другого Запад поверженному им противнику предложить не мог, не собирался и, разумеется, самоуверенно не предложил.

Пришлось властям и прозападных перемен в стране предержащим на все это не без чувства удовлетворенного экзистент-мазохизма согласиться, однако с тем важным условием, что победитель не станет препятствовать не только раскрутке в стране колониального экономико-хозяйственного каннибализма, но и возникновению наряду с колониальной администрацией еще и компрадорского слоя крупных владетелей странового богатства и всей остающейся в стране после прозападного погрома, главным образом уже энерго-сырьевой, производительной силы.

Так, собственно, все в стране и образовалось, пусть и не гладко, и не по всему страновому полюшку-полю одинаково, и с кое-какими уступками со стороны почти уже владетельного (чуть ли не метропольного) Запада (США), а где-то и с его стороны недосмотром и промашками, как и с кое-какой неуступчивостью и даже не сильно гласным сопротивлением со стороны россиян, прежде всего как раз крупной собственности и центральной власти предержащих, а когда все это более или менее свершилось, то волей-неволей возник вопрос: «Кто же мы, великая держава или тварь дрожащая?», на который вдруг последовал ответ: «Держава!»,

а затем, отбив возможность распада РФ по сценарию распада СССР, внушив себе и Западу возможность присоединения к нему в качестве не более и не менее как партнерского актора, так или иначе при этом противостоявшего-де Востоку и Югу, что устраивало Запад (отчего и появление G-8), однако, пройдя фазу «партнерской (не)дружбы» с Западом и убедившись, что Запад вовсе не склонен к равноправным партнерским отношениям, рассматривая РФ лишь как своего, пусть и оригинального (с ядерным оружием в руках!), но все-таки… вассала, подразумевшаяся лишь в уме державой и сильно подуснувшая было в новых реалиях держава вдруг заявила о себе как именно *держава* — ДЕРЖАВА!, подразобравшись к тому моменту с самою собою посредством административной революции 2000-х в пользу как раз своего ненаигранного «державства», устремленного к суверенности и полноценной субъектности, и, вызвав недоумение, разочарование и гнев со стороны западных кураторов, вдруг отведенных сначала робко, а затем все более напористо восставшей чуть ли не из пепла державой в сторону от себя, что повлекло не что-нибудь… нет, даже не конфронтацию… а самую настоящую войну Запада с Россией-РФ, поначалу вроде бы рецидивно холодную и как бы «мирную», а затем все более и более боевито разгоравшуюся вплоть до настоящей горячей войны, разразившейся на пространстве прямиком подошедшей под войновские игры Запада с Россией «незалежной» Украины.

Итак: *выворачивание бывшей РСФСР до кишок с вожделенным впрыскиванием в себя западно-мутно-ядовитого эликсира, затем момент натягивания балансировочного каната между РФ и Западом с не слишком заметным для внешнего глаза его — каната — перетягиванием то в одну, то в другую сторону, а уж потом… нет, не перерубка каната и не его внезапный саморазрыв… а продолжение перетягивания, однако с подослабевшей вдруг одной из сторон, как раз западной, и с подусилившейся вовсе не вдруг, а в ходе, пусть и не полного, но выворачивания себя, только что вполне революционно вывернутой, другой стороны — российской.*

Что же касается каната и его перетягивания, то даже война на Украине не стала — пока не стала! — разрубающим его александромакедонским мечом, ибо РФ как сделалась глубоко и масштабно вестернизированной в переходный период «от социализма к капитализму», так таковой во многом и осталась, хотя, заметим, шансы «саморазрыва» каната хотя бы по сценарию «самоподрыва» того же «Северного потока»,

пусть и не слишком, но все-таки усиливаются.

Что имеем сегодня? О-очень интересный, как говорится, исторический момент, он же и бытийная картина, пусть еще не картина маслом, но уж акварелью точно, когда «тока-тока» облаченная в желанные либерглобо-капиталовские одежды страна вдруг стала испытывать внутреннюю дрожь, если не тряску, да не так от страха перед западным теперь уже противником, даже и не от страха себя потерять вообще, как от потребности скинуть с себя напяленные на себя и себя же сковывающие заграничные лжедоспехи и — нет, не восстать, как уже было замечено, из пепла, хоть и не без этого, — а, скорее, вывалиться из охватившего ее прозападного морока, обретая пусть еще и вестернизированную во плоти, но поведенчески все-таки уже особенную самость.

Нет, не справилась пореформенная Российская Федерация с глубинной Россией, не загнала ее в небытие, хоть и отправила в Навь, как раз на границу Времени и Вечности, а Россия, она же Русь, Рось, как водится, не поддалась на давление РФ-симулякра, мало того, поддержав его в острокритический развилочный момент, затребовала в сторону и ради себя серьезных парадигмальных перемен, способных преодолеть полувынужденную симуляцию РФ, отстоять свою неутопическую реальность, оснастить свое бытие неотвратимой исторической правдой, отдать, если не вернуть, Россию не кому нибудь, а самой России, разумеется, не бывшей когда-то в прошлых реалиях России, а *новой России*, еще как раз и не бывалой.

Общие, конечно, слова, чуть ли не досуже-риторические, да вот что поделать, ежели бытие в поднебесье, да и повсюду в мироздании, вот такое: в смысловом аспекте, да и немало в функциональном, сокрытое, непрозрачное, туманное, это даже этакое, знаете ли, *крипто*бытие, которое вроде бы бытие, да мало что никому не известно какое бытие, так ведь еще и не известно какое небытие тоже, вот и разберись тут со всем этим, а еще и с Россией, даже и с той же мерцающей сокрытыми смыслами и открытым бессмыслием Российской Федерацией!

Одно, пожалуй, нынче ясно: не только не быть вестернизированной до мозга костей России (это — абсурд!), но, кажется, и самой Российской Федерации не быть уже до конца вестернизированной, как бы того ни хотело нынешнее страновое правление, сплошь, пусть лишь почти что сплошь, умом и даже душою прозападное, во всяком случае, лишь на толику пророссийское, вынужденно, так сказать, во спасение себя и удержания «тока-тока» под себя выстроенной родной-неродной

страны, как раз именно РФ, а не собственно России.

Тут два мощнейших и острейших противоречия: первое — между коренной Россией и нынешней сфабрикованной под Россию симулятивной Российской Федерацией, куда при этом более симулятивной, чем был СССР; второе — между, с одной стороны, не отпускающей страну русско-российской традицией, как раз и делающей страну *народной страной*, и, с другой стороны, внезапно, но зато о-очень расчетливо возникшей в ходе лукавых «либерально-рыночных» реформ, владетельно-правленческой элитой, — те самые противоречия, которые никак из нынешнего российского бытия не выкурить и от состояния которых, как и их разрешения-неразрешения, напрямую зависит на данный исторический момент не просто текущее бытие страны, а и вся ее дальнейшая судьба.

Понимают *это* нынешние РФ-верхи или нет, не суть важно, ибо сделать с собой и со своим режимом что-нибудь действительно радикальное по треку переделывания себя и режима в сторону *народной страны*, то бишь в сторону *коренной России*, попросту не в состоянии, да и желания на то у них особого нет, да и быть не может, а потому остается лишь, с одной стороны, дальнейшее, еще более изощренное, настойчивое и маскировочное, камуфлирование себя и режима под «российские», а с другой — консервацию, утверждение и деспотизацию себя и режима в сочетании с вынужденными уступками в пользу, а то и вовсе не в пользу, а в ущерб, постсоциального(ому) по замыслу верхов народного низа(у) и асоциальной по жгучему желанию тех же верхов услужливой середины.

Патриотическая реакция части россиян на развернувшуюся войну не должна удивлять, ибо это реакция народной страны на опасность, возникшую перед Россией как таковой, а не перед действующим ныне в стране режимом, но и реакция «ногами» другой части населения, сбежавшей за границу от всего лишь возможной их военной мобилизации, тоже не должна удивлять, как и отсутствие должной реакции на это исторически экстраординарное происшествие со стороны властей предержащих (как будто ничего и не было!), ибо то и другое является вполне адекватным «новой (Не)России», с какой бы стороны к этому чрезвычайному происшествию ни подойти — патриотической, непатриотической или даже протестной.

Да, так вот именно все в державе и идет, так все и будет идти: противоречиво, непонятно, вопросно, недоуменно, странно, неуклюже, исподтишка, будто бы из-за угла, как бы и понарошку, игрово, театрально,

синематографично, симулятивно, а главное — *скрытно*!, что как раз не только соответствует нынешней постмодерновой эпохе, но и навязано отсутствием у многих из ныне в мире крупной собственности и властей предержащих какой бы то ни было *легитимности* — хоть земно-человеческой, хоть небесно-сакральной, хоть историо-правовой, ибо у всех и везде найдется уязвимое «слабое местечко», оно же и «предательский пунктик», от которого, как от сингуляра, все *этакое* и исходит, а РФ тут вовсе не исключение, увы, не первое, да и, надо полагать, не последнее, в бытии-истории России, не говоря о мире в целом.

Однако жгучая проблема легитимности всего навороченного и ныне как бы в нем всего главенствующего таки стоит, аки осиновый кол среди разноцветной клумбы, на сверкающем фосфорическим светом симулятивном теле-призраке нынешней РФ, а настоящая в таких случаях легитимность достигается лишь победами в пользу, а не в ущерб народной России, как то случилось, к примеру, с тем же большевистским режимом — его победами в индустриализации, в Великой войне, в космосе, в образовании, в науке, в культуре, а вовсе не победами над народом, как то было поначалу в «гражданке», а затем в ходе тех же индустриализации и коллективизации, причем (sic!) стоило сталинскому режиму уже в постсталинском образе внутри себя затрещать, как сразу же обнажилась его *экзистенциальная нелегитимность*, а потому и возможность его отвержения, отмены и полной замены, да *таких* (sic!), что ни Сталину, ни Ленину, ни Карлу Марксу с Фридрихом Энгельсом, ни даже Троцкому с Бухариным в самом кошмарном сне не приснилось бы (бац… э-э… даже не бац, а… пуфф… и… *нету*!).

Вот и нынешний режим с его правлением стремится к победе в легитимизационной для него войне, пусть пока и не великой, чтоб в полный легитим прорваться и окончательно закрепить за собой свою же победу (?) над российским народом, но… но… одной тут военной победы (весьма пока и сомнительной) над впавшей в западную ересь Украиной явно недостаточно, даже и при пока еще наличествующей в РФ потребительской… лжепобеды над россиянами, ибо… ибо где в стране воистину людская среда обитания, где целостная населенческая общность, где настоящее доверие меж гражданами, институтами и ненаигранное доверие к власти, где уверенность масс и даже элиты в завтрашнем дне, где мораль и справедливость, где людская культура с такими же литературой и искусством, где хоть какая-нибудь официальная правда, где хотя бы доля откровенности, где в конце концов человеческая,

а не псевдочеловеческая, жизнь?.. о-о… какая же это тяжкая работа, тащить РФ-симулякр из болота в болото!

Что ж, ближайшее будущее, которое уже вовсю накапливается, кое-что из ныне сокрытого и прояснит: кто, что, зачем, ради чего, ну и, само собой, куда?

Гуманитарность

С уходом СССР с его гуманитарной начинкой и… нет, не с приходом, вовсе, а, скорее… с внезапным выпаданием из карточной колоды под кодовым названием «СССР», отправленной во мгновение ока прямиком в утиль, шестерочной крапленой карты с названным «РФ» (или «Российская Федерация»), отправилась во мгновение ока не одна СССР-овская гуманитарность (худо-бедно, но… *просвещенческая* — от *Просвещения*!), но и вся евромировская (она же, уже и не худо-бедно, *просвещенческая* — от *Европросвещения*!) гуманитарность… бац!.. и нет никакой пятисотлетней *еврогуманитарности,* — и какой же ударной интеллектуальной силой, не говоря о стилевом словотворческом изяществе, она была, эта гуманитарность: Кастильоне, Макьявелли, Декарт, Гегель, Кант, Гюго, Маркс, Гете, Ницше, Сартр, Хайдеггер, а у нас хотя бы Посошков, Ломоносов, Карамзин, Пушкин, В. Соловьев, Ленин, Бердяев, Булгаков, Сталин, да мало ли еще кто из гуманитарных просвещенцев что там — у них, что здесь — у нас, — ах, какая была гуманитарность! — высокая, плодовитая, всезнающая, разная, а главное — *утвердительная*!

И каким же значимым был он — огуманитаренный Просвещением человеческий мир, хоть и не без дрянца, как говорится, в том числе и гуманитарного, но зато… *каким* — КАКИМ! о-о, вполне и *сакральным*!

И вдруг… вдруг оказалось, что человек и его бытие на Земле совсем, или во многом, если не в главном, *не такие*, какими их почти что достоверно, как казалось, представляла себе самой и землянам хоть и разношерстная, но… *гуманитарность* — ГУМАНИТАРНОСТЬ! — а совсем, или во многом, если не в главном, какие-то.. э-эх… *иные*, можно сказать, по крайней мере, что и (*не)гуманитарные*, то бишь вроде бы напогляд гуманитарные, а на самом-то деле совсем и нет, аккурат уже никакие и не гуманитарные.

Для искренних *все-еще-гуманитариев* тут был поначалу шок, да еще какой!, за шоком нахлынуло оцепенение, за ним… тут уж по-раз-

ному… для кого уныние с прозябанием, для кого неизлечимая вера в исчезнувшую вдруг из реалий милую сердцу гуманитарность, ну а для кого-то борьба за *новую-де гуманитарность*, неизвестно, правда, какую, а пока… пока жалкое пребывание всех одураченных бытием-историей гуманитариев в стихии возникшей на месте благословенной в веках гуманитарности имитационно безóбразной и отъявленно безобрáзной *гуманитарщины* — ГУМАНИТАРЩИНЫ!

Да, на место какой-никакой гуманитарности пришла совсем уж никакая гуманитарщина: свершилась *великая интраантигуманитарная революция*, но это, как окончательно уже выяснилось, было еще не все: на место гуманитарности под прикрытием фальшивой гуманитарщины явилась и самая настоящая, уже и окаянная, и оголтелая, и смертоносная… э-э… *сатанинщина,* что то же самое — *псевдогуманитарный,* а по сути *совсем-не-гуманитарный*, точнее, *вполне-себе-антигуманитарный*, но зато и вполне себе *хомотворный,* конечно же, беспардонный и безбрежный, *сатанизам* — САТАНИЗМ!

Нет, не такой, каким он обычно изображается отрицающей его многие лета высокой гуманитарностью, с которым она вроде бы неистово боролась, а ведь в меру и уживалась, даже и усердно им пользовалась, немало и с иронией ухмыляясь, ибо как же без него — без *сатаноперчика*!, как и без полуправдишки, без лжинки, без пощипывания нервов, без толики лицемерия, без доли причудливой фантазии, без порции лукавой фанаберии, как, а-а?!, нет, не такой он вовсе, этот сатанизм, а знаете ли, весьма и… *гуманитарный,* — и теперь-то он уже не в роли пристяжного к гуманитарности бедового конька-горбунка, а вполне себе чистокровного жеребца-коренника — это уже во вполне себе апокалиптической упряжке вполне себе самостных и привередливых псевдогуманитарных коней: что тех — из вороных, что этих — из гнедых, что третьих — из серых, что четвертых — из сивых, что пятых — из никаких, а вся упряжка ведь прямо туда — в мироздание, в Преисподнюю, в Бездну, — и кто или что сей безумный коневой гон остановит, кто или что укротит разгоряченных апокалиптических коней, кто или что превратит их в божественные трансцендентные интенции, способные вернуть землянам бытие, историю, ту же высокую гуманитарность… э-эх… да вот стóит ли, да и возможно ли?.. э-эх… проклятые вопросы с не менее проклятыми *без*-ответами… может, и стóит, да видно, уже не выйдет, а ежели что и случится, то уже вовсе не гуманитарное, а ему противоположное — *искусственно-интеллектное*, как раз и высоко или совсем уж

низко *сатаническое*, отчего сегодняшний торжествующий и всюду проникающий сатанизм, — баламутный, дерзкий, яркий, многоцветный, игривый, феерический, веселый, беспардонный, прельстительный, захватывающий и т. д. и т. п. — не более чем предтеча воистинного сатанизма, совсем и не плохого, как и совсем не исключительно, что хорошего, а просто окончательно ликвидирующего остаточную гуманитарщину и вместе с этим обеспечивающего замену человека на *постчеловека*, на этого чипо-механо-искусственного агрегата, может, внешне поначалу и хомовидного, даже еще и с животной плотью, а уж потом, коли выгорит сие для оставшихся счастливцев, и впрямь какого-то духо-облачкового земно-космического невидимки.

Самое поразительное, что *все это* — не досужие выдумки неких осатанелых беллетристов, а самая что ни на есть сатано-фантастическая реальность.

Сатанизм

Нет, это вовсе не тот, скорее, не только тот, сатанизм, что восходит к падшему-де ангелу, отступнику от Бога, про́клятому Богом, Ему — Богу — сопернику по земно-космическим — прежде всего, человеческим — делам: разрушителя, соблазнителя, растлителя, лукавого проводника из Света мира в мир Тьмы, да и попросту погубителя, в общем, сатанизм сей не от сатаны как такового, хоть и это имеет место, а от самого что ни на есть *человека*, а потому и вполне себе *человеческий сатанизм*, или ***хомосатанизам***, вовсе и не обязательно обязанный явному отпадению человека от Бога, от религии, от обыденной, так сказать, святости, нет, вполне себе родной, хозяйский, братский, настолько при этом гуманитарно-антигуманитарный, что само это понятие — *сатанизм* — уже стало вполне себе светским, ходячим, даже и, пусть еще и не строго, научным, не то что философическим, ибо многое из ныне вокруг происходящего, как, разумеется, всегда так или иначе происходившего, а ныне происходящего как-то особенно масштабно, убедительно и победительно, что не говорить о сем вполне себе реалистичном и вездесущем сатаническом феномене, да и иначе, как об истинном сатанизме, уже не приходится, а ежели дать сему «потрясному» феномену оценочное определение, то… нет, не как что-то плохое, не как что-то предосудительное, даже не как что-то недопустимо скверное, — чего только на свете дрянного или дурного нет и не бывает, причем везде и всюду!, да еще и не такого уж и впрямь античеловеческого (подумаешь, невидаль какая!), а… как раз *вполне себе человеческого*, слишком даже

человеческого, да и если б просто отвратительного, похабного или паскудного, ан-нет, вполне себе и, как говорится, комильфо, еще и изощренно по-гуманитарному оправдываемого, даже напогляд и по своему изумительного!

А вот чего же там в избытке? А-а… пожалуй, что… чего-то вызволенного, свободного, торжествующего… э-э… тогда чего же?.. наверное, все-таки… чего-то… *оборотного, изнаночного, животного, звериного, бесовского,* но непременно… ***очеловеченного***, отчего сатанизм сей, по-видимому, есть некое ***хомооборотничество***, что-то вроде и ***хомопреисподничества***, где, однако, оборотничество и преисподничество хоть и в фаворе, да вот под непременным крышеванием со стороны *хомо, хомо и хомо* — ХОМО! — вот так и никак, увы, иначе!

Да-а, теизм, атеизм, гуманизм, демократизм, финансизм, социализм, коммунизм, тот же фашизм, не лишены каждый в свою меру и в своей интерпретации толики, а то и заметной, знаете ли, глыбы, этого самого нашенского, то бишь земно-житейского, сатанизма, — что тут скрывать! — но что есть каждый из сих «измов» по сравнению с как таковым *сатанизмом* — САТАНИЗМОМ!? — они даже и не полноценные ему предтечи, а так… приготовишки, ибо тут ведь приход в мир земно-человеческий вполне себе *победоносного (не)человека*, причем через посредство… все того же Просвещения с его научно-техническим прогрессом и высокой гуманитарностью (какие в самом деле по высокому качеству и гуманитарной значимости явились вослед Просвещению философии, литературы, театры, музыки, балеты, художества!), разумеется, с непременным себя же самоотрицательным исходом и прогрессным расчеловечиванием прогрессивного-де человека, его денатурализацией и ментальной перелицовкой, — и *это вкупе все* — ЭТО ВСЕ! — явилось, — конечно же, не с первой в бытии-истории оцивилизованного человечества попытки, — да и вовсе не для того, чтобы обслуживать и осчастливливать *этому всему* вовсе и не нужных ему человекообра́зов, а чтобы покорить их, превратив их из «обра́зов» в *человкоподобных образин*!

А что *там*, на конце (на кончике кощеевой иглы!) торжествующего сатанизма? А там, знаете ли… ничего… кроме э-э… *конца* — КОНЦА!, –правда, с возможным кое-каким знаменательным для все-еще-человека продолжением, ибо тут могут вмешаться Иное, Великая Неизвестность, мироздание, Господь Бог, — и лишь одно оттого занимает сейчас гуманитарное воображение этого самого *все-еще-человека*, как ему

кажется, что именно как… *человека* — ЧЕЛОВЕКА!: входит ли сие сатаническое протяжение бытия-истории с конечным отрицанием Бытия-Истории в планы всего этого вышеназванного *Трансцендентального*, то бишь ***ино***мирного, если не попросту ***вне***мирного, хоть мир сей, который *как бы наш*, а на самом-то деле он — и вовсе *не как бы* — как раз *их*, отчего все это Трансцендентальное насовсем никуда и никогда не покидает сей мир, во всяком случае, до некоторых никому из смертных не известных пор?

А пока триумф *сатанизма* — САТАНИЗМА! — не так мифотворного *сатанизма*, а как вполне себе реалистичного *сатанизма*, вполне себе и, — по подобию сознанию, разуму, памяти, — *субстанциального*, то бишь достаточно в мире сем крепко сидящего, еще и наверху сидящего, на крыше, так сказать, мира, на башне, на горе, пусть и на плоских, на усеченных, на срезанных их вершинах, но ведь сидит же, сидит!

Что вовсе не мифотворно, так это нынешний *реалистический сатанизм*, он же и *сатанический реализм*!

За сатаническое можно принять очень многое, не сильно при этом и ошибаясь, прежде всего ложное, обманное, каверзное, что понятно, менее же заметно, но всего более адекватно сатанизму им горячо любимое… *правдоподобие*, а с ним вместе то, что обычно называется… нет, не иллюзией как таковой, хоть и не без нее, а… *кажимостью*: сатанизм любит *казаться*, как раз *правдоподобно казаться*, что и приносит ему наиболее радующий его гешефт — факт!

А почему все-таки сатанизм выделен нынче устоявшей перед ним все-еще-гуманитарностью, более или менее очищенной от по преимуществу невольно принятого ею сатанического элемента, мало что в особую *категорию*, вполне, кстати, и гуманитарную, а и в особое в обществе реально-фактическое ***присутствие***, при этом все равно какое: системно-строевое, режимно-властное, идейно-политическое, причем присутствие не как просто пребывание, что всегда было и везде нынче есть, а выделен как доминирующая, если уже не господствующая, в мире человеческом (может, уже и получеловеческом) *устроительно-управленческая сила* (вроде принятой в политэкономии производительной силы), однако всецело физиогномирующая соответствующим ей образом и весь мир человеческий (если уже не получеловеческий)?

Любопытно, что сказав о современном обустройстве, управлении, идеологическом обветривании и культурном (пусть более всего и псевдо- и антикультурном) оснащении современного земно-космо-человеческого

бытия как о *сатанических*, все как-то сразу и становится ясно, но не в смысло-содержательном плане, а как раз наоборот — в бессмысленно-бессодержательном (как раз в правдоподобно-кажущемся) ракурсе: единственно реальный смысл сатанизма, сопряженный с его содержанием — это… *пустота* — ПУСТОТА!, да-да, именно так: все у сатаны, как и он сам — *пустое* — ПУСТОЕ!, а что касается торжествующего ныне хомосатанизма, то все *вроде бы* реальное и *как бы* содержательно наполненное, с чем он выходит ежемоментно на паперть жизни (уже немало и нежизни), есть не более чем показное прикрытие своей неизбывной *пустоты* — ПУСТОТЫ!

Паразит он — сатанизм, да еще какой — пустотелый, пустоголовый и пустозвонный, однако для многих мало что всецело приемлемый, но еще и трепетно нравящийся — пустоту-то свою им надо же чем-то прикрывать, вот на выручку и приходит лишь прикрытая ущербной кажимостью все та же *пустота* — ПУСТОТА! — вот, собственно, и все!

Война

В войне нет ничего необычного: все бытие человеческое так или иначе есть *война*, хотя и сочетающаяся с тем, что человек называет *миром* (невойной), а чего больше — мира или войны, ежели под войной понимать и ссоры, и драки, и пресловутую конкуренцию, и бесподобную толкучку на торговых площадях, даже и спортивное соперничество, то пусть об этом в адрес и в пользу войны или мира, как и мира или войны, каждый человек судит сам. И дело тут не в том, чего больше — войны или мира, а в том, что нет мира без войны, как и войны без мира, отчего уместно говорить о *мире-войне*, как и *войне-мире*, а иного человеку, этому вроде бы божиему созданию, попросту не дано. Божиим-то человек, может и быть, иной раз и в самом деле он таковой и есть, да вот почему-то (что в обыденном плане в общем-то совершенно понятно, ибо зверь, он и есть зверь, какой бы словесностью ни прикрывался!) человече еще и вполне себе *сатанообразен,* — вот она, какая тут то ли вещь, она же и весть, то ли просто штука, она же и попросту загогулина!

Гуманоид! Да, гуманоид, ибо озознаниен, овербалиен, олингвиниен, отчего он и *теоиден*, но при этом, как кажется, по вине того же сознания, которое и дар, и ноша, и бремя, а то и наказание, человече наш еще и *сатаноиден*, а уж как и почему, кроме животности, звериности и бесоподобности, это опять же пусть каждый умник по-своему и судит.

Война — такое же достояние бытия, как и жизнь, труд, размножение, смерть, — и нечему тут удивляться: воевали, воюем и будем воевать, а кто, вдруг, в мир во всем мире крепко поверит, тот легкой добычей для других гуманоидов-сатаноидов и станет, а уж ежели кто поверит в искреннюю, сердечную, незыблемую и бесконечную (вечную) дружбу какого-нибудь человекообразного оборотня, тот уж станет его добычей непременно и без проволочек.

Что ж, выходит, что и дружбы среди людей нет, и дружить нельзя? Да нет, конечно, и дружба есть, и дружить можно, а иной раз и искренне, и сердечно, и незыблемо, и, что называется, навсегда, но… но… всякое тут бывает: от крепкой дружбы до не менее крепкой вражды достаточно даже не одного шага, а всего лишь одного мгновения!

Дружба, строго говоря — не просто признание другого как самого себя, но и когда сам ты в другом, а другой в тебе — не больше и не меньше, — и что интересно: бывает сие, мало того — *есть*! — однако не то чтобы как исключение, а всего лишь как нечто… э-э… наряду, рядом, вопреки все тем же соперничеству, вражде, войне.

Нет, дружба — не иллюзия, хоть и бывает иллюзорной, кажущейся, даже и прикидывающейся, но она ни во времени, ни в пространстве никак не абсолютна, не всеобща, а вполне себе относительна, фрагментарна, дискретна, прерывна, смертна.

Зачем мы тут вдруг о дружбе? Разумеется, из-за войны, да не иносказательной, а настоящей, вполне реальной, даже вполне войновской — с лязгом, хрипом, воем, грохотом, разрушениями, болью, стоном, погибелью, ну и торжеством среди всего этого неприглядного вполне себе приглядных героизма и победности, в той или иной степени и пирровых.

Война, да ведь не на коммунальной кухне меж соседками или теми же «хозяйвами» дачных участков в садово-огородном «товариществе», — чего не бывает! — а война геополитическая, межгосударственная, международная, межидейная, межцивилизационная, да не за что-нибудь, а за жизнь, еще и либо господскую, либо рабскую, — и никакого тебе диванного выбора, кроме в той или иной мере и в том или ином качестве боевого: либо ты врага, либо он тебя, вот и вся тут недолга!

И интересно: только еще вчера вроде бы партнеры, друзья, чуть ли не союзники, а сегодня уже мало что соперники, противники, так ведь и враги, да ладно бы враги, а то ведь «не на жизнь, а насмерть», да и кто?, ладно бы сторонние, иноплеменные, иноверческие, а то ведь вроде бы *свои*, чуть ли не *по крови* свои, да ладно бы убежденные в какой-то своей

правоте добровольцы, а то ведь и насильно-де мобилизованные, но ведь упорно сражающиеся, мало того, отдающие на поле битвы свои жизни.

Как тут ни крути, а войновская война, этот сгусток жизни и смерти, эта, как стало особенно модно ныне говорить, мясорубка (как бы и бессмысленная!) — неотъемлемый факт-фактор-фактория человеческого бытия, вполне н-е-о-б-х-о-д-и-м-о ему присущая, как когда-то было необходимым лечебным актом в медицине кровопускание.

Да, *необходимо присуща*!

И вовсе не только из-за нехватки у кого-то жизненных ресурсов или того же жизненного пространства; не только из желания кого-то покорить себе подобного-неподобного и заставить себе служить, на себя работать; даже не только потому, что кто-то хочет быть, как ему кажется, независимым, свободным, а главное, самим по себе, как ему это «свое» представляется, — нет, не только, даже и не столько, ибо у войны есть еще и сакральное себя обоснование, причем не только в соревновательно-конкурентно-господско-рабских, как и суверенно-вассальских интенциях текущего человеческого бытия, но и в потенции самого бытия как такового, то бишь *самого по себе бытия* и *самой по себе войны*, в результате чего получается, что война, обосновываемая немало и надуманными, даже и фальшивыми обстоятельствиами-причинами, приходит в реальность так или иначе *сама* — САМА!, — хотят того в тот или в иной момент человеки или не хотят, значения не имеет, ибо того хочет сама человечески-нечеловеческая реальность, как, собственно, хочется ей вдруг и той же революции вкупе с той же ожесточенной «гражданкой» тоже.

Вот и нынешняя войнушка, грозящая перерасти в глобальную войну, пришла не только по видимо-невидимым и называемо-скрываемым внешним обстоятельствам-причинам, но и по желанию самого бытия и самой бытийственной войны, ибо так решила Великая Неизвестность и так распорядилось Великое Иное: мир планетарный в ходе еще никому из смертных толком не известных, хоть и охотно-неохотно предвидиемых и намечаемых *тектонических перемен*, да ладно бы в направлении нового справедливо-несправедливого устройства планетарного мира, а то ведь сам черт не знает чего, зачем, почему, с кем из акторов, в каком человеческом изобилии, на каких экзистент-условиях, в каком видимо-невидимом виде… о-о… может, вовсе и не переустройства, а глубинно-целостного *пере*… а вот какого-такого *пере* — ПЕРЕ! — пере*лице*-вания, что ли, а-а? — от одного, так сказать, бытийно-исторического лица (лучше сказать, «морды-лица») к другому — да вот к какому?

Будущее (Не)Будущее

Впервые, пожалуй, человечество оказалось не просто перед неизвестным будущим, что всегда было и никого никогда особенно не смущало, даже, наоборот, заинтриговывало и подвигало к проектам и за них не пренебрегавшей кровопусканием борьбе, а вот теперь оказалось, что оно — будущее — мало что оказывается перед *неизвестным будущим,* так ведь еще и перед — вовсе не обязательно, что и реальной — *будущей неизвестностью* — НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ! — и это в момент триумфа хозяйствующего на Земле человека с его почти-покорением природы, почти-освоением космоса, почти-переделом и самого человека — как раз как существа — из осознаниенного природного животного в чипо-оцифрованную, пусть и все еще телесную, да, видно, уже иначе телесную матрицу, опять же в среде существенно сокращенной в числе массы землекосмосопользователей.

Что-о, не может такого быть?

Может или не может, кому как нравится, да вот попробуй-ка доказать, что не может, ну и обосновать то, что как бы и может, кроме, конечно, *конца* — КОНЦА! — да вот с новым началом иль уже без него, а ежели все-таки с началом, то тогда что же *этакого*, кроме фантастически нечеловеческого, о сем начале сказать-то нынче можно, а-а?

Ах, этот Екклесиаст, со своим «все проходит», так ведь и *это* — ЭТО! — тоже может пройти, да так, что на его место уже может ничего, кроме *ничего* — НИЧЕГО! — и не прийти, — почему нет?

Ну да ладно, война-то, вполне и реальная, вовсю идет, и мир нынешний вовсю рушится, тоже вполне реально, ну и контуры будущего мира, как раз ближайшего, вроде бы у сильных-де мира сего проглядывают, а самое тут важное для нас — россиян, что Россия-РФ как раз в самый пекловый центр-очаг… э-э… *процесса* (пусть будет так — *процесса* — ПРОЦЕССА!) и ухнулась, да не как лишь обозреватель, свидетель, прогнозист и проектант, и уж тем более не как вознесенный над международной бытийной суетой сакрализованный третейский судия, а более всего как непосредственный в войне и ми́ровской суете участник, мало того — как объект и субъект сей войны, ее главная жертва и основной боец, как вполне себе растревоженный… нет, не как улей, конечно, хоть это и есть, а как сам себя и мир вокруг, да что вокруг, и в целостности тоже, сакральный *передельщик*!

Да, война сия необычна и странна, по-своему и загадочна, этакая война-ключ, война-спусковой крючок, да и попросту война-крючок.

Вроде бы война РФ с Украиной (точнее, с Укронией — от «укров»); война Запада против России (который уже раз!), ну и России против Запада (тоже который уже раз!); с одной, как раз западной, стороны, война явно имперо-колониальная, господско-вассальная, с отчетливо геноцидным мотивом (антиэтнорусским!), а с другой, уже российской, стороны, война защитная, антизападоимперская, однако и от России-РФ имперонаступательная, пусть, как уже бывало в российской истории, пока и какая-то невнятно-задумчивая, вялая, странная.

И что же в сей войне такого уж странного? Нет, не то, что тут очередной спор среди братьев-славян, даже не то, что меж евразийскими и прозападными славянами, а, пожалуй, то, что война идет вроде бы *за русский мир*, причем исторически обусловленный русский мир, а воюют в ней меж собой, пусть и наряду с этническими украинцами (и «украми» тоже), не кто иные, как *русские* (из России) и… *русские* (с Украины), что означает мало что родственное междоусобье (как бы брат на брата!), да вовсе и не обычное гражданское, а, пожалуй что, чуть ли не межмировское (восточнорусское с прозападнорусским — раскол тут, стало быть, в русском мире!), так ведь еще война сия, то бишь и русское с обеих сторон кровопускание, идет не то чтобы *в интересах всего мира*, то уж *в залог всему миру* — точно!, отчего тут не так вовсе благородное самопожертвование русских (и русскими) землян на планете, как вовсе не благородная, а вполне себе бездарная русская жертва общеми́ровой, а вовсе не только, даже и не столько собственно западной *алчности*.

То, что Запад алчен, все в мире знают, как и то, что он, увы, развитиен и прогрессивен (нравится это кому-то или нет!), что тоже все в мире знают, а вот то, что *весь мир человеческий (от нулевого меридиана до нулевого) алчен*, не то чтобы не знают, но как-то не все придают, особливо в России-РФ, *этой* врожденной ми́ровой алчности достаточного и вполне ею заслуженного значения.

«Из полымя да в полымя» — чем не Екклесиаст, а-а? И у нынешней России-РФ есть такой пламенный шанс — попасть из когтистых львиных атлантических и волчих западноевропейских лап в клыкастую пасть китайского дракона и того же исламского тигра, как и остается шанс выскочить из того и другого полымя полноценной Россией, но непременно обращенной к *самой себе*, а следственно и к *будущему* — БУДУЩЕМУ!, как раз шанс того, чего ожидает от России-РФ вовсе не занятое собой и только собой человечество, причем в лице не так народов, как рассевшихся там и сям по человечеству хищных элит, а ожидает

сам Господь Бог вкупе с Великой Неизвестностью и Великим Иным вовсе еще не покинувших и уж тем более не приговоривших Россию к исчезновению, однако без встречных в их сторону со стороны России-РФ ходов тут ничего у России-РФ не выйдет, а ходы сии должны быть у России-РФ вовсе не так в сторону от себя, а прежде всего, повторяем, *в сторону самой себя*, а это, как нетрудно в общем-то уяснить, как раз и всего труднее, ибо требуется кое-что мучительно-невозможное, а именно *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, на которое и работает нынешняя война — да не навстречу войне лишь идти тут надо, ее насущным потребностям, а и, осознав сакральное значение этой *странной войны*, идти не так *к* войне, что надо делать и что здесь ничуть не оспаривается, а *от* войны — как раз *к России как России*, разумеется, не отгораживаясь от мира, даже не избегая и его западной, ныне явно враждебной для России-РФ, фракции: только *Россия как Россия* способна выстоять и повести за собой, причем *не за счет себя* — что ныне весьма возможно, да и то лишь желающих не только идти за Россией, но и быть *вместе с нею*, а много ли в зе́мном мире таких вот явных и твердых сторонников России?

Бойся, Россия, сладких слов что с Запада, что с Востока, что с Юга, бойся!

Россия может рассчитывать *только* — ТОЛЬКО! — на ***саму себя***, частично и в меру на попутчиков, да и то более вынужденных, чем добровольных, отчего и не очень постоянных, и не сильно верных, а совсем уж в порядке исключения может она рассчитывать на союзников, тоже ведь вынужденных, хотя, быть может, и более постоянных, но, увы, тоже не слишком верных, однако во всех случаях, как заметил бы проницательный Екклесиаст, с *непременной платой* со стороны, а не в сторону, России, по преимуществу и превышающей ценность попутчиковой и даже союзнической услуги. *Объедят, да еще и как объедят, разве лишь косточки оставят, да и то вряд ли — не оставят!*

Весь мир — осознанно и не совсем осознанно, даже и трансцендентно — совсем не против преодолеть свое нынешнее коллизионное (не)состояние за счет России, а складывающийся ныне под диктовку США *всемирный антироссийский фронт* — не шутки вовсе!, а с другой стороны, вроде бы намечающийся будто бы пророссийский… э-э… нет, не фронт, конечно, даже и не блок, да к тому же и не пророссийский вовсе, а всего лишь согласно уклончивым манерам и размытым намерениям гуртоправщиков как будто бы антизападный, так он, скорее… некий

неоформленный конструкт, даже всего лишь попытка какого-то конструкта, что-то *этакое* обещающая России в ее противоборстве с Западом, но при этом ничего из *такого* России особенно не сулящая. Вот и выходит: вложи себя в мир, Россия, отдай ему себя, впусти в себя мир, поделись с ним собою, тогда, может, и чем-то, вдруг, поможем, а вот сто́ит ли на самом деле и на длительное время помогать России… э-э… зависит от обстоятельств, среди которых на первом месте — мощь и экзистент-удача *самой России,* — и что интересно! — ***России как России***!

Не только Россия ждет на своих просторах Россию, но и весь так или иначе России сочувствующий, пусть и не без для себя какой-то выгоды, остальной мир, даже и не только России сочувствующий, а вполне ей и враждебный, он ведь тоже ждет, пусть и не без смешанной со страхом алчности, но таки… *ждет*!

Великая Россия!

И не по пространству лишь великая, не по ресурсам, не по материальному богатству, а по созидательной *для себя* мощи, как и по *своему проекту* прежде всего, а уж потом де по общеми́ровому.

Мир со своим будущим уперся в Россию, а Россия… нет, не так уперлась в мир, а как… вот тут и загадка из загадок, ибо никак нельзя не упереться России в мир, как и никак нельзя ей отстраниться от мира, а… а… остается лишь стать достойной, да не просто самой себя, а и своей, еще не очень-то ей и понятной *экзистенциально-исторической миссии*, для чего надо не только внутренне сконсолидироваться, не только, как было замечено выше, преобразиться, сблизившись с коренной Россией, но… уж «извиняйте, господа правители»… стать *гуманитарно иной*, обретя новую для себя и мира *собственную* (вроде ССБ — службы собственной безопасности) *гуманитарную идеологию* — вот она — ***сверхзадача***!

Новая (Не)гуманитарность

Гуманитарность как гуманитарность, то бишь гуманитарность в европросвещенческом понимании с ее каким-никаким, пусть и во многом надуманным и немало оборотническим, *гуманизмом* и соответствующими ему идеологией, словом, искусством, философией, наукой, даже и религией (с тем же протестантизмом, да и не только), эта-то гуманитар-

ность сегодня, как минимум — *в отмене*, хотя и не в полной мере по пространству людского бытия: *есть она, есть*!, разумеется, лишь на обочине главного ныне экситенциального трека, а оттого есть она в реалиях не более чем островками, архипелагами, да и то как более всего архаизм, как сброшенные с мозгов свободного-де человека-де вериги и опрокинутая им в мусорную яму ненужность, лишь мешающая движению сего псевдочеловека вперед — в оцифрованную неизвестность, в бескрайнее киберпространство, постчеловеческую небыль, впрочем, может, совсем и не так, а аккурат и наоборот, ибо при сей безумно разогнавшейся гонке вперед «чек» окажется вдруг… нет, не на том же месте, где и был, а, уж извините… *в пустоте*, — попробуй, вражий друг мой, доказать что-нибудь обратное, как раз непустотное, когда никто из ныне отчаянно бегущих не знает, куда, зачем, да и почему он бежит, захваченный словно вихрем какой-то уже нечеловеческой, хоть и вызволенной на свет самим же человеком всесокрушающей, всем овладевающей и все поглощающей, вполне уже и дьявольской силой.

О какой же ***новой гуманитарности*** можно в таком разе говорить?

Обновленной, наверное, да и немало обновленной, а лучше бы сказать — о какой-то уже ***иной гуманитарности***, а скорее всего — о ***новой (не)гуманитарности***, о которой человек пока и помыслить не может, которая, однако, без споспешествования кризиса, беды, катастрофы, той же всесокрушающей войны, немало и гуманитарно-антигуманитарных, просто так на грешную землю не явится.

Вот он, настоящий-то уже призрак, надвигающийся на мир земный — *призрак нового (не)гуманитаризма*, такой нежеланный для нынешних оцифрованных прогрессистов, как и для соблазненных ими земных толп, однако все еще желанный для *все-еще-людей*, почти что уже и исчезнувших, правда, не более чем в Навь, причем, как ни странно, с возвратным в Явь билетом.

Здесь не благонамеренные утопические мечты, а самая обыкновенная констатация: *ничто из бытия-истории не исчезает бесследно*, не только сатанизм не исчезает, но и высокий гуманизм тоже, превращаясь не в полное ничто, а всего лишь в *ничто*-женный осадок, дожидающийся непременного возрождения: так было, так есть, так и будет, ежели, конечно, что-нибудь из человеческого вообще на свете будет, отчего у нас и слоган своеобразный выше приведен — «***Новая (Не)гуманитарность***», ибо новая-то новая, да вот гуманитарность ли или еще что, никому из смертных еще не известное, а ежели все-таки гуманитарность,

пусть и новая, и пока совсем не известная, да вот какая же все-таки, а-а?

Переменная ныне эпоха: компьютеризированные ньюнеандерталы ведут наступление на гуманизированных археокроманьолов — факт! *Неонеандертальская революция!* И как всякая революция, она не достигнет вполне своих целей, хоть и перевернет земный мир и сделает его… *иным* — ИНЫМ!

Э-э, тут-то вот и явится спасение, ежели не случится конечного конца… как раз явится в чем-то *ином* — никому ныне не ведомом, то бишь не в том из возможного, не в другом, даже и не в третьем, а… ежели уж еще *не конечный конец* — не-КОНЕЦ! — то в единственно *на тот момент* возможном варианте, а пока — ТАЙНА!

Да, *тайна* — ТАЙНА!

А как же еще, коли вокруг Великая Неизвестность с потаенным Великим Иным, да София с тщательно запрятанной в себе Премудростью Божией, а уж Господь Бог… что Господь Бог? — у него ведь свои планы, включая и Страшный Суд с участием Христа, так что всякое ожидает человека (не)разумного, всякое, а потому, ежели говорить о все-еще-людях, то не так разум, как… нет, не только вера как вера, а… *стойкость*, подкрепляемая, помимо веры как веры, стоической на сей критический бытийно-исторический момент… э-э… *идеологией*, да-да — ИДЕОЛОГИЕЙ!, а лучше бы сказать, идеософией — ИДЕОСОФИЕЙ!.. а-а… догадался-таки проницательный читатель — *софиасофией* — СОФИАСОФИЕЙ!, то бишь с прямым обращением переживающего, чувствующего и мыслящего сознания к Софии Премудрости Божией ради поиска ответа на мучающие ныне все-еще-человека вопросы, которые он не находит готовенькими в затверженной памяти прошлого, а может найти, если повезет, только в вершащемся настоящем, завязывающим какое-то вроде бы моделируемое современниками будущее, пусть и не вполне ясное, и не до непременного конца, но которое станет-таки *иным* — ИНЫМ!

Иной

Иной гуманитарий — одно, а вот ***гуманитарный иной*** — совсем другое, и ежели иной гуманитарий может быть любым, даже и сатаническим, по сути как раз антигуманитарным, вполне и зловредным, хоть и слыть за настоящего-де гуманитария вроде… э-э… не будем *фамиль*-ярничать, называя имена, то *гуманитарный иной*, он же и попросту ИНОЙ, не может не быть ***софиасофически иным***, что… нет, не открывает ему последней (и первой тоже!) мирозданческой Тайны, но позволяет быть

рядом с Тайной, да не как тупая движимая недвижимость, а как доверительный с Тайной… э-э… *немотный собеседник*, а лучше сказать — как ее *вдумчивый стяжатель*: не знает ничего и хорошо знает, что ничего не знает, но, не зная ничего *этакого*, он все-таки знает… а что же?.. э-э… как раз ***иное***, как раз *неизвестное иное*, но зато при этом и *иное неизвестное*, как раз то самое, что в силу своего творческого контакта с софиасофским гуманитарием *не то что становящееся ему известным, но уже не остающееся для него всего лишь terra incognita*.

Наивная, конечно, вполне и глупая, тут диалектика, но зато какую же силу животворную она придает стяжавшему ее землянину — силу не обывателя и не мечтателя, не проектанта и даже не самоупоенного творца, а силу *идущего* и *входящего* — куда же? — как раз в *Иное*, однако уже не более чем *как бы* неизвестное и при этом, уже и *не как бы* известное, то бишь — *свое* — СВОЕ!

Да-а, гуманитарный иной, вольно или невольно становящийся иным гуманитарием среди тьмы самодовольных гуманитариев, что не позволяет ему, ставящемуся в момент ощущения и обретения Иного, точнее бы сказать, прикосновения и приобщения к Иному, уже быть не собственно гуманитарием, а заставляет быть-небыть попросту *Иным* — ИНЫМ!, что ни хорошо и ни плохо, а что всего лишь… как бы это сказать… не слишком забавно что ли — как по причине вдруг иначе осознаваемой им той же гуманитарной-де реальности-ирреальности, вовсе на деле не такой, какой обыкновенно кажется (старается казаться!), не говоря уж о самих гуманитариях, тоже ведь старателей от кажимости, так и вследствие непременно приходящего к гуманитарному иному и его старательно обволакивающего вольно-принудительного *отшельничества*, может, по-своему и себялюбивого и гордого — да что толку… впрочем… толк тут кое-какой есть, конечно, не явный, не тутошний, не бросающийся в глаза, примерно такой же, как и толк от никому толком не известной и старательно обходимой гуманитариями-старателями исходной, глубинной, коренной, «навской» России — как раз *России как России*, той самой России, которая — *сама отшельница* — держит на гуманитарном, немало и псевдогуманитарном плаву своего избранника — ***гуманитарного иного***, да мало что держит, но и воспринимает, допуская малое от него смысло-излучение в свое большое, безбрежное, бесконечное, не то что не давая покоя отрицателям и незамечателям России как России, но и… что скрывать!.. погубляя раз за разом своих несчастных по гамбургскому счету погубителей, и вовсе не потому,

что Россия сия так уж зла и мстительна, нет, всего лишь потому, что причастна она *Иному миру*, который и впрямь ничего и никому не прощает, будучи причастным и впрямь беспощадной *Великой Неизвестности*: и хотя *как бы нет* в *этом мире* России как России, а она, вовсе и *не как бы*, все-таки *есть*, разумеется, как нечто-ничто *иномирное*, им — ***иным миром*** — и хранимая, да не просто она есть, а и покоя не дает не одним лишь гуманитариям-легионерам и даже не одной лишь самозванно и самозабвенно прикрывающей ее той или иной текущей псевдо-России, а, увы, и всему *этому миру*, что нынче в мировой практике как раз вполне отчетливо и происходит, да так, что мало уже кому на грешной Земле и кажется!

Итак, ***гуманитарный иной*** в России, он же и попросту ***Иной***, сходящийся во вполне себе страдном и даже страдательном единении с *сакральным Иным*, а вместе с этим и с *сакральной Россией*, как, собственно, и наоборот: сходящийся сначала с *сакральной Россией*, а затем и с *сакральным Иным* — это уж как у кого (у кого, правда?) получается.

Поначалу безусловный гуманитарий, по-европейски (следственно, и по-масонски) образованный, вполне и международного пошиба профессионал, не без проблем, но находящий общий язык с такими же, как и он, заграничными гуманитариями (тоже по-европейски и по-масонски образованными), участвующий в международных контактах, форумах, изданиях, достигающий даже международной известности, правда, обыкновенно почему-то не в очень-то руссо-российском себя как гуманитарии исполнении, ибо там, за границей, сие исполнение почему-то не очень приветствуется и нарочито не замечается… пфу-у!.. зачем им *там* что-то *этакое* — из руссо-российского, даже не из экзотического, а так… из архаического и как бы небытийного, да и что, собственно, российские по принадлежности к стране-России гуманитарии, кроме редких единиц, могут выказать такого уж руссо-российского, да еще и за рубежом, в настоящем-де интеллект-сообществе — неуместно, невежливо, да и стыдно как-то?! Да что за рубежом, сие отчебучить и в своей-то стране неудобно, глупо и никому не впрок, впрочем, слава богу, и отчебучить-то бывает *нечего* и *некому*!

Судьба

Ежели подпевалой в общем с «умной заграницей» псевдогуманитарном хоре, то ни о какой-такой особой судьбе и заикаться не надобно,

а ежели о собственном вдруг пении, да еще и не по выверенной международной партитуре, а по вольному зову России как России, вдруг зазевавшимся словно Иван-дурак гуманитарием внезапно почуемом и им… *принятом*!, то, да-а, тут уж и впрямь судьба, она же и судьбина, да мало что сойтись с незамечаемой, непонимаемой и невоспринимаемой сакральной *Россией как Россией*, так еще и с еще более незамечаемым, непонимаемым и невоспринимаемым *сакральным Иным*, да что сойтись, и самому стать, уже и пост- (или за-) гуманитарным (уже не в обычном понимании из расхожей гуманитарщины), *иным* — ИНЫМ!, не подлежа за это сколько-нибудь значимому официозному и в особенности «коллежскому» признанию, хоть и быть при этом трижды, пятижды, бесконечно «ижды» правым… ну и что, подумаешь, можно оказаться… нет, не правым вовсе, а попросту неединожды… э-э… отвергнутым (если не проклятым), ибо не в стае же, не в куче, не в толпе, а правы-то бывают всегда стая, куча, толпа, что и полезно любому начинающему гуманитарию зарубливать на своем еще не шибко ученом, но уже задранным вверх самодовольном носу, что он вольно или невольно по обыкновению и делает.

До каких же пор *так* будет?

А кто ж *это* знает, кроме… сами знаете, господа-товарищи, кто же *этакое* на самом деле знает… нет, не Время вовсе, которое будто бы эмерджентно возьмется и поставит вдруг все на место, нет, это сделает… Вечность… и сделает все как надо… как раз в Конце Времен, уже вовсе не деликатно постукивающем в ворота́ Времени, а вполне себе нахраписто в них бьющем, а сроки, что сроки? — они *в срок* и подтянутся!

После-вестие

Как ни прокручивай в своей утлой голове вожделенный Запад, как ни поругивай выспренную Европу, однако цивилизации тамошней не откажешь в довольно-таки терпимом, если не в уважительном, пусть и не без исключений, отношении к своим из ряда вон выбивающимся гуманитариям, не исключая и всамделешных Иных, разумеется, не шибко, быть может, нося их на руках, но и не подвергая непременному огульному игнорированию, бездо́водному отвержению и нарочитому забвению. Что есть, то есть!

А у нас на благословенной родине всё как-то… нет, конечно, не совсем уж наоборот, но и… совсем как-то не так: и ежели не в отчуждении, гоне и забвении своих Иных, то уж не в искреннем их признании

как уникальных творцов и не в убедительном уважении их как достойных сынов нации… нет, да и вовсе не в публичном почёте тут дело, чего истинному гуманитарию и не надо, а всего лишь в… учёте, да-да, в самом что ни на есть обыкновенном учёте — по жизни, хозяйству, творению, ну и по правлению тоже, всего ими — гуманитарными Иными — выстраданного, ан-нет, у нас как-то всё не так да не так. Какого-нибудь западного Иного, да и восточного тоже, обязательно заметим, признаем и возвысим, ещё и признательно перед ним склонимся, а вот своему… э-э… он же свой, так зачем же его ни с того, ни с сего признавать да ещё и ему кланяться, какому-то там самозванному гуманитарному Иному, да ещё и впрямь по сути российскому, да ещё и сингулярному по своей гуманитарной исторической значимости — этого ещё не хватало в мириадном стане самодовольных знатоков всего воистину де ценного — что западного, что восточного?!

Так вот и живём, с нескрываемом влечением озираясь по чужим сторонам и нежно любя сии очаровывающие с ходу и по ходу стороны, совсем не взирая на свою собственную замшелую-де сторонку, не любя её вовсе, а то и презирая — из века в век!

Что ж, может, тут и в самом деле судьба, некий предположенный неизлечимый рок, как и сама сакральная правда, может, и впрямь так и надо — почему нет, коли уж из века в век? Да вот как-то страдно-страдательно всё получается, жертвенно, кровянисто и мертвенно, да ладно бы по личному судьбинному треку гуманитарных Иных, а то ведь и всей страны тоже, отчего не хватит ли всё-таки обольщаться иными сторонами, не пора ли, братья, к своей сторонке оборотиться, в нашем случае, разумеется, ино-гуманитарной?!

2023 г.

Пост-СЛАВИЕ

Почему же *славие*?

А почему нет? Книга добротно сделана, она в публичном доступе, хоть и не на полном свету, она заметна и замечена, а кем-то, пусть и случайно, и даже нехотя, но просмотрена, кое-кем и со вниманием прочитана, а уж единицами, как уже давно повелось, немало и обдумана, а вот весьма другими единицами, как уже не сегодня и не вдруг повелось, не без раздражения отвергнута, как и не без облегчения забыта… *стоп*!..

книга уже не просто *есть*, а что как раз особенно невыносимо для её противников — уже вошла своими текстами в *текст России*, в её ноосферу, а её эгрегор, и ни в какое дальнее небытие уже деться не может, мало того, она… *работает*, меняя само текущее *Время*, нравится это кому-то или не нравится, поскольку она не сочинена аки детектив или скопусная статеечка, а *записана*… э-э… с участием самого Времени, нет, не под его диктовку, однако с его перед автором *доверительным раскрытием*, а то и *разверзием*.

Даже беглого взгляда на текст книги достаточно, чтобы убедиться в справедливости её нетривиального концептуально-творческого, даже и делового, взаимодействия со Временем, как и в несправедливости отношения к её текстам подавляющего большинства образованных по западным в общем-то лекалам отечественных, а лучше бы лишь сказать сострановых, современников, точнее — совреме́нщиков, а ещё точнее — современщико́в, не то что не желающих видеть России в России, а как раз видящих в России по преимуществу не Россию как Россию, а либо как сущее безобразие, либо как всё ещё не выращенную до конца прозападную неРоссию с антиРоссией в её сердцевине, причём более всего даже не по убеждению, не нарочно, не со зла, хотя всего этого тоже хватает, а по ходово́й привычке хаять всё или почти всё наличествующее и даже не наличествующее в родных-неродных окоёмах, ну и по обыкновенному обывательского пошиба относительно России верхоглядству (чуть было не написал в сем последнем словечке букву «б» вместо буквы «г», да вовремя спохватился — нехорошо-с!).

Россия, конечно, не Монте-Карло, хотя и Монте-Карло, заметим, не Россия, а разница меж ними, кроме того, что Россия гигант, а Монте-Карло, даже не карлик, а так… невнятное поместье на берегу тёплого моря, дача, — да всего лишь в одном эта разница: там, в Монте-Карло, благополучие и… нежизнь, а здесь, в России, всё наоборот — широкое и несгоняемое неблагополучие, но зато и жизнь, да ещё *какая*! — непонятная, терпкая, злая, пожалуй, что и адовская, но не из-за скуки, аки в Монте-Карло, а из-за нескончаемой, — уж, извини, читатель, за словечко — *докуки*, что означает, что ни покоя тебе, ни уважения, ни любви, ни даже надежды на покой, уважение и любовь… э-э… не то что в Монте-Карло, где всё как надо, где сами ночи томно напролёт нежны, хоть и без живой жизни, а у нас, в России, где ночи тягуче и вязко жёстки, как и сама наша живая жизнь, тягучая и вязкая, отчего из Монте-Карло

не бегут, туда, наоборот, стремятся, где и погостно замирают, наслаждаясь приятной во всех отношениях нежизнью, а вот из России бегут, спасаясь от докучливой жизни, желательно с нажитым, а то и попросту награбленным, в недоброй стране монетарным добром, оставляя «злую мачеху» Россию на поруки и попечение ей коренным «неудачникам».

Непросто всё с Россией, ой как непросто! Да и с Монте-Карло, знаете ли, не так уж всё просто, как и с Европой, со всем Западом, с самими США.

В России сейчас в силе, как и давно уже в том же Монте-Карло, ложь, обман, мошенство, пошлость, мимикрия, в общем — нелюдство с антимиром, однако ещё и война — уже настоящая, войсковая, войновская, да война сия не где-нибудь, а на Украине, хоть и не с Украиной вовсе, а с Западом, как бы и с Монте-Карло, где, в Монте-Карло, ничего антироссийского вроде бы нет, как будто бы нет и никакого евроамериканского нацизма, зато есть КАЗИНО, в котором ставкой служат не так слетающиеся со всего мира many, как сам ничего такого ставочного на себя не подозревающий человек, тоже со всего света слетающийся — незаметно таки служащий ставкой в *Великой античеловеческой игре*.

Вот и Россия теперь казино, правда, скорее, не Россия как таковая, а засевшая в ней прозападная антиРоссия: алчная, наглая, агрессивная, так ещё и дьявольски везучая!

Так укрепит ли сие антироссийское в России КАЗИНО разверзшаяся «украинская» война или, наоборот, изничтожит, разумеется, не сама по себе эта война, а возможное от неё жгучее (и сожигающее!) наследие?

Кто ж знает сие наверняка, кроме, конечно, бодрых и блудливых media-барабанщиков, обо всём верно глаголящих, ничего верного по сути и не глаголя, — кто в самом деле знает, что станется с этой войной, с её наследием, с антироссийским в России казино, с самой Россией, её устройством, её правлением, её народом? В общем-то никто, кроме, разве, Господа Бога, может, что не исключено, и самого господина хорошего диявола, а ведь интересно, очень интересно, да не академически, а жизненно интересно: как-никак, а есть они — преданные России россияне, им-то прежде всего и интересно, сбудутся ли наконец-то их нетривиальные экзистенциальные ожидания, станет ли Россия собственно Россией, а ведь шанс на это кое-какой есть — *великий исторический шанс*?

Такие войны, как нынешняя «украинская» война России с Западом, в которой на поле боя сошлись с обеих сторон по преимуществу как раз русские: российские, так сказать, русские, с другими русскими —

украинскими, пусть по старинке «руськими». Такая война не возникает по чьему-то субъективному желанию, хотя таких желаний хоть отбавляй, она даже не вызывается только обстоятельствами, тем же «ходом вещей», хотя и это есть, такая война приходит в конечном итоге *сама* — как *трансцендентная неизбежность*, а вся её выкатившаяся вперёд и на глазах агентура — не более чем исполнительница накатившей на бытие или им же выпестованной войновской неизбежности, что вовсе не служит экзистенциальным оправданием войны, а всего лишь споспешествует пониманию войны, её возникновения, характера и даже хода — как явления не только суетной обыденности, но и трансцендентной сокровенности, как следствия и фактора Иного!

Момент ныне круто переломный, что сейчас понятно уже всем — мир земный с треском, писком, воем и грохотом меняется, дробясь на новые или сообразуясь в новые, что едино, зе́мные миры. Сие было нами предвидено ещё в нулевые годы — годы безусловного ещё доминирования на планете Запада и триумфального верховенства на Земле самоуверенных и самовлюблённых США.

А вот что сказать прогностического сейчас, когда тектонические перемены в мире пошли если ещё не полным, то уж явно ускоряющимся ходом, а Россия, аки «окаянная держава», оказалась в са́мом центре — чуть ли не как всемировский сингуляр, — *всезе́много взрывного перестроения*?

Интересно, не правда ли?!

«Тока-тока» сдавшаяся Западу постдержава по имени Российская Федерация с глубочайшим и многократнейшим, воистину апокалиптико-экзистенциальным кризисом внутри себя, вдруг мало того что поднимается на глазах изумлённого Запада, причём не без его на то высокомерного согласия и даже не без его почти лендлизовской поддержки (в уверенности Запада в российской относительно него вассальности и в потребном ему российском антикитайстве), так она, эта самая, вроде бы поверженная и чуть ли не падшая к ногам проамериканского Запада «региональная квази держава» по имени Российская Федерация, вдруг поднимает свою замутнённую прозападной реформой и замусоренную западным антимиром голову и заявляет не только о своём великодержавном достоинстве, но и о праве… что уж совсем для Запада недопустимо… на равное взаимодействие с ещё дорогим ей Западом, а потом, по прошествии некоторого времени, убедившись в неизменности относительно себя господской позиции США и вассально верного им Запада,

более того, поиспытав на себе превентивно-экзекутивные, вполне и войновские (гибридно-войновские), от «партнёрского» Запада тумаки и, побывав от них в стеснительной обороне, вдруг перешла в наступление — сначала «контр», а потом и не «контр», вступив в борьбу с уже откровенно агрессивно действовавшим против неё («анакондовский фактор»)Западом, что и стало реальным войско-войновским делом на полях антироссийски настроенной и нацистски прошпигованной Украины, а по всему западному миру — гибридно-войновским репрессивным относительно России «мерзоприятием».

Разверзлось!

Да, Россия сейчас в войне за саму себя, за русский мир, за русских, за россиян, но и за нероссиян тоже, за весь незападный мир!

Случилось-таки!

И не могло не случиться!

Война на Украине и в немалой степени с Украиной, разумеется, с некой её частью, не просто антироссийской, а и немало антирусской, той её частью, которая не просто оказалась на стороне Запада, но которая воюет с Россией и пророссийской частью Украины в интересах Запада, за Западную Европу, за англосаксов, за германцев, но и это не всё — будучи славянской, она воюет против славян же в пользу или за их — славян — заклятых вековечных врагов!

Можно, конечно, не обращать внимания на всё это славяно-неславянское противоборство, но Бытие-История, которое всё знает и помнит, не щадит никого, отдавая каждому по его заслугам, не преминув при этом не пройти мимо *эпохальных предательств* — что горбачёво-ельцинского, что теперь вот, говоря условно, украинского.

Как бы ни проходила сия война и чем бы она ни закончилась, она имеет непреходящее рубежное значение не только для судеб Украины и России, но и для судьбы всего планетарного мира, ибо это война за какое-то уже *иное* бытие зе́много мира, *иное* его устройство и *иное* состояние, а потому она — ключ к *иному на Земле миру*, хотя, быть может, не только к иному миру, но и *безмирию* тоже — очень уж всё тут круто заверчено, ибо сошлись в войне не просто страны и державы, а *миры*, один из которых споро разлагается и уже корчится в предсмертных судорогах от самого же себя, а другой имеет шанс подняться над собой и даже надо всем миром, однако оба обладают смертельными для всего зе́много мира войновскими возможностями, если дело дойдёт до их — этих держав — прямого и тотального боевого столкновения, отчего и вероятность

не чего-нибудь, а Конца Света, пусть лишь этого Света, но всё-таки какого-то *конца*!

Тревожно, очень тревожно, да не только от подступившего к зе́мному миру уже и вовсе не вдруг, Армагеддона: мир человеческий и сам от себя уходит, вытравливая из себя гуманность, социальность, культурность, народность, осознанность и сознательность, ум, душу, сердце, в общем — всё человеческое, с такими трудами, затратами и жертвами выработанное самим человеком для самого же себя.

Теперь *расчеловечивание*, переход к *пост*человечеству, даже и к *пост*бытию!

Человечество никогда не было воистину по-человечески благоустроено, исключая, быть может, времена экзистенциального единения человека с природой и общебытного согласия человека с самим собой, пусть это было и в отдельных локалиях и на какие-то предельные сроки, а теперь, когда молох науки и техники выедает человека в человеке, превращая его в нечеловеческое существо, у человечества нет иного шанса, кроме исчезновения в бездне Космоса, разумеется, не в образе нового Бога, а лишь в виде новой космической пыли.

Так что всё очень серьёзно, хоть при этом и горько-смешно, в нынешнем человечестве, отходящем окончательно от Меры и входящем в неопределённо хаотическое состояние. Однако это пока всего лишь апокалиптико-эсхатологический фон, человечество на Земле ещё есть и, как видим, у него ещё есть время, чтобы окончательно сойти с ума, причём время очень короткое, ибо процесс уже вовсю идёт, пусть не с Века Просвещения, то уж с рубежа XXI — XX веков — точно!

Проявлений сего апогейного сумасшествия ныне предостаточно, их и не надо перечислять, хотя вполне уместно для сей книги кое-что всё-таки отметить, а именно: а) сумасшествие то ли СССР как целого, то ли всего лишь кого-то в СССР — той же КПСС с её воистину сбрендившим послесталинским руководством, а главное — сумасшедший развал страны, её сумасшественное разорение и столь же сумасшественный перескок прямо в пасть атлантическому (вовсе не атлантовому, заметим ещё раз) чудо-юдо-чудищу; б) последовавшее за сим казусно-историческим происшествием эйфорическое сумасшествие самого атлантического чудо-юдо-чудища вкупе с его вассальными союзничками — не хуже, знаете ли, СССР-овского, а, пожалуй что, и получше, ибо в СССР всё шло как бы от *худа к добру*, хоть и закончилось новым худом, а в Западе во главе с США всё идёт от *добра к худу*, а вот добром уже сей

поход вряд ли закончится; в) сумасшествие стран-карликов, захотевших вдруг стать гигантами: прибалтов, Польши, Чехии, Румынии, Болгарии, а главное, конечно же — Украины, точнее, не так Украины, как некой Укронии, питаемой давним и давно в общем-то сшедшим с ума так называемым «украинством» (явлением по-своему не простым, какими вообще бывают если не совсем умалишённые, то психически ненормальные: заносчивые, упрямые, претенциозные, въедливые, злые, жестокие, гадкие ну и, само собой, неуравновешенные и изменнические).

Зачем мы об этом? Во-первых, поскольку всё это не что иное, как клинические факты; во-вторых, здесь главный источник опасности для человека вообще и человечества вообще; в-третьих, не приняв этого во внимание, ничего не то что не понять в ныне происходящем, но и не осознать сути и степени апокалиптического заболевания, как и не применить необходимых к случаю методов скоропалительного лечения… э-э… чуть было не сказал хирургического… нет, конечно, не так хирургического, как, пардон, психиатрического.

Заметим, читатель-нечитатель, что мы не смогли при всей нашей любви к человеку и всём нашем признавании человечества человечеством, обойтись без обращения к парадигме психопатии, правда, психопатии особого рода — *миро-экзистенциальной*, перекликающейся с диагностикой апокалиптической лечебницы Иоанна Богослова.

Итак: США с покорным им Западом, впав в экзистенциальный маразм, идут, самоликвидируясь, в Небытие; Украина, ведомая взбесившейся Укронией, идёт в Никуда; а вот Россия, — что Россия? — она, как сейчас Украина, побывав на пути в Никуда в 1990-е, хоть и стремилась вроде бы на Запад (не Россия, конечно, как таковая, а её на тот момент захватчики-легионеры, увы!, — как и смущённые ими тьмы населенцев), почему-то вдруг стала отпрядывать от сего «вникудашнего» пути, хоть и продолжала (Sic!) вестернизироваться, всё ещё надеясь, как и ныне Украина, найти там — на Западе — достойное себе место, да вот не вышло сие, а потому, внутренне вестернизировавшись, как выяснилось, всё-таки не до конца, не до всех глубин, принялась искать из «вникудашней» ситуации какого-то иного в будущее выхода, что и привело в итоге (вполне и неизбежно) к сакрально-экзистенциальному (вполне и апокалиптического сюжета) конфликту как России с Западом, так и ещё в большей мере Запада с Россией, вдруг ставшей, будучи изрядно вестернизированной, хоть и не до конца и не до глубин… э-э… антизападной по версии самого Запада страной, да что страной — опаснейшим-де для Запада

геостратегическим противником, как раз из-за своей чудом и не чудом сохранившейся российскости (читай, и русскости), — волхвы, видать, хоть и прокляли неРусь, насевшую на Русь, да вот Руси насовсем не оставили!

Не то Украина: «укры» — не волхвы! И вляпалась Украина, точнее же — Укрония, в Запад капитально, — и пришлось ей, обильно украинизируясь и вестернизируясь, а точнее, укронизируясь и нацинизируясь, пойти не то что на вассальную зависимость от Запада (читай, США), на что как раз не пошла всё-таки Россия, а на полное услужение Западу, надеясь на исполнение неодновековой украинско-укроинской мечты — стать истинной-де Украиной, вполне уже законченной Укронией, да вот не сошлось, — русскость на Украине, пусть и немало местами и украинизированная, оказалась гораздо строптивее, чем представлялось укронизаторам Украины, а потому исполнение проекта тотальной Укронии с поддержкой Запада столкнулось, пусть и не с тотальным, но сопротивлением на Украине со стороны корневой русскости, не могшего не быть поддержанной соседней, но родной и великой русскостью (и российскостью тоже) в лице уже уходившей от западной гегемонии пусть ещё и не новой, но уже какой-то другой, России, даже ещё внутренне и весьма вестернизированной, однако, к счастью для одних и несчастью для других, не до конца и не на всю глубину.

А дальше уже пошла откровенная *Большая геостратегическая игра*: между США с их западными вассальными союзниками, с одной стороны, и уходившей от подобной замечательной доли пореформенной, а в чём-то уже и постреформенной, Россией, с другой стороны, как раз та самая игра, в которой главной (при этом наивной и глупой) разменной монетой оказалась нынешняя Украина, ставшая с наследной неизбежностью *нацистской* — как раз *про*-западной, ибо нацизм для Запада не исключение, а *норма*, пусть и с временны́ми и локальными вариациями.

Отсюда и неизбежная сначала война (которая как раз оказалась «гибридной») Запада с Россией, а затем как раз и приплюсовання к гибридной войне вполне себе войновская война — прямо на Украине, причём вроде бы, на первый взгляд, между Россией и Украиной (нацистской Укронией), а на самом-то деле между Западом и Россией, как и России с Западом, но это не всё — война россо-человеческого, пусть ещё пока и весьма вестернизированного, мира с *вестерно-нечеловеческим антимиром*, пусть ещё внешне и как будто бы гуманным.

Война, следственно, не простая, а многоплановая, многосмысловая и полисингулярная, пожалуй что, и не бывшая ранее в зе́мной истории: вроде бы локальный конфликт двух де «родственничков», а на самом-то деле вполне себе межмировый, да не конфликт вовсе, а… э-э… межмировая на смерть схватка, если и не совсем на «кто кого» — до смерти или хотя бы до полусмерти, то уж на то, «кому и кем быть (или не быть вовсе!)» — не сла́бо, правда?!

Да, России, её режиму, её правлению, его лидеру, нужна *победа*, как она нужна и Украине, её режиму, её… э-э… главарям, Западу же нужна не так победа Украины, как *поражение* России, впрочем победа России его тоже в некотором роде устроит, ибо даст шанс ещё более объединить Запад с его «демократиями» под рукой США и отмобилизовать его на борьбу с Россией, куда более последовательную, жёсткую и беспощадную, чем сегодня, хоть это всё и проблематично.

Исход войны вроде бы предрешён — в угоду, хотя и не факт, что в пользу России, однако не факт, что победа таки непременно произойдёт по российскому сценарию, а ежели и произойдёт, то не факт, что не Пиррова. Игнорировать сей вероятностный расклад глупо и даже преступно!

Всё тут очень не просто для России, даже в случае её военной победы: дальнейшей украинизации Украины черед посредство нацистской Укронии или попросту «укров» просто так не остановить, хотя и можно на некоторое время приостановить; не факт, что и раздел Украины на Новороссию и Укронию станет окончательным решением каверзного вопроса.

Тут, видно, игра вдолгую, да не так с Украиной (Укронией), как с Западом. Отсюда только один выходной вариант, о котором нами уже давно сказано и, естественно, сказано в тексте данной книги, даже в её предисловии: *немедленное перестроение России с движением её к самой себе, что невозможно уже сделать не то что без мобилизации (воли, мозгов, ресурсов, мощностей), но и без, увы, конструктивной диктатуры и волевого страной, её социумом, её хозяйством, её экономикой, даже и её культурой, управления (разностороннего неодирижизма)*!

Явным препятствие к этому служит сейчас практически всё: строй, правление, элиты, фигуры, олигархизм, антимир с его бешеной антикультурой, одиозные секторальные реформы, избыточное и разлагающее души потребительство, поведенческая антигражданственность, внутренняя антиРоссия, информационно-дезинформационный хаос, да мало ли ещё что из унаследованного от позднего СССР, насаждённого или просто

допущенного за последние тридцать лет, как и уже самого по себе возникшего, выросшего, сложившегося, отчего потребны *перемены, перемены и перемены*, в общем — ПЕРЕМЕНА!, как раз по волновому алгоритму очередного выворачивания реальности — теперь уже *выворачивания вывернутого*!

Мир земный в полифуркации, Россия тоже, однако Россия не может себе позволить неуправления внутри себя полифуркационными процессами, наоборот, управление теперь ими и только управление: целевое, целостное, стратегическое, жёсткое, естественно, с целью выживания, обретения себя и доступного благоденствия страны, социума, нации!

При любом исходе украинского вопроса России придётся капитально *перестраиваться*: не станут сего делать *эти*, будут сие делать *другие*, даже, пожалуй что, и *иные*, а в случае неделания ныне сего историо-экзистенциально необходимого никакой России просто не будет (не одной только Украины), да и многого чего и кого не будет!

Ясно, наверное, почему у нас не послесловие, а пост-СЛАВИЕ. А всё потому, что у текстов, представленных в книге, нет, кажется, оснований не славить себя как доказавших свои реалистичность и прогностичность, более того, как текстов в самих в себе и для себя вполне себе *экзистенциальных*, бытующих не просто во времени, а и в единстве со Временем, с ним вполне деловито-конструктивном взаимодействии, в общем, текстов здравых, здравомыслящих и здравогенных, вполне себе здо́ровских и во времени *здравствующих*, — вот оттого-то и СЛАВИЕ, однако не только за это — тексты, худо-бедно, работают на оздоровление и выздоровление России, на её дальнейшее *здравствование* — как именно, отметим особо, РОССИИ!

Что же касается «пост» перед СЛАВИЕМ, то это не более чем указание на былое по срокам вершение текстов, на их известную уже *историчность*, однако при этом, не преминем заметить, вполне себе и *актуальную*! Не мёртвые это тексты, а вполне себе живые, работающие, творящие, да и не тексты это вовсе, а… *персоны*, точнее — *волхвы*, бытующие среди нас, ради нас, ну и ради себя тоже!

Бывает!

ИЗ БЕЛЛЕТРО-ФИЛОСОФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ

«Иное». М.: Экономист, 2006 5
Другие русские 5
Про Европу и Россию 11
Париж — Москва 12
На подступах к России: двенадцать нечаянных сближений 14

«Обретение». М.: ТЕИС, 2011 36

«Requiem (Реквием)». М.: ТЕИС, 2014, 2-е изд 68
Ностальгия 68
Кончина 71
Реформа 77
Смута 80
Знамение 83
Эфир 86

«Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник».
М.: ТЕИС, 2016 92
Гл. 1. Россия как Россия 92
§1. Ничто-Нечто-Ничто 92
§2. Империум как Россия 95
§3. Российская апокалиптика 97
Гл. 2. Россия как событие 99
§1. Метаистория России 99
§2. Выворачивание вывернутого 102
§3. Россия в мире и мир в России 105

«Софиасофские тетради. (Не)Учёные записки» М.: ТЕИС, 2017 108

«Отшельник, или вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином». М., Тамбов: Изд-во ТГУ, 2021 114
Россия 114
Русский 121
Святая русскость 128

«Обнажение» (исповедь учёного странника). Сказание вперемежку со сказкой». М., Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022 135
Рось 135
Россия на пути к России 138
Россия во внешнем пространстве 141

Странник. «ОБРЕЧЕНИЕ, или Новый Екклесиаст (монолог с самим собой и для себя). Время и Вечность (сквозь онтологическую призму немотно ревущего августа 2022 г.). М., 2023 144
Пред-лог 144
По-лог 147
После-лог 217
Post Scriptum 218

«Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны». М., Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023 219

«Софиасофия хозяйства как инознание и инонезнание (материал к размышлению)». М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Лаборатория философии хозяйства, 2023 234

«ИНОЙ, или Судьба гуманитария в России (XX—XXI)».
М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, Лаборатория философии хозяйства, 2023 252
Пред-вестие 252
ВЕСТИЕ. Россия 255
Российская гуманитарщина 258
Выход, он же и вход, в Иное 260
СССР 262
Российская Федерация 273
Гуманитарность 279
Сатанизм 281
Война 284
Будущее (Не)Будущее 287
Великая Россия 290
Новая (Не)гуманитарность 290
Иной 292
Судьба 294
После-вестие 295

Пост-СЛАВИЕ 296

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: ИЗ ВЕКА ДВАДЦАТОГО В ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ 1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 03

Редакторы:
Е. С. Зотова, Н. П. Недзвецкая (отв. ред.),
Т. С. Сухина, Т. Г. Трубицына

Художники:
Е. Ю. Осипова, К. Г. Поляков

Макет: **К. Ю. Беневская**

ISBN 978-5-00078-833-2

9 785000 788332 >

Подписано в печать 12.04.2024 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 17,90. Тираж 100 экз. Заказ 24110.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г